Сочиненія
Ѳ. М. Достоевскаго.

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008796 5

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

Ѳ. М. Достоевскій

Собраніе сочиненій

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ *автора.*

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И Введенскаго;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Домина* и *Ю. И. Айхенвальда;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова,*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго

въ его Старорусскомъ домѣ.

Полное собраніе сочиненій

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

Съ многочисленными приложеніями

Томъ восьмой

Преступленіе и наказаніе

Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ

Части I-III

С.-Петербургъ.
Типо литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

LIBRARY
DEC 8 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3325
A1
1911
t. 8

1028797

Преступленіе и наказаніе.

Часть первая.

I.

Въ началѣ іюля, въ чрезвычайно жаркое время, подъ вечеръ, одинъ молодой человѣкъ вышелъ изъ своей каморки, которую нанималъ отъ жильцовъ въ С—мъ переулкѣ, на улицу и медленно, какъ бы въ нерѣшимости, отправился къ К—ну мосту.

Онъ благополучно избѣгнулъ встрѣчи съ своею хозяйкой на лѣстницѣ. Каморка его приходилась подъ самою кровлей высокаго пятиэтажнаго дома и походила болѣе на шкафъ, чѣмъ на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой онъ нанималъ эту каморку съ обѣдомъ и прислугой, помѣщалась одною лѣстницей ниже, въ отдѣльной квартирѣ, и каждый разъ, при выходѣ на улицу, ему непремѣнно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лѣстницу. И каждый разъ молодой человѣкъ, проходя мимо, чувствовалъ какое-то болѣзненное и трусливое ощущеніе, котораго стыдился и отъ котораго морщился. Онъ былъ долженъ кругомъ хозяйкѣ и боялся съ нею встрѣтиться.

Не то чтобъ онъ былъ такъ трусливъ и забитъ, совсѣмъ даже напротивъ; но съ нѣкотораго вре-

мени онъ былъ въ раздражительномъ и напряженномъ состояніи, похожемъ на ипохондрію. Онъ до того углубился въ себя и уединился отъ всѣхъ, что боялся даже всякой встрѣчи, не только встрѣчи съ хозяйкой. Онъ былъ задавленъ бѣдностью; но даже стѣсненное положеніе перестало въ послѣднее время тяготить его. Насущными дѣлами своими онъ совсѣмъ пересталъ и не хотѣлъ заниматься. Никакой хозяйки въ сущности онъ не боялся, что бы та ни замышляла противъ него. Но останавливаться на лѣстницѣ, слушать всякій вздоръ про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, всѣ эти приставанія о платежѣ, угрозы, жалобы, и при этомъ самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нѣтъ ужъ лучше проскользнуть какъ-нибудь кошкой по лѣстницѣ и улизнуть, чтобы никто не видалъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ страхъ встрѣчи съ своею кредиторшей даже его самого поразилъ по выходѣ на улицу.

«На какое дѣло хочу покуситься и въ то же время какихъ пустяковъ боюсь!» подумалъ онъ съ странною улыбкой. «Гм . . . да . . . все въ рукахъ человѣка, и все-то онъ мимо носу проноситъ, единственно отъ одной трусости . . . это ужъ аксіома . . . Любопытно, чего люди больше всего боятся? Новаго шага, новаго собственнаго слова они всего больше боятся . . . А впрочемъ, я слишкомъ много болтаю. Оттого и ничего не дѣлаю, что болтаю. Пожалуй, впрочемъ, и такъ: оттого болтаю, что ничего не дѣлаю. Это я въ этотъ послѣдній мѣсяцъ выучился болтать, лежа по цѣлымъ суткамъ въ углу и думая . . . о Царѣ Горохѣ. Ну, зачѣмъ я теперь иду? Развѣ я способенъ на *это?* Развѣ *это*

серьезно? Совсѣмъ не серьезно. Такъ ради фантазіи, самъ себя тѣшу; игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!»

На улицѣ жара стояла страшная, къ тому же духота, толкотня, всюду известка, лѣса, кирпичъ, пыль и та особенная лѣтняя вонь, столь извѣстная каждому петербуржцу, не имѣющему возможности нанять дачу, — все это разомъ непріятно потрясло и безъ того уже разстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь изъ распивочныхъ, которыхъ въ этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшіеся, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колоритъ картины. Чувство глубочайшаго омерзѣнія мелькнуло на мигъ въ тонкихъ чертахъ молодого человѣка. Кстати, онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, съ прекрасными темными глазами, темнорусъ, ростомъ выше средняго, тонокъ и строенъ. Но скоро онъ впалъ какъ бы въ глубокую задумчивость, даже, вѣрнѣе сказать, какъ бы въ какое-то забытье, и пошелъ, уже не замѣчая окружающаго, да и не желая его замѣчать. Изрѣдка только бормоталъ онъ что-то про себя, отъ своей привычки къ монологамъ, въ которой онъ сейчасъ самъ себѣ признался. Въ эту же минуту онъ и самъ сознавалъ, что мысли его порою мѣшаются, и что онъ очень слабъ: второй день, какъ ужъ онъ почти совсѣмъ ничего не ѣлъ.

Онъ былъ до того худо одѣтъ, что иной, даже и привычный человѣкъ, посовѣстился бы днемъ выходить въ такихъ лохмотьяхъ на улицу. Впрочемъ, кварталъ былъ таковъ, что костюмомъ здѣсь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сѣнной, обиліе извѣстныхъ заведеній и, по преимуще-

ству, цеховое и ремесленное населеніе, скученное въ этихъ серединныхъ петербургскихъ улицахъ и переулкахъ, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрѣчѣ съ иною фигурой. Но столько злобнаго презрѣнія уже накопилось въ душѣ молодого человѣка, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, онъ менѣе всего совѣстился своихъ лохмотьевъ на улицѣ. Другое дѣло при встрѣчѣ съ иными знакомыми или съ прежними товарищами, съ которыми вообще онъ не любилъ встрѣчаться . . . А между тѣмъ, когда пьяный, котораго неизвѣстно почему и куда провозили въ это время по улицѣ въ огромной пустой телѣгѣ, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнулъ ему вдругъ, проѣзжая: «Эй ты, нѣмецкій шляпникъ!» и заоралъ во все горло, указывая на него рукой, — молодой человѣкъ вдругъ остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсѣмъ рыжая, вся въ дырахъ и пятнахъ, безъ полей, и самымъ безобразнѣйшимъ угломъ заломившаяся на сторону. Но не стыдъ, а совсѣмъ другое чувство, похожее даже на испугъ, охватило его.

— Я такъ и зналъ! — бормоталъ онъ въ смущеніи, — я такъ и думалъ! Это ужъ всего скверне! Вотъ эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлѣйшая мелочь весь замыселъ можетъ испортить! Да, слишкомъ примѣтная шляпа . . . Смѣшная, потому и примѣтная . . . Къ моимъ лохмотьямъ непремѣнно нужна фуражка, хотя бы старый блинъ какой-нибудь, а не этотъ уродъ. Никто такихъ не носитъ, за версту замѣтятъ, за-

помнятъ... главное, потомъ запомнятъ, анъ и улика. Тутъ нужно быть какъ можно непримѣтнѣе... Мелочи, мелочи главное!.. Вотъ эти-то мелочи и губятъ всегда и все...

Идти ему было немного; онъ даже зналъ сколько шаговъ отъ воротъ его дома: ровно семьсотъ тридцать. Какъ-то разъ онъ ихъ сосчиталъ, когда ужъ очень размечтался. Въ то время онъ и самъ еще не вѣрилъ этимъ мечтамъ своимъ и только раздражалъ себя ихъ безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, мѣсяцъ спустя, онъ уже начиналъ смотрѣть иначе, и несмотря на всѣ поддразнивающіе монологи о собственномъ безсиліи и нерѣшимости, «безобразную» мечту какъ-то даже поневолѣ привыкъ считать уже предпріятіемъ, хотя все еще самъ себѣ не вѣрилъ. Онъ даже шелъ теперь дѣлать *пробу* своему предпріятію, и съ каждымъ шагомъ волненіе его возростало все сильнѣе и сильнѣе.

Съ замираніемъ сердца и нервною дрожью подошелъ онъ къ преогромнѣйшему дому, выходившему одною стѣной на канаву, а другою въ —ю улицу. Этотъ домъ стоялъ весь въ мелкихъ квартирахъ и заселенъ былъ всякими промышленниками, — портными, слесарями, кухарками, разными нѣмцами, дѣвицами, живущими отъ себя, мелкимъ чиновничествомъ и проч. Входящіе и выходящіе такъ и шмыгали подъ обоими воротами и на обоихъ дворахъ дома. Тутъ служили три или четыре дворника. Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ, не встрѣтивъ ни котораго изъ нихъ, и непримѣтно проскользнулъ сейчасъ же изъ воротъ направо на лѣстницу. Лѣстница была темная и узкая, «черная», но онъ все уже это зналъ и изучилъ и ему

вся эта обстановка нравилась: въ такой темнотѣ даже и любопытный взглядъ былъ неопасенъ. «Если о сю пору я такъ боюсь, что же было бы, если бъ и, дѣйствительно, какъ-нибудь случилось до самаго *дѣла* дойти? . .» подумалъ онъ невольно, проходя въ четвертый этажъ. Здѣсь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившіе изъ одной квартиры мебель. Онъ уже прежде зналъ, что въ этой квартирѣ жилъ одинъ семейный нѣмецъ, чиновникъ: «стало быть, этотъ нѣмецъ теперь выѣзжаетъ, и, стало быть, въ четвертомъ этажѣ, по этой лѣстницѣ и на этой площадкѣ, остается, на нѣкоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо . . . на всякій случай . . .», подумалъ онъ опять и позвонилъ въ старухину квартиру. Звонокъ брякнулъ слабо, какъ будто былъ сдѣланъ изъ жести, а не изъ мѣди. Въ подобныхъ мелкихъ квартирахъ такихъ домовъ почти все такіе звонки. Онъ уже забылъ звонъ этого колокольчика, и теперь этотъ особенный звонъ какъ будто вдругъ ему что-то напомнилъ и ясно представилъ . . . Онъ такъ и вздрогнулъ, слишкомъ ужъ ослабѣли нервы на этотъ разъ. Немного спустя дверь пріоткрылась на крошечную щелочку: жилица оглядывала изъ щели пришедшаго съ видимымъ недовѣріемъ, и только виднѣлись ея сверкавшіе изъ темноты глазки. Но увидавъ на площадкѣ много народу, она ободрилась и отворила совсѣмъ. Молодой человѣкъ переступилъ черезъ порогъ въ темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла передъ нимъ молча и вопросительно на него глядѣла. Это была крошечная, сухая старушенка, лѣтъ шестидесяти, съ вострыми

и злыми глазками, съ маленькимъ вострымъ носомъ и простоволосая. Бѣлобрысые, малопосѣдѣвшіе волосы ея были жирно смазаны масломъ. На ея тонкой и длинной шеѣ, похожей на куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечахъ, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтѣвшая мѣховая кацавейка. Старушенка поминутно кашляла и кряхтѣла. Должно быть, молодой человѣкъ взглянулъ на нее какимъ-нибудь особеннымъ взглядомъ, потому что и въ ея глазахъ мелькнула вдругъ опять прежняя недовѣрчивость.

— Раскольниковъ, студентъ, былъ у васъ назадъ тому мѣсяцъ, — поспѣшилъ пробормотать молодой человѣкъ съ полупоклономъ, вспомнивъ, что надо быть любезнѣе.

— Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, — отчетливо проговорила старушка, попрежнему не отводя своихъ вопрошающихъ глазъ отъ его лица.

— Такъ вотъ-съ . . . и опять, по такому же дѣльцу . . . — продолжалъ Раскольниковъ, немного смутившись и удивляясь недовѣрчивости старухи.

«Можетъ, впрочемъ, она и всегда такая, да я въ тотъ разъ не замѣтилъ», подумалъ онъ съ непріятнымъ чувствомъ.

Старуха помолчала, какъ бы зъ раздумьи, потомъ отступила въ сторону, и, указывая на дверь въ комнату, произнесла, пропуская гостя впередъ:

— Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, въ которую прошелъ молодой человѣкъ, съ желтыми обоями, геранями и кисейными занавѣсками на окнахъ, была въ эту минуту ярко освѣщена заходящимъ солнцемъ. «И *тогда,* стало быть, такъ же будетъ солнце свѣ-

тить!..» какъ бы невзначай мелькнуло въ умѣ Раскольникова, и быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ все въ комнатѣ, чтобы по возможности изучить и запомнить расположеніе. Но въ комнатѣ не было ничего особеннаго. Мебель, вся очень старая и изъ желтаго дерева, состояла изъ дивана, съ огромною выгнутою деревянною спинкой, круглаго стола овальной формы передъ диваномъ, туалета съ зеркальцемъ въ простѣнкѣ, стульевъ по стѣнамъ да двухъ-трехъ грошевыхъ картинокъ въ желтыхъ рамкахъ, изображавшихъ нѣмецкихъ барышень съ птицами въ рукахъ, — вотъ и вся мебель. Въ углу передъ небольшимъ образомъ горѣла лампада. Все было очень чисто; и мебель и полы были оттерты подъ лоскъ; все блестѣло. «Лизаветина работа», подумалъ молодой человѣкъ. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартирѣ. «Это у злыхъ и старыхъ вдовицъ бываетъ такая чистота», продолжалъ про себя Раскольниковъ и съ любопытствомъ покосился на ситцевую занавѣску передъ дверью во вторую крошечную комнатку, гдѣ стояли старухины постель и комодъ, и куда онъ еще ни разу не заглядывалъ. Вся квартира состояла изъ этихъ двухъ комнатъ.

— Что угодно? — строго произнесла старушенка, войдя въ комнату и попрежнему становясь прямо передъ нимъ, чтобы глядѣть ему прямо въ лицо.

— Закладъ принесъ, вотъ-съ! — И онъ вынулъ изъ кармана старые плоскіе серебряные часы. На оборотной дощечкѣ ихъ былъ изображенъ глобусъ. Цѣпочка была стальная.

— Да вѣдь и прежнему закладу срокъ. Еще третьяго дня мѣсяцъ какъ минулъ.

— Я вамъ проценты еще за мѣсяцъ внесу; потерпите.

— А въ томъ моя добрая воля, батюшка, терпѣть или вещь вашу теперь же продать.

— Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

— А съ пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоитъ. За колечко вамъ прошлый разъ два билетика внесла, а оно купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

— Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовскіе. Я скоро деньги получу.

— Полтора рубля-съ и процентъ впередъ, коли хотите-съ.

— Полтора рубля! — вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Ваша воля. — И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человѣкъ взялъ ихъ и до того разсердился, что хотѣлъ было уже уйти; но тотчасъ одумался, вспомнивъ, что идти больше некуда, и что онъ еще и за другимъ пришелъ.

— Давайте! — сказалъ онъ грубо.

Старуха полѣзла въ карманъ за ключами и пошла въ другую комнату за занавѣски. Молодой человѣкъ, оставшись одинъ среди комнаты, любопытно прислушивался и соображалъ. Слышно было, какъ она отперла комодъ. «Должно быть, верхній ящикъ», соображалъ онъ. «Ключи она, стало быть, въ правомъ карманѣ носитъ... Всѣ на одной связкѣ, въ стальномъ кольцѣ... И тамъ одинъ ключъ есть всѣхъ больше, втрое, съ зубчатою бородкой, конечно, не отъ комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вотъ это любопытно. У укладокъ все такіе ключи... А впрочемъ, какъ это подло все»...

Старуха воротилась.

— Вотъ-съ, батюшка: коли по гривнѣ въ мѣсяцъ съ рубля, такъ за полтора рубля причтется съ васъ пятнадцать копеекъ, за мѣсяцъ впередъ-съ. Да за два прежнихъ рубля съ васъ еще причитается по сему же счету впередъ двадцать копеекъ. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вамъ всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеекъ. Вотъ получите-съ.

— Какъ! Такъ ужъ теперь рубль пятнадцать копеекъ!

— Точно такъ-съ.

Молодой человѣкъ спорить не сталъ и взялъ деньги. Онъ смотрѣлъ на старуху и не спѣшилъ уходить, точно ему еще хотѣлось что-то сказать или сдѣлать, но какъ будто онъ и самъ не зналъ, что̀ именно . . .

— Я вамъ, Алена Ивановна, можетъ быть, надняхъ, еще одну вещь принесу . . . серебряную . . . хорошую . . . папиросочницу одну . . . вотъ какъ отъ пріятеля ворочу . . .—Онъ смутился и замолчалъ.

— Ну тогда и будемъ говорить, батюшка.

— Прощайте-съ . . . А вы все дома однѣ сидите, сестрицы-то нѣтъ? — спросилъ онъ, какъ можно развязнѣе, выходя въ переднюю.

— А вамъ какое до нея, батюшка, дѣло?

— Да ничего особеннаго. Я такъ спросилъ. Ужъ вы сейчасъ . . . Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольниковъ вышелъ въ рѣшительномъ смущеніи. Смущеніе это все болѣе и болѣе увеличивалось. Сходя по лѣстницѣ, онъ нѣсколько разъ даже останавливался, какъ будто чѣмъ-то внезапно пораженный. И, наконецъ, уже на улицѣ, онъ воскликнулъ:

«О, Боже! Какъ это все отвратительно! И неужели, неужели я . . . нѣтъ, это вздоръ, это нелѣпость! — прибавилъ онъ рѣшительно. — И неужели такой ужасъ могъ придти мнѣ въ голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко! . . И я, цѣлый мѣсяцъ . . . »

Но онъ не могъ выразить ни словами, ни восклицаніями своего волненія. Чувство безконечнаго отвращенія, начинавшее давить и мутить его сердце еще въ то время, какъ онъ только шелъ къ старухѣ, достигло теперь такого размѣра и такъ ярко выяснилось, что онъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски своей. Онъ шелъ по тротуару, какъ пьяный, не замѣчая прохожихъ и сталкиваясь съ ними, и опомнился уже въ слѣдующей улицѣ. Оглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что стоитъ подлѣ распивочной, въ которую входъ былъ съ тротуара по лѣстницѣ внизъ, въ подвальный этажъ. Изъ дверей, какъ разъ въ эту минуту, выходили двое пьяныхъ, и другъ друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольниковъ тотчасъ же спустился внизъ. Никогда до сихъ поръ не входилъ онъ въ распивочныя, но теперь голова его кружилась, и къ тому же палящая жажда томила его. Ему захотѣлось выпить холоднаго пива, тѣмъ болѣе, что внезапную слабость свою онъ относилъ и къ тому, что былъ голоденъ. Онъ усѣлся въ темномъ и грязномъ углу, за липкимъ столикомъ, спросилъ пива и съ жадностью выпилъ первый стаканъ. Тотчасъ же все отлегло, и мысли его прояснѣли. «Все это вздоръ», сказалъ онъ съ надеждой, «и нечѣмъ тутъ было смущаться! Просто физическое разстройство! Одинъ какой-нибудь стаканъ пива,

кусокъ сухаря, — и вотъ, въ одинъ мигъ, крѣпнетъ умъ, яснѣетъ мысль, твердѣютъ намѣренія! Тьфу, какое все это ничтожество!..» Но несмотря на этотъ презрительный плевокъ, онъ глядѣлъ уже весело, какъ будто внезапно освободясь отъ какого-то ужаснаго бремени, и дружелюбно окинулъ глазами присутствующихъ. Но даже и въ эту минуту онъ отдаленно предчувствовалъ, что вся эта воспріимчивость къ лучшему была тоже болѣзненная.

Въ распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кромѣ тѣхъ двухъ пьяныхъ, что попались на лѣстницѣ, вслѣдъ за ними вышла еще разомъ цѣлая ватага, человѣкъ въ пять, съ одною дѣвкой и съ гармоніей. Послѣ нихъ стало тихо и просторно. Остались: одинъ хмѣльной, но немного, сидѣвшій за пивомъ, съ виду мѣщанинъ; товарищъ его, толстый, огромный, въ сибиркѣ и съ сѣдою бородой, очень захмѣлѣвшій, задремавшій на лавкѣ, и изрѣдка, вдругъ, какъ бы спросонья, начинавшій прищелкивать пальцами, разставивъ руки врозь, и подпрыгивать верхнею частью корпуса, не вставая съ лавки, при чемъ подпѣвалъ какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, въ родѣ:

Цѣлый годъ жену ласкалъ...
Цѣл-ый годъ же-ну лас-калъ...

Или вдругъ, проснувшись опять:

По Подъяческой пошелъ,
Свою прежнюю нашелъ...

Но никто не раздѣлялъ его счастья; молчаливый товарищъ его смотрѣлъ на всѣ эти взрывы даже враждебно и съ недовѣрчивостью. Былъ тутъ и

еще одинъ человѣкъ, съ виду похожій какъ бы на отставного чиновника. Онъ сидѣлъ особо, передъ своею посудинкой, изрѣдка отпивая и посматривая кругомъ. Онъ былъ тоже какъ будто въ нѣкоторомъ волненіи.

II.

Раскольниковъ не привыкъ къ толпѣ и, какъ уже сказано, бѣжалъ всякаго общества, особенно въ послѣднее время. Но теперь его вдругъ что-то потянуло къ людямъ. Что-то совершалось въ немъ какъ бы новое, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощутилась какая-то жажда людей. Онъ такъ усталъ отъ цѣлаго мѣсяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачнаго возбужденія, что хотя одну минуту хотѣлось ему вздохнуть въ другомъ мірѣ, хоть бы въ какомъ бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, онъ съ удовольствіемъ оставался теперь въ распивочной.

Хозяинъ заведенія былъ въ другой комнатѣ, но часто входилъ въ главную, спускаясь въ нее откуда-то по ступенькамъ, при чемъ прежде всего выказывались его щегольскіе смазные сапоги съ большими красными отворотами. Онъ былъ въ поддевкѣ и въ страшно засаленномъ черномъ атласномъ жилетѣ, безъ галстука, а все лицо его было какъ будто смазано масломъ, точно желѣзный замокъ. За стойкой находился мальчишка лѣтъ четырнадцати, и былъ другой мальчишка моложе, который подавалъ, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и рѣзаная кусочками рыба; все это очень дурно пахло. Было душно, такъ что было даже нестерпимо сидѣть, и все до того было пропитано виннымъ запахомъ, что, кажется, отъ

одного этого воздуха можно было въ пять минутъ сдѣлаться пьянымъ.

Бываютъ иныя встрѣчи, совершенно даже съ незнакомыми намъ людьми, которыми мы начинаемъ интересоваться съ перваго взгляда, какъ-то вдругъ, внезапно, прежде чѣмъ скажемъ слово. Такое точно впечатлѣніе произвелъ на Раскольникова тотъ гость, который сидѣлъ поодаль и походилъ на отставного чиновника. Молодой человѣкъ нѣсколько разъ припоминалъ потомъ это первое впечатлѣніе и даже приписывалъ его предчувствію. Онъ безпрерывно взглядывалъ на чиновника, конечно, и потому еще, что и самъ тотъ упорно смотрѣлъ на него, и видно было, что тому очень хотѣлось начать разговоръ. На остальныхъ же, бывшихъ въ распивочной, не исключая и хозяина, чиновникъ смотрѣлъ какъ-то привычно и даже со скукой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомѣрнаго пренебреженія, какъ бы на людей низшаго положенія и развитія, съ которыми нечего ему говорить. Это былъ человѣкъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, средняго роста и плотнаго сложенія, съ просѣдью и съ большой лысиной, съ отекшимъ отъ постояннаго пьянства желтымъ, даже зеленоватымъ лицомъ и съ припухшими вѣками, изъ-за которыхъ сіяли крошечные, какъ щелочки, но одушевленные, красноватые глазки. Но что-то было въ немъ очень странное; во взглядѣ его свѣтилась какъ будто даже восторженность, — пожалуй, былъ и смыслъ и умъ, — но въ то же время мелькало какъ будто и безуміе. Одѣтъ онъ былъ въ старый, совершенно оборванный черный фракъ съ осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-какъ, и на нее-то онъ и застегивался,

видимо желая не удаляться приличій. Изъ-подъ нанковаго жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито по-чиновничьи, но давно уже, такъ что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и въ ухваткахъ его, дѣйствительно, было что-то солидно-чиновничье. Но онъ былъ въ безпокойствѣ, ерошилъ волосы и подпиралъ иногда, въ тоскѣ, обѣими руками голову, положа продранные локти на залитый и липкій столъ. Наконецъ, онъ прямо посмотрѣлъ на Раскольникова и громко и твердо проговорилъ:

— А осмѣлюсь ли, милостивый государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ? Ибо хотя вы и не въ значительномъ видѣ, но опытность моя отличаетъ въ васъ человѣка образованнаго и къ напитку непривычнаго. Самъ всегда уважалъ образованность, соединенную съ сердечными чувствами, и кромѣ того состою титулярнымъ совѣтникомъ. Мармеладовъ — такая фамилія; титулярный совѣтникъ. Осмѣлюсь узнать, служить изволили?

— Нѣтъ, учусь . . . — отвѣчалъ молодой человѣкъ, отчасти удивленный и особеннымъ витіеватымъ тономъ рѣчи, и тѣмъ, что такъ прямо, въ упоръ, обратились къ нему. Несмотря на недавнее мгновенное желаніе хотя какого бы то ни было сообщества съ людьми, онъ при первомъ, дѣйствительно, обращенномъ къ нему словѣ, вдругъ ощутилъ свое обычное непріятное и раздражительное чувство отвращенія ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотѣвшему только прикоснуться къ его личности.

— Студентъ, стало быть, или бывшій студентъ! — вскричалъ чиновникъ, — такъ я и ду-

мать! Опытъ, милостивый государь, неоднократный опытъ! — и въ знакъ похвальбы онъ приложилъ палецъ ко лбу. — Были студентомъ или происходили ученую часть! А позвольте . . . — Онъ привсталъ, покачнулся, захватилъ свою посудинку, стаканчикъ и подсѣлъ къ молодому человѣку, нѣсколько отъ него наискось. Онъ былъ хмѣленъ, но говорилъ рѣчисто и бойко, изрѣдка только мѣстами сбиваясь немного и затягивая рѣчь. Съ какою-то даже жадностью накинулся онъ на Раскольникова, точно цѣлый мѣсяцъ тоже ни съ кѣмъ не говорилъ.

— Милостивый государь, — началъ онъ почти съ торжественностью, — бѣдность не порокъ, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметаютъ изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, мѣсяцъ назадъ тому супругу мою избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то что я! Понимаете-съ? Позвольте еще васъ спросить, такъ, хотя бы въ видѣ простого любопытства: изволили вы ночевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

— Нѣтъ, не случалось, — отвѣтилъ Раскольниковъ. — Это что такое?

— Ну-съ, а я оттуда, и уже пятую ночь-съ . . .

Онъ налилъ стаканчикъ, выпилъ и задумался. Дѣйствительно, на его платьѣ и даже въ волосахъ

кое-гдѣ виднѣлись прилипшія былинки сѣна. Очень вѣроятно было, что онъ пять дней не раздѣвался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирныя, красныя, съ черными ногтями.

Его разговоръ, казалось, возбудилъ общее, хотя и лѣнивое вниманіе. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяинъ, кажется, нарочно сошелъ изъ верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сѣлъ поодаль, лѣниво, но важно позѣвывая. Очевидно, Мармеладовъ былъ здѣсь давно извѣстенъ. Да и наклонность къ витіеватой рѣчи пріобрѣлъ, вѣроятно, вслѣдствіе привычки къ частымъ кабачнымъ разговорамъ съ различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иныхъ пьющихъ въ потребность, и преимущественно у тѣхъ изъ нихъ, съ которыми дома обходятся строго и которыми помыкаютъ. Оттого-то въ пьющей компаніи они и стараются всегда какъ будто выхлопотать себѣ оправданіе, а если можно, то даже и уваженіе.

— Забавникъ! — громко проговорилъ хозяинъ. — А для-ча не работаешь, для-ча не служите, коли чиновникъ?

— Для чего я не служу, милостивый государь, — подхватилъ Мармеладовъ, исключительно обращаясь къ Раскольникову, какъ будто это онъ ему задалъ вопросъ, — для чего не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяцъ назадъ, супругу мою собственноручно избилъ, а я лежалъ пьяненькой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой человѣкъ, случалось вамъ... гм... ну хоть испрашивать денегъ въ займы безнадежно?

— Случалось... то есть какъ безнадежно?

— То есть безнадежно вполнѣ-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напримѣръ, заранѣе и досконально, что сей человѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и наиполезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ намедни, что состраданіе въ наше время даже наукой воспрещено, и что такъ уже дѣлается въ Англіи, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и...

— Для чего же ходить? — прибавилъ Раскольниковъ.

— А коли не къ кому, коли идти больше некуда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непремѣнно надо хоть куда-нибудь да пойти! Когда единородная дочь моя въ первый разъ по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошелъ... (ибо дочь моя по желтому билету живетъ-съ... — прибавилъ онъ въ скобакхъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотря на молодого человѣка). Ничего, милостивый государь, ничего! — поспѣшилъ онъ тотчасъ же, и, повидимому, спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся самъ хозяинъ. — Ничего-съ! Симъ покиваніемъ главъ не смущаюсь, ибо уже всѣмъ все извѣстно, и все тайное становится явнымъ; и не съ презрѣніемъ, а со смиреніемъ къ сему отношусь. Пусть! Пусть! «Се человѣкъ!» Позвольте, молодой человѣкъ: можете ли вы... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не

можете ли вы, а *осмѣлитесь* ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ ни слова.

— Ну-съ, — продолжалъ ораторъ, солидно и даже съ усиленнымъ на этотъ разъ достоинствомъ, переждавъ опять послѣдовавшее въ комнатѣ хихиканіе. — Ну-съ, я пусть свинья, а она дама! Я звѣриный образъ имѣю, а Катерина Ивановна, супруга моя — особа образованная и урожденная штабъ-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлецъ, она же и сердца высокаго, и чувствъ облагороженныхъ воспитаніемъ исполнена. А между тѣмъ... о, если бъ она пожалѣла меня! Милостивый государь, милостивый государь, вѣдь надобно же, чтобъ у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ бы и его пожалѣли! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... И хотя я и самъ понимаю, что когда она и вихры мои деретъ, то деретъ ихъ не иначе, какъ отъ жалости сердца (ибо, повторяю безъ смущенія, она деретъ мнѣ вихры, молодой человѣкъ, — подтвердилъ онъ съ сугубымъ достоинствомъ, услышавъ опять хихиканье), но Боже, что если бъ она хотя одинъ разъ... Но нѣтъ! Нѣтъ! Все сіе втунѣ, и нечего говорить! Нечего говорить!.. ибо и не одинъ уже разъ бывало желаемое, и не одинъ уже разъ жалѣли меня, но... но такова ужъ черта моя, а я прирожденный скотъ!

— Еще бы! — замѣтилъ зѣвая хозяинъ.

Мармеладовъ рѣшительно стукнулъ кулакомъ по столу.

— Такова ужъ черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ея пропилъ?

Не башмаки-съ, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядокъ вещей, а чулки, чулки ея пропилъ-съ! Косыночку ея изъ козьяго пуха тоже пропилъ, дареную прежнюю, ея собственную, не мою, а живемъ мы въ холодномъ углѣ, и она въ эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Дѣтей же маленькихъ у насъ трое, и Катерина Ивановна въ работѣ съ утра до ночи, скребетъ и моетъ и дѣтей обмываетъ, ибо къ чистотѣ съ измалѣтства привыкла, а съ грудью слабою и къ чахоткѣ наклонною, и я это чувствую. Развѣ я не чувствую. И чѣмъ болѣе пью, тѣмъ болѣе и чувствую. Для того и пью, что въ питіи семъ скорби ищу . . . Пью, ибо сугубо страдать хочу! — И онъ какъ бы въ отчаяніи склонилъ на столъ голову.

— Молодой человѣкъ, — продолжалъ онъ, восклоняясь опять, — въ лицѣ вашемъ я читаю какъ бы нѣкую скорбь. Какъ вошли, я прочелъ ее, а потому тотчасъ же и обратился къ вамъ. Ибо, сообщая вамъ исторію жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу передъ сими празднолюбцами, которымъ и безъ того все извѣстно, а чувствительнаго и образованнаго человѣка ищу. Знайте же, что супруга моя въ благородномъ губернскомъ дворянскомъ институтѣ воспитывалась и при выпускѣ съ шалью танцовала при губернаторѣ и при прочихъ лицахъ, за что золотую медаль и похвальный листъ получила. Медаль . . . ну медаль-то продали . . . ужъ давно . . . гм . . . похвальный листъ до сихъ поръ у ней въ сундукѣ лежитъ, и еще недавно его хозяйкѣ показывала. И хотя съ хозяйкой у ней наибезпрерывнѣйшіе раздоры, но хоть передъ кѣмъ-нибудь погордиться захотѣлось и со-

общить о счастливыхъ минувшихъ дняхъ. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сіе послѣднее у ней и осталось въ воспоминаніяхъ ея, а прочее все пошло прахомъ! Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Полъ сама моетъ и на черномъ хлѣбѣ сидитъ, а неуваженія къ себѣ не допуститъ. Оттого и г. Лебезятникову грубость его не захотѣла спустить, и когда прибилъ ее за то господинъ Лебезятниковъ, то не столько отъ побоевъ, сколько отъ чувства въ постель слегла. Вдовой уже взялъ ее, съ троими дѣтьми, малъ-мала меньше. Вышла замужъ за перваго мужа, за офицера пѣхотнаго, по любви, и съ нимъ бѣжала изъ дому родительскаго. Мужа любила чрезмѣрно, но въ картишки пустился, подъ судъ попалъ, съ тѣмъ и померъ. Бивалъ онъ ее подъ конецъ; а она хоть и не спускала ему, о чемъ мнѣ доподлинно и по документамъ извѣстно, но до сихъ поръ вспоминаетъ его со слезами и меня имъ коритъ, и я радъ, я радъ, ибо хотя въ воображеніяхъ своихъ зритъ себя когда-то счастливой... И осталась она послѣ него съ тремя малолѣтними дѣтьми въ уѣздѣ далекомъ и звѣрскомъ, гдѣ и я тогда находился, и осталась въ такой нищетѣ безнадежной, что я хотя и много видалъ приключеній различныхъ, но даже и описать не въ состояніи. Родные же всѣ отказались. Да и горда была, черезчуръ горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовецъ, и отъ первой жены четырнадцатилѣтнюю дочь имѣя, руку свою предложилъ, ибо не могъ смотрѣть на такое страданіе. Можете судить потому, до какой степени ея бѣдствія доходили, что она, образованная и воспитанная, и фамиліи извѣстной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ло-

мая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значитъ, когда уже некуда больше идти? Нѣтъ! Этого вы еще не понимаете... И цѣлый годъ я обязанность свою исполнялъ благочестиво и свято и не касался сего (онъ ткнулъ пальцемъ на полуштофъ), ибо чувство имѣю. Но и симъ не могъ угодить; а тутъ мѣста лишился, и тоже не по винѣ, а по измѣненію въ штатахъ, и тогда прикоснулся!.. Полтора года уже будетъ назадъ, какъ очутились мы, наконецъ, послѣ странствій и многочисленныхъ бѣдствій, въ сей великолѣпной и украшенной многочисленными памятниками столицѣ. И здѣсь я мѣсто досталъ... Досталъ, и опять потерялъ. Понимаете-съ? Тутъ уже по собственной винѣ потерялъ, ибо черта моя наступила... Проживаемъ же теперь въ углѣ, у хозяйки Амаліи Ѳедоровны Липпевехзель, а зачѣмъ живемъ и чѣмъ платимъ, не вѣдаю. Живутъ же тамъ многіе и кромѣ насъ... Содомъ-съ, безобразнѣйшій... гм... да... А тѣмъ временемъ возросла и дочка моя, отъ перваго брака, и что только вытерпѣла она, дочка моя, отъ мачехи своей, возрастая, о томъ я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушныхъ чувствъ, но дама горячая и раздраженная, и оборветъ... Да-съ! Ну, да нечего вспоминать о томъ! Воспитанія, какъ и представить можете, Соня не получила. Пробовалъ я съ ней, года четыре тому, географію и всемірную исторію проходить; но какъ я самъ былъ въ познаніи семъ некрѣпокъ, да и приличныхъ къ тому руководствъ не имѣлось, ибо какія имѣвшіяся книжки... гм! ну, ихъ уже теперь и нѣтъ этихъ книжекъ, то тѣмъ и кончилось все обученіе. На

Кирѣ Персидскомъ остановились. Потомъ, уже достигнувъ зрѣлаго возраста, прочла она нѣсколько книгъ содержанія романическаго, да недавно еще, черезъ посредство господина Лебезятникова, одну книжку *Физіологію* Льюиса—изволите знать-съ?—съ большимъ интересомъ прочла, и даже намъ отрывочно вслухъ сообщала: вотъ и все ея просвѣщеніе. Теперь же обращусь къ вамъ, милостивый государь мой, самъ отъ себя съ вопросомъ приватнымъ: много ли можетъ, по-вашему, бѣдная, но честная дѣвица честнымъ трудомъ заработать? . . Пятнадцать копеекъ въ день, сударь, не заработаетъ, если честна и не имѣетъ особыхъ талантовъ, да и то рукъ не покладая работавши! Да и то статскій совѣтникъ Клопштокъ, Иванъ Ивановичъ, — изволили слышать? — не только денегъ за шитье полдюжины голландскихъ рубахъ до сихъ поръ не отдалъ, но даже съ обидой погналъ ее, затопавъ ногами и обозвавъ неприлично, подъ видомъ будто бы рубашечный воротъ сшитъ не по мѣркѣ и косякомъ. А тутъ ребятишки голодные . . . А тутъ Катерина Ивановна, руки ломая, по комнатѣ ходитъ, да красныя пятна у ней на щекахъ выступаютъ, — что въ болѣзни этой и всегда бываетъ: «Живешь, дескать, ты, дармоѣдка, у насъ, ѣшь и пьешь, и тепломъ пользуешься», а что тутъ пьешь и ѣшь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видятъ! Лежалъ я тогда . . . ну, да ужъ что! лежалъ пьяненькой-съ, и слышу, говоритъ моя Соня (безотвѣтная она, и голосокъ у ней такой кроткій . . . бѣлокуренькая, личико всегда блѣдненькое, худенькое), говоритъ: «Что жъ, Катерина Ивановна, неужели же мнѣ на такое дѣло пойти?» А ужъ Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и

полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. «А что жъ, — отвѣчаетъ Катерина Ивановна въ пересмѣшку, — чего бе́речь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не въ здравомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей неѣвшихъ, да и сказано болѣе ради оскорбленія, чѣмъ въ точномъ смыслѣ... Ибо Катерина Ивановна такого ужъ характера, и какъ расплачутся дѣти, хоть бы и съ голоду, тотчасъ же ихъ бить начинаетъ. И вижу я, эдакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла, и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой у насъ платокъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо и легла на кровать, лицомъ къ стѣнкѣ, только плечики да тѣло все вздрагиваютъ... А я, какъ и давеча, въ томъ же видѣ лежалъ-съ... И видѣлъ я тогда, молодой человѣкъ, видѣлъ я, какъ затѣмъ Катерина Ивановна, такъ же ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣняхъ простояла, ноги цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули вмѣстѣ, обнявшись... обѣ... обѣ... да-съ... а я... лежалъ пьяненькій-съ.

Мармеладовъ замолчалъ, какъ будто голосъ у него пресѣкся. Потомъ вдругъ поспѣшно налилъ, выпилъ и крякнулъ.

— Съ тѣхъ поръ, государь мой, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — съ тѣхъ поръ, по одному неблагопріятному случаю и по донесенію неблагонамѣренныхъ лицъ, — чему особенно способствовала Дарья Францовна, за то будто бы, что ей въ надлежащемъ почтеніи манкировали, — съ тѣхъ поръ дочь моя, Софья Семеновна, желтый билетъ принуждена была получить, и уже вмѣстѣ съ нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалія Ѳедоровна того допустить не хотѣла (а сама же прежде Дарьѣ Францовнѣ способствовала), да и господинъ Лебезятниковъ... гм... Вотъ за Соню-то и вышла у него эта исторія съ Катериною Ивановной. Сначала самъ добивался отъ Сонечки, а тутъ и въ амбицію вдругъ вошли: «Какъ, дескать, я, такой просвѣщенный человѣкъ, въ одной квартирѣ съ таковскою буду жить?» А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло... И заходитъ къ намъ Сонечка теперь болѣе въ сумерки и Катерину Ивановну облегчаетъ, и средства посильныя доставляетъ... Живетъ же на квартирѣ у портного Капернаумова, квартиру у нихъ снимаетъ, а Капернаумовъ хромъ и косноязыченъ и все многочисленнѣйшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... Въ одной комнатѣ помѣщаются, а Соня свою имѣетъ особую, съ перегородкой... Гм, да... Люди бѣднѣйшіе и косноязычные... да... Только всталъ я тогда поутру-съ, одѣлъ лохмотья мои, воздѣлъ руки къ небу и отправился къ его превосходительству Ивану Афанасьевичу. Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?.. Нѣтъ? Ну такъ Божія человѣка не знаете! Это — воскъ...

воскъ передъ лицомъ Господнимъ; яко таетъ воскъ!.. Даже прослезились, изволивъ все выслушать. «Ну, говоритъ, Мармеладовъ, разъ уже ты обманулъ мои ожиданія... Беру еще разъ на личную свою отвѣтственность», — такъ и сказали, — «помни, дескать, ступай!» Облобызалъ я прахъ ногъ его, мысленно, ибо взаправду не дозволилъ бы, бывши сановникомъ и человѣкомъ новыхъ государственныхъ и образованныхъ мыслей; воротился домой, и какъ объявилъ, что на службу опять зачисленъ и жалованье получаю, Господи, что тогда было!..

Мармеладовъ опять остановился въ сильномъ волненіи. Въ это время вошла съ улицы цѣлая партія пьяницъ уже и безъ того пьяныхъ, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и дѣтскій, надтреснутый семилѣтній голосокъ, пѣвшій *Хуторокъ*. Стало шумно. Хозяинъ и прислуга занялись вошедшими. Мармеладовъ, не обращая вниманія на вошедшихъ, сталъ продолжать разсказъ. Онъ, казалось, уже сильно ослабъ, но чѣмъ болѣе хмѣлѣлъ, тѣмъ становился словоохотнѣе. Воспоминанія о недавнемъ успѣхѣ по службѣ какъ бы оживили его и даже отразились на лицѣ его какимъ-то сіяніемъ. Раскольниковъ слушалъ внимательно.

— Было же это, государь мой, назадъ пять недѣль. Да... Только что узнали онѣ обѣ, Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я въ царствіе Божіе переселился. Бывало, лежи, какъ скотъ, только брань! А нынѣ: на цыпочкахъ ходятъ, дѣтей унимаютъ: «Семенъ Захарычъ на службѣ усталъ, отдыхаетъ, тш!». Кофеемъ меня передъ службой поятъ, сливки кипятятъ! Сливокъ настоящихъ доставать начали, слышите! И откуда

они сколотились мнѣ на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесятъ копеекъ, не понимаю! Сапоги, манишки каленкоровыя — великолѣпнѣйшія, вицъ-мундиръ, все за одиннадцать съ полтиной состряпали въ превосходнѣйшемъ видѣ-съ. Пришелъ я въ первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, супъ и солонину подъ хрѣномъ, о чемъ и понятія до сихъ поръ не имѣлось. Платьевъ-то нѣтъ у ней никакихъ... то есть никакихъ-съ, а тутъ точно въ гости собрались, пріодѣлась, и не то чтобы что-нибудь, а такъ, изъ ничего все сдѣлать сумѣютъ: причешутся, воротничекъ тамъ какой-нибудь чистенькій, нарукавнички, анъ совсѣмъ другая особа выходитъ, и помолодѣла, и похорошѣла. Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говоритъ, мнѣ теперь, до времени, у васъ часто бывать неприлично, такъ развѣ въ сумерки, чтобы никто не видалъ. Слышите, слышите? Пришелъ я послѣ обѣда заснуть, такъ что жъ бы вы думали, вѣдь не вытерпѣла Катерина Ивановна: за недѣлю еще съ хозяйкой, съ Амаліей Ѳедоровной послѣднимъ образомъ перессорились, а тутъ на чашку кофею позвала. Два часа просидѣли и все шептались: «Дескать, какъ теперь Семенъ Захарычъ на службѣ и жалованье получаетъ, и къ его превосходительству самъ являлся, и его превосходительство самъ вышелъ, всѣмъ ждать велѣлъ, а Семена Захарыча мимо всѣхъ за руку въ кабинетъ провелъ». Слышите, слышите? «Я, конечно, говоритъ, Семенъ Захарычъ, помню ваши заслуги, и хотя вы и придерживаетесь этой легкомысленной слабости, но какъ ужъ вы теперь обѣщаетесь, и что сверхъ того безъ васъ у насъ худо пошло (слы-

шите, слышите!), то и надѣюсь, говоритъ, теперь на ваше благородное слово», то есть все это, я вамъ скажу, взяла да и выдумала, и не то чтобъ изъ легкомыслія, для одной похвальбы-съ! Нѣтъ-съ, сама всему вѣритъ, собственными воображеніями сама себя тѣшитъ, ей Богу-съ! И я не осуждаю; нѣтъ, этого я не осуждаю!.. Когда же шесть дней назадъ я первое жалованіе мое — двадцать три рубля сорокъ копеекъ сполна принесъ, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говоритъ, ты эдакая!» И наединѣ-съ, понимаете ли? Ну, ужъ что, кажется, во мнѣ за краса, и какой я супругъ? Нѣтъ, ущипнула за щеку: «Малявочка ты эдакая!» говоритъ.

Мармеладовъ остановился, хотѣлъ было улыбнуться, но вдругъ подбородокъ его запрыгалъ. Онъ, впрочемъ, удержался. Этотъ кабакъ, развращенный видъ, пять ночей на сѣнныхъ баркахъ и штофъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта болѣзненная любовь къ женѣ и семьѣ сбивали его слушателя съ толку. Раскольниковъ слушалъ напряженно, но съ ощущеніемъ болѣзненнымъ. Онъ досадовалъ что зашелъ сюда.

— Милостивый государь, милостивый государь! — воскликнулъ Мармеладовъ, оправившись,— о, государь мой, вамъ, можетъ быть, все это въ смѣхъ, какъ и прочимъ, и только безпокою я васъ глупостью всѣхъ этихъ мизерныхъ подробностей домашней жизни моей, ну, а мнѣ не въ смѣхъ! Ибо я все это могу чувствовать... И въ продолженіе всего того райскаго дня моей жизни и всего того вечера я и самъ въ мечтаніяхъ летучихъ препровождалъ: и то есть, какъ я это все устрою, и ребятишекъ одѣну, и ей спокой дамъ, и дочь мою еди-

нородную отъ безчестья въ лоно семьи возвращу... И многое, многое . . . Позволительно, сударь. Ну-съ, государь ты мой (Мармеладовъ вдругъ какъ будто вздрогнулъ, поднялъ голову и въ упоръ посмотрѣлъ на своего слушателя), ну-съ, а на другой же день, послѣ всѣхъ сихъ мечтаній (то есть это будетъ ровно пять сутокъ назадъ тому) къ вечеру, я хитрымъ обманомъ, какъ тать въ нощи, похитилъ у Катерины Ивановны отъ сундука ея ключъ, вынулъ, что̀ осталось изъ принесеннаго жалованья, сколько всего ужъ не помню, и вотъ-съ, глядите на меня, всѣ! Пятый день изъ дома, и тамъ меня ищутъ, и службѣ конецъ, и вицъ-мундиръ въ распивочной у Египетскаго моста лежитъ, взамѣнъ чего и получилъ сіе одѣяніе . . . и всему конецъ!

Мармеладовъ стукнулъ себя кулакомъ по лбу, стиснулъ зубы, закрылъ глаза и крѣпко оперся локтемъ на столъ. Но черезъ минуту лицо его вдругъ измѣнилось, и съ какимъ-то напускнымъ лукавствомъ и выдѣланнымъ нахальствомъ взглянулъ на Раскольникова, засмѣялся и проговорилъ:

— А сегодня у Сони былъ, на похмѣлье ходилъ просить! Хе-хе-хе!

— Неужели дала? — крикнулъ кто-то со стороны изъ вошедшихъ, крикнулъ и захохоталъ во всю глотку.

— Вотъ этотъ самый полуштофъ-съ на ея деньги и купленъ, — произнесъ Мармеладовъ, исключительно обращаясь къ Раскольникову. — Тридцать копеекъ вынесла, своими руками, послѣднія, все что было, самъ видѣлъ . . . Ничего не сказала, только молча на меня посмотрѣла . . . Такъ не на землѣ, а тамъ . . . о людяхъ тоскуютъ, плачутъ, а не укоряютъ, не укоряютъ! А это больнѣй-съ, боль-

нѣй-съ, когда не укоряютъ!.. Тридцать копеекъ, да-съ. А вѣдь и ей теперь онѣ нужны, а? Какъ вы думаете, сударь мой дорогой? Вѣдь она теперь чистоту наблюдать должна. Денегъ стоитъ сія чистота, особая-то, понимаете? Понимаете? Ну, тамъ помадки тоже купить, вѣдь нельзя же-съ; юбки крахмальныя, ботиночку эдакую, пофиглярнѣе, чтобы ножку выставить, когда лужу придется переходить. Понимаете ли, понимаете ли, сударь, что̀ значитъ сія чистота? Ну-съ, а я вотъ, кровный-то отецъ, тридцать-то эти копеекъ и стащилъ себѣ на похмѣлье! И пью-съ! И ужъ пропилъ-съ!.. Ну, кто же такого, какъ я, пожалѣетъ? ась? Жаль вамъ теперь меня, сударь, аль нѣтъ? Говорите, сударь, жаль, али нѣтъ? Хе-хе-хе-хе!

Онъ хотѣлъ было налить, но уже нечего было. Полуштофъ былъ пустой.

— Да чего тебя жалѣть-то? — крикнулъ хозяинъ, очутившійся опять подлѣ нихъ.

Раздался смѣхъ и даже ругательства. Смѣялись и ругались слушавшіе и не слушавшіе, такъ, глядя только на одну фигуру отставного чиновника.

— Жалѣть! Зачѣмъ меня жалѣть! — вдругъ возопилъ Мармеладовъ, вставая съ протянутою впередъ рукой, въ рѣшительномъ вдохновеніи, какъ будто только и ждалъ этихъ словъ. — Зачѣмъ жалѣть, говоришь ты? Да! Меня жалѣть не за что! Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, судія, распни и распявъ пожалѣй его! И тогда я самъ къ тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жажду, а скорби и слезъ!.. Думаешь ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я

на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ и Кто всѣхъ и вся понималъ; Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: «А гдѣ дщерь, что мачехѣ злой и чахоточной, что̀ дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя продала? Гдѣ дщерь, что̀ отца своего земного, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла?» И скажетъ: «Пріиди! Я уже простилъ тебя разъ . . . Простилъ тебя разъ . . . Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то, что возлюбила много . . .» И проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ . . . Я это давеча, какъ у нея былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ! . . И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смирныхъ . . . И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выходите, пьяненькіе, выходите, слабенькіе, выходите, соромники!» И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но пріидите и вы!» И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: «Господи! Почто сихъ пріемлеши?» И скажетъ: «Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ никогда не считалъ себя достойнымъ сего . . .» И простретъ къ намъ руци Свои, и мы припадемъ . . . и заплачемъ . . . и все поймемъ! Тогда все поймемъ! . . и всѣ поймутъ . . . и Катерина Ивановна . . . и она пойметъ . . . Господи, да пріидетъ Царствіе Твое!

И онъ опустился на лавку, истощенный и обезсиленный, ни на кого не смотря, какъ бы забывъ окружающее и глубоко задумавшись. Слова его произвели нѣкоторое впечатлѣніе; на минуту воца-

рилось молчаніе, но вскорѣ раздались прежній смѣхъ и ругательства.

— Разсудилъ!

— Заврался.

— Чиновникъ!

И проч., и проч.

— Пойдемте, сударь, — сказалъ вдругъ Мармеладовъ, поднимая голову и обращаясь къ Раскольникову, — доведите меня... Домъ Козеля, на дворѣ. Пора... къ Катеринѣ Ивановнѣ...

Раскольникову давно уже хотѣлось уйти; помочь же ему онъ и самъ думалъ. Мармеладовъ оказался гораздо слабѣе ногами, чѣмъ въ рѣчахъ, и крѣпко оперся на молодого человѣка. Идти было шаговъ двѣсти-триста. Смущеніе и страхъ все болѣе и болѣе овладѣвали пьяницей по мѣрѣ приближенія къ дому.

— Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, — бормоталъ онъ въ волненіи, — и не того, что она мнѣ волосы драть начнетъ. Что̀ волосы!.. Вздоръ волосы! Это я говорю! Оно даже и лучше, коли драть начнетъ, а я не того боюсь... я... глазъ ея боюсь... да... глазъ... Красныхъ пятенъ на щекахъ тоже боюсь... и еще — ея дыханія боюсь... Видалъ ты, какъ въ этой болѣзни дышатъ... при взволнованныхъ чувствахъ? Дѣтскаго плача тоже боюсь... Потому, какъ если Соня не накормила, то... ужъ не знаю что̀! Не знаю! А побоевъ не боюсь... Знай, сударь, что мнѣ таковые побои не токмо не въ боль, но и въ наслажденіе бываютъ... Ибо безъ сего я и самъ не могу обойтись. Оно лучше. Пусть побьетъ, душу отведетъ... оно лучше... А вотъ и домъ. Козеля домъ. Слесаря, нѣмца, богатаго... веди!

Они вошли со двора и прошли въ четвертый этажъ. Лѣстница чѣмъ дальше, тѣмъ становилась темнѣе. Было уже почти одиннадцать часовъ, и хотя въ эту пору въ Петербургѣ нѣтъ настоящей ночи, но на верху лѣстницы было очень темно.

Маленькая закоптѣлая дверь въ концѣ лѣстницы, на самомъ верху, была отворена. Огарокъ освѣщалъ бѣднѣйшую комнату шаговъ въ десять длиной; всю ее было видно изъ сѣней. Все было разбросано и въ безпорядкѣ, въ особенности разное дѣтское тряпье. Черезъ задній уголъ была протянута дырявая простыня. За нею, вѣроятно, помѣщалась кровать. Въ самой же комнатѣ было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диванъ, передъ которымъ стоялъ старый кухонный сосновый столъ, некрашеный и ничѣмъ не покрытый. На краю стола стоялъ догоравшій сальный огарокъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Выходило, что Мармеладовъ помѣщался въ особой комнатѣ, а не въ углу, но комната его была проходная. Дверь въ дальнѣйшія помѣщенія или клѣтки, на которыя разбивалась квартира Амаліи Липпевехзель, была пріотворена. Тамъ было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли въ карты и пили чай. Вылетали иногда слова самыя нецеремонныя.

Раскольниковъ тотчасъ призналъ Катерину Ивановну. Это была ужасно похудѣвшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще съ прекрасными темнорусыми волосами и, дѣйствительно, съ раскраснѣвшимися до пятенъ щеками. Она ходила взадъ и впередъ по своей небольшой комнатѣ, сжавъ руки на груди, съ запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ея блестѣли, какъ въ лихорадкѣ, но взглядъ былъ рѣзокъ и не-

подвиженъ, и болѣзненное впечатлѣніе производило это чахоточное и взволнованное лицо, при послѣднемъ освѣщеніи догоравшаго огарка, трепетавшемъ на лицѣ ея. Раскольникову она показалась лѣтъ тридцати, и, дѣйствительно, была не пара Мармеладову . . . Входящихъ она не слыхала и не замѣтила; казалось, она была въ какомъ-то забытьи, не слушала и не видѣла. Въ комнатѣ было душно, но окна она не отворила; съ лѣстницы несло вонью, но дверь на лѣстницу была не затворена; изъ внутреннихъ помѣщеній, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачнаго дыма, она кашляла, но дверь не притворяла. Самая маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, спала на полу, какъ-то сидя, скорчившись и уткнувъ голову въ диванъ. Мальчикъ, годомъ старше ея, весь дрожалъ въ углу и плакалъ. Его, вѣроятно, только что прибили. Старшая дѣвочка, лѣтъ девяти, высокенькая и тоненькая, какъ спичка, въ одной худенькой и разодранной всюду рубашенкѣ и въ накинутомъ на голыя плечи ветхомъ драдедамовомъ бурнусикѣ, сшитомъ ей, вѣроятно, два года назадъ, потому что онъ не доходилъ теперь и до колѣнъ, стояла въ углу подлѣ маленькаго брата, обхвативъ его шею своею длинною, высохшею, какъ спичка, рукой. Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтобъ онъ какъ-нибудь опять не захныкалъ, и въ то же время со страхомъ слѣдила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ея исхудавшемъ и испуганномъ личикѣ. Мармеладовъ, не входя въ комнату, сталъ въ самыхъ дверяхъ на колѣнки, а Раскольникова протолкнулъ впередъ. Женщина, увидѣвъ незнакомаго, разсѣянно остановилась передъ

нимъ, на мгновеніе очнувшись и какъ бы соображая: зачѣмъ это онъ вошелъ? Но навѣрно ей тотчасъ же представилось, что онъ идетъ въ другія комнаты, такъ какъ ихняя была проходная. Сообразивъ это и не обращая на него вниманія, она пошла къ сѣннымъ дверямъ, чтобы притворить ихъ, и вдругъ вскрикнула, увидѣвъ на самомъ порогѣ стоящаго на колѣнкахъ мужа.

— А! — закричала она въ изступленіи, — воротился! Колодникъ! Извергъ! . . А гдѣ деньги? Что у тебя въ карманѣ, показывай. И платье не то! Гдѣ твое платье? Гдѣ деньги? Говори! . .

И она бросилась его обыскивать. Мармеладовъ тотчасъ же послушно и покорно развернулъ руки въ обѣ стороны, чтобы тѣмъ облегчить карманный обыскъ. Денегъ не было ни копейки.

— Гдѣ же деньги? — кричала она. — О, Господи, неужели же онъ все пропилъ! Вѣдь двѣнадцать цѣлковыхъ въ сундукѣ оставалось! . . — и вдругъ, въ бѣшенствѣ, она схватила его за волосы и потащила въ комнату. Мармеладовъ самъ облегчалъ ея усилія, смиренно ползя за нею на колѣнкахъ.

— И это мнѣ въ наслажденіе! И это мнѣ не въ боль, а въ нас-лаж-деніе, ми-ло-сти вый го-сударь, — выкрикивалъ онъ, потрясаемый за волосы и даже разъ стукнувшись лбомъ о полъ. Спавшій на полу ребенокъ проснулся и заплакалъ. Мальчикъ въ углу не выдержалъ, задрожалъ, закричалъ и бросился къ сестрѣ въ страшномъ испугѣ, почти въ припадкѣ. Старшая дѣвочка дрожала со сна, какъ листъ.

— Пропилъ! Все, все пропилъ! — кричала въ отчаяніи бѣдная женщина, — и платье не то! Голодные, голодные! (и ломая руки, она указывала на

дѣтей. О, треклятая жизнь! А вамъ, вамъ не стыдно, — вдругъ набросилась она на Раскольникова, — изъ кабака! Ты съ нимъ пилъ? Ты тоже съ нимъ пилъ! Вонъ!

Молодой человѣкъ поспѣшилъ уйти, не говоря ни слова. Къ тому же внутренняя дверь отворилась настежь, и изъ нея выглянуло нѣсколько любопытныхъ. Протягивались наглыя смѣющіяся головы съ папиросками, съ трубками, въ ермолкахъ. Виднѣлись фигуры въ халатахъ и совершенно нараспашку, въ лѣтнихъ до неприличія костюмахъ, иныя съ картами въ рукахъ. Особенно потѣшно смѣялись они, когда Мармеладовъ, таскаемый за волосы, кричалъ, что это ему въ наслажденіе. Стали даже входить въ комнату; послышался, наконецъ, зловѣщій визгъ: это продиралась впередъ сама Амалія Липпевехзель, чтобы произвести распорядокъ по-свойски и въ сотый разъ испугать бѣдную женщину ругательскимъ приказаніемъ завтра же очистить квартиру. Уходя, Раскольниковъ успѣлъ просунуть руку въ карманъ, загребъ, сколько пришлось, мѣдныхъ денегъ, доставшихся ему съ размѣняннаго въ распивочной рубля, и непримѣтно положилъ на окошко. Потомъ уже на лѣстницѣ онъ одумался и хотѣлъ было воротиться.

«Ну что это за вздоръ такой я сдѣлалъ, подумалъ онъ, тутъ у нихъ Соня есть, а мнѣ самому надо». Но разсудивъ, что взять назадъ уже невозможно, и что все-таки онъ и безъ того бы не взялъ, онъ махнулъ рукой и пошелъ на свою квартиру. «Сонѣ помадки вѣдь тоже нужно, продолжалъ онъ, шагая по улицѣ и язвительно усмѣхаясь; денегъ стоитъ сія чистота . . . Гм! А вѣдь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкрутится, потому тотъ

же рискъ, охота по красному звѣрю . . . золотопромышленность . . . вотъ они всѣ, стало быть, и на бобахъ завтра безъ моихъ-то денегъ . . . Ай-да Соня! Какой колодезь однакожъ сумѣли выкопать! И пользуются! Вотъ вѣдь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлецъ-человѣкъ привыкаетъ»

Онъ задумался.

— Ну а коли я совралъ, — воскликнулъ онъ вдругъ невольно, — коли, дѣйствительно, не *подлецъ* человѣкъ, весь вообще, весь родъ, то есть, человѣческій, то значитъ, что остальное все — предразсудки, одни только страхи напущенные, и нѣтъ никакихъ преградъ, и такъ тому и слѣдуетъ быть!..

III.

Онъ проснулся на другой день уже поздно, послѣ тревожнаго сна, но сонъ не подкрѣпилъ его. Проснулся онъ желчный, раздражительный, злой, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свою каморку. Это была крошечная клѣтушка, шаговъ въ шесть длиной, имѣвшая самый жалкій видъ съ своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими отъ стѣны обоями, и до того низенькая, что чуть-чуть высокому человѣку становилось въ ней жутко, и все казалось, что вотъ-вотъ стукнешься головой о потолокъ. Мебель соотвѣтствовала помѣщенію: было три старыхъ стула, не совсѣмъ исправныхъ, крашеный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей и книгъ; уже по тому одному, какъ онѣ были запылены, видно было, что до нихъ давно уже не касалась ничья рука; и, наконецъ, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стѣну и по-

ловину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцемъ, но теперь въ лохмотьяхъ и служившая постелью Раскольникову. Часто онъ спалъ на ней такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, безъ простыни, покрываясь своимъ старымъ, ветхимъ, студенческимъ пальто и съ одною маленькою подушкой въ головахъ, подъ которую подкладывалъ все, что̀ имѣлъ бѣлья, чистаго и заношеннаго, чтобы было повыше изголовье. Передъ софой стоялъ маленькій столикъ.

Трудно было болѣе опуститься и обнеряшиться; но Раскольникову это было даже пріятно въ его теперешнемъ состояніи духа. Онъ рѣшительно ушелъ отъ всѣхъ, какъ черепаха въ свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда въ его комнату, возбуждало въ немъ желчь и конвульсіи. Такъ бываетъ у иныхъ мономановъ, слишкомъ на чемъ-нибудь сосредоточившихся. Квартирная хозяйка его двѣ недѣли какъ уже перестала ему отпускать кушанье, и онъ не подумалъ еще до сихъ поръ сходить объясниться съ нею, хотя и сидѣлъ безъ обѣда. Настасья, кухарка и единственная служанка хозяйкина, отчасти была рада такому настроенію жильца и совсѣмъ перестала у него убирать и мести, такъ только, въ недѣлю разъ, нечаянно, бралась иногда за вѣникъ. Она же и разбудила его теперь.

— Вставай, чего спишь! — закричала она надъ нимъ, — десятый часъ. Я тебѣ чай принесла; хошь чайку-то? Поди отощалъ?

Жилецъ открылъ глаза, вздрогнулъ и узналъ Настасью.

— Чай-то отъ хозяйки, что ль? — спросилъ онъ, медленно и съ болѣзненнымъ видомъ приподнимаясь на софѣ.

— Како отъ хозяйки!

Она поставила передъ нимъ свой собственный надтреснутый чайникъ, съ спитымъ уже чаемъ, и положила два желтыхъ кусочка сахару.

— Вотъ, Настасья, возьми, пожалуйста, — сказалъ онъ, пошаривъ въ карманѣ (онъ такъ и спалъ одѣтый) и вытащивъ горсточку мѣди, — сходи и купи мнѣ сайку. Да возьми въ колбасной хоть колбасы немного, подешевле.

— Сайку я тебѣ сею минутою принесу, а не хошь ли вмѣсто колбасы-то щей? Хорошія щи, вчерашнія. Еще вчера тебѣ отставила, да ты пришелъ поздно. Хорошія щи.

Когда щи были принесены и онъ принялся за нихъ, Настасья усѣлась подлѣ него на софѣ и стала болтать. Она была изъ деревенскихъ бабъ и очень болтливая баба.

— Прасковья-то Павловна въ полицу на тебя хочетъ жалиться, — сказала она.

Онъ крѣпко поморщился.

— Въ полицію? Что̀ ей надо?

— Деньги не платишь и съ фатеры не сходишь. Извѣстно что̀ надо.

— Э, черта еще этого не доставало, — бормоталъ онъ, скрипя зубами, — нѣтъ, это мнѣ теперь . . . некстати . . . Дура она, — прибавилъ онъ громко. — Я сегодня къ ней зайду, поговорю.

— Дура-то она дура, такая же, какъ и я, а ты что̀, умникъ, лежишь, какъ мѣшокъ, ничего отъ тебя не видать? Прежде, говоришь, дѣтей учить ходилъ, а теперь пошто ничего не дѣлаешь?

— Я дѣлаю . . . — нехотя и сурово проговорилъ Раскольниковъ.

— Что̀ дѣлаешь?

— Работу...

— Каку работу?

— Думаю, — серьезно отвѣчалъ онъ помолчавъ.

Настасья такъ и покатилась со смѣху. Она была изъ смѣшливыхъ, и когда разсмѣшатъ, смѣялась неслышно, колыхаясь и трясясь всѣмъ тѣломъ, до тѣхъ поръ, что самой тошно ужъ становилось.

— Денегъ-то много, что ль, надумалъ?—смогла она, наконецъ, выговорить.

— Безъ сапогъ нельзя дѣтей учить. Да и наплевать.

— А ты въ колодезь не плюй.

— За дѣтей мѣдью платятъ. Что̀ на копейки сдѣлаешь? — продолжалъ онъ съ неохотой, какъ бы отвѣчая собственнымъ мыслямъ.

— А тебѣ бы сразу весь капиталъ?

Онъ странно посмотрѣлъ на нее.

— Да, весь капиталъ, — твердо отвѣчалъ онъ помолчавъ.

— Ну, ты помаленьку, а то испужаешь; страшно ужъ очинна. За сайкой-то ходить, али нѣтъ?

— Какъ хочешь.

— Да, забыла! Къ тебѣ вѣдь письмо вчера безъ тебя пришло.

— Письмо! Ко мнѣ! Отъ кого?

— Отъ кого, не знаю. Три копейки почтальону своихъ отдала. Отдашь, что ли?

— Такъ неси же, ради Бога неси! — закричалъ весь въ волненіи Раскольниковъ, — Господи!

Черезъ минуту явилось письмо. Такъ и есть: отъ матери, изъ Р—й губерніи. Онъ даже поблѣднѣлъ, принимая его. Давно уже не получалъ онъ писемъ; но теперь и еще что-то другое вдругъ сжало ему сердце.

— Настасья, уйди, ради Бога; вотъ твои три копейки, только, ради Бога, скорѣй уйди!

Письмо дрожало въ рукахъ его; онъ не хотѣлъ распечатывать при ней: ему хотѣлось остаться *наединѣ* съ этимъ письмомъ. Когда Настасья вышла, онъ быстро поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ; потомъ долго еще вглядывался въ почеркъ адреса, въ знакомый и милый ему мелкій и косенькій почеркъ его матери, учившей его когда-то читать и писать. Онъ медлилъ; онъ даже какъ будто боялся чего-то. Наконецъ распечаталъ: письмо было большое, плотное, въ два лота; два большіе почтовые листа были мелко-на-мелко исписаны.

«Милый мой Родя, писала мать, вотъ уже два мѣсяца слишкомъ, какъ я не бесѣдовала съ тобой письменно, отъ чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. Но навѣрно ты не обвинишь меня въ этомъ невольномъ моемъ молчаніи. Ты знаешь, какъ я люблю тебя; ты одинъ у насъ, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упованіе наше. Что̀ было со мною, когда я узнала, что ты уже нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ университетъ, за неимѣніемъ чѣмъ содержать себя, и что уроки и прочія средства твои прекратились! Чѣмъ могла я съ моими ста двадцатью рублями въ годъ пенсіона помочь тебѣ? Пятнадцать рублей, которые я послала тебѣ четыре мѣсяца назадъ, я занимала, какъ ты и самъ знаешь, въ счетъ этого же пансіона, у здѣшняго нашего купца Василія Ивановича Вахрушина. Онъ добрый человѣкъ и былъ еще пріятелемъ твоего отца. Но давъ ему право на полученіе за меня пенсіона, я должна была ждать, пока выплатится долгъ, а это только что теперь исполнилось, такъ что я ничего не могла во все это

время послать тебѣ. Но теперь, слава Богу, я, кажется, могу тебѣ еще выслать, да и вообще, мы можемъ теперь даже похвалиться фортуной, о чемъ и спѣшу сообщить тебѣ. И во-первыхъ, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вотъ уже полтора мѣсяца какъ живетъ со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь. Слава Тебѣ, Господи, кончились ея истязанія, но разскажу тебѣ все по порядку, чтобы ты узналъ, какъ все было, и что̀ мы отъ тебя до сихъ поръ скрывали. Когда ты писалъ мнѣ, тому назадъ два мѣсяца, что слышалъ отъ кого-то, будто Дуня терпитъ много отъ грубости въ домѣ господъ Свидригайловыхъ, и спрашивалъ отъ меня точныхъ объясненій, — что̀ могла я тогда написать тебѣ въ отвѣтъ? Если бъ я написала тебѣ всю правду, то ты, пожалуй бы, все бросилъ и хоть пѣшкомъ, а пришелъ бы къ намъ, потому я и характеръ и чувства твои знаю, и ты бы не далъ въ обиду сестру свою. Я же сама была въ отчаяніи, но что̀ было дѣлать? Я и сама-то всей правды тогда не знала. Главное же затрудненіе состояло въ томъ, что Дунечка, вступивъ прошлаго года въ ихъ домъ гувернанткой, взяла впередъ цѣлыхъ сто рублей, подъ условіемъ ежемѣсячнаго вычета изъ жалованья, а, стало быть, и нельзя было мѣсто оставить, не расплатившись съ долгомъ. Сумму же эту (теперь могу тебѣ все объяснить, безцѣнный Родя) взяла она болѣе для того, чтобы выслать тебѣ шестьдесятъ рублей, въ которыхъ ты тогда такъ нуждался, и которые ты и получилъ отъ насъ въ прошломъ году. Мы тебя обѣ тогда обманули, написали, что это изъ скопленныхъ Дунечкиныхъ прежнихъ денегъ, но это было не такъ, а теперь сообщаю тебѣ всю правду, потому что все теперь

перемѣнилось внезапно, по волѣ Божіей, къ лучшему, и чтобы ты зналъ, какъ любитъ тебя Дуня, и какое у нея безцѣнное сердце. Дѣйствительно, господинъ Свидригайловъ сначала обходился съ ней очень грубо и дѣлалъ ей разныя неучтивости и насмѣшки за столомъ . . . Но не хочу пускаться во всѣ эти тяжелыя подробности, чтобы не волновать тебя напрасно, когда ужъ все теперь кончено. Короче, несмотря на доброе и благородное обращеніе Марѳы Петровны, супруги г. Свидригайлова, и всѣхъ домашнихъ, Дунечкѣ было очень тяжело, особенно когда г. Свидригайловъ находился, по старой полковой привычкѣ своей, подъ вліяніемъ Бахуса. Но что̀ же оказалось впослѣдствіи? Представь себѣ, что этотъ сумасбродъ давно уже возымѣлъ къ Дунѣ страсть, но все скрывалъ это подъ видомъ грубости и презрѣнія къ ней. Можетъ быть, онъ и самъ стыдился и приходилъ въ ужасъ, видя себя уже въ лѣтахъ и отцомъ семейства, при такихъ легкомысленныхъ надеждахъ, а потому и злился невольно на Дуню. А, можетъ быть, и то, что онъ, грубостью своего обращенія и насмѣшками, хотѣлъ только прикрыть отъ другихъ всю истину. Но, наконецъ, не удержался и осмѣлился сдѣлать Дунѣ явное и гнусное предложеніе, обѣщая ей разныя награды и сверхъ того бросить все и уѣхать съ нею въ другую деревню, или, пожалуй, за границу. Можешь представить себѣ всѣ ея страданія! Оставить сейчасъ мѣсто было нельзя, не только по причинѣ денежнаго долга, но и щадя Марѳу Петровну, которая могла бы вдругъ возымѣть подозрѣніе, а слѣдовательно, и пришлось бы поселить въ семействѣ раздоръ. Да и для Дунечки былъ бы большой скандалъ; ужъ такъ не обошлось бы. Были тутъ и мно-

гія разныя причины, такъ что раньше шести недѣль Дуня никакъ не могла расчитывать вырваться изъ этого ужаснаго дома. Конечно, ты знаешь Дуню, знаешь, какъ она умна и съ какимъ твердымъ характеромъ. Дунечка многое можетъ сносить и даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ найти въ себѣ столько великодушія, чтобы не потерять своей твердости. Она даже мнѣ не написала обо всемъ, чтобы не разстроить меня, а мы часто пересылались вѣстями. Развязка же наступила неожиданная. Марѳа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшаго Дунечку въ саду, и понявъ все превратно, во всемъ ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной. Произошла у нихъ тутъ же въ саду ужасная сцена: Марѳа Петровна даже ударила Дуню, не хотѣла ничего слушать, а сама цѣлый часъ кричала и, наконецъ, приказала тотчасъ же отвезти Дуню ко мнѣ въ городъ, на простой крестьянской телѣгѣ, въ которую сбросили всѣ ея вещи, бѣлье, платья, все какъ случилось, неувязанное и неуложенное. А тутъ поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проѣхать съ мужикомъ цѣлыхъ семнадцать верстъ въ некрытой телѣгѣ. Подумай теперь, что̀ могла я тебѣ написать въ письмѣ, въ отвѣтъ на твое, полученное мною два мѣсяца назадъ, и о чемъ писать? Сама я была въ отчаяніи; правду написать тебѣ не смѣла, потому что ты очень бы былъ несчастливъ, огорченъ и возмущенъ, да и что̀ могъ бы ты сдѣлать? Пожалуй, еще себя погубить, да и Дунечка запрещала; а наполнять письмо пустяками и о чемъ-нибудь, тогда какъ въ душѣ такое горе, я не могла. Цѣлый мѣсяцъ у насъ по всему городу ходили сплетни объ этой исторіи, и до того ужъ до-

шло, что намъ даже въ церковь нельзя было ходить съ Дуней отъ презрительныхъ взглядовъ и шептаній, и даже вслухъ при насъ были разговоры. Всѣ-то знакомые отъ насъ отстранились, всѣ перестали даже кланяться, и я навѣрно узнала, что купеческіе приказчики и нѣкоторые канцеляристы хотѣли нанести намъ низкое оскорбленіе, вымазавъ дегтемъ ворота нашего дома, такъ что хозяева стали требовать, чтобы мы съ квартиры съѣхали. Всему этому причиной была Марѳа Петровна, которая успѣла обвинить и загрязнить Дуню во всѣхъ домахъ. Она у насъ со всѣми знакома и въ этотъ мѣсяцъ поминутно пріѣзжала въ городъ, и такъ какъ она немного болтлива и любитъ разсказывать про свои семейныя дѣла и, особенно, жаловаться на своего мужа всѣмъ и каждому, что̀ очень нехорошо, то и разнесла всю исторію, въ короткое время, не только въ городѣ, но и по уѣзду. Я заболѣла, Дунечка же была тверже меня, и если бы ты видѣлъ, какъ она все переносила и меня же утѣшала и ободряла! Она ангелъ! Но, по милосердію Божію, наши муки были сокращены: господинъ Свидригайловъ одумался и раскаялся, и, вѣроятно, пожалѣвъ Дуню, представилъ Марѳѣ Петровнѣ полныя и очевидныя доказательства всей Дунечкиной невинности, а именно: письмо, которое Дуня еще до тѣхъ поръ, когда Марѳа Петровна застала ихъ въ саду, принуждена была написать и передать ему, чтобъ отклонить личныя объясненія и тайныя свиданія, на которыхъ онъ настаивалъ, и которое, по отъѣздѣ Дунечки, осталось въ рукахъ г. Свидригайлова. Въ этомъ письмѣ она самымъ пылкимъ образомъ и съ полнымъ негодованіемъ укоряла его именно за неблагородство поведенія его относительно Марѳы

Петровны, поставляла ему на видъ, что онъ отецъ и семьянинъ, и что, наконецъ, какъ гнусно съ его стороны мучить и дѣлать несчастною и безъ того уже несчастную и беззащитную дѣвушку. Однимъ словомъ, милый Родя, письмо это такъ благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сихъ поръ не могу его читать безъ слезъ. Кромѣ того, въ оправданіе Дуни, явились, наконецъ, и свидѣтельства слугъ, которые видѣли и знали гораздо больше, чѣмъ предполагалъ самъ г. Свидригайловъ, какъ это и всегда водится. Марѳа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», какъ сама она намъ признавалась, но зато вполнѣ убѣдилась въ невинности Дунечкиной, и на другой же день, въ воскресенье, пріѣхавъ прямо въ соборъ, на колѣняхъ и со слезами молила Владычицу дать ей силу перенесть это новое испытаніе и исполнить долгъ свой. Затѣмъ, прямо изъ собора, ни къ кому не заѣзжая, пріѣхала къ намъ, разсказала намъ все, горько плакала и, въ полномъ раскаяніи, обнимала и умоляла Дуню простить ее. Въ то же утро, нисколько не мѣшкая, прямо отъ насъ, отправилась по всѣмъ домамъ въ городѣ и вездѣ, въ самыхъ лестныхъ для Дунечки выраженіяхъ, проливая слезы, возстановила ея невинность и благородство ея чувствъ и поведенія. Мало того, всѣмъ показывала и читала вслухъ собственноручное письмо Дунечкино къ г-ну Свидригайлову и даже давала снимать съ него копіи (что, мнѣ кажется, уже и лишнее). Такимъ образомъ ей пришлось нѣсколько дней сряду объѣзжать всѣхъ въ городѣ, такъ какъ иные стали обижаться, что другимъ оказано было предпочтеніе, и такимъ образомъ завелись очереди и всѣ знали, что въ такой-то день Марѳа Петровна

будетъ тамъ-то читать это письмо, и на каждое чтеніе опять-таки собирались даже и тѣ, которые письмо уже нѣсколько разъ прослушали и у себя въ домахъ, и у другихъ знакомыхъ, по очереди. Мое мнѣніе, что многое, очень многое тутъ было лишнее, но Марѳа Петровна уже такого характера. По крайней мѣрѣ, она вполнѣ возстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дѣла легла неизгладимымъ позоромъ на ея мужа, какъ на главнаго виновника, такъ что мнѣ его даже и жаль; слишкомъ уже строго поступили съ этимъ сумасбродомъ. Дуню тотчасъ же стали приглашать давать уроки въ нѣкоторыхъ домахъ, но она отказалась. Вообще же всѣ стали къ ней вдругъ относиться съ особеннымъ уваженіемъ. Все это способствовало главнымъ образомъ и тому неожиданному случаю, черезъ который теперь мѣняется, можно сказать, вся судьба наша. Узнай, милый Родя, что къ Дунѣ посватался женихъ, и что она успѣла уже дать свое согласіе, о чемъ и спѣшу увѣдомить тебя поскорѣе. И хотя дѣло это сдѣлалось и безъ твоего совѣта, но ты, вѣроятно, не будешь ни на меня, ни на сестру въ претензіи, такъ какъ самъ увидишь, изъ дѣла же, что ждать и откладывать до полученія твоего отвѣта было бы намъ невозможно. Да и самъ ты не могъ бы заочно обсудить всего въ точности. Случилось же такъ. Онъ уже надворный совѣтникъ, Петръ Петровичъ Лужинъ, и дальній родственникъ Марѳы Петровны, которая многому въ этомъ способствовала. Началъ съ того, что чрезъ нее изъявилъ желаніе съ нами познакомиться, былъ какъ слѣдуетъ принятъ, пилъ кофе, а на другой же день прислалъ письмо, въ которомъ весьма вѣжливо изъяснилъ

свое предложеніе и просилъ скораго и рѣшительнаго отвѣта. Человѣкъ онъ дѣловой и занятый, и спѣшитъ теперь въ Петербургъ, такъ что дорожитъ каждою минутой. Разумѣется, мы сначала были очень поражены, такъ какъ все это произошло слишкомъ скоро и неожиданно. Соображали и раздумывали мы обѣ вмѣстѣ весь тотъ день. Человѣкъ онъ благонадежный и обезпеченный, служитъ въ двухъ мѣстахъ и уже имѣетъ свой капиталъ. Правда, ему уже сорокъ пять лѣтъ, но онъ довольно пріятной наружности и еще можетъ нравиться женщинамъ, да и вообще человѣкъ онъ весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и какъ бы высокомѣрный. Но это, можетъ быть, только такъ кажется, съ перваго взгляда. Да и предупреждаю тебя, милый Родя, когда увидишься съ нимъ въ Петербургѣ, что̀ произойдетъ въ очень скоромъ времени, то не суди слишкомъ быстро и пылко, какъ это и свойственно тебѣ, если на первый взглядъ тебѣ что-нибудь въ немъ не покажется. Говорю это на случай, хотя и увѣрена, что онъ произведетъ на тебя впечатлѣніе пріятное. Да и кромѣ того, чтобъ обознать какого бы то ни было человѣка, нужно относиться къ нему постепенно и осторожно, чтобы не впасть въ ошибку и предубѣжденіе, которыя весьма трудно послѣ исправить и загладить. А Петръ Петровичъ, по крайней мѣрѣ, по многимъ признакамъ, человѣкъ весьма почтенный. Въ первый же свой визитъ онъ объявилъ намъ, что онъ человѣкъ положительный, но во многомъ раздѣляетъ, какъ онъ самъ выразился, «убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ» и врагъ всѣхъ предразсудковъ. Многое и еще онъ говорилъ, потому что нѣсколько какъ бы тщеславенъ и очень любитъ

чтобъ его слушали, но вѣдь это почти не порокъ. Я, разумѣется, мало поняла, но Дуня объяснила мнѣ, что онъ человѣкъ хотя и небольшого образованія, но умный и, кажется, добрый. Ты знаешь характеръ сестры твоей, Родя. Это дѣвушка твердая, благоразумная, терпѣливая и великодушная, хотя и съ пылкимъ сердцемъ, что̀ я хорошо въ ней изучила. Конечно, ни съ ея, ни съ его стороны особенной любви тутъ нѣтъ, но Дуня, кромѣ того, что дѣвушка умная, — въ то же время и существо благородное, какъ ангелъ, и за долгъ поставитъ себѣ составить счастье мужа, который въ свою очередь сталъ бы заботиться о ея счастіи, а въ послѣднемъ мы не имѣемъ, покамѣстъ, большихъ причинъ сомнѣваться, хотя и скоренько, признаться, сдѣлалось дѣло. Къ тому же, онъ человѣкъ очень умный и разсчетливый, и, конечно, самъ увидитъ, что его собственное супружеское счастье будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ Дунечка будетъ за нимъ счастливѣе. А что тамъ какія-нибудь неровности въ характерѣ, какія-нибудь старыя привычки и даже нѣкоторое несогласіе въ мысляхъ (чего и въ самыхъ счастливыхъ супружествахъ обойти нельзя), то на этотъ счетъ Дунечка сама мнѣ сказала, что она на себя надѣется; что безпокоиться тутъ нечего, и что она многое можетъ перенести, подъ условіемъ, если дальнѣйшія отношенія будутъ честныя и справедливыя. Наружность же человѣка весьма обманчива. Онъ, напримѣръ, и мнѣ показался сначала какъ бы рѣзкимъ; но вѣдь это можетъ происходить именно отъ того, что онъ прямодушный человѣкъ, и непремѣнно такъ. Напримѣръ, при второмъ визитѣ, уже получивъ согласіе, въ разговорѣ онъ выразился, что ужъ и прежде, не зная Дуни, положилъ

взять дѣвушку честную, но безъ приданаго, и непремѣнно такую, которая уже испытала бѣдственное положеніе; потому, какъ объяснилъ онъ, что мужъ ничѣмъ не долженъ быть обязанъ своей женѣ, а гораздо лучше, если жена считаетъ мужа за своего благодѣтеля. Прибавлю, что онъ выразился нѣсколько мягче и ласковѣе, чѣмъ я написала, потому что я забыла настоящее выраженіе, а помню одну только мысль, и кромѣ того, сказалъ онъ это отнюдь не преднамѣренно, а очевидно проговорившись, въ пылу разговора, такъ что даже старался потомъ поправиться и смягчить; но мнѣ все-таки показалось это немного какъ бы рѣзко, и я сообщила потомъ Дунѣ. Но Дуня даже съ досадой отвѣчала мнѣ, что «слова еще не дѣло», и это, конечно, справедливо. Предъ тѣмъ, какъ рѣшиться, Дунечка не спала всю ночь, и, полагая, что я уже сплю, встала съ постели и всю ночь ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ, стала на колѣни и долго и горячо молилась передъ образомъ, а на утро объявила мнѣ, что она рѣшилась.

«Я уже упомянула, что Петръ Петровичъ отправляется теперь въ Петербургъ. У него тамъ большія дѣла, и онъ хочетъ открыть въ Петербургѣ публичную адвокатскую контору. Онъ давно уже занимается хожденіемъ по разнымъ искамъ и тяжбамъ и на-дняхъ только что выигралъ одну значительную тяжбу. Въ Петербургъ же ему и потому необходимо, что тамъ у него одно значительное дѣло въ сенатѣ. Такимъ образомъ, милый Родя, онъ и тебѣ можетъ быть весьма полезенъ, даже во всемъ, и мы съ Дуней уже положили, что ты, даже съ теперешняго же дня, могъ бы опредѣленно начать свою будущую карьеру и считать участь

свою уже ясно опредѣлившеюся. О, если бъ это осуществилось! Это была бы такая выгода, что надо считать ее не иначе, какъ прямою къ намъ милостію Вседержителя. Дуня только и мечтаетъ объ этомъ. Мы уже рискнули сказать нѣсколько словъ на этотъ счетъ Петру Петровичу. Онъ выразился осторожно и сказалъ, что, конечно, такъ какъ ему безъ секретаря обойтись нельзя, то, разумѣется, лучше платить жалованье родственнику, чѣмъ чужому, если только тотъ окажется способнымъ къ должности (еще бы ты-то не оказался способенъ!), но тутъ же выразилъ и сомнѣніе, что университетскія занятія твои не оставятъ тебѣ времени для занятій въ его конторѣ. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось, но Дуня ни о чемъ кромѣ этого теперь и не думаетъ. Она теперь, уже нѣсколько дней, просто въ какомъ-то жару и составила уже цѣлый проектъ о томъ, что впослѣдствіи ты можешь быть товарищемъ и даже компаніономъ Петра Петровича по его тяжебнымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе что ты самъ на юридическомъ факультетѣ. Я, Родя, вполнѣ съ нею согласна и раздѣляю всѣ ея планы и надежды, видя въ нихъ полную вѣроятность; и несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича (потому что онъ тебя еще не знаетъ), Дуня твердо увѣрена, что достигнетъ всего своимъ добрымъ вліяніемъ на будущаго своего мужа, и въ этомъ она увѣрена. Ужъ, конечно, мы остереглись проговориться Петру Петровичу хоть о чемъ-нибудь изъ этихъ дальнѣйшихъ мечтаній нашихъ, и главное, о томъ, что ты будешь его компаніономъ. Онъ человѣкъ положительный, и, пожалуй, принялъ бы очень сухо, такъ какъ все это показалось бы ему одними толь-

ко мечтаніями. Равнымъ образомъ, ни я, ни Дуня ни полслова еще не говорили съ нимъ о крѣпкой надеждѣ нашей, что онъ поможетъ намъ способствовать тебѣ деньгами, пока ты въ университетѣ; потому не говорили, что, во-первыхъ, это и само собой сдѣлается впослѣдствіи, и онъ, навѣрно, безъ лишнихъ словъ, самъ предложитъ (еще бы онъ въ этомъ-то отказалъ Дунечкѣ), тѣмъ скорѣе, что ты и самъ можешь стать его правою рукой по конторѣ и получать эту помощь не въ видѣ благодѣянія, а въ видѣ заслуженнаго тобою жалованья. Такъ хочетъ устроить Дунечка, и я съ нею вполнѣ согласна. Во-вторыхъ же, потому не говорили, что мнѣ особенно хотѣлось поставить тебя съ нимъ, при предстоящей теперешней встрѣчѣ вашей, на равной ногѣ. Когда Дуня говорила ему о тебѣ съ восторгомъ, онъ отвѣчалъ, что всякаго человѣка нужно сначала осмотрѣть самому, и поближе, чтобъ о немъ судить, и что онъ самъ предоставляетъ себѣ, познакомясь съ тобой, составить о тебѣ свое мнѣніе. Знаешь что̀, безцѣнный мой Родя, мнѣ кажется, по нѣкоторымъ соображеніямъ (впрочемъ отнюдь не относящимся къ Петру Петровичу, а такъ, по нѣкоторымъ моимъ собственнымъ, личнымъ, даже, можетъ быть, старушечьимъ, бабьимъ капризамъ), — мнѣ кажется, что я, можетъ быть, лучше сдѣлаю, если буду жить послѣ ихъ брака особо, какъ и теперь живу, а не вмѣстѣ съ ними. Я увѣрена, вполнѣ, что онъ будетъ такъ благороденъ и деликатенъ, что самъ пригласитъ меня и предложитъ мнѣ не разлучаться болѣе съ дочерью, и если еще не говорилъ до сихъ поръ, то, разумѣется, потому что и безъ словъ такъ предполагается; но я откажусь. Я замѣчала въ жизни не разъ, что

тещи не очень-то бываютъ мужьямъ по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже въ малѣйшую тягость, но и сама хочу быть вполнѣ свободною, покамѣстъ у меня хоть какой-нибудь свой кусокъ, да такія дѣти, какъ ты и Дунечка. Если возможно, то поселюсь подлѣ васъ обоихъ, потому что, Родя, самое-то пріятное я приберегла къ концу письма: узнай же, милый другъ мой, что, можетъ быть, очень скоро мы сойдемся всѣ вмѣстѣ опять и обнимемся всѣ трое послѣ почти трехлѣтней разлуки! Уже *навѣрно* рѣшено, что я и Дуня выѣзжаемъ въ Петербургъ, когда именно, не знаю, но во всякомъ случаѣ очень, очень скоро, даже, можетъ быть, черезъ недѣлю. Все зависитъ отъ распоряженій Петра Петровича, который, какъ только осмотрится въ Петербургѣ, тотчасъ же и дастъ намъ знать. Ему хочется, по нѣкоторымъ расчетамъ, какъ можно поспѣшить церемоніей брака и даже, если возможно будетъ, сыграть свадьбу въ теперешній же мясоѣдъ, а если не удастся, по краткости срока, то тотчасъ же послѣ госпожинокъ. О, съ какимъ счастьемъ прижму я тебя къ моему сердцу! Дуня вся въ волненіи отъ радости свиданія съ тобой и сказала разъ, въ шутку, что уже изъ этого одного пошла бы за Петра Петровича. Ангелъ она! Она теперь ничего тебѣ не приписываетъ, а велѣла только мнѣ написать, что ей такъ много надо говорить съ тобой, такъ много, что теперь у ней и рука не поднимается взяться за перо, потому что въ нѣсколькихъ строкахъ ничего не напишешь, а только себя разстроишь; велѣла же тебя обнять крѣпче и переслать тебѣ безсчетно поцѣлуевъ. Но, несмотря на то, что мы, можетъ быть, очень скоро сами сойдемся лично, я все-таки

тебѣ на дняхъ вышлю денегъ, сколько могу больше. Теперь, какъ узнали всѣ, что Дунечка выходитъ за Петра Петровича, и мой кредитъ вдругъ увеличился, и я навѣрно знаю, что Аѳанасій Ивановичъ повѣритъ мнѣ теперь, въ счетъ пенсіона, даже до семидесяти пяти рублей, такъ что я тебѣ, можетъ быть, рублей двадцать пять или даже тридцать пришлю. Прислала бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные; и хотя Петръ Петровичъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя часть издержекъ по нашему проѣзду въ столицу, а именно, самъ вызвался, на свой счетъ, доставить нашу поклажу и большой сундукъ (какъ-то у него тамъ черезъ знакомыхъ), но все-таки намъ надо расчитывать и на пріѣздъ въ Петербургъ, въ который нельзя показаться безъ гроша, хоть на первые дни. Мы, впрочемъ, уже все разсчитали съ Дунечкой до точности, и вышло, что дорога возьметъ немного. До желѣзной дороги отъ насъ всего только девяносто верстъ, и мы уже, на всякій случай, сговорились съ однимъ знакомымъ намъ мужичкомъ-извозчикомъ; а тамъ мы съ Дунечкой преблагополучно прокатимся въ третьемъ классѣ. Такъ что, можетъ быть, я тебѣ не двадцать пять, а навѣрно тридцать рублей изловчусь выслать. Но довольно; два листа кругомъ уписала, и мѣста ужъ больше не остается; цѣлая наша исторія; ну да и происшествій-то сколько накопилось! А теперь, безцѣнный мой Родя, обнимаю тебя до близкаго свиданія нашего и благословляю тебя материнскимъ благословеніемъ моимъ. Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби такъ, какъ она тебя любитъ, и знай, что она тебя безпредѣльно, больше себя самой любитъ. Она ангелъ, а ты, Родя, ты у насъ все, — вся надежда наша и

все упованіе. Былъ бы только ты счастливъ, и мы будемъ счастливы. Молишься ли ты Богу, Родя, попрежнему, и вѣришь ли въ благость Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, въ сердцѣ своемъ, не посѣтило ли и тебя новѣйшее модное безвѣріе? Если такъ, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, какъ еще въ дѣтствѣ своемъ, еще при жизни твоего отца, ты лепеталъ молитвы свои у меня на колѣняхъ, и какъ мы всѣ тогда были счастливы! Прощай, или лучше, *до свиданія!* Обнимаю тебя крѣпко-крѣпко и цѣлую безсчетно.

«Твоя до гроба

«Пульхерія Раскольникова».

Почти все время, какъ читалъ Раскольниковъ, съ самаго начала письма, лицо его было мокро отъ слезъ; но когда онъ кончилъ, оно было блѣдно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змѣилась по его губамъ. Онъ прилегъ головой на свою тощую и затасканную подушку и думалъ, долго думалъ. Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли. Наконецъ, ему стало душно и тѣсно въ этой желтой каморкѣ, похожей на шкафъ или на сундукъ. Взоръ и мысль просили простору. Онъ схватилъ шляпу и вышелъ, на этотъ разъ уже не опасаясь съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться на лѣстницѣ; забылъ онъ объ этомъ. Путь же взялъ онъ по направленію къ Васильевскому острову черезъ В—й проспектъ, какъ будто торопясь туда за дѣломъ, но, по обыкновенію своему, шелъ, не замѣчая дороги, шепча про себя и даже говоря вслухъ съ собою, чѣмъ очень удивлялъ прохожихъ. Многіе принимали его за пьянаго.

IV.

Письмо матери его измучило. Но относительно главнѣйшаго, капитальнаго пункта, сомнѣній въ немъ не было ни на минуту, даже въ то еще время, какъ онъ читалъ письмо. Главнѣйшая суть дѣла была рѣшена въ его головѣ, и рѣшена окончательно: «Не бывать этому браку, пока я живъ, и къ черту господина Лужина!»

«Потому что это дѣло очевидное», — бормоталъ онъ про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранѣе успѣхъ своего рѣшенія. «Нѣтъ, мамаша, нѣтъ, Дуня, не обмануть меня вамъ! . . . И еще извиняются, что моего совѣта не попросили и безъ меня дѣло рѣшили! Еще бы! Думаютъ, что теперь ужъ и разорвать нельзя; а посмотримъ льзя или нельзя! Отговорка-то какая капитальная: «ужъ такой, дескать, дѣловой человѣкъ, Петръ Петровичъ, такой дѣловой человѣкъ, что и жениться-то иначе не можетъ, какъ на почтовыхъ, чуть не на желѣзной дорогѣ». Нѣтъ, Дунечка, все вижу и знаю, о чемъ ты со мной *много*-то говорить собираешься; знаю и то, о чемъ ты всю ночь пр[illegible]мала, ходя по комнатѣ, и о чемъ молилась передъ Казанской Божіей Матерью, которая у мамаши въ спальнѣ стоитъ. На Голгоѳу-то тяжело всходить. Гм . . . Такъ значитъ рѣшено ужъ окончательно: за дѣлового и раціональнаго человѣка изволите выходить, Авдотья Романовна, имѣющаго свой капиталъ (*уже* имѣющаго свой капиталъ, это солиднѣе, внушительнѣе), служащаго въ двухъ мѣстахъ и раздѣляющаго убѣжденія новѣйшихъ нашихъ поколѣній (какъ пишетъ мамаша) и *кажется* добраго, какъ замѣчаетъ сама Дуня. Это *кажется* всего велико-

лѣпнѣе! И эта же Дунечка за это же *кажется* замужъ идетъ! . . Великолѣпно! Великолѣпно!

« . . .А любопытно, однакожъ, для чего мамаша о «новѣйшихъ-то поколѣніяхъ» мнѣ написала? Просто ли для характеристики лица, или съ дальнѣйшею цѣлью: задобрить меня въ пользу г. Лужина? О хитрыя! Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени онѣ обѣ были откровенны другъ съ дружкой, въ тотъ день и въ ту ночь, и во все послѣдующее время? Всѣ ли *слова* между ними были прямо произнесены, или обѣ поняли, что у той и у другой одно въ сердцѣ и въ мысляхъ, такъ ужъ нечего вслухъ-то всего выговаривать да напрасно проговариваться. Вѣроятно, оно такъ отчасти и было; по письму видно: мамашѣ онъ показался рѣзокъ, *немножко,* а наивная мамаша и полѣзла къ Дунѣ съ своими замѣчаніями. А та, разумѣется, разсердилась и «отвѣчала съ досадой». Еще бы! Кого не взбѣситъ, когда дѣло понятно и безъ наивныхъ вопросовъ, и когда рѣшено, что ужъ нечего говорить. И что̀ это она пишетъ мнѣ: «Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любитъ»; ужъ не угрызенія ли совѣсти ее самое втайнѣ мучатъ за то, что дочерью сыну согласилась пожертвовать. «Ты наше упованіе, ты наше все! О, мамаша!» . . . Злоба накипала въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, и если бы теперь встрѣтился съ нимъ господинъ Лужинъ, онъ, кажется, убилъ бы его!

«Гм., это правда, — продолжалъ онъ, слѣдуя за вихремъ мыслей, крутившемся въ его головѣ, — это правда, что къ человѣку надо «подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его»; но господинъ Лужинъ ясенъ. Главное, «человѣкъ дѣ-

ловой и *кажется* добрый»: шутка ли, поклажу взялъ на себя, большой сундукъ на свой счетъ доставляетъ! Ну какъ же не добрый? А онѣ-то обѣ, *невѣста* и мать, мужичка подряжаютъ, въ телѣгѣ рогожею крытой (я вѣдь тамъ ѣзжалъ)! Ничего! Только вѣдь девяносто верстъ, «а тамъ преблагополучно прокатимся въ третьемъ классѣ», верстъ тысячу. И благоразумно: по одежкѣ протягивай ножки; да вы-то, г. Лужинъ, чего же? Вѣдь это ваша невѣста . . . И не могли же вы не знать, что мать подъ свой пенсіонъ на дорогу впередъ занимаетъ? Конечно, тутъ у васъ общій коммерческій оборотъ, предпріятіе на обоюдныхъ выгодахъ и на равныхъ паяхъ, значитъ, и расходы пополамъ; хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь, по пословицѣ. Да и тутъ дѣловой-то человѣкъ ихъ поднадулъ немножко: поклажа-то стоитъ дешевле ихняго проѣзда, а, пожалуй, что и задаромъ пойдетъ. Что жъ онѣ обѣ не видятъ что ль этого, аль нарочно не замѣчаютъ? И вѣдь довольны, довольны! И какъ подумать, что это только цвѣточки, а настоящіе фрукты впереди! Вѣдь тутъ что важно: тутъ не скупость, не скалдырничество важно, а *тонъ* всего этого. Вѣдь это будущій тонъ послѣ брака, пророчество . . . Да и мамаша-то, чего жъ, однако, кутитъ? Съ чѣмъ она въ Петербургъ-то явится? Съ тремя цѣлковыми, аль съ двумя «билетиками», какъ говоритъ та . . . старуха . . . гм! Чѣмъ же жить-то въ Петербургѣ она надѣется потомъ-то? Вѣдь она уже по какимъ-то причинамъ успѣла догадаться, что ей съ Дуней *нельзя* будетъ вмѣстѣ жить послѣ брака, даже и въ первое время? Милый-то человѣкъ навѣрно какъ-нибудь тутъ *проговорился*, далъ себя знать, хоть мамаша и отмахивается обѣими руками отъ

этого: «Сама, дескать, откажусь». Что жъ она, на кого же надѣется: на сто двадцать рублей пенсіона, съ вычетомъ на долгъ Аѳанасію Ивановичу? Косыночки она тамъ зимнія вяжетъ да нарукавнички вышиваетъ, глаза свои старые портитъ. Да вѣдь косыночки всего только двадцать рублей въ годъ прибавляютъ къ ста двадцати-то рублямъ, это мнѣ извѣстно. Значитъ, все-таки на благородство чувствъ господина Лужина надѣются: «Самъ, дескать, предложитъ, упрашивать будетъ». Держи карманъ! И такъ-то вотъ всегда у этихъ Шиллеровскихъ прекрасныхъ душъ бываетъ: до послѣдняго момента рядятъ человѣка въ павлиныя перья, до послѣдняго момента, на добро, а не на худо надѣются и хоть предчувствуютъ оборотъ медали, но ни за что себѣ заранѣе настоящаго слова не выговорятъ: коробитъ ихъ отъ одного помышленія; обѣими руками отъ правды отмахиваются, до тѣхъ самыхъ поръ, пока разукрашенный человѣкъ имъ собственноручно носъ не налѣпитъ. А любопытно, есть ли у господина Лужина ордена; объ закладъ бьюсь, что Анна въ петлицѣ есть, и что онъ ее на обѣды у подрядчиковъ и у купцовъ надѣваетъ. Пожалуй, и на свадьбу свою надѣнетъ! А впрочемъ, чертъ съ нимъ! . .

« . . . Ну да ужъ пусть мамаша, ужъ Богъ съ ней, она ужъ такая, но Дуня-то что? Дунечка, милая, вѣдь я знаю васъ! Вѣдь вамъ уже двадцатый годъ былъ тогда, какъ послѣдній-то разъ мы видѣлись: характеръ-то вашъ я уже понялъ. Мамаша вонъ пишетъ, что «Дунечка многое можетъ снести». Это я зналъ-съ. Это я два съ половиной года назадъ уже зналъ, и съ тѣхъ поръ два съ половиной года объ этомъ думалъ, объ этомъ именно, что

«Дунечка многое можетъ снести». Ужъ когда господина Свидригайлова, со всѣми послѣдствіями, можетъ снести, значитъ дѣйствительно многое можетъ снести. А теперь вотъ вообразили, вмѣстѣ съ мамашей, что и господина Лужина можно снести, излагающаго теорію о преимуществѣ женъ, взятыхъ изъ нищеты и облагодѣтельствованныхъ мужьями, да еще излагающаго чуть не при первомъ свиданіи. Ну да положимъ, онъ «проговорился», хоть и раціональный человѣкъ (такъ что, можетъ быть, и вовсе не проговорился, а именно въ виду имѣлъ поскорѣе разъяснить), но Дуня-то, Дуня? Вѣдь ей человѣкъ-то ясенъ, а вѣдь жить-то съ человѣкомъ. Вѣдь она хлѣбъ черный одинъ будетъ ѣсть да водой запивать, а ужъ душу свою не продастъ, а ужъ нравственную свободу свою не отдастъ за комфортъ; за весь Шлезвигъ-Гольштейнъ не отдастъ, не то что за господина Лужина. Нѣтъ, Дуня не та была, сколько я зналъ, и . . . ну да ужъ конечно не измѣнилась и теперь! . . Что говорить! Тяжелы Свидригайловы! Тяжело за двѣсти рублей всю жизнь въ гувернанткахъ по губерніямъ шляться, но я все-таки знаю, что сестра моя скорѣе въ негры пойдетъ къ плантатору, или въ латыши къ къ остзейскому нѣмцу, чѣмъ оподлить духъ свой и нравственное чувство свое связью съ человѣкомъ, котораго не уважаетъ, и съ которымъ ей нечего дѣлать, — навѣки, изъ одной своей личной выгоды! И будь даже господинъ Лужинъ весь изъ одного чистѣйшаго золота или изъ цѣльнаго брилліанта, и тогда не согласится стать законною наложницей господина Лужина! Почему же теперь соглашается? Въ чемъ же штука-то? Въ чемъ же разгадка-то? Дѣло ясное: для себя, для комфорта своего, даже

для спасенія себя отъ смерти себя не продастъ, а для другого вотъ и продаетъ! Для милаго, для обожаемаго человѣка продастъ! Вотъ въ чемъ вся наша штука-то и состоитъ: за брата, за мать продастъ! Все продастъ! О, тутъ мы, при случаѣ, и нравственное чувство наше придавимъ; свободу, спокойствіе, даже совѣсть, все, все на толкучій рынокъ снесемъ. Пропадай жизнь! Только бы эти возлюбленныя существа наши были счастливы. Мало того, свою собственную казуистику выдумаемъ, у іезуитовъ научимся, и на время, пожалуй, и себя самихъ успокоимъ, убѣдимъ себя, что такъ надо, дѣйствительно надо, для доброй цѣли. Таковы-то мы и есть, и все ясно, какъ день. Ясно, что тутъ ни кто иной, какъ Родіонъ Романовичъ Раскольниковъ въ ходу и на первомъ платѣ стоитъ. Ну какъ же-съ, счастье его можетъ устроить, въ университетѣ содержать, компаніономъ сдѣлать въ конторѣ, всю судьбу его обезпечить; пожалуй, богачемъ впослѣдствіи будетъ, почетнымъ, уважаемымъ, а, можетъ быть, даже славнымъ человѣкомъ окончитъ жизнь! А мать? Да вѣдь тутъ Родя, безцѣнный Родя, первенецъ! Ну какъ для такого первенца хотя бы и такою дочерью не пожертвовать! О милыя и несправедливыя сердца! Да чего: тутъ мы и отъ Сонечкина жребія, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вѣчная Сонечка, пока міръ стоитъ! Жертву-то, жертву-то обѣ вы измѣрили ли вполнѣ? Такъ ли? Подъ силу ли? Въ пользу ли? Разумно ли? Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкинъ жребій ничѣмъ не сквернѣе жребія съ господиномъ Лужинымъ? «Любви тутъ не можетъ быть», пишетъ мамаша. А что если кромѣ любви-то и уваженія не

можетъ быть, а, напротивъ, уже есть отвращеніе, презрѣніе, омерзѣніе, что же тогда? А и выходитъ тогда, что опять, стало быть, «*чистоту наблюдать*» придется. Не такъ, что ли? Понимаете ли, понимаете ли вы, что значитъ сія чистота? Понимаете ли вы, что Лужинская чистота все равно что и Сонечкина чистота, а, можетъ быть, даже и хуже, гаже, подлѣе, потому что у васъ, Дунечка, все-таки на излишекъ комфорта, разсчетъ, а тамъ просто-запросто о голодной смерти дѣло идетъ! «Дорого, дорого стоитъ, Дунечка, сія чистота!» Ну, если потомъ не подъ силу станетъ, раскаетесь? Скорби-то сколько, грусти, проклятій, слезъ-то, скрываемыхъ ото всѣхъ, сколько, потому что не Марѳа же вы Петровна? А съ матерью что тогда будетъ? Вѣдь она ужъ и теперь неспокойна, мучается; а тогда, когда все ясно увидитъ? А со мной? . . Да что же вы въ самомъ дѣлѣ обо мнѣ-то подумали? Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я живъ, не бывать, не бывать! Не принимаю!»

Онъ вдругъ очнулся и остановился.

«Не бывать? А что же ты сдѣлаешь, чтобъ этому не бывать? Запретишь? А право какое имѣешь? Что̀ ты имъ можешь обѣщать въ свою очередь, чтобы право такое имѣть? Всю судьбу свою, всю будущность посвятить, *когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь?* Слышали мы это, да вѣдь это *буки*, а теперь? Вѣдь тутъ надо теперь же что-нибудь сдѣлать, понимаешь ты это? А ты что теперь дѣлаешь? Обираешь ихъ же. Вѣдь деньги-то имъ подъ сторублевый пенсіонъ да подъ господъ Свидригайловыхъ подъ закладъ достаются! Отъ Свидригайловыхъ-то, отъ Аѳанасія-то Ивановича Ва

хрушина, чѣмъ ты ихъ убережешь, милліонеръ будущій, Зевесъ, ихъ судьбою располагающій? Черезъ десять-то лѣтъ? Да въ десять-то лѣтъ мать успѣетъ ослѣпнуть отъ косынокъ, а, пожалуй что, и отъ слезъ; отъ поста исчахнетъ; а сестра? Ну, придумай-ка, что̀ можетъ быть съ сестрой черезъ десять лѣтъ, али въ эти десять лѣтъ? Догадался?».

Такъ мучилъ онъ себя и поддразнивалъ этими вопросами даже съ какимъ-то наслажденіемъ. Впрочемъ, всѣ эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболѣвшіе, давнишніе. Давно уже какъ они начали его терзать, и истерзали ему сердце. Давнымъ давно, какъ зародилась въ немъ вся эта теперешняя тоска, наростала, накоплялась и въ послѣднее время созрѣла и концентрировалась, принявъ форму ужаснаго, дикаго и фантастическаго вопроса, который замучилъ его сердце и умъ, неотразимо требуя разрѣшенія. Теперь же письмо матери вдругъ какъ громомъ въ него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними разсужденіями, о томъ, что вопросы неразрѣшимы, а непремѣнно что-нибудь сдѣлать, и сейчасъ же, и поскорѣе. Во что бы то ни стало надо рѣшиться, хоть на что-нибудь, или . . .

«Или отказаться отъ жизни совсѣмъ! — вскричалъ онъ вдругъ въ изступленіи, — послушно принять судьбу, какъ она есть, разъ навсегда, и задушить въ себѣ все, отказавшись отъ всякаго права дѣйствовать, жить и любить!»

«Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значитъ, когда уже некуда больше идти?» — вдругъ припомнился ему вчерашній вопросъ Мармеладова; «ибо надо, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти» . . .

Вдругъ онъ вздрогнулъ: одна, та же вчерашняя, мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого, что пронеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ,* что она непремѣнно «пронесется», и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь . . . теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ-то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ самъ созналъ это . . . Ему стукнуло въ голову, и потемнѣло въ глазахъ.

Онъ поспѣшно оглядѣлся, онъ искалъ чего-то. Ему хотѣлось сѣсть, и онъ искалъ скамейку; проходилъ же онъ тогда по К—му бульвару. Скамейка виднѣлась впереди, шагахъ во ста. Онъ пошелъ сколько могъ поскорѣе, но на пути случилось съ нимъ одно маленькое приключеніе, которое на нѣсколько минутъ привлекло въ себѣ все его вниманіе.

Выглядывая скамейку, онъ замѣтилъ впереди себя, шагахъ въ двадцати, идущую женщину, но сначала не остановилъ на ней никакого вниманія, какъ и на всѣхъ мелькавшихъ до сихъ поръ передъ нимъ предметахъ. Ему уже много разъ случалось проходить, напримѣръ, домой и совершенно не помнить дороги, по которой онъ шелъ, и онъ уже привыкъ такъ ходить. Но въ идущей женщинѣ было что-то такое странное и, съ перваго же взгляда, бросающееся въ глаза, что мало-по-малу вниманіе его начало къ ней приковываться, — сначала нехотя и какъ бы съ досадой, а потомъ все крѣпче и крѣпче. Ему вдругъ захотѣлось понять, что именно въ этой женщинѣ такого страннаго? Во-первыхъ, она, должно быть, дѣвушка очень моло-

денькая, шла по такому зною простоволосая, безъ зонтика и безъ перчатокъ, какъ-то смѣшно размахивая руками. На ней было шелковое, изъ легкой матеріи («матерчатое») платьице, но тоже какъ-то очень чудно надѣтое, едва застегнутое, и сзади у таліи, въ самомъ началѣ юбки, разорванное; цѣлый клокъ отставалъ и висѣлъ болтаясь. Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала какъ-то криво и бокомъ. Къ довершенію, дѣвушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во всѣ стороны. Эта встрѣча возбудила, наконецъ, все вниманіе Раскольникова. Онъ сошелся съ дѣвушкой у самой скамейки, но дойдя до скамьи, она такъ и повалилась на нее, въ уголъ, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза, повидимому, отъ чрезвычайнаго утомленія. Вглядѣвшись въ нее, онъ тотчасъ же догадался, что она совсѣмъ была пьяна. Странно и дико было смотрѣть на такое явленіе. Онъ даже подумалъ, не ошибается ли онъ. Предъ нимъ было чрезвычайно молоденькое личико, лѣтъ шестнадцати, даже, можетъ быть, только пятнадцати, — маленькое, бѣлокуренькое, хорошенькое, но все разгорѣвшееся и каъ будто припухшее. Дѣвушка, кажется, очень мало ужъ понимала; одну ногу заложила за другую, при чемъ выставила ее гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, и, по всѣмъ признакамъ, очень плохо сознавала, что она на улицѣ.

Раскольниковъ не сѣлъ и уйти не хотѣлъ, а стоялъ передъ нею въ недоумѣніи. Этотъ бульваръ и всегда стоитъ пустынный, теперь же, во второмъ часу и въ такой зной, никого почти не было. И однакожъ въ сторонѣ, шагахъ въ пятнадцати, на краю бульвара, остановился одинъ господинъ, которому,

по всему видно было, очень бы хотѣлось тоже подойти къ дѣвочкѣ съ какими-то цѣлями. Онъ тоже, вѣроятно, увидѣлъ ее издали и догонялъ, но ему помѣшалъ Раскольниковъ. Онъ бросалъ на него злобные взгляды, стараясь, впрочемъ, чтобы тотъ ихъ не замѣтилъ, и нетерпѣливо ожидалъ своей очереди, когда досадный оборванецъ уйдетъ. Дѣло было понятное. Господинъ этотъ былъ лѣтъ тридцати, плотный, жирный, кровь съ молокомъ, съ розовыми губками и съ усиками, и очень щеголевато одѣтый. Раскольниковъ ужасно разозлился; ему вдругъ захотѣлось какъ-нибудь оскорбить этого жирнаго франта. Онъ на минуту оставилъ дѣвочку и подошелъ къ господину.

— Эй вы, Свидригайловъ! Вамъ чего тутъ надо? — крикнулъ онъ, сжимая кулаки и смѣясь своими запѣнившимися отъ злобы губами.

— Это что значитъ? — строго спросилъ господинъ, нахмуривъ брови и свысока удивившись.

— Убирайтесь, вотъ что̀!

— Какъ ты смѣешь, каналья!..

И онъ взмахнулъ хлыстомъ. Раскольниковъ бросился на него съ кулаками, не разсчитавъ даже и того, что плотный господинъ могъ управиться и съ двумя такими, какъ онъ. Но въ эту минуту кто-то крѣпко схватилъ его сзади: между ними сталъ городовой.

— Полно, господа, не извольте драться въ публичныхъ мѣстахъ. Вамъ чего надо? Кто таковъ? — строго обратился онъ къ Раскольникову, разглядѣвъ его лохмотья.

Раскольниковъ посмотрѣлъ на него внимательно. Это было бравое солдатское лицо, съ сѣдыми усами и бакенами и съ толковымъ взглядомъ.

— Васъ-то мнѣ и надо, — крикнулъ онъ, хватая его за руку.

— Я бывшій студентъ, Раскольниковъ... Это и вамъ можно узнать, — обратился онъ къ господину, — а вы пойдемте-ка, я вамъ что-то покажу...

И схвативъ городового за руку, онъ потащилъ его къ скамейкѣ.

— Вотъ, смотрите, совсѣмъ пьяная, сейчасъ шла по бульвару: кто ее знаетъ изъ какихъ, а не похоже, чтобъ по ремеслу. Вѣрнѣе же всего, гдѣ-нибудь напоили и обманули... въ первый разъ... понимаете? да такъ и пустили на улицу. Посмотрите, какъ разорвано платье, посмотрите, какъ оно надѣто: вѣдь ее одѣвали, а не сама она одѣвалась, да и одѣвали-то неумѣлыя руки, мужскія. Это видно. А вотъ теперь смотрите сюда: этотъ франтъ, съ которымъ я сейчасъ драться хотѣлъ, мнѣ незнакомъ, первый разъ вижу; но онъ ее тоже отмѣтилъ дорогой, сейчасъ, пьяную-то, себя-то непомнящую, и ему ужасно теперь хочется подойти и перехватить ее, — такъ какъ она въ такомъ состояніи, — завести куда-нибудь... И ужъ это навѣрно такъ; ужъ повѣрьте, что я не ошибаюсь. Я самъ видѣлъ, какъ онъ за нею наблюдалъ и слѣдилъ, только я ему помѣшалъ, и онъ теперь все ждетъ, когда я уйду. Вонъ онъ теперь отошелъ маленько, стоитъ будто папироску свертываетъ... Какъ бы намъ ему не дать? Какъ бы намъ ее домой отправить, — подумайте-ка!

Городовой мигомъ все понялъ и сообразилъ. Толстый господинъ былъ, конечно, понятенъ, оставалась дѣвочка. Служивый нагнулся надъ нею разглядѣть поближе, и искреннее состраданіе изобразилось въ его чертахъ.

— Ахъ, жаль-то какъ! — сказалъ онъ, качая головой, — совсѣмъ еще какъ ребенокъ. Обманули, это какъ разъ. Послушайте, сударыня, — началъ онъ звать ее, — гдѣ изволите проживать? — Дѣвушка открыла усталые и посоловѣлые глаза, тупо посмотрѣла на допрашивающихъ и отмахнулась рукой.

— Послушайте, — сказалъ Раскольниковъ, — вотъ (онъ пошарилъ въ карманѣ и вытащилъ двадцать копеекъ; нашлись), вотъ, возьмите извозчика и велите ему доставить по адресу. Только бы адресъ-то намъ узнать!

— Барышня, а барышня! — началъ опять городовой, принявъ деньги, — я сейчасъ извозчика вамъ возьму и самъ васъ препровожу. Куда прикажете? А? Гдѣ изволите квартировать?

— Пшла!.. Пристаютъ!... — пробормотала дѣвочка и опять отмахнулась рукой.

— Ахъ, ахъ, какъ нехорошо! Ахъ, стыдно-то какъ барышня, стыдъ-то какой! — Онъ опять закачалъ головой, стыдя, сожалѣя и негодуя. — Вѣдь водъ задача! — обратился онъ къ Раскольникову и тутъ же, мелькомъ, опять оглядѣлъ его съ ногъ до головы. Страненъ вѣрно и онъ ему показался: въ такихъ лохмотьяхъ, а самъ деньги выдаетъ!

— Вы далеко ль отсюда ихъ нашли? — спросилъ онъ его.

— Говорю вамъ: впереди меня шла, шатаясь, тутъ же на бульварѣ. Какъ до скамейки дошла, такъ и повалилась.

— Ахъ, стыдъ-то какой теперь завелся на свѣтѣ, Господи! Этакая немудреная и ужъ пьяная! Обманули, это какъ есть! Вонъ и платьице ихнее разорвано... Ахъ, какъ развратъ-то нонѣ по-

шелъ! . . А пожалуй, что изъ благородныхъ будетъ, изъ бѣдныхъ какихъ . . . Нонѣ много такихъ пошло. По виду-то какъ бы изъ нѣжныхъ, словно вѣдь барышня, — и онъ опять нагнулся надъ ней.

Можетъ, и у него самого росли такія же дочки—«словно какъ барышни и изъ нѣжныхъ», съ замашками благовоспитанныхъ и со всякимъ перенятымъ уже модничаніемъ . . .

— Главное, — хлопоталъ Раскольниковъ, — вотъ этому подлецу какъ бы не дать! Ну что жъ онъ еще надъ ней надругается! Наизусть видно, чего ему хочется; ишь, подлецъ, не отходитъ!

Раскольниковъ говорилъ громко и указывалъ на него прямо рукой. Тотъ услышалъ и хотѣлъ было опять разсердиться, но одумался и ограничился однимъ презрительнымъ взглядомъ. Затѣмъ медленно отошелъ еще шаговъ десять и опять остановился.

— Не дать-то имъ это можно-съ, — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ въ раздумьи. — Вотъ кабы они сказали, куда ихъ предоставить, а то . . . Барышня, а барышня! —нагнулся онъ снова.

Та вдругъ совсѣмъ открыла глаза, посмотрѣла внимательно, какъ будто поняла что-то такое, встала со скамейки и пошла обратно въ ту сторону, откуда пришла. — Фу, безстыдники, пристаютъ! — проговорила она, еще разъ отмахнувшись. Пошла она скоро, но попрежнему сильно шатаясь. Франтъ пошелъ за нею, но по другой аллеѣ, не спуская съ нея глазъ.

— Не безпокойтесь, не дамъ-съ, — рѣшительно сказалъ усачъ и отправился вслѣдъ за ними.

— Эхъ, развратъ-то какъ нонѣ пошелъ! — повторилъ онъ вслухъ, вздыхая.

Въ эту минуту какъ будто что-то ужалило Раскольникова; въ одинъ мигъ его какъ будто перевернуло.

— Послушайте, эй! — закричалъ онъ вслѣдъ усачу.

Тотъ оборотился.

— Оставьте! Чего вамъ? Бросьте! Пусть его позабавится (онъ указалъ на франта). Вамъ-то чего?

Городовой не понималъ и смотрѣлъ во всѣ глаза. Раскольниковъ засмѣялся.

— Э-эхъ! — проговорилъ служивый, махнувъ рукой, и пошелъ вслѣдъ за франтомъ и за дѣвочкой, вѣроятно, принявъ Раскольникова иль за помѣшаннаго или за что-нибудь еще хуже.

«Двадцать копеекъ мои унесъ, — злобно проговорилъ Раскольниковъ, оставшись одинъ. — Ну, пусть и съ того тоже возьметъ, да и отпуститъ съ нимъ дѣвочку, тѣмъ и кончится . . . И чего я ввязался тутъ помогать! Ну мнѣ ль помогать? Имѣю ль я право помогать? Да пусть ихъ переглотаютъ другъ друга живьемъ, — мнѣ-то чего? И какъ я смѣлъ отдать эти двадцать копеекъ. Развѣ онѣ мои?»

Несмотря на эти странныя слова, ему стало очень тяжело. Онъ присѣлъ на оставленную скамью. Мысли его были разсѣяны . . . Да и вообще тяжело ему было думать въ эту минуту о чемъ бы то ни было. Онъ бы хотѣлъ совсѣмъ забыться, все забыть, потомъ проснуться и начать совсѣмъ сызнова . . .

— Бѣдная дѣвочка! — сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ опустѣвшій уголъ скамьи. — Очнется, поплачетъ, потомъ мать узнаетъ . . . Сначала при-

бьетъ, а потомъ высѣчетъ, больно и съ позоромъ, пожалуй, и сгонитъ... А не сгонитъ, такъ все-таки пронюхаютъ Дарьи Францовны, и начнетъ шмыгать моя дѣвочка, туда да сюда... Потомъ тотчасъ больница (и это всегда у тѣхъ, которыя у матерей живутъ очень честныхъ и тихонько отъ нихъ пошаливаютъ), ну а тамъ... а тамъ опять больница... вино... кабаки... и еще больница... года черезъ два-три — калѣка, итого житья ея девятнадцать, аль восемнадцать лѣтъ отроду, всего-съ... Развѣ я такихъ не видалъ? А какъ онѣ дѣлались? Да вотъ все такъ и дѣлались... Тьфу! А пусть! Это, говорятъ, такъ и слѣдуетъ. Такой процентъ, говорятъ, долженъ уходить каждый годъ... къ черту, должно быть, чтобъ остальныхъ освѣжать и имъ не мѣшать. Процентъ! Славныя, право, у нихъ эти словечки: онѣ такія успокоительныя, научныя. Сказано: процентъ, стало быть, и тревожиться нечего. Вотъ если бы другое слово, ну тогда... было бы, можетъ быть, безпокойнѣе... А что коль и Дунечка какъ-нибудь въ процентъ попадетъ!.. Не въ тотъ, такъ въ другой?

«А куда жъ я иду? — подумалъ онъ вдругъ. — Странно. Вѣдь я зачѣмъ-то пошелъ. Какъ письмо прочелъ, такъ и пошелъ... На Васильевскій островъ, къ Разумихину я пошелъ, вотъ куда, теперь... помню. Да зачѣмъ же однако? И какимъ образомъ мысль идти къ Разумихину залетѣла мнѣ именно теперь въ голову? Это замѣчательно».

Онъ дивился себѣ. Разумихинъ былъ одинъ изъ его прежнихъ товарищей по университету. Замѣчательно, что Раскольниковъ, бывъ въ университетѣ, почти не имѣлъ товарищей, всѣхъ чуждался, ни къ кому не ходилъ и у себя принималъ тяжело.

Впрочемъ, и отъ него скоро всѣ отвернулись. Ни въ общихъ сходкахъ, ни въ разговорахъ, ни въ забавахъ, ни въ чемъ онъ какъ-то не принималъ участія. Занимался онъ усиленно, не жалѣя себя, и за это его уважали, но никто не любилъ. Былъ онъ очень бѣденъ и какъ-то надменно гордъ и несообщителенъ; какъ будто что-то таилъ про себя. Инымъ товарищамъ его казалось, что онъ смотритъ на нихъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, свысока, какъ будто онъ всѣхъ ихъ опередилъ и развитіемъ, и знаніемъ, и убѣжденіями, и что на ихъ убѣжденія и интересы онъ смотритъ какъ на что-то низшее.

Съ Разумихинымъ же онъ почему-то сошелся, то есть не то что сошелся, а былъ съ нимъ сообщительнѣе, откровеннѣе. Впрочемъ, съ Разумихинымъ невозможно было и быть въ другихъ отношеніяхъ. Это былъ необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты. Впрочемъ, подъ этою простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшіе изъ его товарищей понимали это, всѣ любили его. Былъ онъ очень неглупъ, хотя и дѣйствительно иногда простоватъ. Наружность его была выразительная, — высокій, худой, всегда худо выбритый, черноволосый. Иногда онъ буянилъ и слылъ за силача. Однажды, ночью, въ компаніи, онъ однимъ ударомъ ссадилъ одного блюстителя вершковъ двѣнадцати росту. Пить онъ могъ до безконечности, но могъ и совсѣмъ не пить; иногда проказилъ даже непозволительно, но могъ и совсѣмъ не проказить. Разумихинъ былъ еще тѣмъ замѣчателенъ, что никакія неудачи его никогда не смущали, и никакія дурныя обстоятельства, казалось, не могли придавить его. Онъ могъ квартировать хоть на крышѣ, терпѣть

адскій голодъ и необыкновенный холодъ. Былъ онъ очень бѣденъ и рѣшительно самъ, одинъ, содержалъ себя, добывая кой-какими работами деньги. Онъ зналъ бездну источниковъ, гдѣ могъ почерпнуть, разумѣется, заработкомъ. Однажды онъ цѣлую зиму не топилъ своей комнаты и утверждалъ, что это даже пріятнѣе, потому что въ холодѣ лучше спится. Въ настоящее время онъ тоже принужденъ былъ выйти изъ университета, но ненадолго, и изъ всѣхъ силъ спѣшилъ поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать. Раскольниковъ не былъ у него уже мѣсяца четыре, а Разумихинъ и не зналъ даже его квартиры. Разъ какъ-то, мѣсяца два тому назадъ, они было встрѣтились на улицѣ, но Раскольниковъ отвернулся и даже перешелъ на другую сторону, чтобы тотъ его не замѣтилъ. А Разумихинъ хоть и замѣтилъ, но прошелъ мимо, не желая тревожить *пріятеля*.

V.

«Дѣйствительно, я у Разумихина недавно еще хотѣлъ было работы просить, чтобъ онъ мнѣ или уроки досталъ, или что-нибудь . . . — додумывался Раскольниковъ, — но чѣмъ теперь-то онъ мнѣ можетъ помочь? Положимъ, уроки достанетъ, положимъ, даже послѣднею копейкой подѣлится, если есть у него копейка, такъ что можно даже и сапоги купить, и костюмъ поправить, чтобы на уроки ходить . . . гм . . . Ну, а дальше? На пятаки-то что жъ я сдѣлаю? Мнѣ развѣ того теперь надобно? Право, смѣшно, что я пошелъ къ Разумихину . . . »

Вопросъ, почему онъ пошелъ теперь къ Разумихину, тревожилъ его больше, чѣмъ даже ему са-

мому казалось; съ безпокойствомъ отыскивалъ онъ какой-то зловѣщій для себя смыслъ въ этомъ, казалось бы, самомъ обыкновенномъ поступкѣ.

«Что жъ, неужели я все дѣло хотѣлъ поправить однимъ Разумихинымъ, и всему исходъ нашелъ въ Разумихинѣ?» спрашивалъ онъ себя съ удивленіемъ.

Онъ думалъ и теръ себѣ лобъ, и, странное дѣло, какъ-то невзначай, вдругъ и почти самъ собой, послѣ очень долгаго раздумья, пришла ему въ голову одна престранная мысль.

«Гм . . . къ Разумихину, — проговорилъ онъ вдругъ совершенно спокойно, какъ бы въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія, — къ Разумихину я пойду, это конечно . . . но — не теперь . . . Я къ нему . . . на другой день послѣ *того* пойду, когда уже *то* будетъ кончено, и когда все по-новому пойдетъ . . .»

И вдругъ онъ опомнился.

«Послѣ *того,* — вскрикнулъ онъ, срываясь со скамейки, — да развѣ *то* будетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ будетъ?»

Онъ бросилъ скамейку и пошелъ, почти побѣжалъ; онъ хотѣлъ было поворотить назадъ, къ дому, но домой идти ему стало вдругъ ужасно противно: тамъ-то, въ углу, въ этомъ-то ужасномъ шкафу и созрѣвало все *это* вотъ уже болѣе мѣсяца, и онъ пошелъ, куда глаза глядятъ.

Нервная дрожь его перешла въ какую-то лихорадочную; онъ чувствовалъ даже ознобъ; на такой жарѣ ему становилось холодно. Какъ бы съ усиліемъ началъ онъ, почти безсознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во всѣ встрѣчавшіеся предметы, какъ будто ища

усиленно развлеченія, но это плохо удавалось ему, и онъ поминутно впадалъ въ задумчивость. Когда же опять, вздрагивая, поднималъ голову и оглядывался кругомъ, то тотчасъ же забывалъ, о чемъ сейчасъ думалъ и даже гдѣ проходилъ. Такимъ образомъ прошелъ онъ весь Васильевскій островъ, вышелъ на Малую Неву, перешелъ мостъ и поворотилъ на Острова. Зелень и свѣжесть понравились сначала его усталымъ глазамъ, привыкшимъ къ городской пыли, къ известкѣ и къ громаднымъ, тѣснящимъ и давящимъ домамъ. Тутъ не было ни духоты, ни вони, ни распивочныхъ. Но скоро и эти новыя, пріятныя ощущенія перешли въ болѣзненныя и раздражающія. Иногда онъ останавливался передъ какою-нибудь изукрашенною въ зелени дачей, смотрѣлъ въ ограду, видѣлъ вдали, на балконахъ и на террасахъ, разряженныхъ женщинъ и бѣгающихъ въ саду дѣтей. Особенно занимали его цвѣты; онъ на нихъ всего дольше смотрѣлъ. Встрѣчались ему тоже пышныя коляски, наѣздники и наѣздницы; онъ провожалъ ихъ съ любопытствомъ глазами и забывалъ о нихъ прежде, чѣмъ они скрывались изъ глазъ. Разъ онъ остановился и пересчиталъ свои деньги; оказалось около тридцати копеекъ: «Двадцать городовому, три Настасьѣ за письмо, — значитъ, Мармеладовымъ далъ вчера копеекъ сорокъ семь, али пятьдесятъ», подумалъ онъ, для чего-то разсчитывая, но скоро забылъ даже для чего и деньги вытащилъ изъ кармана. Онъ вспомнилъ объ этомъ, проходя мимо одного съѣстного заведенія, въ родѣ харчевни, и почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Войдя въ харчевню, онъ выпилъ рюмку водки и съѣлъ съ какою-то начинкой пирогъ. Доѣлъ онъ его опять на дорогѣ. Онъ очень

давно не пилъ водки, и она мигомъ подѣйствовала, хотя выпита была всего одна рюмка. Ноги его вдругъ отяжелѣли, и онъ началъ чувствовать сильный позывъ ко сну. Онъ пошелъ домой; но дойдя уже до Петровскаго острова, остановился въ полномъ изнеможеніи, сошелъ съ дороги, вошелъ въ кусты, палъ на траву и въ ту же минуту заснулъ.

Въ болѣзненномъ состояніи сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процессъ всего представленія бываютъ при этомъ до того вѣроятны и съ такими тонкими, неожиданными, но художественно соотвѣтствующими всей полнотѣ картины подробностями, что ихъ и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь онъ такой же художникъ, какъ Пушкинъ или Тургеневъ. Такіе сны, болѣзненные сны, всегда долго помнятся и производятъ сильное впечатлѣніе на разстроенный и уже возбужденный организмъ человѣка.

Страшный сонъ приснился Раскольникову. Приснилось ему его дѣтство, еще въ ихъ городкѣ. Онъ лѣтъ семи и гуляетъ въ праздничный день, подъ вечеръ, съ своимъ отцомъ за городомъ. Время сѣренькое, день удушливый, мѣстность совершенно такая же, какъ уцѣлѣла въ его памяти; даже въ памяти его она гораздо болѣе изгладилась, чѣмъ представлялась теперь во снѣ. Городокъ стоитъ открыто, какъ на ладони, кругомъ ни ветлы; гдѣ-то очень далеко, на самомъ краю неба чернѣется лѣсокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго городского огорода стоитъ кабакъ, большой кабакъ, всегда производившій на него непріятнѣйшее впечатлѣ-

ніе и даже страхъ, когда онъ проходилъ мимо него, гуляя съ отцомъ. Тамъ всегда была такая толпа, такъ орали, хохотали, ругались, такъ безобразно и сипло пѣли и такъ часто дрались; кругомъ кабака шлялись всегда такія пьяныя и страшныя рожи . . . Встрѣчаясь съ ними, онъ тѣсно прижимался къ отцу и весь дрожалъ. Возлѣ кабака дорога, проселокъ, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная. Идетъ она, извиваясь далѣе, и шагахъ въ трехстахъ огибаетъ вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь, съ зеленымъ куполомъ, въ которую онъ раза два въ годъ ходилъ съ отцомъ и съ матерью къ обѣднѣ, когда служились панихиды по его бабушкѣ, умершей уже давно, и которую онъ никогда не видалъ. При этомъ всегда они брали съ собой кутью на бѣломъ блюдѣ, въ салфеткѣ, а кутья была сахарная изъ рису и изюму, вдавленнаго въ рисъ крестомъ. Онъ любилъ эту церковь и старинные въ ней образа, большею частью безъ окладовъ, и стараго священника съ дрожащею головой. Подлѣ бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшаго брата, умершаго шести мѣсяцевъ, и котораго онъ тоже совсѣмъ не зналъ и не могъ помнить; но ему сказали, что у него былъ маленькій братъ, и онъ каждый разъ, какъ посѣщалъ кладбище, религіозно и почтительно крестился надъ могилкой, кланялся ей и цѣловалъ ее. И вотъ снится ему: они идутъ съ отцомъ по дорогѣ къ кладбищу и проходятъ мимо кабака; онъ держитъ отца за руку и со страхомъ оглядывается на кабакъ. Особенное обстоятельство привлекаетъ его вниманіе: на этотъ разъ тутъ было какъ будто гулянье, толпа разодѣтыхъ мѣщанокъ,

бабъ, ихъ мужей и всякаго сброду. Всѣ пьяны, всѣ поютъ пѣсни, а подлѣ кабачнаго крыльца стоитъ телѣга, но странная телѣга. Это одна изъ тѣхъ большихъ телѣгъ, въ которыя впрягаютъ большихъ ломовыхъ лошадей и перевозятъ въ нихъ товары и винныя бочки. Онъ всегда любилъ смотрѣть на этихъ огромныхъ ломовыхъ коней, долгогривыхъ, съ толстыми ногами, идущихъ спокойно, мѣрнымъ шагомъ и везущихъ за собою какую-нибудь цѣлую гору, нисколько не надсаждаясь, какъ будто имъ съ возами даже легче, чѣмъ безъ возовъ. Но теперь, странное дѣло, въ большую такую телѣгу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская кляченка, одна изъ тѣхъ, которыя, — онъ часто это видѣлъ, — надрываются иной разъ съ высокимъ какимъ-нибудь возомъ дровъ или сѣна, особенно коли возъ застрянетъ въ грязи или въ колеѣ, и при этомъ ихъ такъ больно, такъ больно бьютъ всегда мужики кнутами, иной разъ даже по самой мордѣ и по глазамъ, а ему такъ жалко, такъ жалко на это смотрѣть, что онъ чуть не плачетъ, а мамаша всегда бывало отводитъ его отъ окошка. Но вотъ вдругъ становится очень шумно: изъ кабака выходятъ съ криками, съ пѣснями, съ балалайками, пьяные-препьяные большіе такіе мужики въ красныхъ и синихъ рубашкахъ, съ армяками въ накидку. «Садись, всѣ садись!—кричитъ одинъ, еще молодой, съ толстою такою шеей и съ мясистымъ, краснымъ, какъ морковь, лицомъ, — всѣхъ довезу, садись!» Но тотчасъ же раздается смѣхъ и восклицанья:

— Этака кляча, да повезетъ!

— Да ты, Миколка, въ умѣ, что ли: этаку кобыленку въ таку телѣгу запрегъ!

— А вѣдь савраскѣ-то безпремѣнно лѣтъ двадцать ужъ будетъ, братцы!

— Садись, всѣхъ довезу! — опять кричитъ Миколка, прыгая первый въ телѣгу, беретъ возжи и становится на передкѣ во весь ростъ. — Гнѣдой даве съ Матвѣемъ ушелъ, — кричитъ онъ съ телѣги, — а кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрываетъ: такъ бы, кажись, ее и убилъ, даромъ хлѣбъ ѣстъ. Говорю, садись! Вскачь пущу! Вскачь пойдетъ! — И онъ беретъ въ руки кнутъ, съ наслажденіемъ готовясь сѣчь савраску.

— Да садись, чего! — хохочутъ въ толпѣ. — Слышь, вскачь пойдетъ!

— Она вскачь-то ужъ десять лѣтъ поди не прыгала.

— Запрыгаетъ!

— Не жалѣй, братцы, бери всякъ кнуты, зготовляй!

— И то! Сѣки ее!

Всѣ лѣзутъ въ Миколкину телѣгу съ хохотомъ и остротами. Налѣзло человѣкъ шесть, и еще можно посадить. Берутъ съ собою одну бабу, толстую и румяную. Она въ кумачахъ, въ кичкѣ съ бисеромъ, на ногахъ коты, щелкаетъ орѣшки и посмѣивается. Кругомъ въ толпѣ тоже смѣются, да и впрямь, какъ не смѣяться: этака лядащая кобыленка да таку тягость вскачь везти будетъ! Два парня въ телѣгѣ тотчасъ же берутъ по кнуту, чтобы помогать Миколкѣ. Раздается: «ну!» кляченка дергаетъ изо всей силы, но не только вскачь, а даже и шагомъ-то чуть-чуть можетъ справиться, только сѣменитъ ногами, кряхтитъ и присѣдаетъ отъ ударовъ трехъ кнутовъ, сыплющихся на нее, какъ горохъ. Смѣхъ въ телѣгѣ и въ толпѣ удваивается,

но Миколка сердится и въ ярости сѣчетъ учащенными ударами кобыленку, точно и прямь полагаетъ, что она вскачь пойдетъ.

— Пусти и меня, братцы, — кричитъ одинъ разлакомившійся парень изъ толпы.

— Садись! Всѣ садись! — кричитъ Миколка, — всѣхъ повезетъ. Засѣку! — И хлещетъ, хлещетъ, и уже не знаетъ, чѣмъ и бить отъ остервенѣнія.

— Папочка, папочка, — кричитъ онъ отцу, — папочка, что они дѣлаютъ? Папочка, бѣдную лошадку бьютъ!

— Пойдемъ, пойдемъ! — говоритъ отецъ, — пьяные, шалятъ, дураки; пойдемъ, не смотри! — и хочетъ увести его, но онъ вырывается изъ его рукъ и, не помня себя, бѣжитъ къ лошадкѣ. Но ужъ бѣдной лошадкѣ плохо. Она задыхается, останавливается, опять дергаетъ, чуть не падаетъ.

— Сѣки до смерти! — кричитъ Миколка, — на то пошло. Засѣку!

— Да что на тебѣ креста, что ли, нѣтъ, лѣшій! — кричитъ одинъ старикъ изъ толпы.

— Видано ль, чтобы така лошаденка таку поклажу везла, — прибавляетъ другой.

— Заморишь! — кричитъ третій.

— Не трошь! Мое добро! Что хочу, то и дѣлаю. Садись еще! Всѣ садись! Хочу, чтобы безпримѣнно вскачь пошла! . .

Вдругъ хохотъ раздается залпомъ и покрываетъ все: кобыленка не вынесла учащенныхъ ударовъ и въ безсиліи начала лягаться. Даже старикъ не выдержалъ и усмѣхнулся. И впрямь: этака лядащая кобыленка, а еще лягается!

Два парня изъ толпы достаютъ еще по кнуту и бѣгутъ къ лошаденкѣ сѣчь ее съ боковъ. Каждый бѣжитъ съ своей стороны.

— По мордѣ ее, по глазамъ хлещи, по глазамъ! — кричитъ Миколка.

— Пѣсню, братцы! — кричитъ кто-то съ телѣги, и всѣ въ телѣгѣ подхватываютъ. Раздается разгульная пѣсня, брякаетъ бубенъ, въ припѣвахъ свистъ. Бабенка щелкаетъ орѣшки и посмѣивается.

. . . Онъ бѣжитъ подлѣ лошадки, онъ забѣгаетъ впередъ, онъ видитъ, какъ ее сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ! Онъ плачетъ. Сердце въ немъ поднимается, слезы текутъ. Одинъ изъ сѣкущихъ задѣваетъ его по лицу; онъ не чувствуетъ, онъ ломаетъ свои руки, кричитъ, бросается къ сѣдому старику съ сѣдою бородой, который качаетъ головой и осуждаетъ все это. Одна баба беретъ его за руку и хочетъ увесть; но онъ вырывается и опять бѣжитъ къ лошадкѣ. Та уже при послѣднихъ усиліяхъ, но еще разъ начинаетъ лягаться.

— А чтобъ-те, лѣшій! — вскрикиваетъ въ ярости Миколка. Онъ бросаетъ кнутъ, нагибается и вытаскиваетъ со дна телѣги длинную и толстую оглоблю, беретъ ее за конецъ въ обѣ руки и съ усиліемъ размахивается надъ савраской.

— Разразитъ! — кричатъ кругомъ.

— Убьетъ!

— Мое добро! — кричитъ Миколка и со всего размаха опускаетъ оглоблю. Раздается тяжелый ударъ.

— Сѣки ее, сѣки! Что стали! — кричатъ голоса изъ толпы.

А Миколка намахивается въ другой разъ, и дру-

гой ударъ со всего размаха ложится на спину несчастной клячи. Она вся осѣдаетъ всѣмъ задомъ, но вспрыгиваетъ и дергаетъ, дергаетъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ въ разныя стороны, чтобы вывезти; но со всѣхъ сторонъ принимаютъ ее въ шесть кнутовъ, а оглобля снова вздымается и падаетъ въ третій разъ, потомъ въ четвертый, мѣрно, съ размаха. Миколка въ бѣшенствѣ, что не можетъ съ одного удара убить.

— Живуча! — кричатъ кругомъ.

— Сейчасъ безпремѣнно падетъ, братцы, тутъ ей и конецъ! — кричитъ изъ толпы одинъ любитель.

— Топоромъ ее, чего! Покончить съ ней разомъ, — кричитъ третій.

— Эхъ, ѣшь-те комары! Разступись! — неистово вскрикиваетъ Миколка, бросаетъ оглоблю, снова нагибается въ телѣгу и вытаскиваетъ желѣзный ломъ. — Берегись! — кричитъ онъ и что есть силы огорашиваетъ съ размаха свою бѣдную лошаденку. Ударъ рухнулъ; кобыленка зашаталась, осѣла, хотѣла было дернуть, но ломъ снова со всего размаха ложится ей на спину, и она падаетъ на землю, точно ей подсѣкли всѣ четыре ноги разомъ.

— Добивай! — кричитъ Миколка и вскакиваетъ, словно себя не помня, съ телѣги. Нѣсколько парней, тоже красныхъ и пьяныхъ, схватываютъ, что попало — кнуты, палки, оглоблю, и бѣгутъ къ издыхающей кобыленкѣ. Миколка становится сбоку и начинаетъ бить ломомъ зря по спинѣ. Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ.

— Доканалъ! — кричатъ въ толпѣ.

— А зачѣмъ вскачь не шла!

— Мое добро! — кричитъ Миколка, съ ломомъ въ рукахъ и съ налитыми кровью глазами. Онъ стоитъ будто жалѣя, что ужъ некого больше бить.

— Ну и впрямь знать креста на тебѣ нѣтъ! — кричатъ изъ толпы уже многіе голоса.

Но бѣдный мальчикъ уже не помнитъ себя. Съ крикомъ пробивается онъ сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее въ глаза, въ губы... Потомъ вдругъ вскакиваетъ и въ изступленіи бросается съ своими кулаченками на Миколку. Въ этотъ мигъ отецъ, уже долго гонявшійся за нимъ, схватываетъ его, наконецъ, и выноситъ изъ толпы.

— Пойдемъ! пойдемъ! — говоритъ онъ ему, — домой пойдемъ!

— Папочка! За что они... бѣдную лошадку... убили! — всхлипываетъ онъ, но дыханіе ему захватываетъ, и слова криками вырываются изъ его стѣсненной груди.

— Пьяные, шалятъ, не наше дѣло, пойдемъ! — говоритъ отецъ. Онъ обхватываетъ отца руками, но грудь ему тѣснитъ, тѣснитъ. Онъ хочетъ перевести дыханіе, вскрикнуть, и просыпается.

Онъ проснулся весь въ поту, съ мокрыми отъ поту волосами, задыхаясь, и приподнялся въ ужасѣ.

— Слава Богу, это только сонъ! — сказалъ онъ, садясь подъ деревомъ и глубоко переводя дыханіе. — Но что это? Ужъ не горячка ли во мнѣ начинается: такой безобразный сонъ!

Все тѣло его было какъ бы разбито; смутно и темно на душѣ. Онъ положилъ локти на колѣна и подперъ обѣими руками голову.

«Боже! — воскликнулъ онъ, — да неужели жъ, неужели жъ я въ самомъ дѣлѣ возьму топоръ, ста-

ну бить по головѣ, размозжу ей черепъ... буду скользить въ липкой, теплой крови, взламывать замокъ, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... съ топоромъ... Господи, неужели?»

Онъ дрожалъ, какъ листъ, говоря это.

— Да что же это я! — продолжалъ онъ, восклоняясь опять и какъ бы въ глубокомъ изумленіи, — вѣдь я зналъ же, что этого не вынесу, такъ чего жъ я до сихъ поръ себя мучилъ? Вѣдь еще вчера, вчера, когда я пошелъ дѣлать эту... *пробу*, вѣдь я вчера же понялъ совершенно, что не вытерплю... Чего жъ я теперь-то? Чего жъ я еще до сихъ поръ сомнѣвался? Вѣдь вчера же, сходя съ лѣстницы, я самъ сказалъ, что это подло, гадко, низко, низко... вѣдь меня отъ одной мысли *наяву* стошнило и въ ужасъ бросило...

— Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ этихъ расчетахъ, будь это все, что рѣшено въ этотъ мѣсяцъ, ясно, какъ день, справедливо, какъ ариѳметика. Господи! Вѣдь я все же равно не рѣшусь! Я вѣдь не вытерплю, не вытерплю!.. Чего же, чего же и до сихъ поръ...

Онъ всталъ на ноги, въ удивленіи осмотрѣлся кругомъ, какъ бы дивясь и тому, что зашелъ сюда, и пошелъ на Т — въ мостъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, изнеможеніе было во всѣхъ его членахъ, но ему вдругъ стало дышать какъ бы легче. Онъ почувствовалъ, что уже сбросилъ съ себя это страшное бремя, давившее его такъ долго, и на душѣ его стало вдругъ легко и мирно. «Господи! — молилъ онъ, — покажи мнѣ путь мой, а я отрекаюсь отъ этой проклятой... мечты моей!»

Проходя черезъ мостъ, онъ тихо и спокойно

смотрѣлъ на Неву, на яркій закатъ яркаго, краснаго солнца. Несмотря на слабость свою, онъ даже не ощущалъ въ себѣ усталости. Точно нарывъ на сердцѣ его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался. Свобода, свобода! Онъ свободенъ теперь отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянія, отъ навожденія!

Впослѣдствіи, когда онъ припоминалъ это время и все, что случилось съ нимъ въ эти дни, минуту за минутой, пунктъ за пунктомъ, черту за чертой, его до суевѣрія поражало всегда одно обстоятельство, хотя въ сущности и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потомъ какъ бы какимъ-то предопредѣленіемъ судьбы его.

Именно: онъ никакъ не могъ понять и объяснить себѣ, почему онъ, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднѣе возвратиться домой самымъ кратчайшимъ и прямымъ путемъ, воротился домой черезъ Сѣнную площадь, на которую ему было совсѣмъ лишнее идти. Крюкъ былъ небольшой, но очевидный и совершенно ненужный. Конечно, десятки разъ случалось ему возвращаться домой, не помня улицъ, по которымъ онъ шелъ. Но зачѣмъ же, спрашивалъ онъ всегда, зачѣмъ же такая важная, такая рѣшительная для него и въ то же время такая въ высшей степени случайная встрѣча на Сѣнной (по которой даже и идти ему было не зачѣмъ), подошла какъ разъ теперь къ такому часу, къ такой минутѣ въ его жизни, именно къ такому настроенію его духа, и къ такимъ именно обстоятельствамъ, при которыхъ только и могла она, эта встрѣча, произвести самое рѣшительное и самое окончательное дѣйствіе на всю судьбу его? Точно тутъ нарочно поджидала его!

Было около девяти часовъ, когда онъ проходилъ по Сѣнной. Всѣ торговцы на столахъ, на лоткахъ, въ лавкахъ и въ лавочкахъ, запирали свои заведенія, или снимали и прибирали свой товаръ, и расходились по домамъ, равно какъ и ихъ покупатели. Около харчевенъ въ нижнихъ этажахъ, на грязныхъ и вонючихъ дворахъ домовъ Сѣнной площади, а наиболѣе у распивочныхъ, толпилось много разнаго и всякаго сорта промышленниковъ и лохмотниковъ. Раскольниковъ преимущественно любилъ эти мѣста, равно какъ и всѣ близлежащіе переулки, когда выходилъ безъ цѣли на улицу. Тутъ лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомѣрнаго вниманія, и можно было ходить въ какомъ угодно видѣ, никого не скандализируя. У самаго К — наго переулка, на углу, мѣщанинъ и баба, жена его, торговали съ двухъ столовъ товаромъ: нитками, тесемками, платками ситцевыми и т. п. Они тоже поднимались домой, но замѣшкались, разговаривая съ подошедшею знакомой. Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, какъ всѣ звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы, у которой вчера былъ Раскольниковъ, приходившій закладывать ей часы и дѣлать свою *пробу* . . . Онъ давно уже зналъ все про эту Лизавету, и даже та его знала немного. Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная дѣвка, чуть не идіотка, тридцати пяти лѣтъ, бывшая въ полномъ рабствѣ у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая передъ ней и терпѣвшая отъ нея даже побои. Она стояла въ раздумьи съ узломъ передъ мѣщаниномъ и бабой и внимательно слушала ихъ. Тѣ что-то ей съ особеннымъ

жаромъ толковали. Когда Раскольниковъ вдругъ увидѣлъ ее, какое-то странное ощущеніе, похожее на глубочайшее изумленіе, охватило его, хотя во встрѣчѣ этой не было ничего изумительнаго.

— Вы бы, Лизавета Ивановна, и порѣшили самолично, — громко говорилъ мѣщанинъ. — Приходите-тко завтра, часу въ семомъ-съ. И тѣ прибудутъ.

— Завтра? — протяжно и задумчиво сказала Лизавета, какъ будто не рѣшаясь.

— Экъ вѣдь вамъ Алена-то Ивановна страху задала! — затараторила жена торговца, бойкая бабенка. — Посмотрю я на васъ, совсѣмъ-то вы, какъ робенокъ малый. И сестра она вамъ не родная, а сведеная, а вотъ какую волю взяла.

— Да вы на сей разъ Аленѣ Ивановнѣ ничего и не говорите-съ, — перебилъ мужъ, — вотъ мой совѣтъ-съ, а зайдите къ намъ не просясь. Оно дѣло выгодное-съ. Потомъ и сестрица сами могутъ сообразить.

— Аль зайти?

— Въ семомъ часу, завтра; и отъ тѣхъ прибудутъ-съ; самолично и порѣшите-съ.

— И самоварчикъ поставимъ, — прибавила жена.

— Хорошо, приду, — проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала съ мѣста трогаться.

Раскольниковъ тутъ уже прошелъ и не слыхалъ больше. Онъ проходилъ тихо, незамѣтно, стараясь не проронить ни единаго слова. Первоначальное изумленіе его мало-по-малу смѣнилось ужасомъ, какъ будто морозъ прошелъ по спинѣ его. Онъ узналъ, онъ вдругъ, внезапно и совершенно неожи-

данно узналъ, что завтра, ровно въ семь часовъ вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ея сожительницы, дома не будетъ, и что, стало быть, старуха, ровно въ семь часовъ вечера, *останется дома одна.*

До его квартиры оставалось только нѣсколько шаговъ. Онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно.

Конечно, если бы даже цѣлые годы приходилось ему ждать удобнаго случая, то и тогда, имѣя замыселъ, нельзя было расчитывать навѣрное, на болѣе очевидный шагъ къ успѣху этого замысла, какъ тотъ, который представился вдругъ сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, трудно было бы узнать наканунѣ и навѣрно, съ большею точностью и съ наименьшимъ рискомъ, безъ всякихъ опасныхъ разспросовъ и разыскиваній, что завтра, въ такомъ-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушеніе, будетъ дома одна одинехонька.

VI.

Впослѣдствіи Раскольникову случилось какъ-то узнать, зачѣмъ именно мѣщанинъ и баба приглашали къ себѣ Лизавету. Дѣло было самое обыкновенное и не заключало въ себѣ ничего такого особеннаго. Пріѣзжее и забѣднѣвшее семейство продавало вещи, платье и проч., все женское. Такъ какъ на рынкѣ продавать невыгодно, то и искали торговку, а Лизавета этимъ занималась: брала ко-

миссіи, ходила по дѣламъ и имѣла большую практику, потому что была очень честна и всегда говорила крайнюю цѣну: какую цѣну скажетъ, такъ тому и быть. Говорила же вообще мало и, какъ уже сказано, была такая смиренная и пугливая . . .

Но Раскольниковъ въ послѣднее время сталъ суевѣренъ. Слѣды суевѣрія оставались въ немъ еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всемъ этомъ дѣлѣ онъ всегда потомъ наклоненъ былъ видѣть нѣкоторую какъ бы странность, таинственность, какъ будто присутствіе какихъ-то особыхъ вліяній и совпаденій. Еще зимой, одинъ знакомый ему студентъ, Покоревъ, уѣзжая въ Харьковъ, сообщилъ ему какъ-то въ разговорѣ адресъ старухи Алены Ивановны, если бы на случай пришлось ему что заложить. Долго онъ не ходилъ къ ней, потому что уроки были, и какъ-нибудь да пробивался. Мѣсяца полтора назадъ онъ вспомнилъ про адресъ; у него были двѣ вещи, годныя къ закладу: старые отцовскіе серебряные часы и маленькое золотое колечко съ тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощаніи сестрой, на память. Онъ рѣшилъ отнести колечко; разыскавъ старуху, съ перваго же взгляда, еще ничего не зная о ней особеннаго, почувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, взялъ у нея два «билетика» и по дорогѣ зашелъ въ одинъ плохенькій трактиришко. Онъ спросилъ чаю, сѣлъ и крѣпко задумался. Странная мысль наклевывалась въ его головѣ, какъ изъ яйца цыпленокъ, и очень, очень занимала его.

Почти рядомъ съ нимъ на другомъ столикѣ сидѣлъ студентъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ и не помнилъ, и молодой офицеръ. Они сыграли на билліардѣ и стали пить чай. Вдругъ онъ услышалъ,

что студентъ говоритъ офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщаетъ ему ея адресъ. Это уже одно показалось Раскольникову какъ-то страннымъ: онъ сейчасъ оттуда, а тутъ какъ разъ про нее же. Конечно, случайность, но онъ вотъ не можетъ отвязаться теперь отъ одного весьма необыкновеннаго впечатлѣнія, а тутъ какъ разъ ему какъ будто кто-то подслуживается: студентъ вдругъ начинаетъ сообщать товарищу объ этой Аленѣ Ивановнѣ разныя подробности.

— Славная она, — говорилъ онъ, — у ней всегда можно денегъ достать. Богата, какъ жидъ, можетъ сразу пять тысячъ выдать, а и рублевымъ закладомъ не брезгаетъ. Нашихъ много у ней перебывало. Только стерва ужасная . . .

И онъ сталъ разсказывать, какая она злая, капризная, что стòитъ только однимъ днемъ просрочить закладъ, и пропала вещь. Даетъ вчетверо меньше, чѣмъ стòитъ вещь, а процентовъ по пяти и даже по семи беретъ въ мѣсяцъ, и т. д. Студентъ разболтался и сообщилъ, кромѣ того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьетъ поминутно и держитъ въ совершенномъ порабощеніи, какъ маленькаго ребенка, тогда какъ Лизавета, по крайней мѣрѣ, восьми вершковъ росту . . .

— Вотъ вѣдь тоже феноменъ! — вскричалъ студентъ и захохоталъ.

Они стали говорить о Лизаветѣ. Студентъ разсказывалъ о ней съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и все смѣялся, а офицеръ съ большимъ интересомъ слушалъ и просилъ студента прислать ему эту Лизавету для починки бѣлья. Рас-

кольниковъ не проронилъ ни одного слова и заразъ все узналъ: Лизавета была младшая, сводная (отъ разныхъ матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лѣтъ. Она работала на сестру день и ночь, была въ домѣ вмѣсто кухарки и прачки, и кромѣ того, шила на продажу, даже полы мыть нанималась, и все сестрѣ отдавала . Никакого заказу и никакой работы не смѣла взять на себя безъ позволенія старухи. Старуха же уже сдѣлала свое завѣщаніе, что извѣстно было самой Лизаветѣ, которой по завѣщанію не доставалось ни гроша, кромѣ движимости, стульевъ и прочаго; деньги же всѣ назначались въ одинъ монастырь въ Н — й губерніи, на вѣчный поминъ души. Была же Лизавета мѣщанка, а не чиновница, дѣвица, и собой ужасно нескладная, росту замѣчательно высокаго, съ длинными, какъ будто вывернутыми, ножищами, всегда въ стоптанныхъ козловыхъ башмакахъ, и держала себя чистоплотно. Главное же, чему удивлялся и смѣялся студентъ, было то, что Лизавета поминутно была беременна . . .

— Да вѣдь, ты говоришь, она уродъ? — замѣтилъ офицеръ.

— Да, смуглая такая, точно солдатъ переряженный, но знаешь, совсѣмъ не уродъ. У нея такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Доказательство, — многимъ нравится. Тихая такая, кроткая, безотвѣтная, согласная, на все согласная. А улыбка у ней даже очень хороша.

— Да вѣдь она и тебѣ нравится? — засмѣялся офицеръ.

— Изъ странности. Нѣтъ, вотъ что я тебѣ скажу. Я бы эту проклятую старуху убилъ и ограбилъ, и увѣряю тебя, что безъ всякаго

зазору совѣсти, — съ жаромъ прибавилъ студентъ.

Офицеръ опять захохоталъ, а Раскольниковъ вздрогнулъ. Какъ это было странно!

— Позволь, я тебѣ серьезный вопросъ задать хочу, — загорячился студентъ. — Я сейчасъ, конечно, пошутилъ, но смотри: съ одной стороны глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушенка, никому ненужная, и напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ, для чего живетъ, и которая завтра же сама собой умретъ. Понимаешь? Понимаешь?

— Ну, понимаю, — отвѣчалъ офицеръ, внимательно уставясь въ горячившагося товарища.

— Слушай дальше. Съ другой стороны, молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій, направленныхъ на дорогу; десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата, отъ венерическихъ больницъ, — и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть и сто жизней взамѣнъ, — да вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушенки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того

не стоитъ, потому что старушенка вредна. Она чужую жизнь заѣдаетъ: она зла; она намедни Лизаветѣ палецъ со зла укусила; чуть-чуть не отрѣзали!

— Конечно, она недостойна жить, — замѣтилъ офицеръ, — но вѣдь тутъ природа.

— Эхъ, братъ, да вѣдь природу поправляютъ и направляютъ, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предразсудкахъ. Безъ этого ни одного бы великаго человѣка не было. Говорятъ: «долгъ, совѣсть», — я ничего не хочу говорить противъ долга и совѣсти, — но вѣдь какъ мы ихъ понимаемъ? Стой, я тебѣ еще задамъ одинъ вопросъ. Слушай!

— Нѣтъ, ты стой; я тебѣ задамъ вопросъ. Слушай!

— Ну!

— Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты *самъ* старуху, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости . . . Не во мнѣ тутъ и дѣло . . .

— А по-моему, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости! Пойдемъ, еще партію!

Раскольниковъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не разъ уже слышанные имъ, въ другихъ только формахъ и на другія темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговоръ и такія мысли, когда въ собственной головѣ его только что зародились . . . *такія же точно мысли?* И почему именно сейчасъ, какъ только онъ вынесъ зародышъ своей мысли отъ старухи, какъ разъ и попадаетъ онъ на разговоръ о старухѣ? . . Страннымъ всегда казалось ему это совпаденіе. Этотъ

ничтожный, трактирный разговоръ имѣлъ чрезвычайное на него вліяніе при дальнѣйшемъ развитіи дѣла: какъ будто, дѣйствительно, было тутъ какое-то предопредѣленіе, указаніе . . .

. . . . . .

Возвратясь съ Сѣнной, онъ бросился на диванъ и цѣлый часъ просидѣлъ безъ движенія. Между тѣмъ стемнѣло; свѣчи у него не было, да и въ голову не приходило ему зажигать. Онъ никогда не могъ припомнить: думалъ ли онъ о чемъ-нибудь въ то время? Наконецъ, онъ почувствовалъ давешнюю лихорадку, ознобъ, и съ наслажденіемъ догадался, что на диванѣ можно и лечь. Скоро крѣпкій, свинцовый сонъ налегъ на него, какъ будто придавилъ.

Онъ спалъ необыкновенно долго и безъ сновъ. Настасья, вошедшая къ нему въ десять часовъ на другое утро, насилу дотолкалась его. Она принесла ему чаю и хлѣба. Чай былъ опять спитой, и опять въ ея собственномъ чайникѣ.

— Экъ вѣдь спитъ! — вскричала она съ негодованіемъ, — и все-то онъ спитъ!

Онъ приподнялся съ усиліемъ. Голова его болѣла; онъ всталъ было на ноги, повернулся въ своей каморкѣ и упалъ опять на диванъ.

— Опять спать! — вскричала Настасья, — да ты боленъ, что ль?

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Чаю-то хошь?

— Послѣ, — проговорилъ онъ съ усиліемъ, смыкая опять глаза и оборачиваясь къ стѣнѣ. Настасья постояла надъ нимъ.

— И впрямь, можетъ, боленъ, — сказала она, повернулась и ушла.

Она вошла опять въ два часа съ супомъ. Онъ лежалъ, какъ давеча. Чай стоялъ нетронутый. Настасья даже обидѣлась и съ злостью стала толкать его.

— Чего дрыхнешь! — вскричала она, съ отвращеніемъ смотря на него. Онъ приподнялся и сѣлъ, но ничего не сказалъ ей и глядѣлъ въ землю.

— Боленъ, аль нѣтъ? — спросила Настасья, и опять не получила отвѣта.

— Ты хошь бы на улицу вышелъ, — сказала она, помолчавъ; — тебя хошь бы вѣтромъ обдуло. Ѣсть-то будешь, что ль.

— Послѣ, — слабо проговорилъ онъ, — ступай! — и махнулъ рукой.

Она постояла еще немного, съ состраданіемъ посмотрѣла на него и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ глаза и долго смотрѣлъ на чай и на супъ. Потомъ взялъ хлѣбъ, взялъ ложку и сталъ ѣсть.

Онъ съѣлъ немного, безъ аппетита, ложки три-четыре, какъ бы машинально. Голова болѣла меньше. Пообѣдавъ, протянулся онъ опять на диванъ, но заснуть уже не могъ, а лежалъ безъ движенія, ничкомъ, уткнувъ лицо въ подушку. Ему все грезилось, и все странныя такія были грезы: всего чаще представлялось ему, что онъ гдѣ-то въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ какомъ-то оазисѣ. Караванъ отдыхаетъ, смирно лежатъ верблюды; кругомъ пальмы растутъ цѣлымъ кругомъ; всѣ обѣдаютъ. Онъ же все пьетъ воду, прямо изъ ручья, который тутъ же, у бока, течетъ и журчитъ. И прохладно такъ, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бѣжитъ по разноцвѣтнымъ камнямъ и по такому чистому съ золотыми блестками песку . . . Вдругъ

онъ ясно услышалъ, что бьютъ часы. Онъ вздрогнулъ, очнулся, приподнялъ голову, посмотрѣлъ въ окно, сообразилъ время и вдругъ вскочилъ, совершенно опомнившись, какъ будто кто его сорвалъ съ дивана. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери, пріотворилъ ее тихонько и сталъ прислушиваться внизъ на лѣстницу. Сердце его страшно билось. Но на лѣстницѣ было все тихо, точно всѣ спали... Дико и чудно показалось ему, что онъ могъ проспать въ такомъ забытьи со вчерашняго дня и ничего еще не сдѣлалъ, ничего не приготовилъ... А межъ тѣмъ, можетъ, и шесть часовъ било... И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдругъ, вмѣсто сна и отупѣнія. Приготовленій, впрочемъ, было немного. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы все сообразить и ничего не забыть; а сердце все билось, стукало такъ, что ему дышать стало тяжело. Во-первыхъ, надо было петлю сдѣлать и къ пальто пришить,—дѣло минуты. Онъ полѣзъ подъ подушку и отыскалъ въ напиханномъ подъ нее бѣльѣ одну, совершенно развалившуюся, старую, немытую свою рубашку. Изъ лохмотьевъ ея онъ выдралъ тесьму, въ вершокъ шириной и вершковъ въ восемь длиной. Эту тесьму сложилъ онъ вдвое, снялъ съ себя свое широкое, крѣпкое, изъ какой-то толстой бумажной матеріи лѣтнее пальто (единственное его верхнее платье) и сталъ пришивать оба конца тесьмы подъ лѣвую мышку изнутри. Руки его тряслись, пришивая, но онъ одолѣлъ и такъ, что снаружи ничего не было видно, когда онъ опять надѣлъ пальто. Иголка и нитки были у него уже давно приготовлены и лежали въ столикѣ, въ бумажкѣ. Что же касается петли, то эта была очень ловкая его собственная вы-

думка: петля назначалась для топора. Нельзя же было по улицѣ нести топоръ въ рукахъ. А если подъ пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что̀ было бы примѣтно. Теперь же, съ петлей, сто̀итъ только вложить въ нее лезвее топора, и онъ будетъ висѣть спокойно, подмышкой изнутри, всю дорогу. Запустивъ же руку въ боковой карманъ пальто, онъ могъ и конецъ топорной ручки придерживать, чтобъ она не болталась; а такъ какъ пальто было очень широкое, настоящій мѣшокъ, то и не могло быть примѣтно снаружи, что онъ что-то рукой, черезъ карманъ, придерживаетъ. Эту петлю онъ тоже уже двѣ недѣли назадъ придумалъ.

Покончивъ съ этимъ, онъ просунулъ пальцы въ маленькую щель, между его «турецкимъ» диваномъ и поломъ, пошарилъ около лѣваго угла и вытащилъ давно уже приготовленный и спрятанный тамъ *закладъ*. Этотъ закладъ былъ, впрочемъ, вовсе не закладъ, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не болѣе, какъ могла бы быть серебряная папиросочница. Эту дощечку онъ случайно нашелъ, въ одну изъ своихъ прогулокъ, на одномъ дворѣ, гдѣ, во флигелѣ, помѣщалась какая-то мастерская. Потомъ уже онъ прибавилъ къ дощечкѣ гладкую и тоненькую желѣзную полоску, — вѣроятно, отъ чего-нибудь отломокъ, — которую тоже нашелъ на улицѣ тогда же. Сложивъ обѣ дощечки, изъ коихъ желѣзная была меньше деревянной, онъ связалъ ихъ вмѣстѣ накрѣпко, крестъ-накрестъ, ниткой; потомъ аккуратно и щеголевато увертѣлъ ихъ въ чистую бѣлую бумагу и обвязалъ такъ, чтобы помудренѣе было развязать. Это для того, чтобы на время от-

влечь вниманіе старухи, когда она начнетъ возиться съ узелкомъ, и улучить такимъ образомъ минуту. Желѣзная же пластинка прибавлена была для вѣсу, чтобы старуха хоть въ первую минуту не догадалась, что «вещь» деревянная. Все это хранилось у него до времени подъ диваномъ. Только что онъ досталъ закладъ, какъ вдругъ гдѣ-то на дворѣ раздался чей-то крикъ:

— Седьмой часъ давно!

— Давно! Боже мой!

Онъ бросился къ двери, прислушался, схватилъ шляпу и сталъ сходить внизъ свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, какъ кошка. Предстояло самое важное дѣло — украсть изъ кухни топоръ. О томъ, что дѣло надо сдѣлать топоромъ, рѣшено имъ было уже давно. У него былъ еще складной садовый ножикъ; но на ножъ, и особенно на свои силы, онъ не надѣялся, а потому и остановился на топорѣ окончательно. Замѣтимъ, кстати, одну особенность по поводу всѣхъ окончательныхъ рѣшеній, уже принятыхъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Они имѣли одно странное свойство: чѣмъ окончательнѣе они становились, тѣмъ безобразнѣе, нелѣпѣе, тотчасъ же становились и въ его глазахъ. Несмотря на всю мучительную, внутреннюю борьбу свою, онъ никогда ни на одно мгновеніе не могъ увѣровать въ исполнимость своихъ замысловъ во все это время.

И если бы даже случилось когда-нибудь такъ, что уже все до послѣдней точки было бы имъ разобрано и рѣшено окончательно, и сомнѣній не оставалось бы уже болѣе никакихъ, — то тутъ-то бы, кажется, онъ и отказался отъ всего окончательно, какъ отъ нелѣпо-

сти, чудовищности и невозможности. Но неразрѣшенныхъ пунктовъ и сомнѣній оставалась еще цѣлая бездна. Что же касается до того, гдѣ достать топоръ, то эта мелочь его нисколько не безпокоила, потому что не было ничего легче. Дѣло въ томъ, что Настасьи, и особенно по вечерамъ, поминутно не бывало дома: или убѣжитъ къ сосѣдямъ, или въ лавочку, а дверь всегда оставляетъ настежь. Хозяйка только изъ-за этого съ ней и ссорилась. Итакъ, стоило только потихоньку войти, когда придетъ время, въ кухню и взять топоръ, а потомъ, черезъ часъ (когда все уже кончится), войти и положить обратно. Но представлялись и сомнѣнія: онъ, положимъ, придетъ черезъ часъ, чтобы положить обратно, а Настасья тутъ какъ тутъ, воротилась. Конечно, надо пройти мимо и выждать, пока она опять выйдетъ. А ну, какъ тѣмъ временемъ хватится топора, искать начнетъ, раскричится, — вотъ и подозрѣніе, или, по крайней мѣрѣ, случай къ подозрѣнію.

Но это еще были мелочи, о которыхъ онъ и думать не начиналъ, да и некогда было. Онъ думалъ о главномъ, а мелочи отлагалъ до тѣхъ поръ, когда самъ *во всемъ убѣдится*. Но послѣднее казалось рѣшительно неосуществимымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему самому. Никакъ онъ не могъ, напримѣръ, вообразить себѣ, что когда-нибудь онъ кончитъ думать, встанетъ и — просто пойдетъ туда . . . Даже недавнюю *пробу* свою (то есть визитъ съ намѣреніемъ окончательно осмотрѣть мѣсто) онъ только *попробовалъ* было сдѣлать, но далеко не взаправду, а такъ: «дай-ка, дескать, пойду и опробую, что мечтать-то!» — и тотчасъ не выдержалъ, плюнулъ и убѣжалъ, въ остервенѣніи на самого се-

бя. А между тѣмъ, казалось бы, весь анализъ, въ смыслѣ нравственнаго разрѣшенія вопроса, былъ уже имъ поконченъ; казуистика его выточилась, какъ бритва, и самъ въ себѣ онъ уже не находилъ сознательныхъ возраженій. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ просто не вѣрилъ себѣ и упрямо, рабски, искалъ возраженій по сторонамъ и ощупью, какъ будто кто его принуждалъ и тянулъ къ тому. Послѣдній же день, такъ нечаянно наступившій и все разомъ порѣшившій, подѣйствовалъ на него почти совсѣмъ механически: какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ неестественною силой, безъ возраженій. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать.

Сначала, — впрочемъ давно уже прежде, — его занималъ, между прочимъ, одинъ вопросъ: почему такъ легко отыскиваются и выдаются почти всѣ преступленія, и такъ явно обозначаются слѣды почти всѣхъ преступниковъ? Онъ пришелъ мало-помалу къ многообразнымъ и любопытнымъ заключеніямъ, и, по его мнѣнію, главнѣйшая причина заключается не столько въ матеріальной невозможности скрыть преступленіе, какъ въ самомъ преступникѣ; самъ же преступникъ, и почти всякій, въ моментъ преступленія подвергается какому-то упадку воли и разсудка, смѣняемыхъ, напротивъ того, дѣтскимъ феноменальнымъ легкомысліемъ, и именно въ тотъ моментъ, когда наиболѣе необходимы разсудокъ и осторожность. По убѣжденію его, выходило, что это затменіе разсудка и упадокъ воли охватываютъ человѣка подобно болѣзни, развиваются постепенно и доходятъ до высшаго своего момента незадолго до совершенія преступленія; про-

должаются въ томъ же видѣ въ самый моментъ преступленія и еще нѣсколько времени послѣ него, судя по индивидууму; затѣмъ проходятъ, такъ же какъ проходитъ всякая болѣзнь. Вопросъ же: болѣзнь ли порождаетъ самое преступленіе, или само преступленіе, какъ-нибудь по особенной натурѣ своей, всегда сопровождается чѣмъ-то въ родѣ болѣзни? — онъ еще не чувствовалъ себя въ силахъ разрѣшить.

Дойдя до такихъ выводовъ, онъ рѣшилъ, что съ нимъ, лично, въ его дѣлѣ, не можетъ быть подобныхъ болѣзненныхъ переворотовъ, что разсудокъ и воля останутся при немъ, неотъемлемо, во все время исполненія задуманнаго, единственно по той причинѣ, что задуманное имъ — «не преступленіе» . . . Опускаемъ весь тотъ процессъ, посредствомъ котораго онъ дошелъ до послѣдняго рѣшенія; мы и безъ того слишкомъ забѣжали впередъ . . . Прибавимъ только, что фактическія, чисто матеріальныя затрудненія дѣла вообще играли въ умѣ его самую второстепенную роль. «Стоитъ только сохранить надъ ними всю волю и весь разсудокъ, и они, въ свое время, всѣ будутъ побѣждены, когда придется познакомиться до малѣйшей тонкости со всѣми подробностями дѣла» . . . Но дѣло не начиналось. Окончательнымъ своимъ рѣшеніямъ онъ продолжалъ всего менѣе вѣрить, и когда пробилъ часъ, все вышло совсѣмъ не такъ, а какъ-то нечаянно, даже почти неожиданно.

Одно ничтожнѣйшее обстоятельство поставило его втупикъ, еще прежде, чѣмъ онъ сошелъ съ лѣстницы. Поравнявшись съ хозяйкиной кухней, какъ и всегда отворенною настежь, онъ осторожно покосился въ нее глазами, чтобъ оглядѣть предва-

рительно: нѣтъ ли тамъ, въ отсутствіи Настасьи, самой хозяйки, а если нѣтъ, то хорошо ли заперты двери въ ея комнатѣ, чтобъ она тоже какъ-нибудь оттуда не выглянула, когда онъ за топоромъ войдетъ? Но каково же было его изумленіе, когда онъ вдругъ увидалъ, что Настасья не только на этотъ разъ дома, у себя въ кухнѣ, но еще занимается дѣломъ: вынимаетъ изъ корзины бѣлье и развѣшиваетъ на веревкахъ! Увидѣвъ его, она перестала развѣшивать, обернулась къ нему и все время смотрѣла на него, пока онъ проходилъ. Онъ отвелъ глаза и прошелъ, какъ будто ничего не замѣчая. Но дѣло было кончено: нѣтъ топора! Онъ былъ пораженъ ужасно.

«И съ чего взялъ я,—думалъ онъ, сходя подъ ворота, — съ чего взялъ я, что ея непремѣнно въ эту минуту не будетъ дома? Почему, почему, почему я такъ навѣрно это рѣшилъ?» Онъ былъ раздавленъ, даже какъ-то униженъ. Ему хотѣлось смѣяться надъ собою со злости . . . Тупая, звѣрская злоба закипѣла въ немъ.

Онъ остановился въ раздумьи подъ воротами. Идти на улицу, такъ, для виду, гулять, ему было противно; воротиться домой — еще противнѣе. «И какой случай навсегда потерялъ!» пробормоталъ онъ, безцѣльно стоя подъ воротами, прямо противъ темной каморки дворника, тоже отворенной. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ. Изъ каморки дворника, бывшей отъ него въ двухъ шагахъ, изъ-подъ лавки направо что-то блеснуло ему въ глаза . . . Онъ осмотрѣлся кругомъ, — никого. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ дворницкой, сошелъ внизъ по двумъ ступенькамъ и слабымъ голосомъ окликнулъ дворника. — «Такъ и есть, нѣтъ дома! Гдѣ-нибудь

близко, впрочемъ, на дворѣ, потому что дверь отперта настежь». Онъ бросился стремглавъ на топоръ (это былъ топоръ) и вытащилъ его изъ-подъ лавки, гдѣ онъ лежалъ между двумя полѣнами; тутъ же, не выходя, прикрѣпилъ его къ петлѣ, обѣ руки засунулъ въ карманы и вышелъ изъ дворницкой; никто не замѣтилъ! «Не разсудокъ, такъ бѣсъ!» подумалъ онъ, странно усмѣхаясь. Этотъ случай ободрилъ его чрезвычайно.

Онъ шелъ дорогой тихо и *степенно*, не торопясь, чтобы не подать какихъ подозрѣній. Мало глядѣлъ онъ на прохожихъ, даже старался совсѣмъ не глядѣть на лица и быть какъ можно непримѣтнѣе. Тутъ вспомнилась ему его шляпа. — «Боже мой! И деньги были третьяго дня, и не могъ перемѣнить на фуражку!» Проклятіе вырвалось изъ души его.

Заглянувъ случайно, однимъ глазомъ, въ лавочку, онъ увидѣлъ, что тамъ, на стѣнныхъ часахъ, уже десять минутъ восьмого. Надо было и торопиться, и въ то же время сдѣлать крюкъ: подойти къ дому въ обходъ, съ другой стороны . . .

Прежде, когда случалось ему представлять все это въ воображеніи, онъ иногда думалъ, что очень будетъ бояться. Но онъ не очень теперь боялся, даже не боялся совсѣмъ. Занимали его въ это мгновеніе даже какія-то постороннія мысли, только все ненадолго. Проходя мимо Юсупова сада, онъ даже очень было занялся мыслью объ устройствѣ высокихъ фонтановъ и о томъ, какъ бы они хорошо освѣжили воздухъ на всѣхъ площадяхъ. Мало-по-малу онъ перешелъ къ убѣжденію, что если бы распространить Лѣтній садъ на все Марсово поле и даже соединить съ дворцовымъ Михайловскимъ

садомъ, то была бы прекрасная и полезнѣйшая для города вещь. Тутъ заинтересовало его вдругъ: почему именно, во всѣхъ большихъ городахъ, человѣкъ не то что по одной необходимости, но какъ-то особенно наклоненъ жить и селиться именно въ такихъ частяхъ города, гдѣ нѣтъ ни садовъ, ни фонтановъ, гдѣ грязь и вонь, и всякая гадость. Тутъ ему вспомнились его собственныя прогулки по Сѣнной, и онъ на минуту очнулся. «Что̀ за вздоръ», подумалъ онъ. «Нѣтъ, лучше совсѣмъ ничего не думать!»

«Такъ вѣрно тѣ, которыхъ ведутъ на казнь, прилѣпливаются мыслями ко всѣмъ предметамъ, которые имъ встрѣчаются на дорогѣ», мелькнуло у него въ головѣ, но только мелькнуло, какъ молнія; онъ самъ поскорѣй погасилъ эту мысль... Но вотъ уже и близко, вотъ и домъ, вотъ и ворота. Гдѣ-то вдругъ часы пробили одинъ ударъ. «Что̀ это, неужели половина восьмого? Быть не можетъ, вѣрно бѣгутъ!»

На счастье его въ воротахъ опять прошло благополучно. Мало того, даже какъ нарочно, въ это самое мгновеніе только что передъ нимъ въѣхалъ въ ворота огромный возъ сѣна, совершенно заслонявшій его все время, какъ онъ проходилъ подворотню, и чуть только возъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ во дворъ, онъ мигомъ проскользнулъ направо. Тамъ, по ту сторону воза, слышно было, кричали и спорили нѣсколько голосовъ, но его никто не замѣтилъ, и навстрѣчу никто не попался. Много оконъ, выходившихъ на этотъ огромный квадратный дворъ, было отперто въ эту минуту, но онъ не поднялъ головы, — силы не было. Лѣстница къ старухѣ была близко, сейчасъ изъ воротъ направо. Онъ уже былъ на лѣстницѣ...

Переведя духъ и прижавъ рукой стукавшее сердце, тутъ же нащупавъ и оправивъ еще разъ топоръ, онъ сталъ осторожно и тихо подниматься на лѣстницу, поминутно прислушиваясь. Но и лѣстница на ту пору стояла совсѣмъ пустая; всѣ двери были заперты; никого-то не встрѣтилось. Во второмъ этажѣ одна пустая квартира была, правда, растворена настежь, и въ ней работали маляры, но тѣ и не поглядѣли. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ дальше. — «Конечно, было бы лучше, если бъ ихъ здѣсь совсѣмъ не было, но . . . надъ ними еще два этажа».

Но вотъ и четвертый этажъ, вотъ и дверь, вотъ и квартира напротивъ; та—пустая. Въ третьемъ этажѣ, по всѣмъ примѣтамъ, квартира, что̀ прямо подъ старухиной, тоже пустая: визитный билетъ, прибитый къ дверямъ гвоздичками, снятъ, — выѣхали! . . Онъ задыхался. На одно мгновеніе пронеслась въ умѣ его мысль: «не уйти ли?» Но онъ не далъ себѣ отвѣта и сталъ прислушиваться въ старухину квартиру: мертвая тишина. Потомъ еще разъ прислушался внизъ на лѣстницу, слушалъ долго, внимательно . . . Затѣмъ оглядѣлся въ послѣдній разъ, подобрался, оправился и еще разъ попробовалъ въ петлѣ топоръ. «Не блѣденъ ли я . . . очень? — думалось ему, — не въ особенномъ ли я волненіи? Она недовѣрчива . . . Не подождать ли еще . . . пока сердце перестанетъ? . .»

Но сердце не переставало. Напротивъ, какъ нарочно, стучало сильнѣй, сильнѣй, сильнѣй . . . Онъ не выдержалъ, медленно протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ. Черезъ полминуты еще разъ позвонилъ, погромче.

Нѣтъ отвѣта. Звонить зря было нечего, да ему

и не къ фигурѣ. Старуха, разумѣется, была дома, но она подозрительна и одна. Онъ отчасти зналъ ея привычки . . . и еще разъ плотно приложилъ ухо къ двери. Чувства ли его были такъ изощрены (что̀ вообще трудно предположить), или, дѣйствительно, было очень слышно, но вдругъ онъ различилъ какъ бы осторожный шорохъ рукой у замочной ручки и какъ бы шелестъ платья о самую дверь. Кто-то непримѣтно стоялъ у самаго замка и точно такъ же, какъ онъ здѣсь снаружи, прислушивался, притаясь, изнутри, и, кажется, тоже приложа ухо къ двери . . .

Онъ нарочно пошевелился и что-то погромче пробормоталъ, чтобъ и виду не подать, что прячется; потомъ позвонилъ въ третій разъ, но тихо, солидно и безъ всякаго нетерпѣнія. Вспоминая объ этомъ послѣ, ярко, ясно, эта минута отчеканилась въ немъ навѣки; онъ понять не могъ, откуда онъ взялъ столько хитрости, тѣмъ болѣе, что умъ его какъ бы померкалъ мгновеніями, а тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ . . . Мгновеніе спустя послышалось, что снимаютъ запоръ.

VII.

Дверь, какъ и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два вострые и недовѣрчивые взгляда уставились на него изъ темноты. Тутъ Раскольниковъ потерялся и сдѣлалъ было важную ошибку.

Опасаясь, что старуха испугается того, что они одни, и не надѣясь, что видъ его ее разувѣритъ, онъ взялся за дверь и потянулъ ее къ себѣ, чтобы старуха какъ-нибудь не вздумала опять запереться. Увидя это, она не рванула дверь къ себѣ обратно, но

не выпустила и ручку замка, такъ что онъ чуть не вытащилъ ее, вмѣстѣ съ дверью, на лѣстницу. Видя же, что она стоитъ въ дверяхъ поперекъ и не даетъ ему пройти, онъ пошелъ прямо на нее. Та отскочила въ испугѣ, хотѣла было что-то сказать, но какъ будто не смогла и смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Здравствуйте, Алена Ивановна, — началъ онъ какъ можно развязнѣе, но голосъ не послушался его, прервался и задрожалъ, — я вамъ... вещь принесъ... да вотъ лучше пойдемте сюда... къ свѣту... И бросивъ ее, онъ, прямо безъ приглашенія, прошелъ въ комнату. Старуха побѣжала за нимъ; языкъ ея развязался.

— Господи! Да чего вамъ?.. Кто такой? Что̀ вамъ угодно?

— Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый вашъ... Раскольниковъ... вотъ, закладъ принесъ, что̀ обѣщался намедни... — И онъ протягивалъ ей закладъ.

Старуха взглянула было на закладъ, но тотчасъ же уставилась опять глазами прямо въ глаза незваному гостю. Она смотрѣла внимательно, злобно и недовѣрчиво. Прошло съ минуту; ему показалось даже въ ея глазахъ что-то въ родѣ насмѣшки, какъ будто она уже обо всемъ догадалась. Онъ чувствовалъ, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что, кажется, смотри она такъ, не говори ни слова еще съ полминуты, то онъ бы убѣжалъ отъ нея.

— Да что̀ вы такъ смотрите, точно не узнали? — проговорилъ онъ вдругъ тоже со злобой. — Хотите берите, а нѣтъ, — я къ другимъ пойду, мнѣ некогда.

Онъ и не думалъ это сказать, а такъ, само вдругъ выговорилось.

— Старуха опомнилась, а рѣшительный тонъ гостя ее видимо ободрилъ.

— Да чего же ты, батюшка, такъ вдругъ... что̀ такое? — спросила она, смотря на закладъ.

— Серебряная папиросочница: вѣдь я говорилъ прошлый разъ.

Она протянула руку.

— Да чтой-то вы какой блѣдный? Вотъ и руки дрожатъ! Испугался, что ль, батюшка?

— Лихорадка, — отвѣчалъ онъ отрывисто. — Поневолѣ станешь блѣдный... коли ѣсть нечего, — прибавилъ онъ, едва выговаривая слова. — Силы опять покидали его. Но отвѣтъ показался правдоподобнымъ, старуха взяла закладъ.

— Что такое? — спросила она, еще разъ пристально оглядѣвъ Раскольникова и взвѣшивая закладъ на рукѣ.

— Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.

— Да чтой-то, какъ будто и не серебряная... Ишь навертѣлъ.

Стараясь развязать снурокъ и оборотясь къ окну, къ свѣту (всѣ окна у ней были заперты, несмотря на духоту), она на нѣсколько секундъ совсѣмъ его оставила и стала къ нему задомъ. Онъ разстегнулъ пальто и высвободилъ топоръ изъ петли, но еще не вынулъ совсѣмъ, а только придерживалъ правою рукой подъ одеждой. Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, какъ онѣ съ каждымъ мгновеніемъ, все болѣе нѣмѣли и деревенѣли! Онъ боялся, что выпуститъ и уронитъ топоръ... вдругъ голова его какъ бы закружилась.

— Да что̀ онъ тутъ навертѣлъ! — съ досадой вскричала старуха и пошевелилась въ его сторону.

Ни одного мига нельзя было терять болѣе. Онъ вынулъ топоръ совсѣмъ, взмахнулъ его обѣими руками, едва себя чувствуя, и почти безъ усилія, почти машинально, опустилъ на голову обухомъ. Силы его тутъ какъ бы не было. Но какъ только онъ разъ опустилъ топоръ, тутъ и родилась въ немъ сила.

Старуха, какъ и всегда, была простоволосая. Свѣтлые съ просѣдью, жиденькіе волосы ея, по обыкновенію жирно смазанные масломъ, были заплетены въ крысиную косичку и подобраны подъ осколокъ роговой гребенки, торчавшей на ея затылкѣ. Ударъ пришелся въ самое темя, чему способствовалъ ея малый ростъ. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдругъ вся осѣла къ полу, хотя и успѣла еще поднять обѣ руки къ головѣ. Въ одной рукѣ еще продолжала держать «закладъ». Тутъ онъ изо всей силы ударилъ разъ и другой, все обухомъ, все по темени. Кровь хлынула, какъ изъ опрокинутаго стакана, и тѣло повалилось навзничь. Онъ отступилъ, далъ упасть и тотчасъ же нагнулся къ ея лицу; она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, какъ будто хотѣли выпрыгнуть, а лобъ и все лицо были сморщены и искажены судорогой.

Онъ положилъ топоръ на полъ, подлѣ мертвой, и тотчасъ же полѣзъ ей въ карманъ, стараясь не замараться текущей кровью, — въ тотъ самый правый карманъ, изъ котораго она въ прошлый разъ вынимала ключи. Онъ былъ въ полномъ умѣ, затменій и головокруженій уже не было, но руки все еще дрожали. Онъ вспомнилъ потомъ, что былъ даже очень внимателенъ, остороженъ, старался все

не запачкаться . . . Ключи онъ тотчасъ же вынулъ; всѣ, какъ и тогда, были въ одной связкѣ, на одномъ стальномъ обручкѣ. Тотчасъ же онъ побѣжалъ съ ними въ спальню. Это была очень небольшая комната, съ огромнымъ кіотомъ образовъ. У другой стѣны стояла большая постель, весьма чистая, съ шелковымъ, наборнымъ изъ лоскутковъ, ватнымъ одѣяломъ. У третьей стѣны былъ комодъ. Странное дѣло, только что онъ началъ прилаживать ключи къ комоду, только что онъ услышалъ ихъ звяканіе, какъ будто судорога прошла по немъ. Ему вдругъ опять захотѣлось бросить все и уйти. Но это было только мгновеніе; уходить было поздно. Онъ даже усмѣхнулся на себя, какъ вдругъ другая, тревожная мысль ударила ему въ голову. Ему вдругъ почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще можетъ очнуться. Бросивъ ключи и комодъ, онъ побѣжалъ назадъ, къ тѣлу, схватилъ топоръ и намахнулся еще разъ надъ старухой, но не опустилъ. Сомнѣнія не было, что она мертвая. Нагнувшись и разсматривая ее опять ближе, онъ увидѣлъ ясно, что черепъ былъ раздробленъ и даже свороченъ чуть-чуть на сторону. Онъ было хотѣлъ пощупать пальцемъ, но отдернулъ руку; да и безъ того было видно. Крови, между тѣмъ, натекла уже цѣлая лужа. Вдругъ онъ замѣтилъ на ея шеѣ снурокъ, дернулъ его, но снурокъ былъ крѣпокъ и не срывался; къ тому же намокъ въ крови. Онъ попробовалъ было вытащить такъ, изъ-за пазухи, но что-то мѣшало, застряло. Въ нетерпѣніи онъ взмахнулъ было опять топоромъ, чтобы рубнуть по снурку тутъ же, по тѣлу, сверху, но не посмѣлъ, и съ трудомъ, испачкавъ руки и топоръ, послѣ двухминутной возни, разрѣзалъ снурокъ, не касаясь

топоромъ тѣла, и снялъ; онъ не ошибся — кошелекъ. На снуркѣ были два креста, кипарисный и мѣдный, и кромѣ того, финифтяной образокъ; и тутъ же вмѣстѣ съ нимъ висѣлъ небольшой, замшевый, засаленный кошелекъ, съ стальнымъ ободкомъ и колечкомъ. Кошелекъ былъ очень туго набитъ; Раскольниковъ сунулъ его въ карманъ не осматривая, кресты сбросилъ старухѣ на грудь и, захвативъ на этотъ разъ и топоръ, бросился обратно въ спальню.

Онъ спѣшилъ ужасно, схватился за ключи и опять началъ возиться съ ними. Но какъ-то все неудачно: не вкладывались они въ замки. Не то, чтобы руки его уже такъ дрожали, но онъ все ошибался: и видитъ, напримѣръ, что ключъ не тотъ, не подходитъ, а все суетъ. Вдругъ онъ припомнилъ и сообразилъ, что этотъ большой ключъ, съ зубчатою бородкой, который тутъ же болтается съ другими маленькими, непремѣнно долженъ быть вовсе не отъ комода (какъ и въ прошлый разъ ему на умъ пришло), а отъ какой-нибудь укладки, и что въ этой-то укладкѣ, можетъ быть, все и припрятано. Онъ бросилъ комодъ и тотчасъ же полѣзъ подъ кровать, зная, что укладки обыкновенно ставятся у старухъ подъ кроватями. Такъ и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина въ длину, съ выпуклою крышей, обитая краснымъ сафьяномъ, съ утыканными по немъ стальными гвоздиками. Зубчатый ключъ какъ разъ пришелся и отперъ. Сверху, подъ бѣлою простыней, лежала заячья шубка, крытая краснымъ гарнитуромъ; подъ нею было шелковое платье, затѣмъ шаль, и туда, въ глубь, казалось, все лежало одно тряпье. Прежде всего онъ принялся было вытирать о красный гарнитуръ

сьои запачканныя въ крови руки. «Красное, ну а на красномъ кровь непримѣтнѣе», разсудилось было ему, и вдругъ онъ опомнился: «Господи! Съ ума что ли я схожу?» подумалъ онъ въ испугѣ.

Но только что онъ пошевелилъ это тряпье, какъ вдругъ, изъ-подъ шубки, выскользнули золотые часы. Онъ бросился все перевертывать. Дѣйствительно, между тряпьемъ были перемѣшаны золотыя вещи, — вѣроятно, все заклады, выкупленные и невыкупленные, — браслеты, цѣпочки, серьги, булавки и проч. Иныя были въ футлярахъ, другія просто обернуты въ газетную бумагу, но аккуратно и бережно, въ двойные листы, и кругомъ обвязаны тесемками. Ни мало не медля, онъ сталъ набивать ими карманы панталонъ и пальто, не разбирая и не раскрывая свертковъ и футляровъ; но онъ не успѣлъ много набрать . . .

Вдругъ ему послышалось, что въ комнатѣ, гдѣ была старуха, ходятъ. Онъ остановился и притихъ, какъ мертвый. Но все было тихо, стало быть, померещилось. Вдругъ явственно послышался легкій крикъ, или какъ будто кто-то тихо и отрывисто простоналъ и замолчалъ. Затѣмъ опять мертвая тишина, съ минуту или съ двѣ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ у сундука и ждалъ, едва переводя духъ, но вдругъ вскочилъ, схватилъ топоръ и выбѣжалъ изъ спальни.

Среди комнаты стояла Лизавета, съ большимъ узломъ въ рукахъ, и смотрѣла въ оцѣпенѣніи на убитую сестру, вся бѣлая, какъ полотно и какъ бы не въ силахъ крикнуть. Увидавъ его выбѣжавшаго, она задрожала, какъ листъ, мелкою дрожью, и по всему лицу ея побѣжали судороги. Она приподняла руку, раскрыла было ротъ, но все-таки не

вскрикнула и медленно, задомъ, стала отодвигаться отъ него въ уголъ, пристально, въ упоръ, смотря на него, но все не крича, точно ей воздуху не доставало, чтобы крикнуть. Онъ бросился на нее съ топоромъ: губы ея перекосились такъ жалобно, какъ у очень маленькихъ дѣтей, когда они начинаютъ чего-нибудь пугаться, пристально смотрятъ на пугающій ихъ предметъ и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана разъ навсегда, что даже руки не подняла защитить себѣ лицо, хотя это былъ самый необходимо-естественный жестъ въ эту минуту, потому что топоръ былъ прямо поднятъ надъ ея лицомъ. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную лѣвую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее къ нему впередъ, какъ бы отстраняя его. Ударъ пришелся прямо по черепу, остріемъ, и сразу прорубилъ всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она такъ и рухнулась. Раскольниковъ совсѣмъ было потерялся, схватилъ ея узелъ, бросилъ его опять, и побѣжалъ въ прихожую.

Страхъ охватывалъ его все больше и больше, особенно послѣ этого второго, совсѣмъ неожиданнаго убійства. Ему хотѣлось поскорѣе убѣжать отсюда. И если бы въ ту минуту онъ въ состояніи былъ правильнѣе видѣть и разсуждать; если бы только могъ сообразить всѣ трудности своего положенія, все отчаяніе, все безобразіе и всю нелѣпость его, понять при этомъ, сколько затрудненій, а можетъ быть, и злодѣйствъ, еще останется ему преодолѣть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень можетъ быть, что онъ бросилъ бы все и тотчасъ пошелъ бы самъ на себя объявить, и не отъ страху даже за себя, а отъ одно-

то только ужаса и отвращенія къ тому, что онъ сдѣлалъ. Отвращеніе особенно поднималось и росло въ немъ съ каждою минутою. Ни за что на свѣтѣ не пошелъ бы онъ теперь къ сундуку и даже въ комнаты.

Но какая-то разсѣянность, какъ будто даже задумчивость, стала понемногу овладѣвать имъ; минутами онъ какъ будто забывался или, лучше сказать, забывалъ о главномъ и прилѣплялся къ мелочамъ. Впрочемъ, заглянувъ на кухню и увидавъ на лавкѣ ведро, на половину полное воды, онъ догадался вымыть себѣ руки и топоръ. Руки его были въ крови и липли. Топоръ онъ опустилъ лезвеемъ прямо въ воду, схватилъ лежавшій на окошкѣ, на расколотомъ блюдечкѣ, кусочекъ мыла и сталъ, прямо въ ведрѣ, отмывать себѣ руки. Отмывъ ихъ, онъ вытащилъ и топоръ, вымылъ желѣзо, и долго, минуты съ три, отмывалъ дерево, гдѣ закровенилось, пробуя кровь даже мыломъ. Затѣмъ все оттеръ бѣльемъ, которое тутъ же сушилось на веревкѣ, протянутой черезъ кухню, и потомъ долго, со вниманіемъ, осматривалъ топоръ у окна. Слѣдовъ не оставалось, только дерево еще было сырое. Тщательно вложилъ онъ топоръ въ петлю, подъ пальто. Затѣмъ, сколько позволялъ свѣтъ въ тусклой кухнѣ, осмотрѣлъ пальто, панталоны, сапоги. Снаружи, съ перваго взгляда, какъ будто ничего не было; только на сапогахъ были пятна. Онъ намочилъ тряпку и оттеръ сапоги. Онъ зналъ, впрочемъ, что не хорошо разглядываетъ, что, можетъ быть, есть что-нибудь въ глаза бросающееся, чего онъ не замѣчаетъ. Въ раздумьи сталъ онъ среди комнаты. Мучительная, темная мысль поднималась въ немъ,— мысль, что онъ сумасшествуетъ, и что въ ту мину-

ту не въ силахъ ни разсудить, ни себя защитить, что вовсе, можетъ быть, не то надо дѣлать, что онъ теперь дѣлаетъ . . . «Боже мой! Надо бѣжать, бѣжать!» пробормоталъ онъ и бросился въ переднюю. Но здѣсь ожидалъ его такой ужасъ, какого, конечно, онъ еще ни разу не испытывалъ.

Онъ стоялъ, смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ: дверь, наружная дверь, изъ прихожей на лѣстницу, та самая, въ которую онъ давеча звонилъ и вошелъ, стояла отпертая, даже на цѣлую ладонь пріотворенная: ни замка, ни запора, все время, во все это время! Старуха не заперла за нимъ, можетъ быть, изъ осторожности. Но Боже! Вѣдь видѣлъ же онъ потомъ Лизавету! И какъ могъ, какъ могъ онъ не догадаться, что вѣдь вошла же она откуда-нибудь! Не сквозь стѣну же!

Онъ кинулся къ дверямъ и наложилъ запоръ.

— Но нѣтъ, опять не то! Надо идти, идти . . .

Онъ снялъ запоръ, отворилъ дверь и сталъ слушать на лѣстницу.

Долго онъ выслушивалъ. Гдѣ-то далеко, внизу, вѣроятно, подъ воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились. «Что они? . .» Онъ ждалъ терпѣливо. Наконецъ, разомъ все утихло, какъ отрѣзало; разошлись. Онъ уже хотѣлъ выйти, но вдругъ этажемъ ниже съ шумомъ растворилась дверь на лѣстницу, и кто-то сталъ сходить внизъ, напѣвая какой-то мотивъ. «Какъ это они такъ все шумятъ!» мелькнуло въ его головѣ. Онъ опять притворилъ за собою дверь и переждалъ. Наконецъ, все умолкло, ни души. Онъ уже ступилъ было шагъ на лѣстницу, какъ вдругъ опять послышались чьи-то новые шаги.

Эти шаги послышались очень далеко, еще въ

самомъ началѣ лѣстницы, но онъ очень хорошо и отчетливо помнилъ, что съ перваго же звука, тогда же сталъ подозрѣвать почему-то, что это непремѣнно *сюда*, въ четвертый этажъ, къ старухѣ. Почему? Звуки, что ли, были такіе особенные, знаменательные? Шаги были тяжелые, ровные, не спѣшные. Вотъ ужъ *онъ* прошелъ первый этажъ, вотъ поднялся еще; все слышнѣй и слышнѣй! Послышалась тяжелая одышка входившаго. Вотъ ужъ и третій этажъ начался . . . Сюда! И вдругъ показалось ему, что онъ точно окостенѣлъ, что это точно во снѣ, когда снится, что догоняютъ, близко, убить хотятъ, а самъ точно приросъ къ мѣсту, и руками пошевелить нельзя.

И наконецъ, когда уже гость сталъ подниматься въ четвертый этажъ, тутъ только онъ весь вдругъ встрепенулся и успѣлъ-таки быстро и ловко проскользнуть назадъ изъ сѣней въ квартиру и притворить за собой дверь. Затѣмъ схватилъ запоръ и тихо, неслышно, насадилъ его на петлю. Инстинктъ помогалъ. Кончивъ все, онъ притаился не дыша, прямо сейчасъ у двери. Незнакомый гость былъ уже тоже у дверей. Они стояли теперь другъ противъ друга, какъ давеча онъ со старухой, когда дверь раздѣляла ихъ, а онъ прислушивался.

Гость нѣсколько разъ тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», подумалъ Раскольниковъ, сжимая топоръ въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, точно все это снилось. Гость схватился за колокольчикъ и крѣпко позвонилъ.

Какъ только звякнулъ жестяной звукъ колокольчика, ему вдругъ какъ будто почудилось, что въ комнатѣ пошевелились. Нѣсколько секундъ онъ даже серьезно прислушивался. Незнакомецъ звяк-

нулъ еще разъ, еще подождалъ, и вдругъ, въ нетерпѣніи, изо всей силы сталъ дергать ручку у дверей. Въ ужасѣ смотрѣлъ Раскольниковъ на прыгавшій въ петлѣ крюкъ запора и съ тупымъ страхомъ ждалъ, что вотъ-вотъ и запоръ сейчасъ выскочитъ. Дѣйствительно, это казалось возможнымъ: такъ сильно дергали. Онъ было вздумалъ придержать запоръ рукой, но *тотъ* могъ догадаться. Онъ терялся, голова его какъ будто опять начинала кружиться. «Вотъ упаду!» промелькнуло въ немъ, но незнакомецъ заговорилъ, и онъ точасъ же опомнился.

— Да что онѣ тамъ дрыхнутъ или передушилъ ихъ кто? Трреклятыя! — заревѣлъ онъ, какъ изъ бочки. — Эй, Алена Ивановна, старая вѣдьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте! У, треклятыя, спятъ онѣ, что ли?

И снова, остервенясь, онъ разъ десять сразу, изъ всей мочи, дернулъ въ колокольчикъ. Ужъ, конечно, это былъ человѣкъ властный и короткій въ домѣ.

Въ самую эту минуту вдругъ мелкіе, поспѣшные шаги послышались недалеко на лѣстницѣ. Приходилъ еще кто-то. Раскольниковъ и не разслышалъ сначала.

— Неужели нѣтъ никого? — звонко и весело закричалъ подошедшій, прямо обращаясь къ первому посѣтителю, все еще продолжавшему дергать звонокъ. — Здравствуйте, Кохъ!

«Судя по голосу, должно быть, очень молодой», подумалъ вдругъ Раскольниковъ.

— Да чертъ ихъ знаетъ, замокъ чуть не разломалъ, — отвѣчалъ Кохъ. — А вы какъ меня изволите знать?

— Ну вотъ! А третьяго-то дня, въ Гамбринусѣ, три партіи сряду взялъ у васъ на билльярдѣ!

— А-а-а . . .

— Такъ нѣтъ ихъ-то? Странно. Глупо, впрочемъ, ужасно. Куда бы старухѣ-то уйти? У меня дѣло.

— Да и у меня, батюшка, дѣло!

— Ну, что же дѣлать? Значитъ назадъ. Э-эхъ! А я было думалъ денегъ достать! — вскричалъ молодой человѣкъ.

— Конечно, назадъ, да зачѣмъ назначать? Сама мнѣ, вѣдьма, часъ назначила. Мнѣ вѣдь крюкъ. Да и куда къ черту ей шляться, не понимаю? Круглый годъ сидитъ, вѣдьма, киснетъ, ноги болятъ, а тутъ вдругъ и на гулянье!

— У дворника не спросить ли?

— Чего?

— Куда ушла и когда придетъ?

— Гм . . . чертъ . . . спросить . . . Да вѣдь она жъ никуда не ходитъ . . . — и онъ еще разъ дернулъ за ручку замка. — Чертъ, нечего дѣлать, идти!

— Стойте! — закричалъ вдругъ молодой человѣкъ, — смотрите: видите, какъ дверь отстаетъ, если дергать?

— Ну?

— Значитъ она не на замкѣ, а на запорѣ, на крючкѣ то есть! Слышите, какъ запоръ брякаетъ?

— Ну?

— Да какъ же вы не понимаете? Значитъ кто-нибудь изъ нихъ дома. Если бы всѣ ушли, такъ снаружи бы ключемъ заперли, а не на запоръ изнутри. А тутъ,—слышите, какъ запоръ брякаетъ? А чтобы затвориться на запоръ изнутри, надо быть дома, понимаете? Стало быть, дома сидятъ, да не отпираютъ!

— Ба! Да и въ самомъ дѣлѣ! — закричалъ уди-

вившійся Кохъ. — Такъ что жъ онѣ тамъ! — И онъ неистово началъ дергать дверь.

— Стойте! — закричалъ опять молодой человѣкъ, — не дергайте! Тутъ что-нибудь да не такъ... вы вѣдь звонили, дергали, — не отпираютъ; значитъ, или онѣ обѣ въ обморкѣ, или...

— Что?

— А вотъ что: пойдемте-ка за дворникомъ; пусть онъ ихъ самъ разбудитъ.

— Дѣло! — Оба двинулись внизъ.

— Стойте! Останьтесь-ка вы здѣсь, а я сбѣгаю внизъ за дворникомъ.

— Зачѣмъ оставаться?

— А мало ли что̀?..

— Пожалуй...

— Я вѣдь въ судебные слѣдователи готовлюсь! Тутъ очевидно, оч-че-в-видно что-то не такъ! — горячо вскричалъ молодой человѣкъ и бѣгомъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

Кохъ остался, пошевелилъ еще разъ тихонько звонкомъ, и тотъ звякнулъ одинъ ударъ; потомъ тихо, какъ бы размышляя и осматривая, сталъ шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтобъ убѣдиться еще разъ, что она на одномъ запорѣ. Потомъ пыхтя нагнулся и сталъ смотрѣть въ замочную скважину; но въ ней изнутри торчалъ ключъ и, стало быть, ничего не могло быть видно.

Раскольниковъ стоялъ и сжималъ топоръ. Онъ былъ точно въ бреду. Онъ готовился даже драться съ ними, когда они войдутъ. Когда они стучались и сговаривались, ему, нѣсколько разъ, вдругъ приходила мысль кончить все разомъ и крикнуть имъ изъ-за дверей. Порой хотѣлось ему начать ругаться съ ними, дразнить ихъ, покамѣстъ не от-

перли. «Поскорѣй бы ужъ!» — мелькнуло въ его головѣ.

— Однако, онъ чертъ . . .

Время проходило, минута, другая, — никто не шелъ. Кохъ сталъ шевелиться.

— Однако, чертъ!. . .—закричалъ онъ вдругъ и въ нетерпѣніи, бросивъ свой караулъ, отправился тоже внизъ, торопясь и стуча по лѣстницѣ сапогами. Шаги стихли.

— Господи, что же дѣлать!

Раскольниковъ снялъ запоръ, пріотворилъ дверь, ничего не слышно, и вдругъ, совершенно уже не думая, вышелъ, притворилъ, какъ могъ плотнѣе, дверь за собой и пустился внизъ.

Онъ уже сошелъ три лѣстницы, какъ вдругъ послышался сильный шумъ ниже, — куда дѣваться! Никуда-то нельзя было спрятаться. Онъ побѣжалъ было назадъ, опять въ квартиру.

— Эй, лѣшій, чертъ! Держи!

Съ крикомъ вырвался кто-то внизу изъ какой-то квартиры, и не то что побѣжалъ, а точно упалъ внизъ, по лѣстницѣ, крича во всю глотку:

— Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шутъ-те де-ри-и-и!

Крикъ закончился взвизгомъ; послѣдніе звуки послышались уже на дворѣ; все затихло. Но въ то же самое мгновеніе нѣсколько человѣкъ, громко и часто говорившихъ, стали шумно подниматься на лѣстницу. Ихъ было трое или четверо. Онъ разслышалъ звонкій голосъ молодого. «Они!»

Въ полномъ отчаяніи пошелъ онъ имъ прямо навстрѣчу: будь что будетъ! Остановятъ, все пропало, пропустятъ, тоже все пропало: запомнятъ. Они уже сходились: между ними оставалась всего

одна только лѣстница, — и вдругъ спасеніе! Въ нѣсколькихъ ступенькахъ отъ него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира второго этажа, въ которой красили рабочіе, а теперь, какъ нарочно, ушли. Они-то вѣрно и выбѣжали сейчасъ съ такимъ крикомъ. Полы только что окрашены, среди комнаты стоятъ кадочка и черепокъ съ краской и съ мазилкой. Въ одно мгновеніе прошмыгнулъ онъ въ отворенную дверь и притаился за стѣной, и было время: они уже стояли на самой площадкѣ. Затѣмъ повернули вверхъ и прошли мимо, въ четвертый этажъ, громко разговаривая. Онъ выждалъ, вышелъ на цыпочкахъ и побѣжалъ внизъ.

Никого на лѣстницѣ! Подъ воротами тоже. Быстро прошелъ онъ подворотню и повернулъ налѣво по улицѣ.

Онъ очень хорошо зналъ, онъ отлично хорошо зналъ, что они, въ это мгновеніе, уже въ квартирѣ, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда какъ сейчасъ была заперта, что они уже смотрятъ на тѣла, и что пройдетъ не больше минуты, какъ они догадаются и совершенно сообразятъ, что тутъ только что былъ убійца и успѣлъ куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо нихъ, убѣжать; догадаются, пожалуй, и о томъ, что онъ въ пустой квартирѣ сидѣлъ, пока они вверхъ проходили. А между тѣмъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ онъ очень прибавить шагу, хотя до перваго поворота шаговъ сто оставалось. «Не скользнуть ли развѣ въ подворотню какую-нибудь и переждать гдѣ-нибудь на незнакомой лѣстницѣ? Нѣтъ, бѣда! А не забросить ли куда топоръ? Не взять ли извозчика? Бѣда! Бѣда!»

Мысли его мѣшались. Наконецъ, вотъ и переулокъ; онъ поворотилъ въ него полумертвый; тутъ онъ былъ уже на половину спасенъ и понималъ это: меньше подозрѣній, къ тому же тутъ сильно народъ сновалъ, и онъ стирался въ немъ, какъ песчинка. Но всѣ эти мученія до того его обезсилили, что онъ едва двигался. Потъ шелъ изъ него каплями; шея была вся смочена. «Ишь нарѣзался!» — крикнулъ кто-то ему, когда онъ вышелъ на канаву.

Онъ плохо теперь помнилъ себя; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Онъ помнилъ, однако, какъ вдругъ, выйдя на канаву, испугался, что мало народу, и что тутъ примѣтнѣе, и хотѣлъ было поворотить назадъ въ переулокъ. Несмотря на то, что чуть не падалъ, онъ все-таки сдѣлалъ крюку и пришелъ домой съ другой совсѣмъ стороны.

Не въ полной памяти прошелъ онъ и въ ворота своего дома; по крайней мѣрѣ, онъ уже прошелъ на лѣстницу и тогда только вспомнилъ о топорѣ. А между тѣмъ предстояла очень важная задача: положить его обратно и какъ можно незамѣтнѣе. Конечно, онъ уже не въ силахъ былъ сообразить, что, можетъ быть, гораздо лучше было бы ему совсѣмъ не класть топора на прежнее мѣсто, а подбросить его, хотя потомъ, куда-нибудь на чужой дворъ.

Но все обошлось благополучно. Дверь въ дворницкую была притворена, но не на замкѣ, стало быть, вѣроятнѣе всего было, что дворникъ дома. Но до того уже онъ потерялъ способность сообразить что-нибудь, что прямо подошелъ къ дворницкой и растворилъ ее. Если бы дворникъ спросилъ его: «что̀ надо?» онъ, можетъ быть, такъ прямо и

подалъ бы ему топоръ. Но дворника опять не было, и онъ успѣлъ уложить топоръ на прежнее мѣсто подъ скамью; даже полѣномъ прикрылъ попрежнему. Никого, ни единой души, не встрѣтилъ онъ потомъ до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта. Войдя къ себѣ, онъ бросился на диванъ, такъ, какъ былъ. Онъ не спалъ, но былъ въ забытьи. Если бы кто вошелъ тогда въ его комнату, онъ бы тотчасъ же вскочилъ и закричалъ. Клочки и отрывки какихъ-то мыслей такъ и кишѣли въ его головѣ; но онъ ни одной не могъ схватить, ни на одной не могъ остановиться, несмотря даже на усилія . . .

Часть вторая.

I.

Такъ пролежалъ онъ очень долго. Случалось, что онъ какъ будто и просыпался, и въ эти минуты замѣчалъ, что уже давно ночь, а встать ему не приходило въ голову. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что уже свѣтло по-дневному. Онъ лежалъ на диванѣ навзничь, еще остолбенѣлый отъ недавняго забытья. До него рѣзко доносились страшные, отчаянные вопли съ улицы, которые, впрочемъ, онъ каждую ночь выслушивалъ подъ своимъ окномъ, въ третьемъ часу. Они-то и разбудили его теперь: — «А! Вотъ ужъ и изъ распивочныхъ пьяные выходятъ, — подумалъ онъ, — третій часъ», — и вдругъ вскочилъ, точно его сорвалъ кто съ дивана. — «Какъ! Третій уже!» Онъ сѣлъ на диванѣ, — и тутъ все припомнилъ! Вдругъ въ одинъ мигъ все припомнилъ!

Въ первое мгновеніе онъ думалъ, что съ ума сойдетъ. Страшный холодъ обхватилъ его; но холодъ былъ и отъ лихорадки, которая уже давно началась съ нимъ во снѣ. Теперь же вдругъ ударилъ такой ознобъ, что чуть зубы не выпрыгнули, и все въ немъ такъ и заходило. Онъ отворилъ

дверь и началъ слушать: въ домѣ все совершенно спало. Съ изумленіемъ оглядывалъ онъ себя и все кругомъ въ комнатѣ и не понималъ: какъ это онъ могъ вчера, войдя, не запереть дверей на крючокъ и броситься на диванъ не только не раздѣвшись, но даже въ шляпѣ: она скатилась и тутъ же лежала на полу, близъ подушки. — «Если бы кто зашелъ, что бы онъ подумалъ? Что я пьянъ, но . . .» Онъ бросился къ окошку. Свѣту было довольно, и онъ поскорѣй сталъ себя оглядывать, всего, съ ногъ до головы, все свое платье: нѣтъ ли слѣдовъ? Но такъ нельзя было: дрожа отъ озноба, сталъ онъ снимать съ себя все и опять осматривать кругомъ. Онъ перевертѣлъ все, до послѣдней нитки и лоскутка и, не довѣряя себѣ, повторилъ осмотръ раза три. Но не было ничего, кажется, никакихъ слѣдовъ; только на томъ мѣстѣ, гдѣ панталоны внизу осѣклись и висѣли бахромой, на бахромѣ этой оставались густые слѣды запекшейся крови. Онъ схватилъ складной большой ножикъ и обрѣзалъ бахрому. Больше, кажется, ничего не было. Вдругъ онъ вспомнилъ, что кошелекъ и вещи, которыя онъ вытащилъ у старухи изъ сундука, всѣ до сихъ поръ у него по карманамъ лежатъ! Онъ и не подумалъ до сихъ поръ ихъ вынуть и спрятать! Не вспомнилъ о нихъ даже теперь, какъ платье осматривалъ! Что жъ это? — Мигомъ бросился онъ ихъ вынимать и выбрасывать на столъ. Выбравъ все, даже выворотивъ карманы, чтобъ удостовѣриться не остается ли еще чего, онъ всю эту кучу перенесъ въ уголъ. Тамъ, въ самомъ углу, внизу, въ одномъ мѣстѣ были разодраны отставшіе отъ стѣны обои: тотчасъ же началъ онъ все запихивать въ эту дыру, подъ бумагу: — вошло! «Все съ глазъ долой и ко-

шелекъ тоже!» — радостно думалъ онъ, привставъ и тупо смотря въ уголъ, въ оттопырившуюся еще больше дыру. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ отъ ужаса: — «Боже мой, — шепталъ онъ въ отчаяніи, — что со мною? Развѣ это спрятано? Развѣ такъ прячутъ?».

Правда, онъ и не расчитывалъ на вещи; онъ думалъ, что будутъ однѣ только деньги, а потому и не приготовилъ заранѣе мѣста, — «но теперь-то, теперь чему я радъ?» — думалъ онъ. — «Развѣ такъ прячутъ? Подлинно разумъ меня оставляетъ!» Въ изнеможеніи сѣлъ онъ на диванъ, и тотчасъ же нестерпимый ознобъ снова затрясъ его. Машинально потащилъ онъ лежавшее подлѣ, на стулѣ, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти въ лохмотьяхъ, накрылся имъ, и сонъ, и бредъ опять разомъ охватили его. Онъ забылся.

Не болѣе какъ минутъ черезъ пять вскочилъ онъ снова и тотчасъ же въ изступленіи опять кинулся къ своему платью. — «Какъ это могъ я опять заснуть, тогда какъ ничего не сдѣлано! Такъ и есть, такъ и есть: петлю подмышкой до сихъ поръ не снялъ! Забылъ, объ такомъ дѣлѣ забылъ! Такая улика!» Онъ сдернулъ петлю и поскорѣй сталъ разрывать ее въ куски, запихивая ихъ подъ подушку въ бѣлье. — «Куски рваной холстины ни въ какомъ случаѣ не возбудятъ подозрѣнія; кажется такъ, кажется такъ!» — повторялъ онъ, стоя среди комнаты, и съ напряженнымъ до боли вниманіемъ сталъ опять высматривать кругомъ, на полу и вездѣ, не забылъ ли еще чего-нибудь? Увѣренность, что все, даже память, даже простое соображеніе оставляютъ его, — начинала нестерпимо его мучить. — «Что, неужели ужъ начинается, неужели

это ужъ казнь наступаетъ? Вонъ, вонъ, такъ и есть!» Дѣйствительно, обрѣзки бахромы, которую онъ срѣзалъ съ панталонъ, такъ и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидѣлъ! — «Да что же это со мною!» — вскричалъ онъ опять, какъ потерянный.

Тутъ пришла ему въ голову странная мысль: что, можетъ быть, и все его платье въ крови, что, можетъ быть, много пятенъ, но что онъ ихъ только не видитъ, не замѣчаетъ, потому что соображеніе его ослабѣло, раздроблено... умъ помраченъ... Вдругъ онъ вспомнилъ, что и на кошелькѣ была кровь. — «Ба! Такъ стало быть, и въ карманѣ тоже должна быть кровь, потому что я мокрый кошелекъ тогда въ карманъ сунулъ!» Мигомъ выворотилъ онъ карманъ и, — такъ и есть — на подкладкѣ кармана есть слѣды, пятна! — «Стало быть, не оставилъ же еще совсѣмъ разумъ, стало быть, есть же соображеніе и память, коли самъ спохватился и догадался!» — подумалъ онъ съ торжествомъ, глубоко и радостно вздохнувъ всею грудью — «просто слабосиліе лихорадочное, бредъ на минуту», и онъ вырвалъ всю подкладку изъ лѣваго кармана панталонъ. Въ эту минуту лучъ солнца освѣтилъ его лѣвый сапогъ: на носкѣ, который выглядывалъ изъ сапога, какъ будто показались знаки. Онъ сбросилъ сапогъ: — «дѣйствительно знаки! Весь кончикъ носка пропитанъ кровью»; должно быть, онъ въ ту лужу неосторожно тогда ступилъ... «Но что же теперь съ этимъ дѣлать? Куда дѣвать этотъ носокъ, бахрому, карманъ?»

Онъ сгребъ все это въ руку и стоялъ среди комнаты. — «Въ печку? Но въ печкѣ прежде всего начнутъ рыться. Сжечь? Да и чѣмъ сжечь? Спичекъ

даже нѣтъ. Нѣтъ, лучше выйти куда-нибудь и все выбросить. Да! Лучше выбросить!» — повторялъ онъ, опять садясь на диванъ, — « сейчасъ, сію минута, не медля! . .» Но вмѣсто того, голова его опять склонилась на подушку; опять оледенилъ его нестерпимый ознобъ; опять онъ потащилъ на себя шинель. И долго, нѣсколько часовъ, ему все мерещилось порывами, что «вотъ бы сейчасъ, не откладывая, пойти куда-нибудь и все выбросить, чтобъ ужъ съ глазъ долой, поскорѣй, поскорѣй!» Онъ порывался съ дивана нѣсколько разъ, хотѣлъ было встать, но уже не могъ. Окончательно разбудилъ его сильный стукъ въ двери.

— Да отвори, живъ аль нѣтъ? И все-то онъ дрыхнетъ! — кричала Настасья, стуча кулакомъ въ дверь, — цѣлые дни-то деньскіе какъ песъ дрыхнетъ! Песъ и есть! Отвори, что ль! Одиннадцатый часъ.

— А може и дома нѣтъ, — проговорилъ мужской голосъ.

«Ба! это голосъ дворника . . . Что ему надо?»

Онъ вскочилъ и сѣлъ на диванѣ. Сердце стучало такъ, что даже больно стало.

— А крюкомъ кто жъ заперся? — возразила Настасья:—ишь, запираться сталъ! Самого, что ль, унесутъ? Отвори, голова, проснись!

«Что̀ имъ надо? Зачѣмъ дворникъ? Все извѣстно. Сопротивляться или отворить? Пропадай . . . »

Онъ привсталъ, нагнулся впередъ и снялъ крюкъ.

Вся его комната была такого размѣра, что можно было снять крюкъ, не вставая съ постели.

Такъ и есть: стоятъ дворникъ и Настасья.

Настасья какъ-то странно его оглянула. Онъ съ вызывающимъ и отчаяннымъ видомъ взглянулъ на дворника. Тотъ молча протянулъ ему сѣрую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочнымъ сургучомъ.

— Повѣстка, изъ конторы, — проговорилъ онъ, подавая бумагу.

— Изъ какой конторы? . .

— Въ полицію значитъ зовутъ, въ контору. Извѣстно какая контора.

— Въ полицію! . . Зачѣмъ? . .

— А мнѣ почемъ знать. Требуютъ, и иди. — Онъ внимательно посмотрѣлъ на него, осмотрѣлся кругомъ и повернулся уходить.

— Никакъ совсѣмъ разболѣлся? — замѣтила Настасья, не спускавшая съ него глазъ. Дворникъ тоже на минуту обернулъ голову. — Со вчерашняго дня въ жару, — прибавила она.

Онъ не отвѣчалъ и держалъ въ рукахъ бумагу, не распечатывая.

— Да ужъ не вставай, — продолжала Настасья, разжалобясь и видя, что онъ спускаетъ съ дивана ноги. — Боленъ, такъ и не ходи: не сгоритъ. Что̀ у те въ рукахъ-то?

Онъ взглянулъ: въ правой рукѣ у него отрѣзанные куски бахромы, носокъ и лоскутья вырваннаго кармана. Такъ и спалъ съ ними. Потомъ уже, размышляя объ этомъ, вспоминалъ онъ, что и полупросыпаясь въ жару, крѣпко-на-крѣпко стискивалъ все это въ рукѣ и такъ опять засыпалъ.

— Ишь лохмотьевъ какихъ набралъ и спитъ съ ними, ровно съ кладомъ . . . — И Настасья закатилась своимъ болѣзнено-нервическимъ смѣхомъ. Мигомъ сунулъ онъ все подъ шинель и пристально

впился въ нее глазами. Хоть и очень мало могъ онъ въ ту минуту вполнѣ толково сообразить, но чувствовалъ, что съ человѣкомъ не такъ обращаться будутъ, когда придутъ его брать. — «Но... полиція?»

— Чаю бы выпилъ? Хошь, что ли? Принесу; осталось...

— Нѣтъ... я пойду; я сейчасъ пойду, — бормоталъ онъ, становясь на ноги.

— Поди и съ лѣстницы не сойдешь?

— Пойду...

— Какъ хошь.

Она ушла вслѣдъ за дворникомъ. Тотчасъ же бросился онъ къ свѣту осматривать носокъ и бахрому. — «Пятна есть, но не совсѣмъ примѣтно; все загрязнилось, затерлось и уже выцвѣло. Кто не знаетъ заранѣе—ничего не разглядитъ. Настасья, стало быть, ничего издали не могла примѣтить, слава Богу!» Тогда съ трепетомъ распечаталъ онъ повѣстку и сталъ читать; долго, долго читалъ онъ и наконецъ-то понялъ. Это была обыкновенная повѣстка изъ квартала явиться на сегодняшній день, въ половинѣ десятаго, въ контору квартальнаго надзирателя.

«Да когда жъ это бывало? Никакихъ я дѣлъ самъ по себѣ не имѣю съ полиціей! И почему какъ разъ сегодня?» — думалъ онъ въ мучительномъ недоумѣніи. — «Господи, поскорѣй бы ужъ!» Онъ было бросился на колѣни молиться, но даже самъ разсмѣялся, — не надъ молитвой, а надъ собой. Онъ поспѣшно сталъ одѣваться. — «Пропаду такъ пропаду, все равно! Носокъ надѣть!» вздумалось вдругъ ему, — «еще больше затрется въ пыли и слѣды пропадутъ». Но только что онъ надѣлъ,

тотчасъ же и сдернулъ его съ отвращеніемъ и ужасомъ. Сдернулъ, но, сообразивъ, что другого нѣтъ, взялъ и надѣлъ опять — и опять размѣялся. — «Все это условно, все относительно, все это однѣ только формы», — подумалъ онъ мелькомъ, однимъ только краешкомъ мысли, а самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, — «вѣдь вотъ надѣлъ же! Вѣдь кончилъ же тѣмъ, что надѣлъ!» Смѣхъ впрочемъ тотчасъ же смѣнился отчаяніемъ. — «Нѣтъ, не по силамъ . . .» — подумалось ему. Ноги его дрожали. — «Отъ страху», — пробормоталъ онъ про себя. Голова кружилась и болѣла отъ жару. — «Это хитрость! Это они хотятъ заманить меня хитростью и вдругъ сбить на всемъ», — продолжалъ онъ про себя, выходя на лѣстницу. — «Скверно то, что я почти въ бреду . . . я могу соврать какую-нибудь глупость . . .»

На лѣстницѣ онъ вспомнилъ, что оставляетъ всѣ вещи такъ, въ обойной дырѣ, — «а тутъ, пожалуй, нарочно безъ него обыскъ», вспомнилъ и остановился. Но такое отчаяніе и такой, если можно сказать, цинизмъ гибели вдругъ овладѣли имъ, что онъ махнулъ рукой и пошелъ дальше.

«Только бы поскорѣй! . .»

На улицѣ опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во всѣ эти дни. Опять пыль, кирпичъ и известка, опять вонь изъ лавочекъ и распивочныхъ, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившіеся извозчики. Солнце ярко блеснуло ему въ глаза, такъ что больно стало глядѣть и голова его совсѣмъ закружилась, — обыкновенное ощущеніе лихорадочнаго, выходящаго вдругъ на улицу въ яркій солнечный день.

Дойдя до поворота во *вчерашнюю* улицу, онъ съ

мучительною тревогой заглянулъ въ нее, на *тотъ* домъ . . . и тотчасъ же отвелъ глаза.

«Если спросятъ, я, можетъ быть, и скажу», — подумалъ онъ, подходя къ конторѣ.

Контора была отъ него съ четверть версты. Она только-что переѣхала на новую квартиру, въ новый домъ, въ четвертый этажъ. На прежней квартирѣ онъ былъ когда-то мелькомъ, но очень давно. Войдя подъ ворота, онъ увидѣлъ направо лѣстницу, по которой сходилъ мужикъ съ книжкой въ рукахъ: — «дворникъ, значитъ; значитъ, тутъ и есть контора», и онъ сталъ подниматься наверхъ наугадъ. Спрашивать ни у кого ни о чемъ не хотѣлось.

«Войду, стану на колѣна и все разскажу . . .» — подумалъ онъ, входя въ четвертый этажъ.

Лѣстница была узенькая, крутая и вся въ помояхъ. Всѣ кухни всѣхъ квартиръ во всѣхъ четырехъ этажахъ отворялись на эту лѣстницу и стояли такъ почти цѣлый день. Оттого была страшная духота. Вверхъ и внизъ всходили и сходили дворники съ книжками подмышкой, хожалые и разный людъ обоего пола — посѣтители. Дверь въ самую контору была тоже настежь отворена. Онъ вошелъ и остановился въ прихожей. Тутъ все стояли и ждали какіе-то мужики. Здѣсь тоже духота была чрезвычайная и кромѣ того до тошноты било въ носъ свѣжею, еще невыстоявшеюся краской на тухлой олифѣ вновь покрашенныхъ комнатъ. Переждавъ немного, онъ разсудилъ подвинуться еще впередъ, въ слѣдующую комнату. Все крошечныя и низенькія были комнаты. Страшное нетерпѣніе тянуло его все дальше и дальше. Никто не замѣчалъ его. Во второй комнатѣ

сидѣли и писали какіе-то писцы, одѣтые развѣ немного его получше, на видъ все странный какой-то народъ. Онъ обратился къ одному изъ нихъ.

— Чего тебѣ?

Онъ показалъ повѣстку изъ конторы.

— Вы студентъ? — спросилъ тотъ, взглянувъ на повѣстку.

— Да, бывшій студентъ.

Писецъ оглядѣлъ его, впрочемъ, безъ всякаго любопытства. Это былъ какой-то особенно взъерошенный чеолвѣкъ съ неподвижною идеей во взглядѣ.

«Отъ этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно», — подумалъ Раскольниковъ.

— Ступайте туда, къ письмоводителю, — сказалъ писецъ и ткнулъ впередъ пальцемъ, показывая на самую послѣднюю комнату.

Онъ вошелъ въ эту комнату (четвертую по порядку), тѣсную и биткомъ набитую публикой, — народомъ нѣсколько почище одѣтымъ, чѣмъ въ тѣхъ комнатахъ. Между посѣтителями были двѣ дамы. Одна въ траурѣ, бѣдно одѣтая, сидѣла за столомъ противъ письмоводителя и что-то писала подъ его диктовку. Другая же дама, очень полная и багрово-красная, съ пятнами, видная женщина, и что-то ужъ очень пышно одѣтая, съ брошкой на груди величиной въ чайное блюдечко, стояла въ сторонѣ и чего-то ждала. Раскольниковъ сунулъ письмоводителю свою повѣстку. Тотъ мелькомъ взглянулъ на нее, сказалъ: «подождите», и продолжалъ заниматься съ траурною дамой.

Онъ перевелъ духъ свободнѣе. — «Навѣрно не то!» Мало-по-малу онъ сталъ ободряться, онъ усо-

вѣщевалъ себя всѣми силами ободриться и опомниться.

«Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать! Гм . . . жаль, что здѣсь воздуху нѣтъ», — прибавилъ онъ, — «духота . . . Голова еще больше кружится . . . и умъ тоже» . . .

Онъ чувствовалъ во всемъ себѣ страшный безпорядокъ. Онъ самъ боялся не совладѣть съ собой. Онъ старался прицѣпиться къ чему-нибудь и о чемъ бы ни будь думать, о совершенно постороннемъ, но это совсѣмъ не удавалось. Письмоводитель сильно, впрочемъ, интересовалъ его: ему все хотѣлось что-нибудь угадать по его лицу, раскусить его. Это былъ очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ смуглою и подвижною физіономіей, казавшеюся старѣе своихъ лѣтъ, одѣтый по модѣ и фатомъ, съ проборомъ на затылкѣ, расчесанный и напомаженный, со множествомъ перстней и колецъ на бѣлыхъ отчищенныхъ щетками пальцахъ и золотыми цѣпями на жилетѣ. Съ однимъ бывшимъ тутъ иностранцемъ онъ даже сказалъ слова два по-французски и очень удовлетворительно.

— Луиза Ивановна, вы бы сѣли, — сказалъ онъ мелькомъ разодѣтой багрово-красной дамѣ, которая все стояла какъ будто не смѣя сама сѣсть, хотя стулъ былъ рядомъ.

— Ich danke, — сказала та и тихо, съ шелковымъ шумомъ, опустилась на стулъ. Свѣтлоголубое съ бѣлою кружевною отдѣлкой платье ея, точно воздушный шаръ, распространилось вокругъ стула и заняло чуть не полкомнаты. Понесло духами. Но дама, очевидно, робѣла того, что зани-

маетъ полкомнаты, и что отъ нея такъ несетъ духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вмѣстѣ, но съ явнымъ безпокойствомъ.

Траурная дама, наконецъ, кончила и стала вставать. Вдругъ, съ нѣкоторымъ шумомъ, весьма молодцовато и какъ-то особенно повертывая съ каждымъ шагомъ плечами, вошелъ офицеръ, бросилъ фуражку съ кокардой на столъ и сѣлъ въ кресла. Пышная дама такъ и подпрыгнула съ мѣста, его завидя, и съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ принялась присѣдать; но офицеръ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія, а она уже не смѣла больше при немъ садиться. Это былъ помощникъ квартальнаго надзирателя, съ горизонтально торчавшими въ обѣ стороны рыжеватыми усами и съ чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочемъ, особеннаго, кромѣ нѣкотораго нахальства, не выражавшими. Онъ искоса и отчасти съ негодованіемъ посмотрѣлъ на Раскольникова: слишкомъ ужъ на немъ былъ скверенъ костюмъ, и несмотря на все приниженіе, все еще не по костюму была осанка; Раскольниковъ, по неосторожности, слишкомъ прямо и долго посмотрѣлъ на него, такъ что тотъ даже обидѣлся.

— Тебѣ чего? — крикнулъ онъ, вѣроятно, удивляясь, что такой оборванецъ и не думаетъ стушевываться отъ его молніеноснаго взгляда.

— Потребовали . . . по повѣсткѣ . . . — отвѣчалъ кое-какъ Раскольниковъ.

— Это по дѣлу о взысканіи съ нихъ денегъ, съ *студента,* — заторопился письмоводитель, отрываясь отъ бумаги. — Вотъ-съ! — и онъ перекинулъ Раскольникову тетрадь, указавъ въ ней мѣсто: — прочтите!

«Денегъ? Какихъ денегъ?» — думалъ Раскольниковъ, — «но . . . стало быть, ужъ навѣрно не то!» И онъ вздрогнулъ отъ радости. Ему стало вдругъ ужасно, невыразимо легко. Все съ плечъ слетѣло.

— А въ которомъ часу вамъ приходить написано, милости-сдарь? — крикнулъ поручикъ, все болѣе и болѣе неизвѣстно чѣмъ оскорбляясь, — вамъ пишутъ въ девять, а теперь уже двѣнадцатый часъ!

— Мнѣ принесли всего четверть часа назадъ,— громко и черезъ плечо отвѣчалъ Раскольниковъ, тоже внезапно и неожиданно для себя разсердившійся и даже находя въ этомъ нѣкоторое удовольствіе. — И того довольно, что, я больной, въ лихорадкѣ, пришелъ.

— Не извольте кричать!

— Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите; а я студентъ и кричать на себя не позволю.

Помощникъ до того вспылилъ, что въ первую минуту даже ничего не могъ выговорить, и только какія-то брызги вылетали изъ устъ его. Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Извольте ма-а-а-лчать! Вы въ присутствіи. Не гр-р-рубіянить, сударь!

— Да и вы въ присутствіи, — вскрикнулъ Раскольниковъ, — кромѣ того что вы кричите, папироску курите, стало быть, всѣмъ намъ манкируете. — Проговоривъ это, Раскольниковъ почувствовалъ невыразимое наслажденіе.

Письмоводитель съ улыбкой посмотрѣлъ на нихъ. Горячій поручикъ былъ видимо озадаченъ.

— Это не ваше дѣло-съ! — прокричалъ онъ,

наконецъ, какъ-то неестественно громко, — а вотъ извольте-ка подать отзывъ, который съ васъ требуютъ. Покажите ему, Александръ Григорьевичъ. Жалобы на васъ! Денегъ не платите! Ишь какой вылетѣлъ соколъ ясный!

Но Раскольниковъ уже не слушалъ и жадно схватился за бумагу, ища поскорѣй разгадки. Прочелъ разъ, другой, и не понялъ.

— Это что же? — спросилъ онъ письмоводителя.

— Это деньги съ васъ по заемному письму требуютъ, взысканіе. Вы должны или уплатить со всѣми издержками, пенными и проч., или дать письменно отзывъ, когда можете уплатить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство не выѣзжать до уплаты изъ столицы и не продавать и не скрывать своего имущества. А заимодавецъ воленъ продать ваше имущество, а съ вами поступить по законамъ.

— Да я... никому не долженъ!

— Это ужъ не наше дѣло. А къ намъ вотъ поступило ко взысканію просроченное и законно-протестованное заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, выданное вами вдовѣ, коллежской ассесоршѣ Зарницыной, назадъ тому девять мѣсяцевъ, а отъ вдовы Зарницыной перешедшее уплатою къ надворному совѣтнику Чебарову, мы и приглашаемъ васъ посему къ отзыву.

— Да вѣдь она жъ моя хозяйка?

— Ну такъ что жъ, что хозяйка?

Письмоводитель смотрѣлъ на него съ снисходительною улыбкой сожалѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкотораго торжества, какъ на новичка, котораго только что начинаютъ обстрѣливать: « Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?» Но

какое, какое было ему теперь дѣло до заемнаго письма, до взысканія! Стоило ли это теперь хоть какой-нибудь тревоги въ свою очередь, хотя какого-нибудь даже вниманія! Онъ стоялъ, читалъ, слушалъ, отвѣчалъ, самъ даже спрашивалъ, но все это машинально. Торжество самосохраненія, спасеніе отъ давившей опасности, — вотъ что наполняло въ эту минуту все его существо, безъ предвидѣнія, безъ анализа, безъ будущихъ загадываній и отгадываній, безъ сомнѣній и безъ вопросовъ. Это была минута полной непосредственной, чисто-животной радости. Но въ эту самую минуту въ конторѣ произошло нѣчто въ родѣ грома и молніи. Поручикъ, еще весь потрясенный непочтительностью, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицію, набросился всѣми перунами на несчастную «пышную даму», смотрѣвшую на него, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ вошелъ, съ преглупѣйшею улыбкой.

— А ты, такая-сякая и этакая, — крикнулъ онъ вдругъ во все горло (траурная дама уже вышла), — у тебя тамъ что прошедшую ночь произошло? А? Опять позоръ, дебошъ на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство. Въ смирительный мечтаешь! Вѣдь я ужъ тебѣ говорилъ, вѣдь я ужъ предупреждалъ тебя десять разъ, что въ одиннадцатый разъ не спущу! А ты опять, опять, такая-сякая ты этакая!

Даже бумага выпала изъ рукъ Раскольникова, и онъ дико смотрѣлъ на пышную даму, которую такъ безцеремонно отдѣлывали; но скоро, однакоже, сообразилъ въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вся эта исторія начала ему очень нравиться. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ, такъ даже, что хотѣлось хохо-

гать, хохотать, хохотать . . . Всѣ нервы его такъ и прыгали.

— Илья Петровичъ! — началъ было письмоводитель заботливо, но остановился выждать время, потому что вскипѣвшаго поручика нельзя было удержать иначе, какъ за руки, что онъ зналъ по собственному опыту.

Что же касается пышной дамы, то вначалѣ она такъ и затрепетала отъ грома и молніи; но странное дѣло: чѣмъ многочисленнѣе и крѣпче становились ругательства, тѣмъ видъ ея становился любезнѣе, тѣмъ очаровательнѣе дѣлалась ея улыбка, обращенная къ грозному поручику. Она сѣменила на мѣстѣ и безпрерывно присѣдала, съ нетерпѣніемъ выжидая, что, наконецъ-то, и ей позволятъ ввернуть свое слово, и дождалась.

— Никакой шумъ и драки у меня не буль, г. капитэнъ, — затараторила она вдругъ, точно горохъ просыпали, съ крѣпкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, хотя и бойко по-русски, — и никакой, никакой шкандаль, и они пришоль пьянъ, и это я все раскажитъ, г. капитэнъ, а я не виноватъ . . . у меня благородный домъ, г. капитэнъ, и благородное обращеніе, г. капитэнъ, и я всегда, всегда сама не хотѣль никакой шкандаль. А они совсѣмъ пришоль пьянъ и потомъ опять три путилки спросиль, а потомъ одинъ поднялъ ноги и сталъ ногомъ фортепьянъ играль, и это совсѣмъ не хорошо въ благородный домъ, и онъ ганцъ фортепьянъ ломаль и совсѣмъ тутъ нѣтъ никакой маниръ, и я сказаль. А онъ путилку взялъ и сталъ всѣхъ сзади путилкой толкать. И тутъ какъ я сталь скоро дворникъ позваль и Карль пришоль, онъ взялъ Карль и глазъ прибиль, и Генріэтъ тоже глазъ прибиль, а

мнѣ пять разъ щеку биль. И это такъ неделикатно въ благородный домъ, г. капитэнъ, и я кричаль. А онъ на капавъ окно отворяль и сталъ въ окно, какъ маленькая свинья визжаль; и это срамъ. И какъ можно въ окно на улицъ, какъ маленькая свинья визжаль? Фуй-фуй-фуй! И Карль сзади его за фракъ отъ окна тащиль и тутъ, это правда, г. капитэнъ, ему зейнъ рокъ изорваль. И тогда онъ кричаль, что ему пятнадцать цѣлковыхъ манъ мусъ штрафъ платиль. И я сама, г. капитэнъ, пять цѣлковыхъ ему зейнъ рокъ платиль. И это неблагородный гость, г. капитэнъ, и всякой шкандаль дѣлаль! Я, говориль, на васъ большой сатиръ гедрюктъ будетъ, потому я во всѣхъ газетъ могу про васъ все сочиниль.

— Изъ сочинителей, значитъ?

— Да, г. капитэнъ, и какой же это неблагородный гость, г. капитэнъ, когда въ благородный домъ . . .

— Ну-ну-ну! Довольно! Я ужъ тебѣ говорилъ, говорилъ, я вѣдь тебѣ говорилъ . . .

— Илья Петровичъ! — снова значительно проговорилъ письмоводитель. Поручикъ быстро взглянулъ на него; письмоводитель слегка кивнулъ головой.

— . . . Такъ вотъ же тебѣ, почтеннѣйшая *Лавиза* Ивановна, мой послѣдній сказъ и ужъ это въ послѣдній разъ, — продолжалъ поручикъ, — если у тебя еще хоть одинъ только разъ въ твоемъ благородномъ домѣ произойдетъ скандалъ, такъ я тебя самое на цугундеръ, какъ въ высокомъ слогѣ говорится. Слышала? Такъ литераторъ, сочинитель, пять цѣлковыхъ въ «благородномъ домѣ» за фалду взялъ? Вонъ они, сочинители! — и онъ метнулъ пре-

зрительный взглядъ на Раскольникова. — Третьяго дня въ трактирѣ тоже исторія: пообѣдалъ, а платить не желаетъ; «я, дескать, васъ въ сатирѣ за то опишу». На пароходѣ тоже другой, на прошлой недѣлѣ, почтенное семейство статскаго совѣтника, жену и дочь, подлѣйшими словами обозвалъ. Изъ кондитерской намедни въ толчки одного выгнали. Вотъ они каковы, сочинители, литераторы, студенты, глашатаи... тьфу! А ты пошла! Я вотъ самъ къ тебѣ загляну... тогда берегись! Слышала?

Луиза Ивановна съ уторопленною любезностью пустилась присѣдать на всѣ стороны и присѣдая допятилась до дверей; но въ дверяхъ наскочила задомъ на одного виднаго офицера, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ и съ превосходными густѣйшими бѣлокурыми бакенами. Это былъ самъ Никодимъ Ѳомичъ, квартальный надзиратель. Луиза Ивановна послѣшила присѣсть чуть не до полу и частыми шагами, подпрыгивая, полетѣла изъ конторы.

— Опять грохотъ, опять громъ и молнія, смерчъ, ураганъ! — любезно и дружески обратился Никодимъ Ѳомичъ къ Ильѣ Петровичу, — опять растревожили сердце, опять закипѣлъ! Еще съ лѣстницы слышалъ.

— Да што! — съ благородною небрежностью проговорилъ Илья Петровичъ (и даже не што, а какъ-то: «Да-а шта-а!»), переходя съ какими-то бумагами къ другому столу и картинно передергивая съ каждымъ шагомъ плечами, куда шагъ туда и плечо; — вотъ-съ, извольте видѣть: господинъ сочинитель, то бишь, студентъ, бывшій то есть, денегъ не платитъ, векселей надавалъ, квартиру не очищаетъ, безпрерывныя на нихъ поступаютъ жа-

лобы, а изволили въ претензію войти, что я папироску при нихъ закурилъ! Сами п-п-подличаютъ, а вотъ-съ, извольте взглянуть на нихъ: вотъ они въ самомъ своемъ привлекательномъ теперь видѣ-съ!

— Бѣдность не порокъ, дружище, ну да ужъ что! Извѣстно, порохъ, не могъ обиды перенести. Вы чѣмъ-нибудь вѣрно противъ него обидѣлись и сами не удержались, — продолжалъ Никодимъ Ѳомичъ, любезно обращаясь къ Раскольникову, — но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-р-роднѣйшій, я вамъ скажу, человѣкъ, но порохъ, порохъ! Вспылилъ, вскипѣлъ, сгорѣлъ— и нѣтъ! И все прошло! И въ результатѣ одно только золото сердца! Его и въ полку прозвали: «поручикъ-порохъ» . . .

— И какой еще п-п-полкъ былъ! — воскликнулъ Илья Петровичъ, весьма довольный, что его такъ пріятно пощекотали, но все еще будируя.

Раскольникову вдругъ захотѣлось сказать имъ всѣмъ что-нибудь необыкновенно пріятное.

— Да помилуйте, капитанъ, — началъ онъ весьма развязно, обращаясь вдругъ къ Никодиму Ѳомичу, — вникните и въ мое положеніе . . . Я готовъ даже просить у нихъ извиненія, если въ чемъ съ своей стороны манкировалъ. Я бѣдный и больной студентъ, удрученный (онъ такъ и сказалъ: «удрученный») бѣдностью. Я бывшій студентъ, потому что теперь не могу содержать себя, но я получу деньги . . . У меня мать и сестра въ —й губерніи . . . Мнѣ пришлютъ и я . . . заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерялъ и не плачу уже четвертый мѣсяцъ, что не присылаетъ мнѣ даже обѣдать . . . И не понимаю совершенно какой это вексель! Теперь она

съ меня требуетъ по заемному письму, что жъ я ей заплачу, посудите сами! . .

— Но это вѣдь не наше дѣло . . . — опять было замѣтилъ письмоводитель . . .

— Позвольте, позвольте, я съ вами совершенно согласенъ, но позвольте и мнѣ разъяснить, — подхватилъ опять Раскольниковъ, обращаясь не къ письмоводителю, а все къ Никодиму Ѳомичу, но стараясь всѣми силами обращаться тоже и къ Ильѣ Петровичу, хотя тотъ упорно дѣлалъ видъ, что роется въ бумагахъ и презрительно не обращаетъ на него вниманія, — позвольте и мнѣ съ своей стороны разъяснить, что я живу у ней ужъ около трехъ лѣтъ, съ самаго пріѣзда изъ провинціи и прежде . . . прежде . . . впрочемъ, отчего жъ мнѣ и не признаться въ свою очередь, съ самаго начала я далъ обѣщаніе, что женюсь на ея дочери, обѣщаніе словесное, совершенно свободное . . . Это была дѣвушка . . . впрочемъ, она мнѣ даже нравилась . . . хотя я и не былъ влюбленъ . . . однимъ словомъ, молодость, т. е. я хочу сказать, что хозяйка мнѣ дѣлала тогда много кредиту и я велъ отчасти такую жизнь . . . я очень былъ легкомысленъ . . .

— Съ васъ вовсе не требуютъ такихъ интимностей, милостисдарь, да и времени нѣтъ, — грубо и съ торжествомъ перебилъ было Илья Петровичъ, но Раскольниковъ съ жаромъ остановилъ его, хотя ему чрезвычайно тяжело стало вдругъ говорить.

— Но позвольте, позвольте же мнѣ, отчасти, все разсказать . . . какъ было дѣло и . . . въ свою очередь . . . хотя это и лишнее, согласенъ съ вами, разсказывать, — но годъ назадъ эта дѣвица умерла отъ тифа, я же остался жильцомъ, какъ былъ, и хозяйка, какъ переѣхала на теперешнюю

квартиру, сказала мнѣ . . . и сказала дружески . . . что она совершенно во мнѣ увѣрена и все . . . но что не захочу ли я дать ей это заемное письмо въ сто пятнадцать рублей, всего что она считала за мной долгу. Позвольте-съ: она именно сказала, что, какъ только я дамъ эту бумагу, она опять будетъ меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, въ свою очередь, — это ея собственныя слова были, — она не воспользуется этой бумагой, покамѣстъ я самъ заплачу . . . И вотъ теперь, когда я уроки потерялъ, и мнѣ ѣсть нечего, она и подаетъ ко взысканію . . . Что жъ я теперь скажу?

— Всѣ эти чувствительныя подробности, милостисдарь, до насъ не касаются, — нагло отрѣзалъ Илья Петровичъ, — вы должны дать отзывъ и обязательство, а что вы тамъ изволили быть влюблены и всѣ эти трагическія мѣста, до этого намъ совсѣмъ дѣла нѣтъ.

— Ну ужъ ты . . . жестоко . . . — пробормоталъ Никодимъ Ѳомичъ, усаживаясь къ столу и тоже принимаясь подписывать. Ему какъ-то стыдно стало.

— Пишите же, — сказалъ письмоводитель Раскольникову.

— Что писать? — спросилъ тотъ какъ-то особенно.

— А я вамъ продиктую.

Раскольникову показалось, что письмоводитель сталъ съ нимъ небрежнѣе и презрительнѣе послѣ его исповѣди, — но странное дѣло, — ему вдругъ стало самому рѣшительно все равно до чьего бы то ни было мнѣнія, и перемѣна эта произошла какъ-то въ одинъ мигъ, въ одну минуту. Если бъ

онъ захотѣлъ подумать немного, то, конечно, удивился бы тому, какъ могъ онъ такъ говорить съ ними, минуту назадъ, и даже навязываться съ своими чувствами? И откуда взялись эти чувства? Напротивъ теперь, если бы вдругъ комната наполнилась не квартальными, а первѣйшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось бы для нихъ у него ни одного человѣческаго слова, до того вдругъ опустѣло его сердце. Мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія вдругъ сознательно сказались душѣ его. Не низость его сердечныхъ изліяній передъ Ильей Петровичемъ, не низость и поручикова торжества надъ нимъ повернули вдругъ такъ ему сердце. О, какое ему дѣло теперь до собственной подлости, до всѣхъ этихъ амбицій, поручиковъ, нѣмокъ, взысканій, конторъ и проч., и проч.! Если бъ его приговорили даже сжечь въ эту минуту, то и тогда онъ не шевельнулся бы, даже врядъ ли прослушалъ бы приговоръ внимательно. Съ нимъ совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда небывалое. Не то, чтобъ онъ понималъ, но онъ ясно ощущалъ, всею силою ощущеній, что не только съ чувствительными экспансивностями, какъ давеча, но даже съ чѣмъ бы то ни было, ему уже нельзя болѣе обращаться къ этимъ людямъ, въ квартальной конторѣ, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно не за чѣмъ было бы обращаться къ нимъ и даже ни въ какомъ случаѣ жизни; онъ никогда еще до сей минуты не испытывалъ подобнаго страннаго и ужаснаго ощущенія. И что̀ всего мучительнѣе — это было болѣе ощущеніе, чѣмъ сознаніе, чѣмъ понятіе; непосредственное ощущеніе,

мучительнѣйшее ощущеніе изъ всѣхъ до сихъ поръ жизнью пережитыхъ имъ ощущеній.

Письмоводитель сталъ диктовать ему форму обыкновеннаго въ такомъ случаѣ отзыва, то есть заплатить не могу, обѣщаюсь тогда-то (когда-нибудь), изъ города не выѣду, имущество ни продавать, ни дарить не буду и проч.

— Да вы писать не можете, у васъ перо изъ рукъ валится, — замѣтилъ письмоводитель, съ любопытствомъ вглядываясь въ Раскольникова. — Вы больны?

— Да . . . голова кругомъ . . . говорите дальше!

— Да все; подпишитесь.

Письмоводитель отобралъ бумагу и занялся съ другими.

Раскольниковъ отдалъ перо, но вмѣсто того, чтобъ встать и уйти, положилъ оба локтя на столъ и стянулъ руками голову. Точно гвоздь ему вбивали въ темя. Странная мысль пришла ему вдругъ: встать сейчасъ, подойти къ Никодиму Ѳомичу и разсказать все вчерашнее, все до послѣдней подробности, затѣмъ пойти вмѣстѣ съ ними на квартиру и указать имъ вещи, въ углу, въ дырѣ. Позывъ былъ до того силенъ, что онъ уже всталъ съ мѣста для исполненія. — «Не обдумать ли хоть минуту?» пронеслось въ его головѣ. — «Нѣтъ, лучше не думая, и съ плечъ долой!» Но вдругъ онъ остановился какъ вкопаный: Никодимъ Ѳомичъ говорилъ съ жаромъ Ильѣ Петровичу, и до него долетѣли слова:

— Быть не можетъ, обоихъ освободятъ! Во-первыхъ, все противорѣчитъ; судите: зачѣмъ имъ дворника звать, если бъ это ихъ дѣло? На себя доносить, что ли? Аль для хитрости? Нѣтъ, ужъ было бы слишкомъ хитро! И, наконецъ, студента

Пестрякова видѣли у самыхъ воротъ оба дворника и мѣщанка, въ самую ту минуту, какъ онъ входилъ: онъ шелъ съ тремя пріятелями и разстался съ ними у самыхъ воротъ и о жительствѣ у дворниковъ разспрашивалъ, еще при пріятеляхъ. Ну станетъ такой о жительствѣ разспрашивать, если съ такимъ намѣреніемъ шелъ? А Кохъ, такъ тотъ, прежде чѣмъ къ старухѣ заходить, внизу у серебрянника полчаса сидѣлъ и ровно безъ четверти восемь отъ него къ старухѣ наверхъ пошелъ. Теперь сообразите . . .

— Но позвольте, какъ же у нихъ такое противорѣчіе вышло: сами увѣряютъ, что стучались и что дверь была заперта, а черезъ три минуты, когда съ дворникомъ пришли, выходитъ, что дверь отперта?

— Въ томъ и штука: убійца непремѣнно тамъ сидѣлъ и заперся на запоръ; и непремѣнно бы его тамъ накрыли, если бы не Кохъ сдурилъ, не отправился самъ за дворникомъ. А онъ именно въ этотъ-то промежутокъ и успѣлъ спуститься по лѣстницѣ и прошмыгнулъ мимо ихъ какъ-нибудь. Кохъ обѣими руками крестится: «Если бъ я тамъ,говоритъ, остался, онъ бы выскочилъ и меня убилъ топоромъ». Русскій молебенъ хочетъ служить, — хе-хе! . .

— А убійцу никто и не видалъ?

— Да гдѣ жъ тутъ увидать? Домъ — Ноевъ Ковчегъ, — замѣтилъ письмоводитель, прислушивавшійся съ своего мѣста.

— Дѣло ясное, дѣло ясное! — горячо повторилъ Никодимъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ, дѣло очень неясное, — скрѣпилъ Илья Петровичъ.

Раскольниковъ поднялъ свою шляпу и пошелъ къ дверямъ, но до дверей онъ не дошелъ . . .

Когда онъ очнулся, то увидалъ, что сидитъ на стулѣ, что его поддерживаетъ справа какой-то человѣкъ, что слѣва стоитъ другой человѣкъ, съ желтымъ стаканомъ, наполненнымъ желтою водою, и что Никодимъ Ѳомичъ стоитъ передъ нимъ и пристально глядитъ на него; онъ всталъ со стула.

— Что это, вы больны? — довольно рѣзко спросилъ Никодимъ Ѳомичъ.

— Они и какъ подписывались, такъ едва перомъ водили, — замѣтилъ письмоводитель, усаживаясь на свое мѣсто и принимаясь опять за бумаги.

— А давно вы больны? — крикнулъ Илья Петровичъ съ своего мѣста и тоже перебирая бумаги. Онъ, конечно, тоже разсматривалъ больного, когда тотъ былъ въ обморокѣ, но тотчасъ же отошелъ, когда тотъ очнулся.

— Со вчерашняго . . . — пробормоталъ въ отвѣтъ Раскольниковъ.

— А вчера со двора выходили?

— Выходилъ.

— Больной?

— Больной.

— Въ которомъ часу?

— Въ восьмомъ часу вечера.

— А куда, позвольте спросить?

— По улицѣ.

— Коротко и ясно.

Раскольниковъ отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, весь блѣдный, какъ платокъ и не опуская черныхъ, воспаленныхъ глазъ своихъ передъ взглядомъ Ильи Петровича.

— Онъ едва на ногахъ стоитъ, а ты . . . — замѣтилъ было Никодимъ Ѳомичъ.

— Ни-че-го! — какъ-то особенно проговорилъ

Илья Петровичъ. Никодимъ Ѳомичъ хотѣлъ было еще что-то присовокупить, но, взглянувъ на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрѣлъ на него, замолчалъ. Всѣ вдругъ замолчали. Странно было.

— Ну-съ, хорошо-съ, — заключилъ Илья Петровичъ, — мы васъ не задерживаемъ.

Раскольниковъ вышелъ. Онъ еще могъ разслышать какъ по выходѣ его начался вдругъ оживленный разговоръ, въ которомъ слышнѣе всѣхъ отдавался вопросительный голосъ Никодима Ѳомича . . . На улицѣ онъ совсѣмъ очнулся.

«Обыскъ, обыскъ, сейчасъ обыскъ!» повторялъ онъ про себя, торопясь дойти; — «разбойники! Подозрѣваютъ!» Давешній страхъ опять охватилъ его всего, съ ногъ до головы.

II.

«А что если ужъ и былъ обыскъ? Что если ихъ какъ разъ у себя и застану?»

Но вотъ и его комната. Ничего и никого; никто не заглядывалъ. Даже Настасья не притрогивалась. Но, Господи! Какъ могъ онъ оставить давеча всѣ эти вещи въ этой дырѣ?

Онъ бросился въ уголъ, запустилъ руку подъ обои и сталъ вытаскивать вещи и нагружать ими карманы. Всего оказалось восемь штукъ: двѣ маленькія коробки, съ серьгами, или съ чѣмъ-то въ этомъ родѣ, — онъ хорошенько не посмотрѣлъ; потомъ четыре небольшіе сафьянные футляра. Одна цѣпочка была просто завернута въ газетную бумагу. Еще что-то въ газетной бумагѣ, кажется, орденъ . . .

Онъ поклалъ все въ разные карманы, въ пальто и въ оставшійся правый карманъ панталонъ, стараясь, чтобъ было непримѣтнѣе. Кошелекъ тоже взялъ заодно съ вещами. Затѣмъ вышелъ изъ комнаты, на этотъ разъ даже оставивъ ее совсѣмъ настежь.

Онъ шелъ скоро и твердо, и хоть чувствовалъ, что весь изломанъ, но сознаніе было при немъ. Боялся онъ погони, боялся, что черезъ полчаса, черезъ четверть часа уже выйдетъ, пожалуй, инструкція слѣдить за нимъ; стало быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы. Надо было управиться, пока еще осталось хоть сколько-нибудь силъ и хоть какое-нибудь разсужденіе . . . Куда же идти?

Это было уже давно рѣшено: «бросить все въ канаву, и концы въ воду, и дѣло съ концомъ». Такъ порѣшилъ онъ еще ночью, въ бреду, въ тѣ мгновенія, когда, онъ помнилъ это, нѣсколько разъ порывался встать и идти: «поскорѣй, поскорѣй, и все выбросить». Но выбросить оказалось очень трудно.

Онъ бродилъ по набережной Екатерининскаго канала уже съ полчаса, а, можетъ, и болѣе, и нѣсколько разъ посматривалъ на сходы въ канаву, гдѣ ихъ встрѣчалъ. Но и подумать нельзя было исполнить намѣреніе: или плоты стояли у самыхъ сходовъ и на нихъ прачки мыли бѣлье, или лодки были причалены, и вездѣ люди такъ и кишатъ, да отовсюду съ набережныхъ, со всѣхъ сторонъ, можно видѣть, замѣтить: позодрительно, что человѣкъ нарочно сошелъ, остановился и что-то въ воду бросаетъ. А ну какъ футляры не утонутъ, а поплывутъ? Да и конечно такъ. Всякій увидитъ. И безъ того уже всѣ такъ и смотрятъ встрѣчаясь,

оглядываютъ, какъ будто имъ и дѣло только до него одного. — «Отчего бы такъ, или мнѣ, можетъ быть, кажется», думалъ онъ.

Наконецъ пришло ему въ голову, что не лучше ли будетъ пойти куда-нибудь на Неву? Тамъ и людей меньше и незамѣтнѣе и, во всяковъ случаѣ, удобнѣе, а главное, — отъ здѣшнихъ мѣстъ дальше. И удивился онъ вдругъ: какъ это онъ цѣлые полчаса бродитъ въ тоскѣ и тревогѣ, и въ опасныхъ мѣстахъ, а этого не могъ раньше выдумать! И потому только цѣлые полчаса на безразсудное дѣло убилъ, что такъ уже разъ во снѣ, въ бреду, рѣшено было! Онъ становился чрезвычайно разсѣянъ и забывчивъ, и зналъ это. Рѣшительно надо было спѣшить!

Онъ пошелъ къ Невѣ по В—му проспекту; но дорогою ему пришла вдругъ еще мысль: «Зачѣмъ на Неву? Зачѣмъ въ воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на острова, и тамъ гдѣ-нибудь, въ одинокомъ мѣстѣ, въ лѣсу, подъ кустомъ, — зарыть все это и дерево, пожалуй, замѣтить?» И хотя онъ чувствовалъ, что не въ состояніи всего ясно и здраво обсудить въ эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.

Но и на острова ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя съ В—го проспекта на площадь, онъ вдругъ увидѣлъ налѣво входъ во дворъ, обставленный совершенно глухими стѣнами. Справа, тотчасъ же по входѣ въ ворота, далеко во дворъ тянулась глухая небѣленая стѣна сосѣдняго четырехъэтажнаго дома. Слѣва, параллельно глухой стѣнѣ и тоже сейчасъ отъ воротъ, шелъ деревянный заборъ, шаговъ на двадцать въ глубь двора, и потомъ уже дѣлалъ переломъ влѣво. Это было

глухое отгороженное мѣсто, гдѣ лежали какіе-то матеріалы. Далѣе, въ углубленіи двора, выглядывалъ изъ забора уголъ низкаго, закопченаго, каменнаго сарая, очевидно, часть какой-нибудь мастерской. Тутъ вѣрно было какое-то заведеніе, каретное, или слесарное, или что-нибудь въ этомъ родѣ; вездѣ, почти отъ самыхъ воротъ, чернѣлось много угольной пыли. «Вотъ бы куда подбросить и уйти!» вздумалось ему вдругъ. Не замѣчая никого во дворѣ, онъ прошагнулъ въ ворота и какъ разъ увидалъ, сейчасъ же близъ воротъ, приложенный у забора желобъ (какъ и часто устраивается въ такихъ домахъ, гдѣ много фабричныхъ, артельныхъ, извозчиковъ и проч.), а надъ желобомъ, тутъ же на заборѣ, надписана была мѣломъ всегдашняя въ такихъ случаяхъ острота: «Сдѣсь становитца возъ прещено». Стало быть, ужъ и тѣмъ хорошо, что никакого подозрѣнія, что зашелъ и остановился. «Тутъ все такъ разомъ и сбросить гдѣ-нибудь въ кучку и уйти!»

Оглядѣвшись еще разъ, онъ уже засунулъ и руку въ карманъ, какъ вдругъ у самой наружной стѣны, между воротами и желобомъ, гдѣ все разстояніе было шириною въ аршинъ, замѣтилъ онъ большой, неотесанный камень, примѣрно, можетъ быть, пуда въ полтора вѣсу, прилегавшій прямо къ каменной уличной стѣнѣ. За этою стѣной была улица, тротуаръ, слышно было, какъ шныряли прохожіе, которыхъ здѣсь всегда не мало; но за воротами его никто не могъ увидать, развѣ зашелъ бы кто съ улицы, что, впрочемъ, очень могло случиться, а потому надо было спѣшить.

Онъ нагнулся къ камню, схватился за верхушку его крѣпко, обѣими руками, собралъ всѣ свои

силы и перевернулъ камень. Подъ камнемъ образовалось небольшое углубленіе; тотчасъ же сталъ онъ бросать въ него все изъ кармана. Кошелекъ пришелся на самый верхъ, и все-таки въ углубленіи оставалось еще мѣсто. Затѣмъ, онъ снова схватился за камень, однимъ оборотомъ перевернулъ его на прежнюю сторону, и онъ какъ разъ пришелся въ свое прежнее мѣсто, развѣ немного, чуть-чуть казался повыше. Но онъ подгребъ земли и придавилъ по краямъ ногою. Ничего не было замѣтно.

Тогда онъ вышелъ и направился къ площади. Опять сильная, едва выносимая радость, какъ давеча въ конторѣ, овладѣла имъ на мгновеніе. «Схоронены концы! И кому, кому въ голову можетъ придти искать подъ этимъ камнемъ? Онъ тутъ, можетъ быть, съ построенія дома лежитъ и еще столько же пролежитъ. А хоть бы и нашли: Кто на меня подумаетъ? Все кончено! Нѣтъ уликъ!» и онъ засмѣялся. Да, онъ помнилъ потомъ, что онъ засмѣялся нервнымъ, мелкимъ, неслышнымъ, долгимъ смѣхомъ, и все смѣялся, все время какъ проходилъ черезъ площадь. Но когда онъ ступилъ на К—й бульваръ, гдѣ третьяго дня повстрѣчался съ тою дѣвочкой, смѣхъ его вдругъ прошелъ. Другія мысли полѣзли ему въ голову. Показалось ему вдругъ тоже, что ужасно ему теперь отвратительно проходить мимо той скамейки, на которой онъ тогда, по уходѣ дѣвочки, сидѣлъ и раздумывалъ, и ужасно тоже будетъ тяжело встрѣтить опять того усача, которому онъ тогда далъ двугривенный. «Чертъ его возьми!»

Онъ шелъ, смотря кругомъ разсѣянно и злобно. Всѣ мысли его кружились теперь около одного

какого-то главнаго пункта, — и онъ самъ чувствовалъ, что это, дѣйствительно, такой главный пунктъ и есть, и что теперь, именно теперь, онъ остался одинъ на одинъ съ этимъ главнымъ пунктомъ, — и что это даже въ первый разъ послѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ.

«А чертъ возьми это все!» подумалъ онъ вдругъ въ припадкѣ неистощимой злобы. «Ну началось, такъ и началось, чертъ съ ней и съ новою жизнью! Какъ это, Господи, глупо! . . А сколько я налгалъ и наподличалъ сегодня! Какъ мерзко лебезилъ и заигрывалъ давеча съ сквернѣйшимъ Ильей Петровичемъ! А, впрочемъ, вздоръ и это! Наплевать мнѣ на нихъ на всѣхъ, да и на то, что я лебезилъ и заигрывалъ! Совсѣмъ не то! Совсѣмъ не то! . .»

Вдругъ онъ остановился; новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопросъ разомъ сбилъ его съ толку и горько его изумилъ:

«Если, дѣйствительно, все это дѣло сдѣлано было сознательно, а не по-дурацки; если у тебя, дѣйствительно, была опредѣленная и твердая цѣль, то какимъ же образомъ ты до сихъ поръ даже и не заглянулъ въ кошелекъ, и не знаешь, что̀ тебѣ досталось, изъ-за чего всѣ муки принялъ и на такое подлое, гадкое, низкое дѣло сознательно шелъ? Да вѣдь ты въ воду его хотѣлъ сейчасъ бросить, кошелекъ-то, вмѣстѣ со всѣми вещами, которыхъ ты тоже еще не видалъ . . . Это какъ же?»

Да, это такъ; это все такъ. Онъ, впрочемъ, это и прежде зналъ, и совсѣмъ это не новый вопросъ для него; и когда ночью рѣшено было въ воду кинуть, то рѣшено было безо всякаго колебанія и возраженія, а такъ, какъ будто такъ тому и слѣдуетъ быть, какъ будто иначе и быть невозможно . . . Да,

онъ это все зналъ и все помнилъ; да чуть ли это уже вчера не было такъ рѣшено, въ ту самую минуту, когда онъ надъ сундукомъ сидѣлъ и футляры изъ него таскалъ... А вѣдь такъ!..

«Это оттого, что я очень боленъ»,—угрюмо рѣшилъ онъ наконецъ, — «я самъ измучилъ и истерзалъ себя, и самъ не знаю, что дѣлаю... И вчера, и третьяго дня, и все это время терзалъ себя... Выздоровлю и... не буду терзать себя... А ну какъ совсѣмъ и не выздоровлю? Господи! Какъ это мнѣ все надоѣло!..» Онъ шелъ не останавливаясь. Ему ужасно хотѣлось какъ-нибудь разсѣяться, но онъ не зналъ, что сдѣлать и что предпринять. Одно новое, непреодолимое ощущеніе овладѣвало имъ все болѣе и болѣе почти съ каждой минутой; это было какое-то безконечное, почти физическое отвращеніе ко всему встрѣчавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были всѣ встрѣчные, — гадки были даже ихъ лица, походка, движенія. Просто наплевалъ бы на кого-нибудь, укусилъ бы, кажется, если бы кто-нибудь съ нимъ заговорилъ...

Онъ остановился вдругъ, когда вышелъ на набережную Малой Невы, на Васильевскомъ островѣ, подлѣ моста. «Вотъ тутъ онъ живетъ, въ этомъ домѣ», подумалъ онъ. «Что̀ это, да никакъ я къ Разумихину самъ пришелъ! Опять та же исторія, какъ тогда... А очень однакоже любопытно: самъ я пришелъ, или просто шелъ да сюда зашелъ? Все равно; сказалъ я... третьяго дня... что къ нему послѣ *того* на другой день пойду, ну что жъ, и пойду! Будто ужъ я и не могу теперь зайти...»

Онъ поднялся къ Разумихину въ пятый этажъ.

Тотъ былъ дома, въ своей каморкѣ, и въ эту ми-

нуту занимался, писалъ, и самъ ему отперъ. Мѣсяца четыре какъ они не видались. Разумихинъ сидѣлъ у себя въ истрепанномъ до лохмотьевъ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый. На лицѣ его выразилось удивленіе.

— Что̀ ты? — закричалъ онъ, осматривая съ ногъ до головы вошедшаго товарища; затѣмъ помолчалъ и присвистнулъ.

— Неужели ужъ такъ плохо? Да ты, братъ, нашего брата перещеголялъ, — прибавилъ онъ, глядя на лохмотья Раскольникова. — Да садись же, усталъ небось! — И когда тотъ повалился на клеенчатый турецкій диванъ, который былъ еще хуже его собственнаго, Разумихинъ разглядѣлъ вдругъ, что гость его боленъ.

— Да ты серьезно боленъ, знаешь ты это? — Онъ сталъ щупать его пульсъ; Раскольниковъ вырвалъ руку.

— Не надо,—сказалъ онъ,—я пришелъ . . . вотъ что̀: у меня уроковъ никакихъ . . . я хотѣлъ было . . . впрочемъ, мнѣ совсѣмъ не надо уроковъ . . .

— А знаешь что̀? Вѣдь ты бредишь! — замѣтилъ наблюдавшій его пристально Разумихинъ.

— Нѣтъ, не брежу . . . — Раскольниковъ всталъ съ дивана. Подымаясь къ Разумихину, онъ не подумалъ о томъ, что съ нимъ, стало быть, лицомъ къ лицу сойтись долженъ. Теперь же, въ одно мгновеніе, догадался онъ, уже на опытѣ, что всего менѣе расположенъ въ эту минуту сходиться лицомъ къ лицу съ кѣмъ бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ. Вся желчь поднялась въ немъ. Онъ чуть не захлебнулся отъ злобы на себя самого, только что переступилъ порогъ Разумихина.

— Прощай! — сказалъ онъ вдругъ, и пошелъ къ двери.

— Да ты постой, постой, чудакъ!

— Не надо!.. — повторилъ тотъ, опять вырывая руку.

— Такъ на кой чертъ ты пришелъ послѣ этого! Очумѣлъ ты, что ли? Вѣдь это... почти обидно. Я такъ не пущу.

— Ну, слушай: я къ тебѣ пришелъ, потому что кромѣ тебя никого не знаю, кто бы помогъ... начать... потому что ты всѣхъ ихъ добрѣе, т. е. умнѣе, и обсудить можешь... А теперь я вижу, что ничего мнѣ не надо, слышишь, совсѣмъ ничего... ничьихъ услугъ и участій... Я самъ... одинъ... Ну и довольно! Оставьте меня въ покоѣ!

— Да постой на минутку, трубочистъ! Совсѣмъ сумасшедшій! По мнѣ вѣдь какъ хочешь. Видишь ли: уроковъ и у меня нѣтъ, да и наплевать, а есть на Толкучемъ книгопродавецъ Херувимовъ, это ужъ самъ въ своемъ родѣ урокъ. Я его теперь на пять купеческихъ уроковъ не промѣняю. Онъ этакія изданьица дѣлаетъ и естественно-научныя книженки выпускаетъ, — да какъ расходятся-то! Одни заглавія чего стòятъ! Вотъ ты всегда утверждалъ, что я глупъ: ей Богу, братъ, есть глупѣе меня! Теперь въ направленіе тоже полѣзъ; самъ ни бельмеса не чувствуетъ, ну, а я, разумѣется, поощряю. Вотъ тутъ два слишкомъ листа нѣмецкаго текста, — по-моему, глупѣйшаго шарлатанства: однимъ словомъ, разсматривается, человѣкъ ли женщина или не человѣкъ? Ну и, разумѣется, торжественно доказывается, что человѣкъ. Херувимовъ это по части женскаго вопроса готовитъ; я перевожу: растянетъ онъ эти два съ половиной

листа листовъ на шесть, присочинимъ пышнѣйшее заглавіе въ полстраницы и пустимъ по полтиннику. Сойдетъ! За переводъ мнѣ по шести цѣлковыхъ съ листа, значитъ, за все рублей пятнадцать достанется, а шесть рублей взялъ я впередъ. Кончимъ это, начнемъ объ китахъ переводить, потомъ изъ второй части *Confessions* какія-то скучнѣйшія сплетни тоже отмѣтили, переводить будемъ; Херувимову кто-то сказалъ, что будто бы Руссо въ своемъ родѣ Радищевъ. Я, разумѣется, не противорѣчу, чертъ съ нимъ! Ну хочешь второй листъ: *Человѣкъ ли женщина?* — переводить? Коли хочешь, такъ бери сейчасъ текстъ, перьевъ бери, бумаги — все это казенное — и бери три рубля, такъ какъ я за весь переводъ впередъ взялъ, за первый и за второй листъ, то, стало быть, три рубля прямо на твой пай и придутся. А кончишь листъ — еще три цѣлковыхъ получишь. Да вотъ что̀ еще, пожалуйста, за услугу какую-нибудь не считай съ моей стороны. Напротивъ, только что ты вошелъ, я ужъ и разсчиталъ, чѣмъ ты мнѣ будешь полезенъ. Во-первыхъ, я въ орѳографіи плохъ, а во-вторыхъ, въ нѣмецкомъ иногда просто швахъ, такъ что все больше отъ себя сочиняю и только тѣмъ и утѣшаюсь, что отъ этого еще лучше выходитъ. Ну, а кто знаетъ, можетъ быть, оно и не лучше, а хуже выходитъ . . . Берешь или нѣтъ?

Раскольниковъ молча взялъ нѣмецкіе листки статьи, взялъ три рубля, и, не сказавъ ни слова, вышелъ. Разумихинъ съ удивленіемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Но дойдя до первой линіи, Раскольниковъ вдругъ поворотился, поднялся опять къ Разумихину и, положивъ на столъ и нѣмецкіе листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря, пошелъ вонъ.

— Да у тебя бѣлая горячка, что ль! — заревѣлъ взбѣсившійся наконецъ Разумихинъ. — Чего ты комедіи-то разыгрываешь! Даже меня сбилъ съ толку... Зачѣмъ же ты приходилъ послѣ этого, чертъ?

— Не надо... переводовъ... — пробормоталъ Раскольниковъ, уже спускаясь съ лѣстницы.

— Такъ какого же тебѣ черта надо? — закричалъ сверху Разумихинъ. — Тотъ молча продолжалъ спускаться.

— Эй, ты! Гдѣ ты живешь?

Отвѣта не послѣдовало.

— Ну такъ чер-р-ртъ съ тобой!..

Но Раскольниковъ уже выходилъ на улицу. На Николаевскомъ мосту ему пришлось еще разъ вполнѣ очнуться, вслѣдствіе одного весьма непріятнаго для него случая. Его плотно хлестнулъ кнутомъ по спинѣ кучеръ одной коляски за то, что онъ чуть-чуть не попалъ подъ лошадей, несмотря на то, что кучеръ раза три или четыре ему кричалъ. Ударъ кнута такъ разозлилъ его, что онъ отскочилъ къ периламъ (неизвѣстно почему онъ шелъ по самой серединѣ моста, гдѣ ѣздятъ, а не ходятъ), злобно заскрежеталъ и защелкалъ зубами. Кругомъ, разумѣется, раздавался смѣхъ.

— И за дѣло!

— Выжига какая-нибудь.

— Извѣстно, пьянымъ представится да нарочно и лѣзетъ подъ колеса; а ты за него отвѣчай.

— Тѣмъ промышляютъ, почтенный, тѣмъ промышляютъ...

Но въ ту минуту, какъ онъ стоялъ у перилъ и все еще безсмысленно и злобно смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся коляскѣ, потирая спину, вдругъ онъ

почувствовалъ, что кто-то суетъ ему въ руки деньги. Онъ посмотрѣлъ: пожилая купчиха, въ головкѣ и козловыхъ башмакахъ, и съ нею дѣвушка, въ шляпкѣ и съ зеленымъ зонтикомъ, вѣроятно, дочь. «Прими, батюшка, ради Христа». Онъ взялъ, и онѣ прошли мимо. Денегъ двугривенный. По платью и по виду онѣ очень могли принять его за нищаго, за настоящаго собирателя грошей на улицѣ, а подачѣ цѣлаго двугривеннаго онъ, навѣрно, обязанъ былъ удару кнута, который ихъ разжалобилъ.

Онъ зажалъ двугривенный въ руку, прошелъ шаговъ десять и оборотился лицомъ къ Невѣ, по направленію дворца. Небо было безъ малѣйшаго облачка, а вода почти голубая, что на Невѣ такъ рѣдко бываетъ. Куполъ собора, который ни съ какой точки не обрисовывается лучше, какъ смотря на него отсюда, съ моста, не доходя шаговъ двадцать до часовни, такъ и сіялъ, и сквозь чистый воздухъ можно было отчетливо разглядѣть даже каждое его украшеніе. Боль отъ кнута утихла, и Раскольниковъ забылъ про ударъ; одна безпокойная и не совсѣмъ ясная мысль занимала его теперь исключительно. Онъ стоялъ и смотрѣлъ вдаль долго и пристально; это мѣсто было ему особенно знакомо. Когда онъ ходилъ въ университетъ, то обыкновенно, — чаще всего возвращаясь домой, — случалось ему, можетъ быть, разъ сто, останавливаться именно на этомъ же самомъ мѣстѣ, пристально вглядываться въ эту дѣйствительно великолѣпную панораму и каждый разъ почти удивляться одному неясному и неразрѣшимому своему впечатлѣнію. Необъяснимымъ холодомъ вѣяло на него всегда отъ этой великолѣпной панорамы; духомъ нѣмымъ и глухимъ полна была для него эта пышная карти-

на . . . Дивился онъ каждый разъ своему угрюмому и загадочному впечатлѣнію и откладывалъ разгадку его, не довѣряя себѣ, въ далекое будущее. Теперь вдругъ рѣзко вспомнилъ онъ про эти прежніе свои вопросы и недоумѣнія, и показалось ему, что не нечаянно онъ вспомнилъ теперь про нихъ. Ужъ одно то показалось ему дико и чудно, что онъ на томъ же самомъ мѣстѣ остановился, какъ прежде, какъ будто и дѣйствительно вообразилъ, что можетъ о томъ же самомъ мыслить теперь, какъ и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался . . . еще такъ недавно. Даже чуть не смѣшно ему стало, и въ то же время сдавило грудь до боли. Въ какой-то глубинѣ, внизу, гдѣ-то чуть видно подъ ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое и прежнія мысли, и прежнія задачи, и прежнія темы, и прежнія впечатлѣнія, и вся эта панорама, и онъ самъ, и все, все . . . Казалось, онъ улеталъ куда-то вверхъ, и все исчезало въ глазахъ его . . . Сдѣлавъ одно невольное движеніе рукой, онъ вдругъ ощутилъ въ кулакѣ своемъ зажатый двугривенный. Онъ разжалъ руку, пристально поглядѣлъ на монетку, размахнулся и бросилъ ее въ воду; затѣмъ повернулся и пошелъ домой. Ему показалось, что онъ какъ будто ножницами отрѣзалъ себя самъ отъ всѣхъ и всего въ эту минуту.

Онъ пришелъ къ себѣ уже къ вечеру, стало быть, проходилъ всего часовъ шесть. Гдѣ и какъ шелъ обратно, ничего онъ этого не помнилъ. Раздѣвшись и весь дрожа какъ загнанная лошадь, онъ легъ на диванъ, натянулъ на себя шинель и тотчасъ же забылся . . .

Онъ очнулся въ полныя сумерки отъ ужаснаго

крику. Боже, что это за крикъ! Такихъ неестественныхъ звуковъ, такого воя, вопля, скрежета, слезъ, побой и ругательствъ онъ никогда еще не слыхивалъ и не видывалъ. Онъ и вообразить не могъ себѣ такого звѣрства, такого изступленія. Въ ужасѣ приподнялся онъ и сѣлъ на своей постели, каждое мгновеніе замирая и мучаясь. Но драки, вопли и ругательства становились все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ, къ величайшему изумленію, онъ вдругъ разслышалъ голосъ своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спѣша, торопясь, выпуская слова, такъ, что и разобрать нельзя было, о чемъ-то умоляя, — конечно, о томъ, чтобъ ее перестали бить, потому что ее безпощадно били на лѣстницѣ. Голосъ бившаго сталъ до того ужасенъ отъ злобы и бѣшенства, что уже только хрипѣлъ, но все-таки и бившій тоже что-то такое говорилъ, и тоже скоро, неразборчиво, торопясь и захлебываясь. Вдругъ Раскольниковъ затрепеталъ, какъ листъ: онъ узналъ этотъ голосъ; это былъ голосъ Ильи Петровича. Илья Петровичъ здѣсь и бьетъ хозяйку! Онъ бьетъ ее ногами, колотитъ ее головою о ступени, — это ясно, это слышно по звукамъ, по воплямъ, по ударамъ! Что это, свѣтъ перевернулся, что ли? Слышно было, какъ во всѣхъ этажахъ, по всей лѣстницѣ собиралась толпа, слышались голоса, восклицанія, всходили, стучали, хлопали дверями, сбѣгались. «Но за что же, за что же, и какъ это можно!» повторялъ онъ, серьезно думая, что онъ совсѣмъ помѣшался. Но нѣтъ, онъ слишкомъ ясно слышитъ! . . Но, стало быть, и къ нему сейчасъ придутъ, если такъ, «потому что . . . вѣрно все это изъ того же . . . изъ-за вчерашняго . . . Господи!» Онъ хотѣлъ было запереться на

крючокъ, но рука не поднялась... да и безполезно! Страхъ, какъ ледъ, обложилъ его душу, замучилъ его, окоченилъ его... Но вотъ, наконецъ, весь этотъ гамъ, продолжавшійся вѣрныхъ десять минутъ, сталъ постепенно утихать. Хозяйка стонала и охала, Илья Петровичъ все еще грозилъ и ругался... Но вотъ, наконецъ, кажется, и онъ затихъ; вотъ ужъ и не слышно его; «неужели ушелъ! Господи! Да, вотъ уходитъ и хозяйка, все еще со стономъ и плачемъ... вотъ и дверь у ней захлопнулась... Вотъ и толпа расходится съ лѣстницъ по квартирамъ, — ахаютъ, спорятъ, перекликаются, то возвышая рѣчь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, ихъ много было; чуть ли не весь домъ сбѣжался. Но, Боже, развѣ все это возможно! И зачѣмъ, зачѣмъ онъ приходилъ сюда!»

Раскольниковъ въ безсиліи упалъ на диванъ, но уже не могъ сомкнуть глазъ; онъ пролежалъ такъ съ полчаса, въ такомъ страданіи, въ такомъ нестерпимомъ ощущеніи безграничнаго ужаса, какого никогда еще не испытывалъ. Вдругъ яркій свѣтъ озарилъ его комнату: вошла Настасья со свѣчей и съ тарелкой супа. Посмотрѣвъ на него внимательно и разглядѣвъ, что онъ не спитъ, она поставила свѣчку на столъ и начала раскладывать принесенное: хлѣбъ, соль, тарелку, ложку.

— Небось со вчерашняго не ѣлъ. Цѣлый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьетъ.

— Настасья... за что били хозяйку?

Она пристально на него посмотрѣла.

— Кто билъ хозяйку?

— Сейчасъ... полчаса назадъ, Илья Петровичъ, надзирателя помощникъ, на лѣстницѣ... За

что онъ такъ ее избилъ? и... зачѣмъ приходилъ?

Настасья молча и нахмурившись его разсматривала и долго такъ смотрѣла. Ему очень непріятно стало отъ этого разсматриванія, даже страшно.

— Настасья, что жъ ты молчишь? — робко проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ.

— Это кровь, — отвѣчала она, наконецъ, тихо и какъ будто про себя говоря.

— Кровь!.. Какая кровь?.. — бормоталъ онъ, блѣднѣя и отодвигаясь къ стѣнѣ. Настасья продолжала молча смотрѣть на него.

— Никто хозяйку не билъ, — проговорила она опять строгимъ и рѣшительнымъ голосомъ. Онъ смотрѣлъ на нее, едва дыша.

— Я самъ слышалъ... я не спалъ... я сидѣлъ, — еще робче проговорилъ онъ. — Я долго слушалъ... Приходилъ надзирателя помощникъ... На лѣстницу всѣ сбѣжались, изъ всѣхъ квартиръ...

— Никто не приходилъ. А это кровь въ тебѣ кричитъ. Это когда ей выходу нѣтъ и ужъ печенками запекаться начнетъ, тутъ и начнетъ мерещиться... Ѣсть-то станешь, что ли?

Онъ не отвѣчалъ. Настасья все стояла надъ нимъ, пристально глядѣла на него и не уходила.

— Пить дай... Настасьюшка.

Она сошла внизъ и минуты черезъ двѣ воротилась съ водой въ бѣлой глиняной кружкѣ; но онъ уже не помнилъ, что было дальше. Помнилъ только, какъ отхлебнулъ одинъ глотокъ холодной воды и пролилъ изъ кружки на грудь. Затѣмъ наступило безпамятство.

III.

Онъ однакожъ не то чтобъ ужъ былъ совсѣмъ въ безпамятствѣ во все время болѣзни: это было лихорадочное состояніе, съ бредомъ и полусознаніемъ. Многое онъ потомъ припомнилъ. То казалось ему, что около него собирается много народу и хотятъ его взять и куда-то вынести, очень о немъ спорятъ и ссорятся. То вдругъ онъ одинъ въ комнатѣ, всѣ ушли и боятся его, и только изрѣдка чуть-чуть отворяютъ дверь посмотрѣть на него, грозятъ ему, сговариваются о чемъ-то промежь себя, смѣются и дразнятъ его. Настасью онъ часто помнилъ подлѣ себя; различалъ и еще одного человѣка, очень будто бы ему знакомаго, но кого именно — никакъ не могъ догадаться и тосковалъ объ этомъ, даже и плакалъ. Иной разъ казалось ему, что онъ уже съ мѣсяцъ лежитъ; въ другой разъ — что все тотъ же день идетъ. Но объ *томъ,* — объ *томъ* онъ совершенно забылъ; зато ежеминутно помнилъ, что объ чемъ-то забылъ, чего нельзя забывать, — терзался, мучился припоминая, стоналъ, впадалъ въ бѣшенство или въ ужасный, невыносимый страхъ. Тогда онъ порывался съ мѣста, хотѣлъ бѣжать, но всегда кто-нибудь его останавливалъ силой, и онъ опять впадалъ въ безсиліе и въ безпамятство. Наконецъ, онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

Произошло это утромъ, въ десять часовъ. Въ этотъ часъ утра, въ ясные дни, солнце всегда длинною полосой проходило по его правой стѣнѣ и освѣщало уголъ подлѣ двери. У постели его стояла Настасья и еще одинъ человѣкъ, очень любопытно его разглядывавшій и совершенно ему незнакомый. Это былъ молодой парень въ кафтанѣ, съ бородкой,

и съ виду походилъ на артельщика. Изъ полуотворенной двери выглядывала хозяйка. Раскольниковъ приподнялся.

— Это кто, Настасья? — спросилъ онъ, указывая на парня.

— Ишь вѣдь, очнулся! — сказала она.

— Очнулись, — отозвался артельщикъ. Догадавшись, что онъ очнулся, хозяйка, подглядывавшая изъ дверей, тотчасъ же притворила ихъ и спряталась. Она и всегда была застѣнчива и съ тягостью переносила разговоры и объясненія; ей было лѣтъ сорокъ, и была она толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра отъ толстоты и отъ лѣности; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверхъ необходимости.

— Вы . . . кто? — продолжалъ онъ допрашивать, обращаясь къ самому артельщику. Но въ эту минуту опять отворилась дверь настежь, и, немного наклонившись, потому что былъ высокъ, вошелъ Разумихинъ.

— Экая морская каюта, — закричалъ онъ входя, — всегда лбомъ стукаюсь; тоже вѣдь квартирой называется! А ты, братъ, очнулся? Сейчасъ отъ Пашеньки слышалъ.

— Сейчасъ очнулся, — сказала Настасья.

— Сейчасъ очнулись, — поддакнулъ опять артельщикъ съ улыбочкой.

— А вы кто сами-то изволите быть-съ? — спросилъ, вдругъ обращаясь къ нему, Разумихинъ. — Я вотъ, изволите видѣть, Вразумихинъ; не Разумихинъ, какъ меня всѣ величаютъ, а Вразумихинъ, студентъ, дворянскій сынъ, а онъ мой пріятель. Ну-съ, а вы кто таковы?

— А я въ нашей конторѣ артельщикомъ, отъ купца Шелопаева-съ, и сюда по дѣлу-съ.

— Извольте садиться на этотъ стулъ; — самъ Разумихинъ сѣлъ на другой, съ другой стороны столика. — Это ты, братъ, хорошо сдѣлалъ, что очнулся, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Раскольникову. — Четвертый день едва ѣшь и пьешь. Право, чаю съ ложечки давали. Я къ тебѣ два раза приводилъ Зосимова. Помнишь Зосимова? Осмотрѣлъ тебя внимательно и сразу сказалъ, что все пустяки, — въ голову, что ли, какъ-то ударило. Нервный вздоръ какой-то, паекъ былъ дурной, говоритъ, пива и хрѣну мало отпускали, оттого и болѣзнь, но что ничего, пройдетъ и перемелется. Молодецъ Зосимовъ! Знатно началъ полѣчивать. Ну-съ, такъ я васъ не задерживаю, — обратился онъ опять къ артельщику, — угодно вамъ разъяснить вашу надобность? Замѣть себѣ, Родя, изъ ихней конторы ужъ второй разъ приходятъ; только прежде не этотъ приходилъ, а другой, и мы съ тѣмъ объяснились. Это кто прежде васъ-то сюда приходилъ?

— А надо полагать это третьегодни-съ, точно-съ. Это Алексѣй Семеновичъ были; тоже при конторѣ у насъ состоитъ-съ.

— А вѣдь онъ будетъ потолковѣе васъ, какъ вы думаете?

— Да-съ; они точно что посолиднѣе-съ.

— Похвально; ну-съ, продолжайте.

— А вотъ черезъ Афанасія Ивановича Вахрушина, о которомъ, почитаю, неоднократно изволили слышать-съ, по просьбѣ вашей мамаши, чрезъ нашу контору вамъ переводъ-съ,— началъ артельщикъ, прямо обращаясь къ Раскольникову. — Въ случаѣ, если уже вы состоите въ понятіи-съ — тридцать пять рублевъ вамъ вручить-съ, такъ какъ

Семенъ Семеновичъ отъ Аѳанасія Ивановича, по просьбѣ вашей мамаши, по прежнему манеру о томъ увѣдомленіе получили. Изволите знать-съ?

— Да... помню... Вахрушинъ... — проговорилъ Раскольниковъ задумчиво.

— Слышите: купца Вахрушина знаетъ! — вскричалъ Разумихинъ. — Какъ же не въ понятіи? А впрочемъ, я теперь замѣчаю, что и вы тоже толковый человѣкъ. Ну-съ! Умныя рѣчи пріятно и слушать.

— Они самые и есть-съ, Вахрушинъ, Аѳанасій Ивановичъ, и по просьбѣ вашей мамаши, которая черезъ нихъ такимъ же манеромъ вамъ уже пересылала однажды, они и на сей разъ не отказали-съ и Семена Семеновича на сихъ дняхъ увѣдомили изъ своихъ мѣстъ, чтобы вамъ тридцать пять рублевъ передать-съ, во ожиданіи лучшаго-съ.

— Вотъ въ «ожиданіи-то лучшаго» у васъ лучше всего и вышло; не дурно тоже и про «вашу мамашу». Ну, такъ какъ же по-вашему: въ полной онъ или не въ полной памяти, — а?

— По мнѣ что же-съ. Вотъ только бы насчетъ расписочки слѣдовало бы-съ.

— Нацарапаетъ! Что у васъ, книга, что ль?

— Книга-съ, вотъ-съ.

— Давайте сюда. Ну, Родя, подымайся. Я тебя попридержу; подмахни-ка ему Раскольникова, бери перо, потому, братъ, деньги намъ теперь пуще патоки.

— Не надо, — сказалъ Раскольниковъ, отстраняя перо.

— Чего это не надо?

— Не стану подписывать.

— Фу, чертъ, да какъ же безъ расписки-то?

— Не надо... денегъ...

— Это денегъ-то не надо! Ну, это, братъ, врешь, я свидѣтель! — Не безпокойтесь, пожалуйста, это онъ только такъ... опять вояжируетъ. Съ нимъ, впрочемъ, это и наяву бываетъ... Вы человѣкъ разсудительный, и мы будемъ его руководить, то есть попросту его руку водить, онъ и подпишетъ. Принимайтесь-ка...

— А впрочемъ, я и въ другой разъ зайду-съ.

— Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ же вамъ безпокоиться. Вы человѣкъ разсудительный... Ну, Родя, не задерживай гостя... видишь, ждетъ, — и онъ серьезно приготовился водить рукой Раскольникова.

— Оставь, я самъ... — проговорилъ тотъ, взялъ перо и расписался въ книгѣ. Артельщикъ выложилъ деньги и удалился.

— Браво! А теперь, братъ, хочешь ѣсть?

— Хочу, — отвѣчалъ Раскольниковъ.

— У васъ супъ?

— Вчерашній, — отвѣчала Настасья, все это время стоявшая тутъ же.

— Съ картофелемъ или съ рисовой крупой?

— Съ картофелемъ и крупой.

— Наизусть знаю. Тащи супъ да чаю давай.

— Принесу.

Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ глубокимъ удивленіемъ и съ тупымъ безсмысленнымъ страхомъ. Онъ рѣшился молчать и ждать: что будетъ дальше? «Кажется, я не въ бреду», — думалъ онъ, — «кажется, это въ самомъ дѣлѣ...»

Черезъ двѣ минуты Настасья воротилась съ супомъ и объявила, что сейчасъ и чай будетъ. Къ супу явились двѣ ложки, двѣ тарелки и весь приборъ: солонка, перечница, горчица для говядины и

прочее, чего прежде, въ такомъ порядкѣ, уже давно не бывало. Скатерть была чистая.

— Не худо, Настасьюшка, чтобы Прасковья Павловна бутылочки двѣ пивца откомандировала. Мы выпьемъ-съ.

— Ну, ужъ ты, востроногій! — пробормотала Настасья и пошла исполнять повелѣніе.

Дико и съ напряженіемъ продолжалъ приглядываться Раскольниковъ. Тѣмъ временемъ Разумихинъ пересѣлъ къ нему на диванъ, неуклюже, какъ медвѣдь, обхватилъ лѣвою рукой его голову, несмотря на то, что онъ и самъ бы могъ приподняться, правою поднесъ къ его рту ложку супу, нѣсколько разъ предварительно подувъ на нее, чтобъ онъ не обжегся. Но супъ былъ только что теплый. Раскольниковъ съ жадностью проглотилъ одну ложку, потомъ другую, третью. Но поднеся нѣсколько ложекъ, Разумихинъ вдругъ пріостановился и объявилъ, что насчетъ дальнѣйшаго надо посовѣтоваться съ Зосимовымъ.

Вошла Настасья, неся двѣ бутылки пива.

— А чаю хочешь?

— Хочу.

— Катай скорѣй и чаю, Настасья, потому насчетъ чаю, кажется, можно и безъ факультета. Но вотъ и пивцо! — онъ пересѣлъ на свой стулъ, придвинулъ къ себѣ супъ, говядину и сталъ ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какъ будто три дня не ѣлъ.

— Я, братъ, Родя у васъ тутъ теперь каждый день такъ обѣдаю, — пробормоталъ онъ, насколько позволялъ набитый полный ротъ говядиной, — и это все Пашенька, твоя хозяюшка, хозяйничаетъ, отъ всей души меня чествуетъ. Я, разумѣется, не настаиваю, ну, да и не протестую. А вотъ и

Настасья съ чаемъ. Эка проворная! Настенька, хошь пивца?

— И ну-те къ проказнику!

— А чайку?

— Чайку, пожалуй.

— Наливай. Постой, я тебѣ самъ налью; садись за столъ.

Онъ тотчасъ же распорядился, налилъ, потомъ налилъ еще другую чашку, бросилъ свой завтракъ и пересѣлъ опять на диванъ. Попрежнему обхватилъ онъ лѣвою рукой голову больного, приподнялъ его и началъ поить съ чайной ложечки чаемъ, опять безпрерывно и особенно усердно подувая на ложку, какъ будто въ этомъ процессѣ подуванія и состоялъ самый главный и спасительный пунктъ выздоровленія. Раскольниковъ молчалъ и не сопротивлялся, несмотря на то, что чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ приподняться и усидѣть на диванѣ безо всякой посторонней помощи, и не только владѣть руками настолько, чтобы удержать ложку или чашку, но даже, можетъ быть, и ходить. Но по какой-то странной, чуть не звѣриной хитрости, ему вдругъ пришло въ голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсѣмъ понимающимъ, а между тѣмъ, выслушать и вывѣдать, что такое тутъ происходитъ? Впрочемъ, онъ не совладалъ съ своимъ отвращеніемъ: схлебнувъ ложекъ десять чаю, онъ вдругъ высвободилъ свою голову, капризно оттолкнулъ ложку и повалился опять на подушку. Подъ головами его, дѣйствительно, лежали теперь настоящія подушки, — пуховыя и съ чистыми наволочками; онъ это тоже замѣтилъ и взялъ въ соображеніе.

— Надо, чтобы Пашенька сегодня же намъ ма-

линоваго варенья прислала, питье ему сдѣлать, — сказалъ Разумихинъ, усаживаясь на свое мѣсто и опять принимаясь за супъ и за пиво.

— А гдѣ она тебѣ малины возьметъ? — спросила Настасья, держа на растопыренныхъ пяти пальцахъ блюдечко и процѣживая въ себя чай «черезъ сахаръ».

— Малину, другъ мой, она возьметъ въ лавочкѣ. Видишь, Родя, тутъ безъ тебя цѣлая исторія произошла. Когда ты такимъ мошенническимъ образомъ удралъ отъ меня и квартиры не сказалъ, меня вдругъ такое зло взяло, что я положилъ тебя разыскать и казнить. Въ тотъ же день и приступилъ. Ужъ я ходилъ, ходилъ, разспрашивалъ, разспрашивалъ! Эту-то, теперешнюю квартиру я забылъ; впрочемъ, я ее никогда и не помнилъ, потому что не зналъ. Ну, а прежнюю квартиру, — помню только, что у Пяти Угловъ, — Харламова домъ. Искалъ, искалъ я этотъ Харламовъ домъ, — а вѣдь вышло потомъ, что онъ вовсе и не Харламовъ домъ, а Буха, — какъ иногда въ звукахъ-то сбиваешься! Ну я и разсердился. Разсердился да и пошелъ, была не была, на другой день въ адресный столъ, и представь себѣ: въ двѣ минуты тебя мнѣ тамъ разыскали. Ты тамъ записанъ.

— Записанъ!

— Еще бы; а вотъ генерала Кобелева никакъ не могли тамъ при мнѣ разыскать. Ну-съ, долго разсказывать. Только какъ я нагрянулъ сюда, тотчасъ же со всѣми твоими дѣлами познакомился; со всѣми, братецъ, со всѣми, все знаю; вотъ и она видѣла: и съ Никодимомъ Ѳомичемъ познакомился, и Илью Петровича мнѣ показывали, и съ дворникомъ, и съ господиномъ Заметовымъ, Александромъ

Григорьевичемъ, письмоводителемъ въ здѣшней конторѣ, а, наконецъ, и съ Пашенькой, — это ужъ былъ вѣнецъ; вотъ и она знаетъ . . .

— Усахарилъ, — пробормотала Настасья, плутовски усмѣхаясь.

— Да вы бы въ накладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну ты, песъ! — вдругъ крикнула Настасья и прыснула со смѣху. — А вѣдь я Петрова, а не Никифорова, — прибавила она вдругъ, когда перестала смѣяться.

— Будемъ цѣнить-съ. Ну такъ вотъ, братъ, чтобы лишняго не говорить, я хотѣлъ сначала здѣсь электрическую струю повсемѣстно пустить, такъ чтобы всѣ предразсудки въ здѣшней мѣстности разомъ искоренить; но Пашенька побѣдила. Я, братъ, никакъ не ожидалъ, чтобы она была такая . . . авенантненькая . . . а? Какъ ты думаешь?

Раскольниковъ молчалъ, хотя ни на минуту не отрывалъ отъ него своего встревоженнаго взгляда, и теперь упорно продолжалъ глядѣть на него.

— И очень даже, — продолжалъ Разумихинъ, нисколько не смущаясь молчаніемъ и какъ будто поддакивая полученному отвѣту, — и очень даже въ порядкѣ, во всѣхъ статьяхъ.

— Ишь тварь! — вскрикнула опять Настасья, которой разговоръ этотъ доставлялъ, повидимому, неизъяснимое блаженство.

— Скверно, братъ, то, что ты съ самаго начала не сумѣлъ взяться за дѣло. Съ ней надо было не такъ. Вѣдь это, такъ сказать, самый неожиданный характеръ! Ну, да о характерѣ потомъ . . . А только какъ, напримѣръ, довести до того, чтобъ она тебѣ обѣда смѣла не присылать? Или, напри-

мѣръ, этотъ вексель? Да ты съ ума сошелъ, что ли, векселя подписывать! Или, напримѣръ, этотъ предполагавшійся бракъ, когда еще дочка, Наталья Егоровна, жива была . . . Я все знаю! А, впрочемъ, я вижу, что это деликатная струна и что я оселъ; ты меня извини. Но кстати о глупости: какъ ты думаешь, вѣдь Прасковья Павловна совсѣмъ, братъ, не такъ глупа, какъ съ перваго взгляда можно предположить, а?

— Да . . . — процѣдилъ Раскольниковъ, смотря въ сторону, но понимая, что выгоднѣе поддержать разговоръ.

— Не правда ли? — вскричалъ Разумихинъ, видимо обрадовавшись, что ему отвѣтили, — но вѣдь и неумна, а? Совершенно, совершенно неожиданный характеръ! Я, братъ, отчасти теряюсь, увѣряю тебя . . . Сорокъ-то ей вѣрныхъ будетъ. Она говоритъ тридцать шесть и на это полное право имѣетъ. Впрочемъ, клянусь тебѣ, что сужу о ней больше умственно, по одной метафизикѣ; тутъ, братъ, у насъ, такая эмблема завязалась, что твоя алгебра! Ничего не понимаю! Ну, да все это вздоръ, а только она, видя, что ты уже не студентъ, уроковъ и костюма лишился, и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ногѣ держать, вдругъ испугалась; а такъ какъ ты, съ своей стороны, забился въ уголъ и ничего прежняго не поддерживалъ, она и вздумала тебя съ квартиры согнать. И давно она это намѣреніе питала, да векселя стало жалко. Къ тому же ты самъ увѣрялъ, что мамаша заплатитъ . . .

— Это я по подлости моей говорилъ . . . Мать у меня сама чуть милостыни не проситъ . . . а я лгалъ, чтобъ меня на квартирѣ держали и . . . кор-

мили, — проговорилъ громко и отчетливо Раскольниковъ.

— Да, это ты благоразумно. Только вся штука въ томъ, что тутъ и подвернись г. Чебаровъ, надворный совѣтникъ и дѣловой человѣкъ. Пашенька безъ него ничего бы не выдумала, ужъ очень стыдлива; ну, а дѣловой человѣкъ не стыдливъ и первымъ дѣломъ, разумѣется, предложилъ вопросъ: есть ли надежда осуществить векселекъ? Отвѣтъ: есть, потому такая мамаша есть, что изъ ста двадцати пяти рублевой своей пенсіи, хоть сама ѣсть не будетъ, а ужъ Роденьку выручитъ, да сестрица такая есть, что за братца въ кабалу пойдетъ. На этомъ-то онъ и основался... Что шевелишься-то? Я, братъ, теперь всю твою подноготную разузналъ, не даромъ ты съ Пашенькой откровенничалъ, когда еще на родственной ногѣ состоялъ, а теперь любя говорю... То-то вотъ и есть: честный и чувствительный человѣкъ откровенничаетъ, а дѣловой человѣкъ слушаетъ да ѣстъ, а потомъ и съѣстъ. Вотъ и уступила она сей векселекъ, якобы уплатою, сему Чебарову, а тотъ формально и потребовалъ, не сконфузился. Хотѣлъ было я ему, какъ узналъ это все, такъ, для очистки совѣсти, тоже струю пустить, да на ту пору у насъ съ Пашенькой гармонія вышла, я и повелѣлъ это дѣло все прекратить, въ самомъ то есть источникѣ, поручившись, что ты заплатишь. Я, братъ, за тебя поручился, слышишь? Позвали Чебарова, десять цѣлковыхъ ему въ зубы, а бумагу назадъ, и вотъ честь имѣю ее вамъ представить, — на слово вамъ теперь вѣрятъ, — вотъ, возьмите, и надорвана мною, какъ слѣдуетъ.

Разумихинъ выложилъ на столъ заемное письмо; Раскольниковъ взглянулъ на него, и, не сказавъ

ни слова, отворотился къ стѣнѣ. Даже Разумихина покоробило.

— Вижу, братъ, — проговорилъ онъ черезъ минуту, — что опять изъ себя дурака свалялъ. Думалъ было тебя развлечь и болтовней потѣшить, а, кажется, только желчь нагналъ.

— Это тебя я не узнавалъ въ бреду? — спросилъ Раскольниковъ, тоже помолчавъ съ минуту и не оборачивая головы.

— Меня, и даже въ изступленіе входили по сему случаю, особенно, когда я разъ Заметова приводилъ.

— Заметова? . . Письмоводителя? . . Зачѣмъ? — Раскольниковъ быстро оборотился и уперся глазами въ Разумихина.

— Да чего ты такъ . . . Что встревожился? Познакомиться съ тобой пожелалъ; самъ пожелалъ, потому что много мы съ нимъ о тебѣ переговорили . . . Иначе, отъ кого жъ бы я про тебя-то столько узналъ? Славный, братъ, онъ малый, чудеснѣйшій . . . въ своемъ родѣ, разумѣется. Теперь пріятели; чуть не ежедневно видимся. Вѣдь я въ эту часть переѣхалъ. Ты не знаешь еще? Только что переѣхалъ. У Лавизы съ нимъ раза два побывали. Лавизу-то помнишь, Лавизу Ивановну?

— Бредилъ я что-нибудь?

— Еще бы! Себѣ не принадлежали-съ.

— О чемъ я бредилъ?

— Эвося! О чемъ бредилъ? Извѣстно о чемъ бредятъ . . . Ну, братъ, теперь, чтобы времени не терять, за дѣло.

Онъ всталъ со стула и схватился за фуражку.

— О чемъ бредилъ?

— Экъ вѣдь наладитъ! Ужъ не за секретъ ли

какой боишься? Не безпокойся: о графинѣ ничего не было сказано. А вотъ о бульдогѣ какомъ-то, да о сережкахъ, да о цѣпочкахъ какихъ-то, да о Креєтовскомъ островѣ, да о дворникѣ какомъ-то, да о Никодимѣ Ѳомичѣ, да объ Ильѣ Петровичѣ, надзирателя помощникѣ, много было говорено. Да кромѣ того, собственнымъ вашимъ носкомъ очень даже интересоваться изволили, очень! Жалобились: подайте, дескать, носокъ, да и только. Заметовъ самъ по всѣмъ угламъ твои носки разыскивалъ и собственными, вымытыми въ духахъ, ручками, съ перстнями, вамъ эту дрянь подавалъ. Тогда только и успокоились, и цѣлыя сутки въ рукахъ эту дрянь продержали: вырвать нельзя было. Должно быть, и теперь гдѣ-нибудь у тебя подъ одѣяломъ лежитъ. А то еще бахромы на панталоны просилъ, да вѣдь какъ слезно! Мы ужъ допытывались: какая тамъ еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было . . . Ну-съ, такъ за дѣло! Вотъ тутъ тридцать пять рублей; изъ нихъ десять беру, а часика черезъ два въ нихъ отчетъ представлю. Тѣмъ временемъ дамъ знать и Зосимову, хоть и безъ того бы ему слѣдовало давно здѣсь быть, ибо двѣнадцатый часъ. А вы, Настенька, почаще безъ меня навѣдывайтесь, насчетъ тамъ питья али чего иного, прочаго, что пожелаютъ . . . А Пашенькѣ я и самъ сейчасъ, что надо, скажу. До свиданія!

— Пашенькой зоветъ! Ахъ ты, рожа хитростная! — проговорила ему вслѣдъ Настасья; затѣмъ отворила дверь и стала подслушивать, но не вытерпѣла и сама побѣжала внизъ. Очень ужъ ей интересно было узнать, о чемъ онъ говоритъ тамъ съ хозяйкой; да и вообще видно было, что она совсѣмъ очарована Разумихинымъ.

Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросилъ съ себя одѣяло и, какъ полоумный, вскочилъ съ постели. Со жгучимъ, судорожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ, чтобъ они поскорѣе ушли, чтобы тотчасъ же безъ нихъ и приняться за дѣло. Но за что же, за какое дѣло? — онъ какъ будто бы теперь нарочно и забылъ. — «Господи! Скажи Ты мнѣ только одно: знаютъ они обо всемъ или еще не знаютъ? А ну какъ ужъ знаютъ и только прикидываются, дразнятъ, покуда лежу, а тамъ вдругъ войдутъ и скажутъ, что все давно ужъ извѣстно и что они только такъ . . . Что же теперь дѣлать? Вотъ и забылъ, какъ нарочно; вдругъ забылъ, сейчасъ помнилъ! . . »

Онъ стоялъ среди комнаты и въ мучительномъ недоумѣніи осматривался кругомъ; подошелъ къ двери, отворилъ, прислушался; но это было не то. Вдругъ, какъ бы вспомнивъ, бросился онъ къ углу, гдѣ въ обояхъ была дыра, началъ все осматривать, запустилъ въ дыру руку, пошарилъ, но и это не то. Онъ пошелъ къ печкѣ, отворилъ ее и началъ шарить въ золѣ: кусочки бахромы отъ панталонъ и лоскутья разорваннаго кармана такъ и валялись, какъ онъ ихъ тогда бросилъ, стало быть, никто не смотрѣлъ! Тутъ вспомнилъ онъ про носокъ, про который Разумихинъ сейчасъ разсказывалъ. Правда, вотъ онъ на диванѣ лежитъ, подъ одѣяломъ, но ужъ до того затерся и загрязнился съ тѣхъ поръ, что ужъ, конечно, Заметовъ ничего не могъ разсмотрѣть.

«Ба, Заметовъ! . . контора! . . А зачѣмъ меня въ контору зовутъ? Гдѣ повѣстка? Ба! . . я смѣшалъ: это тогда требовали! Я тогда тоже носокъ осматривалъ, а теперь . . . теперь я былъ бо-

ленъ. А зачѣмъ Заметовъ заходилъ? Зачѣмъ приводилъ его Разумихинъ? . . » бормоталъ онъ въ безсиліи, садясь опять на диванъ. — «Что жъ это? Бредъ ли это все со мной продолжается, или взаправду? Кажется, взаправду . . . А, вспомнилъ: бѣжать! Скорѣе бѣжать, непремѣнно, непремѣнно бѣжать! Да . . . а куда? А гдѣ мое платье? Сапоговъ нѣтъ! Убрали! Спрятали! Понимаю! А, вотъ пальто — проглядѣли! Вотъ и деньги на столѣ, слава Богу! Вотъ и вексель . . . Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не сыщутъ! . . Да, а адресный столъ? Найдутъ! Разумихинъ найдетъ. Лучше совсѣмъ бѣжать . . . далеко . . . въ Америку, и наплевать на нихъ! . И вексель взять . . . онъ тамъ пригодится. Чего еще-то взять? Они думаютъ, что я боленъ! Они и не знаютъ, что я ходить могу, хе-хе-хе! Я по глазамъ угадалъ, что они все знаютъ! Только бы съ лѣстницы сойти! А ну какъ у нихъ тамъ сторожа стоятъ, полицейскіе! Что это, ча? А, вотъ и пиво осталось, полбутылки, холодное!»

Онъ схватилъ бутылку, въ которой еще оставалось пива на цѣлый стаканъ, и съ наслажденіемъ выпилъ залпомъ, какъ будто потушая огонь въ груди. Но не прошло и минуты, какъ пиво стукнуло ему въ голову, а по спинѣ пошелъ легкій и даже пріятный ознобъ. Онъ легъ и натянулъ на себя одѣяло. Мысли его, и безъ того больныя и безсвязныя, стали мѣшаться все больше и больше, и вскорѣ сонъ, легкій и пріятный, обхватилъ его. Съ наслажденіемъ отыскалъ онъ головой мѣсто на подушкѣ, плотнѣе закутался мягкимъ ватнымъ одѣяломъ, которое было теперь на немъ

вмѣсто разорванной прежней шинели, тихо вздохнулъ и заснулъ глубокимъ, крѣпкимъ, цѣлебнымъ сномъ.

Проснулся онъ, услыхавъ, что кто-то вошелъ къ нему, открылъ глаза и увидалъ Разумихина, отворившаго дверь настежь и стоявшаго на порогѣ, недоумѣвая: входить или нѣтъ? Раскольниковъ быстро привсталъ на диванѣ и смотрѣлъ на него, какъ будто силясь что-то припомнить.

— А, не спишь, ну, вотъ и я! Настасья, тащи сюда узелъ! — крикнулъ Разумихинъ внизъ. — Сейчасъ отчетъ получишь...

— Который часъ? — спросилъ Раскольниковъ, тревожно озираясь.

— Да лихо, братъ, поспалъ: вечеръ на дворѣ, часовъ шесть будетъ. Часовъ шесть слишкомъ спалъ...

— Господи! Что жъ это я!..

— А чего такого? На здоровье! Куда спѣшишь? На свиданіе, что ли? Все время теперь наше. Я ужъ часа три тебя жду; раза два заходилъ, ты спалъ. Къ Зосимову два раза навѣдывался: нѣтъ дома, да и только! Да ничего, придетъ!.. По своимъ дѣлишкамъ тоже отлучался. Я вѣдь сегодня переѣхалъ, совсѣмъ переѣхалъ, съ дядей. У меня вѣдь теперь дядя... Ну да, къ черту, за дѣло!.. Давай сюда узелъ, Настенька. Вотъ мы сейчасъ... А какъ, братъ, себя чувствуешь?

— Я здоровъ; я не боленъ... Разумихинъ, ты здѣсь давно?

— Говорю, три часа дожидаюсь.

— Нѣтъ, а прежде?

— Что прежде?

— Съ какого времени сюда ходишь?

— Да вѣдь я же тебѣ давеча пересказывалъ: аль не помнишь?

Раскольниковъ задумался. Какъ во снѣ ему мерещилось давешнее. Одинъ онъ не могъ припомнить и вопросительно смотрѣлъ на Разумихина.

— Гм! — сказалъ тотъ, — забылъ. Мнѣ еще давеча мерещилось, что ты все еще не въ своемъ... Теперь со сна-то поправился... Право, совсѣмъ лучше смотришь. Молодецъ! Ну да, къ дѣлу! Вотъ сейчасъ припомнишь. Смотри-ка сюда, милый человѣкъ.

Онъ сталъ развязывать узелъ, которымъ, видимо, чрезвычайно интересовался.

— Это, братъ, вѣришь ли, у меня особенно на сердцѣ лежало. Потому, надо же изъ тебя человѣка сдѣлать. Приступимъ; сверху начнемъ. Видишь ли ты эту каскетку? — началъ онъ, вынимая изъ узла довольно хорошенькую, но въ то же время очень обыкновенную и дешевую фуражку. — Позволь-ка примѣрить?

— Потомъ, послѣ, — проговорилъ Раскольниковъ, отмахиваясь брюзгливо.

— Нѣтъ ужъ, братъ, Родя, не противься, потомъ поздно будетъ; да и я всю ночь не засну, потому безъ мѣрки, наугадъ покупалъ. Какъ разъ! — воскликнулъ онъ торжественно, примѣривъ, — какъ разъ по мѣркѣ! Головной уборъ, это, братъ, самая первѣйшая вещь въ костюмѣ, своего рода рекомендація. Толстяковъ, мой пріятель, каждый разъ принужденъ снимать свою покрышку, входя куда-нибудь въ общее мѣсто, гдѣ всѣ другіе въ шляпахъ и фуражкахъ стоятъ. Всѣ думаютъ, что онъ отъ рабскихъ чувствъ, а онъ просто оттого, что своего птичьяго гнѣзда стыдится; стыдливый

такой человѣкъ! Ну-съ, Настенька, вотъ вамъ два головные убора: сей пальмерстонъ (онъ досталъ изъ угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвѣстно почему, назвалъ пальмерстономъ) или сія ювелирская вещица? Оцѣни-ка, Родя, какъ думаешь, что заплатилъ? Настасьюшка? — обратился онъ къ ней, видя, что тотъ молчитъ.

— Двугривенный, небось, отдалъ, — отвѣчала Настасья.

— Двугривенный, дура! — крикнулъ онъ, обидѣвшись, — нынче за двугривенный и тебя не купишь, — восемь гривенъ! Да и то потому что поношенный. Оно правда, съ уговоромъ: этотъ износишь, на будущій годъ другой даромъ даютъ, ей Богу! Ну-съ, приступимъ теперь къ Соединеннымъ Американскимъ Штатамъ, какъ это въ гимназіи у насъ называли. Предупреждаю, — штанами горжусь! — и онъ расправилъ передъ Раскольниковымъ, сѣрыя изъ легкой лѣтней матеріи панталоны, — ни дырочки, ни пятнышка, а между тѣмъ, весьма сносныя, хотя и поношенныя, таковая же и жилетка, одноцвѣтъ, какъ мода требуетъ. А что поношенное, такъ это, по правдѣ, и лучше: мягче, нѣжнѣе . . . Видишь, Родя, чтобы сдѣлать въ свѣтѣ карьеру, достаточно, по-моему, всегда сезонъ наблюдать: если въ январѣ спаржи не потребуешь, то нѣсколько цѣлковыхъ въ кошелькѣ сохранишь; тоже въ отношеніи и къ сей покупкѣ. Нынче лѣтній сезонъ, я и покупку лѣтнюю сдѣлалъ, потому къ осени сезонъ и безъ того болѣе теплой матеріи потребуетъ, такъ придется жъ бросать . . . тѣмъ болѣе, что все это тогда ужъ успѣетъ само разрушиться, если не отъ усилившейся роскоши, такъ

отъ внутреннихъ неустройствъ. Ну, цѣни! Сколько по-твоему? — Два рубля двадцать пять копеекъ! И помни, опять съ прежнимъ условіемъ: это износишь, на будущій годъ другіе даромъ берешь! Въ лавкѣ Ѳедяева иначе не торгуютъ: разъ заплатилъ и на всю жизнь довольно, потому другой разъ и самъ не пойдешь. Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ, — каковы? Вѣдь ужъ видно, что поношенные, а вѣдь мѣсяца на два удовлетворятъ, потому что заграничная работа и товаръ заграничный: секретарь англійскаго посольства прошлую недѣлю на толкучемъ спустилъ; всего шесть дней носилъ, да деньги очень понадобились. Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Удачно?

— Да може не въ пору! — замѣтила Настасья.

— Не въ пору! А это что? — и онъ вытащилъ изъ кармана старый, заскорузлый, весь облѣпленный засохшею грязью, дырявый сапогъ Раскольникова; — я съ запасомъ ходилъ, мнѣ и возстановили по этому чудищу настоящій размѣръ. Все это дѣло сердечно велось. А насчетъ бѣлья съ хозяйкой столковались. Вотъ, во-первыхъ, три рубашки, холстинныя, но съ моднымъ верхомъ... Ну-съ, итакъ: восемь гривенъ картузъ, два рубля двадцать пять прочее одѣяніе, итого три рубля пять копеекъ; рубль пятьдесятъ сапоги — потому что ужъ очень хорошіе, — итого четыре рубля пятьдесятъ пять копеекъ, да пять рублей все бѣлье, — оптомъ сторговались, — итого ровно девять рублей пятьдесятъ пять копеекъ. Сорокъ пять копеекъ сдачи, мѣдными пятаками, вотъ-съ, извольте принять, — и такимъ образомъ, Родя, ты теперь во всемъ костюмѣ возстановленъ, потому что, по моему мнѣнію, твое пальто не только еще можетъ служить;

но даже имѣетъ въ себѣ видъ особеннаго благородства: что̀ значитъ у Шармера-то заказывать! Насчетъ носковъ и прочаго остального предоставляю тебѣ самому; денегъ остается намъ двадцать пять рубликовъ, а о Пашенькѣ и объ уплатѣ за квартиру не безпокойся; я говорилъ: кредитъ безграничнѣйшій. А теперь, братъ, позволь тебѣ бѣлье перемѣнить, а то, пожалуй, болѣзнь въ рубашкѣ-то только теперь и сидитъ...

— Оставь! Не хочу! — отмахивался Раскольниковъ, съ отвращеніемъ слушавшій напряженно-игривую реляцію Разумихина о покупкѣ платья...

— Это, братъ, невозможно; изъ чего жъ я сапоги топталъ! — настаивалъ Разумихинъ. — Настасьюшка, не стыдитесь, а помогите, — вотъ такъ! — и несмотря на сопротивленіе Раскольникова, онъ все-таки перемѣнилъ ему бѣлье. Тотъ повалился на изголовье и минуты двѣ не говорилъ ни слова.

«Долго же не отвяжутся!» думалъ онъ. — Изъ какихъ денегъ это все куплено? — спросилъ онъ наконецъ, глядя въ стѣну.

— Денегъ? Вотъ тебѣ на! Да изъ твоихъ же собственныхъ. Давеча артельщикъ былъ, отъ Вахрушина, мамаша прислала; аль и это забылъ?

— Теперь помню... — проговорилъ Раскольниковъ, послѣ долгой и угрюмой задумчивости. Разумихинъ, нахмурясь, съ безпокойствомъ на него посматривалъ.

Дверь отворилась, и вошелъ высокій и плотный человѣкъ, какъ будто тоже уже нѣсколько знакомый съ виду Раскольникову.

— Зосимовъ! Наконецъ-то! — крикнулъ Разумихинъ, обрадовавшись.

IV.

Зосимовъ былъ высокій и жирный человѣкъ, съ одутловатымъ и безцвѣтно-блѣднымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, съ бѣлобрысыми прямыми волосами, въ очкахъ, и съ большимъ золотымъ перстнемъ на припухшемъ отъ жиру пальцѣ. Было ему лѣтъ двадцать семь. Одѣтъ онъ былъ въ широкомъ щегольскомъ легкомъ пальто, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ брюкахъ, и вообще все было на немъ широко, щегольское и съ иголочки; бѣлье безукоризненное, цѣпь къ часамъ массивная. Манера его была медленная, какъ будто вялая и въ то же время изученно-развязная; претензія, впрочемъ, усиленно скрываемая, проглядывала поминутно. Всѣ, его знавшіе, находили его человѣкомъ тяжелымъ, но говорили, что свое дѣло знаетъ.

— Я, братъ, два раза къ тебѣ заходилъ . . . Видишь, очнулся! — крикнулъ Разумихинъ.

— Вижу, вижу; ну такъ какъ же мы теперь себя чувствуемъ, а? — обратился Зосимовъ къ Раскольникову, пристально въ него вглядываясь и усаживаясь къ нему на диванъ, въ ногахъ, гдѣ тотчасъ же и развалился по возможности.

— Да все хандритъ, — продолжалъ Разумихинъ, — бѣлье мы ему сейчасъ перемѣнили, такъ чуть не заплакалъ.

— Понятное дѣло; бѣлье можно бы и послѣ, коль самъ не желаетъ . . . Пульсъ славный. Голова-то все еще немного болитъ, а?

— Я здоровъ, я совершенно здоровъ! — настойчиво и раздражительно проговорилъ Раскольниковъ, приподнявшись вдругъ на диванѣ и сверкнувъ глазами, но тотчасъ же повалился опять на

подушку и оборотился къ стѣнѣ. Зосимовъ пристально наблюдалъ его.

— Очень хорошо... все, какъ слѣдуетъ, — вяло произнесъ онъ. — Ѣлъ что-нибудь?

Ему разсказали и спросили, что̀ можно давать.

— Да все можно давать... Супу, чаю... Грибовъ да огурцовъ, разумѣется, не давать, ну и говядины тоже не надо, и... ну, да чего тутъ болтать-то!.. — Онъ переглянулся съ Разумихинымъ. — Микстуру прочь, и все прочь; а завтра я посмотрю... Оно бы и сегодня... ну, да...

— Завтра вечеромъ я его гулять веду! — рѣшилъ Разумихинъ, — въ Юсуповъ садъ, а потомъ въ «Пале де Кристаль» зайдемъ.

— Завтра-то я бы его и шевелить не сталъ, а впрочемъ... немножко... ну, да тамъ увидимъ.

— Эхъ досада, сегодня я какъ разъ новоселье справляю, два шага; вотъ бы и онъ. Хоть бы на диванѣ полежалъ между нами! Ты-то будешь? — обратился вдругъ Разумихинъ къ Зосимову; — не забудь смотри, обѣщалъ.

— Пожалуй, позже развѣ. Что̀ ты тамъ устроилъ?

— Да ничего, чай, водка, селедка. Пирогъ подадутъ; свои соберутся.

— Кто именно?

— Да все здѣшніе и все почти новые, право, — кромѣ развѣ стараго дяди, да и тотъ новый: вчера только въ Петербургъ пріѣхалъ, по какимъ-то тамъ дѣлишкамъ; въ пять лѣтъ по разу и видимся.

— Кто такой?

— Да прозябалъ всю жизнь уѣзднымъ почтмейстеромъ... пенсіонишко получаетъ, шестьдесятъ пять лѣтъ, не сто̀итъ и говорить... Я его, впро-

чемъ, люблю. Порфирій Семеновичъ придетъ: здѣшній приставъ слѣдственныхъ дѣлъ... правовѣдъ. Да, вѣдь ты знаешь...

— Онъ тоже какой-то твой родственникъ?

— Самый дальній какой-то; да ты что̀ хмуришься? Что вы поругались-то разъ, такъ ты, пожалуй, и не придешь?

— А наплевать мнѣ на него...

— И всего лучше. Ну, а тамъ — студенты, учитель, чиновникъ одинъ, музыкантъ одинъ, офицеръ, Заметовъ...

— Скажи мнѣ пожалуйста, что̀ можетъ быть общаго у тебя, или вотъ у него, — Зосимовъ кивнулъ на Раскольникова, — съ какимъ-нибудь тамъ Заметовымъ?

— Охъ ужъ эти брезгливые? Принципы!.. и весь-то ты на принципахъ, какъ на пружинахъ: повернуться по своей волѣ не смѣетъ, а по-моему, хорошъ человѣкъ, — вотъ и принципъ, и знать я ничего не хочу. Заметовъ человѣкъ чудеснѣйшій.

— И руки грѣетъ.

— Ну, и руки грѣетъ, и наплевать! Такъ что жъ что грѣетъ! — крикнулъ вдругъ Разумихинъ, какъ-то неестественно раздражаясь, — я развѣ хвалилъ тебѣ то, что онъ руки грѣетъ? Я говорилъ, что онъ въ своемъ родѣ только хорошъ! А прямо-то, во всѣхъ-то родахъ смотрѣть — такъ много ль людей хорошихъ останется? Да я увѣренъ, что за меня тогда совсѣмъ съ требухой всего-то одну печеную луковицу дадутъ, да и то если съ тобой въ придачу!..

— Это мало; я за тебя и двѣ дамъ...

— А я за тебя только одну! Остри еще! Заметовъ еще мальчишка, я еще волосенки ему надеру,

потому что его надо привлекать, а не отталкивать. Тѣмъ, что оттолкнешь человѣка — не исправишь, тѣмъ паче мальчишку. Съ мальчишкой вдвое осторожнѣе надо. Это вы, тупицы прогрессивныя, ничего-то не понимаете! Человѣка не уважаете, себя обижаете... А коли хочешь знать, такъ у насъ, пожалуй, и дѣло одно общее завязалось.

— Желательно знать.

— Да все по дѣлу о малярѣ, то есть о красильщикѣ... Ужъ мы его вытащимъ! А впрочемъ, теперь и бѣды никакой. Дѣло совсѣмъ, совсѣмъ теперь очевидное! Мы только пару поддадимъ.

— Какой тамъ еще красильщикъ?

— Какъ, развѣ я не разсказывалъ? Аль нѣтъ? Да, бишь, я тебѣ только начало разсказывалъ... вотъ, про убійство старухи-то закладчицы, чиновницы... ну, тутъ и красильщикъ теперь замѣшался...

— Да про убійство это я прежде твоего слыхалъ, и этимъ дѣломъ даже интересуюсь... отчасти... по одному случаю... и въ газетахъ читалъ! А вотъ...

— Лизавету-то тоже убили! — брякнула вдругъ Настасья, обращаясь къ Раскольникову. — Она все время оставалась въ комнатѣ, прижавшись подлѣ двери, и слушала.

— Лизавету? — пробормоталъ Раскольниковъ едва слышнымъ голосомъ.

— А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь? Она сюда внизъ ходила. Еще тебѣ рубаху чинила.

Раскольниковъ оборотился къ стѣнѣ, гдѣ на грязныхъ желтыхъ обояхъ съ бѣлыми цвѣточками выбралъ одинъ неуклюжій, бѣлый цвѣтокъ, съ какими-то коричневыми черточками, и сталъ разсма-

тривать: сколько въ немъ листиковъ, какія на листикахъ зазубринки и сколько черточекъ? Онъ чувствовалъ, что у него онѣмѣли руки и ноги, точно отнялись, но и не попробовалъ шевельнуться и упорно глядѣлъ на цвѣтокъ.

— Ну такъ что̀ жъ красильщикъ? — съ какимъ-то особеннымъ неудовольствіемъ перебилъ Зосимовъ болтовню Настасьи. Та вздохнула и замолчала.

— А тоже въ убійцы записали! — съ жаромъ продолжалъ Разумихинъ.

— Улики, что ль, какія?

— Кой чертъ улики! А впрочемъ, именно по уликѣ, да улика-то эта не улика, вотъ что̀ требуется доказать! Это тотъ-въ-точь какъ сначала они забрали и заподозрили этихъ, какъ бишь ихъ... Коха да Пестрякова. Тьфу! Какъ это все глупо дѣлается, даже вчужѣ гадко становится! Пестряковъ-то, можетъ, сегодня ко мнѣ зайдетъ... Кстати, Родя, ты эту штуку ужъ знаешь, еще до болѣзни случилось, ровно наканунѣ того, какъ ты въ обморокъ въ конторѣ упалъ, когда тамъ про это разсказывали...

Зосимовъ любопытно посмотрѣлъ на Раскольникова; тотъ не шевелился.

— А знаешь что̀, Разумихинъ? Посмотрю я на тебя: какой ты, однакожъ, хлопотунъ, — замѣтилъ Зосимовъ.

— Это пусть, а все-таки вытащимъ! — крикнулъ Разумихинъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Вѣдь тутъ что̀ всего обиднѣе? Вѣдь не то, что они врутъ; вранье всегда простить можно; вранье дѣло милое, потому что къ правдѣ ведетъ. Нѣтъ, то досадно, что врутъ, да еще собственному вранью по-

клоняются. Я Порфирія уважаю, но... Вѣдь что̀ ихъ, напримѣръ, перво-на-перво съ толку сбило? Дверь была заперта, а пришли съ дворникомъ — отперта: ну, значитъ, Кохъ да Пестряковъ и убили! Вотъ вѣдь ихъ логика.

— Да не горячись; ихъ просто задержали; нельзя же... Кстати: я вѣдь этого Коха встрѣчалъ; онъ вѣдь, оказалось, у старухи вещи просроченныя скупалъ? А?

— Да, мошенникъ какой-то! Онъ и векселя тоже скупаетъ. Промышленникъ. Да чертъ съ нимъ! Я вѣдь на что̀ злюсь-то, понимаешь ты это? На рутину ихъ дряхлую, пошлѣйшую, закорузлую злюсь... А тутъ, въ одномъ этомъ дѣлѣ, цѣлый новый путь открыть можно. По однимъ психологическимъ только даннымъ можно показать, какъ на истинный слѣдъ попадать должно. «У насъ есть, дескать, факты!» Да вѣдь факты не все; по крайней мѣрѣ, половина дѣла въ томъ, какъ съ фактами обращаться умѣешь!

— А ты съ фактами обращаться умѣешь?

— Да, вѣдь нельзя же молчать, когда чувствуешь, ощупомъ чувствуешь, что вотъ могъ бы дѣлу помочь, кабы... Эхъ! Ты дѣло-то подробно знаешь?

— Да вотъ про красильщика жду.

— Да, бишь! Ну, слушай исторію: ровно на третій день послѣ убійства, поутру, когда они тамъ няньчились еще съ Кохомъ да Пестряковымъ, — хотя тѣ каждый свой шагъ доказали; очевидность кричитъ! — объявляется вдругъ самый неожиданный фактъ. Нѣкто крестьянинъ Душкинъ, содержатель распивочной, напротивъ того самаго дома, является въ контору и приноситъ ювелирный фут-

ляръ съ золотыми серьгами, и разсказываетъ цѣлую повѣсть: «Прибѣжалъ-де ко мнѣ повечеру, третьягодня, примѣрно въ началѣ девятаго», — день и часъ! вникаешь? — «работникъ красильщикъ, который и до этого ко мнѣ на дню забѣгалъ, Миколай, и принесъ мнѣ ефту коробку съ золотыми сережками и съ камушками, и просилъ за нихъ подъ закладъ два рубля, а на мой спросъ: гдѣ взялъ? — объявилъ, что на панели поднялъ. Больше я его на томъ не разспрашивалъ», — это Душкинъ-то говоритъ, «а вынесъ ему билетикъ» — рубль то есть, — «потому-де думалъ, что не мнѣ, такъ другому заложитъ, все одно — пропьетъ, а пусть лучше у меня вещь лежитъ: дальше-де положишь, ближе возьмешь, а объявится что̀, аль слухи пойдутъ, тутъ я и преставлю». — Ну, конечно, бабушкинъ сонъ разсказываетъ, вретъ, какъ лошадь, потому я этого Душкина знаю, самъ онъ закладчикъ, и краденое прячетъ, и тридцатирублевую вещь не для того, чтобъ «преставить», у Миколая подтибрилъ. Просто струсилъ. Ну, да, къ черту, слушай; продолжаетъ Душкинъ: — «А крестьянина ефтова, Миколая Дементьева, знаю сызмалѣтства, нашей губерніи и уѣзда, Зарайскаго, потому-де мы сами рязанскіе. А Миколай хоть не пьяница, а выпиваетъ, и извѣстно намъ было, что онъ въ ефтомъ самомъ домѣ работаетъ, краситъ, вмѣстѣ съ Митреемъ, а съ Митреемъ они изъ однѣхъ мѣстовъ. И получимши билетикъ, онъ его тотчасъ размѣнялъ, выпилъ за разъ два стаканчика, сдачу взялъ и пошелъ, а Митрея я съ нимъ въ тотъ часъ не видалъ. А на другой день прослышали мы, что Алену Ивановну и сестрицу ихъ Лизавету Ивановну топоромъ убили, а мы ихъ знавали-съ, и взяло меня тутъ сумлѣніе насчетъ се-

регъ, — потому извѣстно намъ было, что покойница подъ вещи деньги давала. Пошелъ я къ нимъ въ домъ и сталъ осторожно про себя узнавать, тихими стопами, и перво-на-перво спросилъ: тутъ ли Миколай? И сказывалъ Митрей, что Миколай загулялъ, пришелъ домой на разсвѣтѣ, пьяный, дома пробылъ примѣрно десять минутъ и опять ушелъ, а Митрей ужъ его потомъ не видалъ и работу одинъ доканчиваетъ. А работа у нихъ по одной лѣстницѣ съ убитыми, во второмъ этажѣ. Слышамши все это, мы тогда никому ничего не открыли» — это Душкинъ говоритъ, — «а про убійство все, что̀ могли, разузнали и воротились домой все въ томъ же нашемъ сумлѣніи. А сегодня поутру, въ восемь часовъ», — то есть это на третій-то день, понимаешь? — «вижу, входитъ ко мнѣ Миколай, не тверезый, да и не то чтобъ очень пьяный, а понимать разговоръ можетъ. Сѣлъ на лавку, молчитъ. А опричь него въ распивочной на ту пору былъ всего одинъ человѣкъ посторонній, да еще спалъ на лавкѣ другой, по знакомству, да двое нашихъ мальчишковъ-съ. — Видѣлъ, спрашиваю, Митрея? — Нѣтъ, говоритъ, не видалъ. — И здѣсь не былъ? — Не былъ, говоритъ, съ третьяго дни. — А нонѣ гдѣ ночевалъ? — А на Пескахъ, говоритъ, у коломенскихъ. — А гдѣ, говорю, тогда серьги взялъ? — А на панели нашелъ, — и говоритъ онъ это такъ, какъ будто бы неподобно и не глядя. — А слышалъ, говорю, что вотъ то и то, въ тотъ самый вечеръ и въ томъ часу, по той лѣстницѣ, произошло?—Нѣтъ, говоритъ, не слыхалъ, — а самъ слушаетъ, глаза вытараща, и побѣлѣлъ онъ вдругъ, ровно мѣлъ. Я этта ему разсказываю, смотрю, а онъ за шапку и сталъ вставать. Тутъ и захотѣлъ я его задер-

жать:—Погоди, Миколай, говорю, аль не выпьешь?— А самъ мигнулъ мальчишкѣ, чтобы дверь придержалъ, да изъ-за стойки-то выхожу: какъ онъ тутъ отъ меня прыснетъ, да на улицу, да бѣгомъ, да въ проулокъ, — только я и видѣлъ его. Тутъ я и сумлѣнія моего рѣшился, потому его грѣхъ, какъ есть» . . .

— Еще бы! . . — проговорилъ Зосимовъ.

— Стой! Конца слушай! Пустились, разумѣется, со всѣхъ ногъ Миколая разыскивать: Душкина задержали и обыскъ произвели, Митрея тоже; порасспотрошили и коломенскихъ, — только вдругъ третьяго дня и приводятъ самого Миколая: задержали его близъ —ской заставы, на постояломъ дворѣ. Пришелъ онъ туда, снялъ съ себя крестъ, серебряный, и попросилъ за крестъ шкаликъ. Дали. Погодя немного минутъ, баба въ коровникъ пошла и видитъ въ щель: онъ рядомъ въ сараѣ къ балкѣ кушакъ привязалъ, петлю сдѣлалъ; сталъ на обрубокъ и хочетъ себѣ петлю на шею надѣть; баба вскрикнула благимъ матомъ, сбѣжались: — «Такъ вотъ ты каковъ!» — «А ведите меня, говоритъ, въ такую-то часть, во всемъ повинюсь». Ну, его съ надлежащими онерами и представили въ такую-то часть, сюда то есть. Ну то, се, кто, какъ, сколько лѣтъ — «двадцать два» — и прочее, и прочее. Вопросъ: — «какъ работали съ Митреемъ, не видали ль кого по лѣстницѣ, вотъ въ такомъ-то и такомъ-то часу?» Отвѣтъ: — «Извѣстно, проходили, можетъ, люди какіе, да намъ не въ примѣту».— «А не слыхали ль чего, шуму какого и прочаго?» — «Ничего не слыхали такого особеннаго». — «А было ль извѣстно тебѣ, Миколаю, въ тотъ самый день, что такую-то вдову въ такой-то день и часъ, съ се-

строй ея убили и ограбили?» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Впервой отъ Аѳанасія Павлыча, на третьи сутки, въ распивошной услыхалъ». — «А гдѣ серьги взялъ?» — «На панели нашелъ». — «Почему на другой день не явился съ Митреемъ на работу?» — «Потому этта я загулялъ». — «А гдѣ гулялъ?» — «А тамъ-то и тамъ-то». — «Почему бѣжалъ отъ Душкина?» — «Потому ужъ испужались мы тогда очинна». — «Чего испужался?» — «А што засудятъ». — «Какъ же ты могъ испугаться того, коли ты чувствуешь себя ни въ чемъ не виновнымъ?» . . . Ну, вѣришь иль не вѣришь, Зосимовъ, этотъ вопросъ былъ предложенъ, и буквально въ такихъ выраженіяхъ, я положительно знаю, мнѣ вѣрно передали! Каково? Каково?

— Ну, нѣтъ, однакожъ, улики-то существуютъ.

— Да я не про улики теперь, я про вопросъ, про то, какъ они сущность-то свою понимаютъ! Ну, да, чертъ! . . Ну, такъ жали его, жали, нажимали, нажимали, ну и повинился: — «не на панели, дескать, нашелъ, а въ фатерѣ нашелъ, въ которой мы съ Митреемъ мазали». — «Какимъ такимъ манеромъ?» — «А такимъ самымъ манеромъ, что мазали мы этта съ Митреемъ, весь день, до восьми часовъ, и уходить собирались, а Митрей взялъ кисть да мнѣ по рожѣ краской мазнулъ, мазнулъ этта онъ меня въ рожу краской, да побёгъ, а я за нимъ. И бѣгу этта я за нимъ, а самъ кричу благимъ матомъ; а какъ съ лѣстницы въ подворотню выходить, — набѣжалъ я сразмаху на дворника и на господъ, а сколько было съ нимъ господъ—не упомню, а дворникъ за то меня обругалъ, а другой дворникъ тоже обругалъ, и дворникова баба вышла, тоже насъ обругала, и господинъ одинъ въ подворотню входилъ,

съ дамою, и тоже насъ обругалъ, потому мы съ Митькой поперекъ мѣста легли: я Митьку за волосы схватилъ и повалилъ, и сталъ тузить, а Митька тоже, изъ-подъ меня, за волосы меня ухватилъ и сталъ тузить, а дѣлали мы то не по злобѣ, а по всей то есть любви, играючи. А потомъ Митька ослободился да на улицу и побёгъ, а я за нимъ, да не догналъ и воротился въ фатеру одинъ, — потому прибираться надоть бы было. Сталъ я собирать и жду Митрея, авось подойдетъ. Да у дверей въ сѣни, за стѣнкой, къ углу, на коробку и наступилъ. Смотрю, лежитъ, въ гумагѣ завернута. Я гумагу-то снялъ, вижу крючочки такіе махочкіе, крючочки-то мы этта поснимали,—анъ въ коробкѣ-то серьги . . .»

— За дверьми? За дверями лежала? За дверями? — вскричалъ вдругъ Раскольниковъ, мутнымъ, испуганнымъ взглядомъ смотря на Разумихина, и медленно приподнялся, опираясь рукой, на диванѣ.

— Да . . . а что̀? Что̀ съ тобой? Чего ты такъ? — Разумихинъ тоже приподнялся съ мѣста.

— Ничего! . . — едва слышно отвѣчалъ Раскольниковъ, опускаясь опять на подушку и опять отворачиваясь къ стѣнѣ. Всѣ помолчали немного.

— Задремалъ, должно быть, спросонья, — проговорилъ, наконецъ, Разумихинъ, вопросительно смотря на Зосимова; тотъ сдѣлалъ легкій отрицательный знакъ головой.

— Ну, продолжай же, — сказалъ Зосимовъ, — что̀ дальше?

— Да что̀ дальше? Только что онъ увидалъ серьги, какъ тотчасъ же, забывъ и квартиру, и Митьку, схватилъ шапку и побѣжалъ къ Душкину и, какъ извѣстно, получилъ отъ него рубль, а ему

совралъ, что нашелъ на панели, и тотчасъ же загулялъ. А про убійство подтверждаетъ прежнее: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, только на третій день услыхалъ».—«А зачѣмъ же ты до сихъ поръ не являлся?» — «Со страху». — «А повѣситься зачѣмъ хотѣлъ?» — «Отъ думы». — «Отъ какой думы?» — «А што засудятъ». — Ну, вотъ и вся исторія. Теперь, какъ думаешь, что̀ они отсюда извлекли?

— Да чего думать-то, слѣдъ есть, хоть какой да есть. Фактъ. Не на волю жъ выпустить твоего красильщика?

— Да вѣдь они жъ его прямо въ убійцы теперь записали! У нихъ ужъ и сомнѣній нѣтъ никакихъ...

— Да врешь; горячишься. Ну, а серьги? Согласись самъ, что коли въ тотъ самый день и часъ къ Николаю изъ старухина сундука попадаютъ серьги въ руки, — согласись самъ, что они какъ-нибудь да должны же были попасть? Это не мало при такомъ слѣдствіи.

— Какъ попали! Какъ попали? —вскричалъ Разумихинъ — и неужели ты, докторъ, ты, который, прежде всего, человѣка изучать обязанъ и имѣешь случай, скорѣй всякаго другого, натуру человѣческую изучить, — неужели ты не видишь, по всѣмъ этимъ даннымъ, что это за натура, этотъ Николай? Неужели не видишь, съ перваго же разу, что все, что̀ онъ показалъ при допросѣ, святѣйшая правда есть? Точнехонько такъ и попали въ руки, какъ онъ показалъ. Наступилъ на коробку и поднялъ!

— Святѣйшая правда! Однакожъ, самъ признался, что съ перваго разу солгалъ?

— Слушай меня, слушай внимательно: и дворникъ, и Кохъ, и Пестряковъ, и другой дворникъ, и жена перваго дворника, и мѣщанка, что̀ о ту пору у ней въ дворницкой сидѣла, и надворный совѣтникъ Крюковъ, который въ эту самую минуту съ извозчика всталъ и въ подворотню входилъ объ руку съ дамою, — всѣ, то есть восемь или десять свидѣтелей, единогласно показываютъ, что Николай придавилъ Дмитрія къ землѣ, лежалъ на немъ и его тузилъ, а тотъ ему въ волосы вцѣпился и тоже тузилъ. Лежатъ они поперекъ дороги и проходъ загораживаютъ; ихъ ругаютъ со всѣхъ сторонъ, а они, «какъ малые ребята» (буквальное выраженіе свидѣтелей), лежатъ другъ на другѣ, визжатъ, дерутся и хохочутъ, оба хохочутъ взапуски, съ самыми смѣшными рожами, и одинъ другого догонять, точно дѣти, на улицу выбѣжали. Слышалъ? Теперь строго замѣть себѣ: тѣла наверху еще теплыя, слышишь, теплыя, такъ нашли ихъ! Если убили они, или только одинъ Николай, и при этомъ ограбили сундуки со взломомъ, или только участвовали чѣмъ-нибудь въ грабежѣ, то позволь тебѣ задать всего только одинъ вопросъ: сходится ли подобное душевное настроеніе, то есть взвизги, хохотъ, ребяческая драка подъ воротами, — съ топорами, съ кровью, съ злодѣйскою хитростью, осторожностью, грабежомъ? Тотчасъ же убили, всего какихъ-нибудь пять или десять минутъ назадъ, — потому такъ выходитъ, тѣла еще теплыя, — и вдругъ бросивъ и тѣла, и квартиру отпертую, и зная, что сейчасъ туда люди прошли, и добычу бросивъ, они, какъ малые ребята, валяются на дорогѣ, хохочутъ, всеобщее вниманіе на себя привлекаютъ, и этому десять единогласныхъ свидѣтелей есть!

— Конечно, странно! Разумѣется, невозможно, но...

— Нѣтъ, братъ, не *но*, а если серьги, въ тотъ же день и часъ очутившіяся у Николая въ рукахъ, дѣйствительно составляютъ важную фактическую противъ него контру — однакожъ прямо объясняемую его показаніями, слѣдственно еще *спорную контру*, — то надо же взять въ соображеніе факты и оправдательные, и тѣмъ паче, что они факты *неотразимые*. А какъ ты думаешь, по характеру нашей юриспруденціи, примутъ, или способны ль они принять такой фактъ, — основанный единственно только на одной психологической невозможности, на одномъ только душевномъ настроеніи, — за фактъ неотразимый и всѣ обвинительные и вещественные факты, каковы бы они ни были, разрушающій? Нѣтъ, не примутъ, не примутъ ни за что, потому-де коробку нашли, и человѣкъ удавиться хотѣлъ, «чего не могло быть, если бъ не чувствовалъ себя виноватымъ!» Вотъ капитальный вопросъ, вотъ изъ чего горячусь я! Пойми!

— Да я и вижу, что ты горячишься. Постой, забылъ спросить: чѣмъ доказано, что коробка съ серьгами дѣйствительно изъ старухина сундука?

— Это доказано, — отвѣчалъ Разумихинъ, нахмурясь и какъ бы нехотя; — Кохъ узналъ вещь и закладчика указалъ, а тотъ положительно доказалъ, что вещь точно его.

— Плохо. Теперь еще: не видалъ ли кто-нибудь Николая въ то время, когда Кохъ да Пестряковъ наверхъ прошли, и нельзя ли это чѣмъ-нибудь доказать?

— То-то и есть, что никто не видалъ, — отвѣчалъ Разумихинъ съ досадой, — то-то и скверно;

даже Кохъ съ Пестряковымъ ихъ не замѣтили, когда наверхъ проходили, хотя ихъ свидѣтельство и не очень много бы теперь значило. «Видѣли, говорятъ, что квартира отпертая, что въ ней, должно быть, работали, но проходя вниманія не обратили и не помнимъ точно, были ли тамъ въ ту минуту работники, или нѣтъ».

— Гм. Стало быть, всего только и есть оправданія, что тузили другъ друга и хохотали. Положимъ, это сильное доказательство, но . . . Позволь теперь: какъ же ты самъ-то весь фактъ объясняешь? Находку серегъ чѣмъ объясняешь, коли, дѣйствительно, онъ ихъ такъ нашелъ, какъ показываетъ?

— Чѣмъ объясняю? Да чего тутъ объяснять: дѣло ясное! По крайней мѣрѣ, дорога, по которой надо дѣло вести, ясна и доказана, и именно коробка доказала ее. Настоящій убійца обронилъ эти серьги. Убійца былъ наверху, когда Кохъ и Пестряковъ стучались, и сидѣлъ на запорѣ. Кохъ сдурилъ и пошелъ внизъ; тутъ убійца выскочилъ и побѣжалъ тоже внизъ, потому никакого другого у него не было выхода. На лѣстницѣ спрятался онъ отъ Коха, Пестрякова и дворника въ пустую квартиру, именно въ ту минуту, когда Дмитрій и Николай изъ нея выбѣжали, простоялъ за дверью, когда дворникъ и тѣ проходили наверхъ, переждалъ, пока затихли шаги, и сошелъ себѣ внизъ преспокойно, ровно въ ту самую минуту, когда Дмитрій съ Николаемъ на улицу выбѣжали, и всѣ разошлись, и никого подъ воротами не осталось. Можетъ, и видѣли его, да не замѣтили: мало ли народу проходитъ? А коробку онъ выронилъ изъ кармана, когда за дверью стоялъ, и не замѣтилъ, что выро-

нилъ, потому не до того ему было. Коробка же ясно доказываетъ, что онъ именно тамъ стоялъ. Вотъ и вся штука!

— Хитро! Нѣтъ, братъ, это хитро. Это хитрѣе всего!

— Да почему же, почему же?

— Да потому что слишкомъ ужъ все удачно сошлось . . . и сплелось . . . точно какъ на театрѣ.

— Э-эхъ! — вскричалъ было Разумихинъ, но въ эту минуту отворилась дверь, и вошло одно новое, незнакомое ни одному изъ присутствующихъ, лицо.

V.

Это былъ господинъ немолодыхъ уже лѣтъ, чопорный, осанистый, съ осторожною и брюзгливою физіономіей, который началъ тѣмъ, что остановился въ дверяхъ, озираясь кругомъ съ обидно нескрываемымъ удивленіемъ и какъ будто спрашивая взглядами: «куда жъ это я попалъ?» Недовѣрчиво и даже съ аффектаціей нѣкотораго испуга, чуть ли даже не оскорбленія, озиралъ онъ тѣсную и низенькую «морскую каюту» Раскольникова. Съ тѣмъ же удивленіемъ перевелъ и уставилъ потомъ глаза на самого Раскольникова, раздѣтаго, всклокоченнаго, немытаго, лежавшаго на мизерномъ грязномъ своемъ диванѣ, и тоже неподвижно его разсматривавшаго. Затѣмъ съ тою же медлительностью сталъ разсматривать растрепанную, небритую и нечесанную фигуру Разумихина, который въ свою очередь дерзко-вопросительно глядѣлъ ему прямо въ глаза, не двигаясь съ мѣста. Напряженное молчаніе длилось съ минуту, и наконецъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошла маленькая перемѣна декораціи.

Сообразивъ, должно быть, по нѣкоторымъ, весьма, впрочемъ, рѣзкимъ даннымъ, что преувеличенно-строгою осанкой здѣсь, въ этой «морской каютѣ», ровно ничего не возьмешь, вошедшій господинъ нѣсколько смягчился и вѣжливо, хотя и не безъ строгости, произнесъ, обращаясь къ Зосимову и отчеканивая каждый слогъ своего вопроса:

— Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, господинъ студентъ или бывшій студентъ?

Зосимовъ медленно шевельнулся и, можетъ быть, и отвѣтилъ бы, если бы Разумихинъ, къ которому вовсе не относились, не предупредилъ его тотчасъ же:

— А вонъ онъ лежитъ на диванѣ! А вамъ что̀ нужно?

Это фамильярное «а вамъ что̀ нужно?» такъ и подсѣкло чопорнаго господина; онъ даже чуть было не поворотился къ Разумихину, но успѣлъ-таки сдержать себя во-время и поскорѣе повернулся опять къ Зосимову.

— Вотъ Раскольниковъ! — промямлилъ Зосимовъ, кивнувъ на больного, затѣмъ зѣвнулъ, при чемъ какъ-то необыкновенно много раскрылъ свой ротъ и необыкновенно долго держалъ его въ такомъ положеніи. Потомъ медленно потащился въ свой жилетный карманъ, вынулъ огромнѣйшіе выпуклые глухіе золотые часы, раскрылъ, посмотрѣлъ и такъ же медленно и лѣниво потащился опять ихъ укладывать.

Самъ Раскольниковъ все время лежалъ молча, навзничь, и упорно, хотя и безъ всякой мысли, глядѣлъ на вошедшаго. Лицо его, отвернувшееся теперь отъ любопытнаго цвѣтка на обояхъ, было чрезвычайно блѣдно и выражало необыкновенное

страданіе, какъ будто онъ только что перенесъ мучительную операцію или выпустили его сейчасъ изъ-подъ пытки. Но вошедшій господинъ мало-по-малу сталъ возбуждать въ немъ все больше и больше вниманія, потомъ недоумѣнія, потомъ недовѣрчивости и даже какъ будто боязни. Когда же Зосимовъ, указавъ на него, проговорилъ: «вотъ Раскольниковъ», онъ, вдругъ быстро приподнявшись, точно привскочивъ, сѣлъ на постели и почти вызывающимъ, но прерывистымъ и слабымъ голосомъ произнесъ:

— Да! Я Раскольниковъ! Что̀ вамъ надо?

Гость внимательно посмотрѣлъ и внушительно произнесъ:

— Петръ Петровичъ Лужинъ. Я въ полной надеждѣ, что имя мое не совсѣмъ уже вамъ безызвѣстно.

Но Раскольниковъ, ожидавшій чего-то совсѣмъ другого, тупо и задумчиво посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ, какъ будто имя Петра Петровича слышалъ онъ рѣшительно въ первый разъ.

— Какъ? Неужели вы до сихъ поръ не изволили еще получить никакихъ извѣстій? — спросилъ Петръ Петровичъ, нѣсколько коробясь.

Въ отвѣтъ на это Раскольниковъ медленно опустился на подушку, закинулъ руки за голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ. Тоска проглянула въ лицѣ Лужина. Зосимовъ и Разумихинъ еще съ бо̀льшимъ любопытство̀мъ принялись его оглядывать, и онъ видимо, наконецъ, сконфузился.

— Я предполагалъ и разсчитывалъ, — замямлилъ онъ, — что письмо, пущенное уже слишкомъ десять дней, даже чуть ли не двѣ недѣли . . .

— Послушайте, что жъ вамъ все стоять у две-

рей-то? — перебилъ вдругъ Разумихинъ: — коли имѣете что̀ объяснить, такъ садитесь, а обоимъ вамъ съ Настасьей тамъ тѣсно. Настасьюшка, посторонись, дай пройти! Проходите, вотъ вамъ стулъ, сюда! Пролѣзайте же!

Онъ отодвинулъ свой стулъ отъ стола, высвободилъ немного пространство между столомъ и своими колѣнями и ждалъ нѣсколько въ напряженномъ положеніи, чтобы гость «пролѣзъ» въ эту щелочку. Минута была такъ выбрана, что никакъ нельзя было отказаться, и гость полѣзъ черезъ узкое пространство, торопясь и спотыкаясь. Достигнувъ стула, онъ сѣлъ и мнительно поглядѣлъ на Разумихина.

— Вы, впрочемъ, не конфузьтесь, — брякнулъ тотъ; — Родя пятый день уже боленъ и три дня бредилъ, а теперь очнулся и даже ѣлъ съ аппетитомъ. Это, вотъ, его докторъ сидитъ, только что его осмотрѣлъ, а я товарищъ Родькинъ, тоже бывшій студентъ, и теперь вотъ съ нимъ няньчусь; такъ вы насъ не считайте и не стѣсняйтесь, а продолжайте, что̀ вамъ тамъ надо.

— Благодарю васъ. Не обезпокою ли я, однако, больного своимъ присутствіемъ и разговоромъ? — обратился Петръ Петровичъ къ Зосимову.

— Н-нѣтъ, — промямлилъ Зосимовъ, — даже развлечь можете, — и опять зѣвнулъ.

— О, онъ давно уже въ памяти, съ утра! — продолжалъ Разумихинъ, фамильярность котораго имѣла видъ такого неподдѣльнаго простодушія, что Петръ Петровичъ подумалъ и сталъ ободряться, можетъ быть, отчасти и потому, что этотъ оборванецъ и нахалъ успѣлъ-таки отрекомендоваться студентомъ.

— Ваша мамаша . . . — началъ Лужинъ.

— Гм! — громко сдѣлалъ Разумихинъ. Лужинъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ничего, я такъ; ступайте...

Лужинъ пожалъ плечами.

— ... Ваша мамаша, еще въ бытность мою при нихъ, начала къ вамъ письмо. Пріѣхавъ сюда, я нарочно пропустилъ нѣсколько дней и не приходилъ къ вамъ, чтобъ уже быть вполнѣ увѣреннымъ, что вы извѣщены обо всемъ; но теперь, къ удивленію моему...

— Знаю, знаю! — проговорилъ вдругъ Раскольниковъ, съ выраженіемъ самой нетерпѣливой досады.

— Это вы? Женихъ? Ну, знаю!.. и довольно!..

Петръ Петровичъ рѣшительно обидѣлся, но смолчалъ. Онъ усиленно спѣшилъ сообразить, что̀ все это значитъ? Съ минуту продолжалось молчаніе.

Между тѣмъ Раскольниковъ, слегка было оборотившійся къ нему при отвѣтѣ, принялся вдругъ его снова разсматривать пристально и съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, какъ будто давеча еще не успѣлъ его разсмотрѣть всего, или какъ будто что-то новое въ немъ его поразило; даже приподнялся для этого нарочно съ подушки. Дѣйствительно, въ общемъ видѣ Петра Петровича поражало какъ бы что-то особенное, а именно, нѣчто какъ бы оправдывавшее названіе «жениха», такъ безцеремонно ему сейчасъ данное. Во-первыхъ, было видно и даже слишкомъ замѣтно, что Петръ Петровичъ усиленно поспѣшилъ воспользоваться нѣсколькими днями въ столицѣ, чтобъ успѣть принарядиться и прикраситься въ ожиданіи невѣ-

сты, что̀, впрочемъ, было весьма невинно и позволительно. Даже собственное, можетъ быть, даже слишкомъ самодовольное собственное сознаніе своей пріятной перемѣны къ лучшему могло бы быть прощено для такого случая, ибо Петръ Петровичъ состоялъ на линіи жениха. Все платье его было только что отъ портного, и все было хорошо, кромѣ развѣ того только, что все было слишкомъ новое и слишкомъ обличало извѣстную цѣль. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа объ этой цѣли свидѣтельствовала: Петръ Петровичъ какъ-то ужъ слишкомъ почтительно съ ней обращался и слишкомъ осторожно держалъ ее въ рукахъ. Даже прелестная пара сиреневыхъ, настоящихъ Жувеневскихъ, перчатокъ свидѣтельствовала то же самое, хотя бы тѣмъ однимъ, что ихъ не надѣвали, а только носили въ рукахъ для параду. Въ одеждѣ же Петра Петровича преобладали цвѣта свѣтлые и юношественные. На немъ былъ хорошенькій лѣтній пиджакъ свѣтло-коричневаго оттѣнка, свѣтлыя легкія брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое бѣлье, батистовый самый легкій галстучекъ съ розовыми полосками, и что̀ всего лучше: все это было даже къ лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свѣжее и даже красивое, и безъ того казалось моложе своихъ сорока пяти лѣтъ. Темные бакенбарды пріятно осѣняли его съ обѣихъ сторонъ, въ видѣ двухъ котлетъ, и весьма красиво сгущались возлѣ свѣтло-выбритаго блиставшаго подбородка. Даже волосы, впрочемъ, чуть-чуть лишь съ просѣдью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этимъ обстоятельствомъ ничего смѣшного или какого-нибудь глупаго вида, что̀ обыкновенно всегда бываетъ при за-

витыхъ волосахъ, ибо придаетъ лицу неизбѣжное сходство съ нѣмцемъ, идущимъ подъ вѣнецъ. Если же и было что-нибудь въ этой довольно красивой и солидной физіономіи дѣйствительно непріятное и отталкивающее, то происходило уже отъ другихъ причинъ. Разсмотрѣвъ безъ церемоніи г. Лужина, Раскольниковъ ядовито улыбнулся, снова опустился на подушку и сталъ попрежнему глядѣть въ потолокъ.

Но господинъ Лужинъ скрѣпился и, кажется, рѣшился не примѣчать до времени всѣхъ этихъ странностей.

— Жалѣю весьма и весьма, что нахожу васъ въ такомъ положеніи, — началъ онъ снова, съ усиліемъ прерывая молчаніе. — Если бъ зналъ о вашемъ нездоровьи, зашелъ бы раньше. Но, знаете, хлопоты! . . Имѣю къ тому же весьма важное дѣло по моей адвокатской части въ сенатѣ. Не упоминаю уже о тѣхъ заботахъ, которыя и вы угадаете. Вашихъ, то есть мамашу и сестрицу, жду съ часу на часъ . . .

Раскольниковъ пошевелился и хотѣлъ было что-то сказать; лицо его выразило нѣкоторое волненіе. Петръ Петровичъ пріостановился, выждалъ, но такъ какъ ничего не послѣдовало, то и продолжалъ:

— ... Съ часу на часъ. Пріискалъ имъ на первый случай квартиру . . .

— Гдѣ? — слабо выговорилъ Раскольниковъ.

— Весьма недалеко отсюда, домъ Бакалѣева...

— Это на Вознесенскомъ, — перебилъ Разумихинъ, — тамъ два этажа подъ нумерами, купецъ Юшинъ содержитъ; бывалъ.

— Да, нумера-съ . . .

— Скверность ужаснѣйшая: грязь, вонь, да и

подозрительное мѣсто; штуки случались; да и чертъ знаетъ, кто не живетъ! . . Я и самъ-то заходилъ по скандальному случаю. Дешево, впрочемъ.

— Я, конечно, не могъ собрать столькихъ свѣдѣній, такъ какъ и самъ человѣкъ новый, — щекотливо возразилъ Петръ Петровичъ, — но, впрочемъ, двѣ весьма и весьма чистенькія комнаты, а такъ какъ это на весьма короткій срокъ . . . Я пріискалъ уже настоящую, то есть будущую нашу квартиру,— оборотился онъ къ Раскольникову, — и теперь ее отдѣлываютъ; а покамѣстъ и самъ тѣснюсь въ нумерахъ, два шага отсюда, у г-жи Липпевехзель, въ квартирѣ одного моего молодого друга, Андрея Семеныча Лебезятникова; онъ-то мнѣ и домъ Бакалѣева указалъ . . .

— Лебезятникова? — медленно проговорилъ Раскольниковъ, какъ бы что-то припоминая.

— Да, Андрей Семенычъ Лебезятниковъ, служащій въ министерствѣ. Изволите знать?

— Да . . . нѣтъ . . . — отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Извините, мнѣ такъ показалось по вашему вопросу. Я былъ когда-то опекуномъ его . . . очень милый молодой человѣкъ . . . и слѣдящій . . . Я же радъ встрѣчать молодежь: по ней узнаешь, что новаго. — Петръ Петровичъ съ надеждой оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ.

— Это въ какомъ отношеніи? — спросилъ Разумихинъ.

— Въ самомъ серьезномъ, такъ сказать, въ самой сущности дѣла, — подхватилъ Петръ Петровичъ, какъ бы обрадовавшись вопросу. — Я, видите ли, уже десять лѣтъ не посѣщалъ Петербурга. Всѣ эти наши новости, реформы, идеи, все это и до насъ прикоснулось въ провинціи; но чтобы ви-

дѣть яснѣе и видѣть все, надобно быть въ Петербургѣ. Ну-съ, а моя мысль именно такова, что всего больше замѣтишь и узнаешь, наблюдая молодыя поколѣнія наши. И признаюсь: порадовался...

— Чему именно?

— Вопросъ вашъ обширенъ. Могу ошибаться, но, кажется мнѣ, нахожу болѣе ясный взглядъ, болѣе, такъ сказать, критики; болѣе дѣловитости...

— Это правда, — процѣдилъ Зосимовъ.

— Врешь ты, дѣловитости нѣтъ, — вцѣпился Разумихинъ. — Дѣловитость пріобрѣтается трудно, а съ неба даромъ не слетаетъ. А мы чуть не двѣсти лѣтъ, какъ отъ всякаго дѣла отучены... Идеи-то, пожалуй, и бродятъ, — обратился онъ къ Петру Петровичу, — желаніе добра есть, хоть и дѣтское; и честность даже найдется, несмотря на то, что тутъ видимо-невидимо привалило мошенниковъ, а дѣловитости все-таки нѣтъ! Дѣловитость въ сапогахъ ходитъ.

— Не соглашусь съ вами, — съ видимымъ наслажденіемъ возразилъ Петръ Петровичъ, — конечно, есть увлеченія, неправильности, но надо быть и снисходительнымъ; увлеченія свидѣтельствуютъ о горячности къ дѣлу и о той неправильной внѣшней обстановкѣ, въ которой находится дѣло. Если же сдѣлано мало, то вѣдь и времени было немного. О средствахъ и не говорю. По-моему же личному взгляду, если хотите, даже нѣчто и сдѣлано: распространены новыя, полезныя мысли, распространены нѣкоторыя новыя, полезныя сочиненія, вмѣсто прежнихъ мечтательныхъ и романическихъ; литература принимаетъ болѣе зрѣлый оттѣнокъ; искоренено и осмѣяно много вредныхъ предубѣжденій... Однимъ словомъ, мы безвозвратно отрѣза-

ли себя отъ прошедшаго, а это, по-моему, ужъ дѣло-съ . . .

— Затвердилъ! Рекомендуется, — произнесъ вдругъ Раскольниковъ.

— Что-съ? — спросилъ Петръ Петровичъ, не разслышавъ, но не получилъ отвѣта.

— Это все справедливо, — поспѣшилъ вставить Зосимовъ.

— Не правда ли-съ? — продолжалъ Петръ Петровичъ, пріятно взглянувъ на Зосимова. — Согласитесь сами, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Разумихину, но уже съ оттѣнкомъ нѣкотораго торжества и превосходства и чуть было не прибавилъ: «молодой человѣкъ», — что есть преуспѣяніе, или, какъ говорятъ, прогрессъ, хотя бы во имя науки и экономической правды . . .

— Общее мѣсто!

— Нѣтъ, не общее мѣсто-съ! Если мнѣ, напримѣръ, до сихъ поръ говорили: «возлюби» и я возлюбилъ, то что̀ изъ того выходило? — продолжалъ Петръ Петровичъ, можетъ быть, съ излишнею поспѣшностью, — выходило то, что я рвалъ кафтанъ пополамъ, дѣлился съ ближнимъ, и оба мы оставались на половину голы, по русской пословицѣ: «Пойдешь за нѣсколькими зайцами разомъ и ни одного не достигнешь». Наука же говоритъ: возлюби, прежде всѣхъ, одного себя, ибо все на свѣтѣ на личномъ интересѣ основано. Возлюбишь одного себя, то и дѣла свои обдѣлаешь, какъ слѣдуетъ, и кафтанъ твой останется цѣлъ. Экономическая же правда прибавляетъ, что чѣмъ болѣе въ обществѣ устроенныхъ частныхъ дѣлъ и, такъ сказать, цѣлыхъ кафтановъ, тѣмъ болѣе для него твердыхъ основаній, и тѣмъ болѣе устраивается въ немъ

и общее дѣло. Стало быть, пріобрѣтая единственно и исключительно себѣ, я именно тѣмъ самымъ пріобрѣтаю какъ бы и всѣмъ и веду къ тому, чтобы ближній получилъ нѣсколько болѣе рваного кафтана, и уже не отъ частныхъ, единичныхъ щедротъ, а вслѣдствіе всеобщаго преуспѣянія. Мысль простая, но, къ несчастью, слишкомъ долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью, а, казалось бы, немного надо остроумія, чтобы догадаться . . .

— Извините, я тоже неостроуменъ, — рѣзко перебилъ Разумихинъ,—а потому перестанемте. Я вѣдь и заговорилъ съ цѣлью, а то мнѣ вся эта болтовня-себятѣшеніе, всѣ эти неумолчныя, безпрерывныя общія мѣста и все то же да все то же до того въ три года опротивѣли, что ей Богу краснѣю, когда и другіе-то, не то что я, при мнѣ заговорятъ. Вы, разумѣется, спѣшили отрекомендоваться въ своихъ познаніяхъ, это очень простительно, и я не осуждаю. Я же хотѣлъ только узнать теперь, кто вы такой; потому что, видите ли, къ общему-то дѣлу въ послѣднее время прицѣпилось столько разныхъ промышленниковъ, и до того исказили они все, къ чему ни прикоснулись, въ свой интересъ, что рѣшительно все дѣло испакостили. Ну-съ, и довольно!

— Милостивый государь, — началъ было г. Лужинъ, коробясь съ чрезвычайнымъ достоинствомъ, — не хотите ли вы, столь безцеремонно, изъяснить, что и я . . .

— О, помилуйте, помилуйте . . . Могъ ли я! . . Ну-съ, и довольно! — отрѣзалъ Разумихинъ и круто повернулся съ продолженіемъ давешняго разговора къ Зосимову.

Петръ Петровичъ оказался настолько уменъ, чтобы тотчасъ же объясненію повѣрить. Онъ, впрочемъ, рѣшилъ черезъ двѣ минуты уйти.

— Надѣюсь, что начатое теперь знакомство наше, — обратился онъ къ Раскольникову, — послѣ вашего выздоровленія, и въ виду извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ, укрѣпится еще болѣе... Особенно же желаю вамъ здоровья...

Раскольниковъ даже головы не повернулъ. Петръ Петровичъ началъ вставать со стула.

— Убилъ непремѣнно закладчикъ! — утвердительно говорилъ Зосимовъ.

— Непремѣнно закладчикъ! — поддакнулъ Разумихинъ. — Порфирій своихъ мыслей не выдаетъ, а закладчиковъ все-таки допрашиваетъ...

— Закладчиковъ допрашиваетъ? — громко спросилъ Раскольниковъ

— Да, а что?

— Ничего.

— Откуда онъ ихъ беретъ? — спросилъ Зосимовъ.

— Иныхъ Кохъ указалъ; другихъ имена были на обертках вещей записаны, а иные и сами пришли, какъ прослышали...

— Ну, ловкая же и опытная, должно быть, каналья! Какая смѣлость! Какая рѣшимость!

— Вотъ то-то и есть, что нѣтъ! — прервалъ Разумихинъ. — Это-то васъ всѣхъ и сбиваетъ съ пути. А я говорю — неловкій, неопытный, и, навѣрно, это былъ первый шагъ! Предположи расчетъ и ловкую каналью, и выйдетъ невѣроятно. Предположи же неопытнаго, и выйдетъ, что одинъ только случай его изъ бѣды и вынесъ, а случай чего не дѣлаетъ? Помилуй, да онъ и препятствій-то, можетъ

быть, не предвидѣлъ! А какъ дѣло ведетъ? — беретъ десяти, двадцати-рублевыя вещи, набиваетъ ими карманъ, роется въ бабьей укладкѣ, въ тряпьѣ, — а въ комодѣ, въ верхнемъ ящикѣ, въ шкатулкѣ, однѣхъ чистыхъ денегъ на полторы тысячи нашли, кромѣ билетовъ! И ограбить-то не умѣлъ, только и сумѣлъ, что убить! Первый шагъ, говорю тебѣ, первый шагъ; потерялся! И не расчетомъ, а случаемъ вывернулся!

— Это, кажется, о недавнемъ убійствѣ старухи-чиновницы, — вмѣшался, обращаясь къ Зосимову, Петръ Петровичъ, уже стоя со шляпой въ рукѣ и перчатками, но передъ уходомъ пожелавъ бросить еще нѣсколько умныхъ словъ. Онъ, видимо, хлопоталъ о выгодномъ впечатлѣніи, и тщеславіе перебороло благоразуміе.

— Да. Вы слышали?

— Какъ же-съ, въ сосѣдствѣ..

— Въ подробности знаете?

— Не могу сказать; но меня интересуетъ при этомъ другое обстоятельство, такъ сказать, цѣлый вопросъ. Не говорю уже о томъ, что преступленія въ низшемъ классѣ, въ послѣднія пять лѣтъ, увеличились; не говорю о повсемѣстныхъ и безпрерывныхъ грабежахъ и пожарахъ; страннѣе всего то для меня, что преступленія и въ высшихъ классахъ такимъ же образомъ увеличиваются и, такъ сказать, параллельно. Тамъ, слышно, бывшій студентъ на большой дорогѣ почту разбилъ; тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди — фальшивыя бумажки дѣлаютъ; тамъ, въ Москвѣ, ловятъ цѣлую компанію поддѣлывателей билетовъ послѣдняго займа съ лотереей, — и въ главныхъ участникахъ одинъ лекторъ

всемірной исторіи; тамъ убиваютъ нашего секретаря за границей, по причинѣ денежной и загадочной... И если теперь эта старуха-процентщица убита однимъ изъ общества болѣе высшаго, ибо мужики не закладываютъ золотыхъ вещей, то чѣмъ же объяснить эту съ одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества?

— Перемѣнъ экономическихъ много...—отозвался Зосимовъ.

— Чѣмъ объяснить? — прицѣпился Разумихинъ. — А вотъ именно закоренѣлою слишкомъ недѣловитостью и можно бы объяснить.

— То есть, какъ это-съ?

— А что̀ отвѣчалъ въ Москвѣ вотъ лекторъ-то вашъ на вопросъ, зачѣмъ онъ билеты поддѣлывалъ: «Всѣ богатѣютъ разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть». Точныхъ словъ не помню, но смыслъ, что на даровщинку, поскорѣй, безъ труда! На всемъ готовомъ привыкли жить, на чужихъ помочахъ ходить, жеванное ѣсть. Ну, а пробилъ часъ великій, тутъ всякъ и объявился, чѣмъ смотритъ...

— Но, однакоже, нравственность? И, такъ сказать, правила...

— Да о чемъ вы хлопочете? — неожиданно вмѣшался Раскольниковъ. — По вашей же вышло теоріи!

— Какъ такъ по моей теоріи?

— А доведите до послѣдствій, что вы давеча проповѣдывали, и выйдетъ, что людей можно рѣзать...

— Помилуйте! — вскричалъ Лужинъ.

— Нѣтъ, это не такъ! — отозвался Зосимовъ.

Раскольниковъ лежалъ блѣдный, съ вздрагивающею верхнею губой и трудно дышалъ.

— На все есть мѣра, — высокомѣрно продолжалъ Лужинъ, — экономическая идея еще не есть приглашеніе къ убійству, и если только предположить . . .

— А правда ль, что вы, — перебилъ вдругъ опять Раскольниковъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ, въ которомъ слышалась какая-то радость обиды, — правда ль, что вы сказали вашей невѣстѣ . . . въ тотъ самый часъ, какъ отъ нея согласіе получили, что всего больше рады тому . . . что она нищая . . . потому что выгоднѣе брать жену изъ нищеты, чтобъ потомъ надъ ней властвовать . . . и попрекать тѣмъ, что она вами облагодѣтельствована? . .

— Милостивый государь! — злобно и раздражительно вскричалъ Лужинъ, весь вспыхнувъ и смѣшавшись, — милостивый государь . . . такъ исказить мысль! Извините меня, но я долженъ вамъ высказать, что слухи, до васъ дошедшіе, или лучше сказать, до васъ доведенные, не имѣютъ и тѣни здраваго основанія, и я . . . подозрѣваю кто . . . однимъ словомъ . . . эта стрѣла . . . однимъ словомъ, ваша мамаша . . . Она и безъ того показалась мнѣ, при всѣхъ, впрочемъ, своихъ превосходныхъ качествахъ, нѣсколько восторженнаго и романическаго оттѣнка въ мысляхъ . . . Но я все-таки былъ въ тысячѣ верстахъ отъ предположенія, что она въ такомъ извращенномъ фантазіей видѣ могла понять и представить дѣло . . . И наконецъ . . . наконецъ . . .

— А знаете что̀? — вскричалъ Раскольниковъ, приподнимаясь на подушкѣ и смотря на него въ упоръ пронзительнымъ, сверкающимъ взглядомъ,— знаете что̀?

— А что̀-съ? — Лужинъ остановился и ждалъ съ обиженнымъ и вызывающимъ видомъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— А то, что если вы еще разъ . . . осмѣлитесь упомянуть хоть одно слово . . . о моей матери . . . то я васъ съ лѣстницы кувыркомъ спущу!

— Что̀ съ тобой! — крикнулъ Разумихинъ.

— А, такъ вотъ оно что-съ! — Лужинъ поблѣднѣлъ и закусилъ губу. — Слушайте, сударь, меня, — началъ онъ съ разстановкой и сдерживая себя всѣми силами, но все-таки задыхаясь, — я еще давеча, съ перваго шагу, разгадалъ вашу непріязнь, но нарочно оставался здѣсь, чтобъ узнать еще болѣе. Многое я бы могъ простить больному и родственнику, но теперь . . . вамъ . . . никогда-съ . . .

— Я не боленъ! — вскричалъ Раскольниковъ.

— Тѣмъ паче-съ . . .

— Убирайтесь къ черту!

Но Лужинъ уже выходилъ самъ, не докончивъ рѣчи, пролѣзая снова между столомъ и стуломъ; Разумихинъ на этотъ разъ всталъ, чтобы пропустить его. Не глядя ни на кого и даже не кивнувъ головой Зосимову, который давно уже кивалъ ему, чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ больного, Лужинъ вышелъ, приподнявъ изъ осторожности рядомъ съ плечомъ свою шляпу, когда, принагнувшись, проходилъ въ дверь. И даже въ изгибѣ спины его какъ бы выражалось при этомъ случаѣ, что онъ уноситъ съ собой ужасное оскорбленіе.

— Можно ли, можно ли такъ? — говорилъ озадаченный Разумихинъ, качая головой.

— Оставьте, оставьте меня всѣ! — въ изступленіи вскричалъ Раскольниковъ. — Да оставите

ли вы меня наконецъ, мучители! Я васъ не боюсь! Я никого, никого теперь не боюсь! Прочь отъ меня! Я одинъ хочу быть, одинъ, одинъ, одинъ!

— Пойдемъ! — сказалъ Зосимовъ, кивнувъ Разумихину.

— Помилуй, да развѣ можно его такъ оставлять.

— Пойдемъ! — настойчиво повторилъ Зосимовъ и вышелъ. Разумихинъ подумалъ и побѣжалъ догонять его.

— Хуже могло быть, если бы мы его не послушались, — сказалъ Зосимовъ, уже на лѣстницѣ. — Раздражать невозможно...

— Что̀ съ нимъ?

— Если бы только толчокъ ему какой-нибудь благопріятный, вотъ бы чего! Давеча онъ былъ въ силахъ... Знаешь, у него что-то есть на умѣ! Что-то неподвижное, тяготящее... Этого я очень боюсь; непремѣнно!

— Да вотъ этотъ господинъ, можетъ быть, Петръ-то Петровичъ! По разговору видно, что онъ женится на его сестрѣ, и что Родя объ этомъ, передъ самой болѣзнью, письмо получилъ...

— Да; чертъ его принесъ теперь; можетъ быть, разстроилъ все дѣло. А замѣтилъ ты, что онъ ко всему равнодушенъ, на все отмалчивается, кромѣ одного пункта, отъ котораго изъ себя выходитъ: это убійство...

— Да, да! — подхватилъ Разумихинъ, — очень замѣтилъ! Интересуется, пугается. Это его въ самый день болѣзни напугали, въ конторѣ у надзирателя; въ обморокъ упалъ.

— Ты мнѣ это раскажи подробнѣе вечеромъ, а я тебѣ кое-что потомъ скажу. Интересуетъ онъ

меня, очень! Черезъ полчаса зайду навѣдаться... Воспаленія, впрочемъ, не будетъ...

— Спасибо тебѣ! А я у Пашеньки тѣмъ временемъ подожду и буду наблюдать черезъ Настасью...

Раскольниковъ, оставшись одинъ, съ нетерпѣніемъ и тоской поглядѣлъ на Настасью; но та еще медлила уходить.

— Чаю-то теперь выпьешь? — спросила она.

— Послѣ! Я спать хочу! Оставь меня...

Онъ судорожно отвернулся къ стѣнѣ; Настасья вышла.

VI.

Но только что она вышла, онъ всталъ, заложилъ крючкомъ дверь, развязалъ принесенный давеча Разумихинымъ и имъ же снова завязанный узелъ съ платьемъ и сталъ одѣваться. Странное дѣло: казалось, онъ вдругъ сталъ совершенно спокоенъ; не было ни полоумнаго бреду, какъ давеча, ни паническаго страху, какъ во все послѣднее время. Это была первая минута какого-то страннаго внезапнаго спокойствія. Движенія его были точны и ясны, въ нихъ проглядывало твердое намѣреніе. «Сегодня же, сегодня же!..» — бормоталъ онъ про себя. Онъ понималъ, однако, что еще слабъ, но сильнѣйшее душевное напряженіе, дошедшее до спокойствія, до неподвижной идеи, придавало ему силъ и самоувѣренности; онъ, впрочемъ, надѣялся, что не упадетъ на улицѣ. Одѣвшись совсѣмъ во все новое, онъ взглянулъ на деньги, лежавшія на столѣ, подумалъ и положилъ ихъ въ карманъ. Денегъ было двадцать пять рублей. Взялъ тоже и всѣ мѣдные пятаки, сдачу съ десяти рублей, истраченныхъ Разумихинымъ на платье.

Затѣмъ тихо снялъ крючокъ, вышелъ изъ комнаты, спустился по лѣстницѣ и заглянулъ въ отворенную настежь кухню: Настасья стояла къ нему задомъ и нагнувшись раздувала хозяйкинъ самоваръ. Она ничего не слыхала. Да и кто могъ предположить, что онъ уйдетъ? Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ.

Было часовъ восемь, солнце заходило. Духота стояла прежняя, но съ жадностью дохнулъ онъ этого вонючаго, пыльнаго, зараженнаго городомъ воздуха. Голова его слегка было начала кружиться; какая-то дикая энергія заблистала вдругъ въ его воспаленныхъ глазахъ и въ его исхудаломъ блѣдно-желтомъ лицѣ. Онъ не зналъ, да и не думалъ о томъ, куда идти; онъ зналъ одно: «что все *это* надо кончить сегодня же, за одинъ разъ, сейчасъ же; что домой онъ иначе не воротится, потому что *не хочетъ такъ жить*». Какъ кончить? Чѣмъ кончить? Объ этомъ онъ не имѣлъ и понятія, да и думать не хотѣлъ. Онъ отгонялъ мысль: мысль терзала его. Онъ только чувствовалъ и зналъ, что надо, чтобы все перемѣнилось, такъ или этакъ, «хоть какъ бы то ни было», повторялъ онъ съ отчаянною, неподвижною самоувѣренностью и рѣшимостью.

По старой привычкѣ, обыкновеннымъ путемъ своихъ прежнихъ прогулокъ, онъ прямо направился на Сѣнную. Не доходя Сѣнной, на мостовой, передъ мелочною лавкой, стоялъ молодой, черноволосый шарманщикъ и вертѣлъ какой-то весьма чувствительный романсъ. Онъ аккомпанировалъ стоявшей впереди его на тротуарѣ дѣвушкѣ, лѣтъ пятнадцати, одѣтой какъ барышня, въ кринолинѣ, въ мантилькѣ, въ перчаткахъ и въ соломенной

шляпкѣ съ огненнаго цвѣта перомъ; все это было старое и истасканное. Уличнымъ, дребезжащимъ, но довольно пріятнымъ и сильнымъ голосомъ она выпѣвала романсъ, въ ожиданіи двухкопеечника изъ лавочки. Раскольниковъ пріостановился рядомъ съ двумя-тремя слушателями, послушалъ, вынулъ пятакъ и положилъ въ руку дѣвушкѣ. Та вдругъ пресѣкла пѣніе на самой чувствительной и высокой ноткѣ, точно отрѣзала, рѣзко крикнула шарманщику: «будетъ!» и оба поплелись дальше, къ слѣдующей лавочкѣ.

— Любите вы уличное пѣніе? — обратился вдругъ Раскольниковъ къ одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядомъ съ нимъ у шарманки и имѣвшему видъ фланера. Тотъ дико посмотрѣлъ и удивился. — Я люблю, — продолжалъ Раскольниковъ, но съ такимъ видомъ, какъ будто вовсе не объ уличномъ пѣніи говорилъ, — я люблю, какъ поютъ подъ шарманку въ холодный, темный и сырой осенній вечеръ, непремѣнно въ сырой, когда у всѣхъ прохожихъ блѣдно-зеленыя и больныя лица; или, еще лучше, когда снѣгъ мокрый падаетъ, совсѣмъ прямо, безъ вѣтру, знаете? а сквозь него фонари съ газомъ блистаютъ . . .

— Не знаю-съ . . . Извините . . . — пробормоталъ господинъ, испуганный и вопросомъ, и страннымъ видомъ Раскольникова, и перешелъ на другую сторону улицы.

Раскольниковъ пошелъ прямо и вышелъ къ тому углу на Сѣнной, гдѣ торговали мѣщанинъ и баба, разговаривавшіе тогда съ Лизаветой; но ихъ теперь не было. Узнавъ мѣсто, онъ остановился, оглядѣлся и оборотился къ молодому парню, въ красной рубахѣ, зѣвавшему у входа въ мучной лабазъ.

— Это мѣщанинъ, вѣдь, торгуетъ тутъ на углу, съ бабой, съ женой, а?

— Всякіе торгуютъ, — отвѣчалъ парень, свысока обмѣривая Раскольникова

— Какъ его зовутъ?

— Какъ крестили, такъ и зовутъ.

— Ужъ и ты не зарайскій ли? Которой губерніи?

Парень снова посмотрѣлъ на Раскольникова.

— У насъ, ваше сіятельство, не губернія, а уѣздъ, а ѣздилъ-то братъ, а я все дома сидѣлъ, такъ и не знаю-съ . . . Ужъ простите, ваше сіятельство, великодушно.

— Это харчевня, наверху-то?

— Это трахтиръ, и бильярдъ имѣется; и прынцессы найдутся . . . Люли!

Раскольниковъ перешелъ черезъ площадь. Тамъ, на углу, стояла густая толпа народа, все мужиковъ. Онъ залѣзъ въ самую густоту, заглядывая въ лица. Его почему-то тянуло со всѣми заговаривать. Но мужики не обращали вниманія на него, и всѣ что-то галдѣли про себя, сбиваясь кучками. Онъ постоялъ, подумалъ и пошелъ направо, тротуаромъ, по направленію къ В — му. Миновавъ площадь, онъ попалъ въ переулокъ . . .

Онъ и прежде проходилъ часто этимъ коротенькимъ переулкомъ, дѣлающимъ колѣно и ведущимъ съ площади въ Садовую. Въ послѣднее время его даже тянуло шляться по всѣмъ этимъ мѣстамъ, когда тошно становилось, «чтобъ еще тошнѣй было». Теперь же онъ вошелъ ни о чемъ не думая. Тутъ есть большой домъ, весь подъ распивочными и прочими съѣстно-выпивательными заведеніями: изъ нихъ поминутно выбѣгали женщины, одѣтыя,

какъ ходятъ «по сосѣдству» — простоволосыя и въ однихъ платьяхъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ онѣ толпились на тротуарѣ группами, преимущественно у сходовъ въ нижній этажъ, куда, по двумъ ступенькамъ, можно было спускаться въ разныя весьма увеселительныя заведенія. Въ одномъ изъ нихъ въ эту минуту шелъ стукъ и гамъ на всю улицу, тренькала гитара, пѣли пѣсни, и было очень весело. Большая группа женщинъ толпилась у входа; иныя сидѣли на ступенькахъ, другія на тротуарѣ, третьи стояли и разговаривали. Подлѣ, на мостовой, шлялся, громко ругаясь, пьяный солдатъ съ папироской и, казалось, куда-то хотѣлъ войти, но какъ будто забылъ куда. Одинъ оборванецъ ругался съ другимъ оборванцемъ, и какой-то мертво-пьяный валялся поперекъ улицы. Раскольниковъ остановился у большой группы женщинъ. Онѣ разговаривали сиплыми голосами; всѣ были въ ситцевыхъ платьяхъ, въ козловыхъ башмакахъ и простоволосыя. Инымъ было лѣтъ за сорокъ, но были и лѣтъ по семнадцати, почти всѣ съ глазами подбитыми.

Его почему-то занимало пѣнье и весь этотъ стукъ и гамъ, тамъ, внизу... Оттуда слышно было, какъ среди хохота и взвизговъ, подъ тоненькую фистулу разудалаго напѣва и подъ гитару кто-то отчаянно отплясывалъ, выбивая тактъ каблуками. Онъ пристально, мрачно и задумчиво слушалъ, нагнувшись у входа и любопытно заглядывая съ тротуара въ сѣни.

„Ты мой бутошникъ прикрасной,
„Ты не бей меня напрасно!“ —

разливался тоненькій голосъ пѣвца. Раскольникову ужасно захотѣлось разслушать, что поютъ, точно въ этомъ и было все дѣло.

«Не зайти ли?» подумалъ онъ: «Хохочутъ! Спьяну. А что жъ, не напиться ли пьянымъ?»

— Не зайдете, милый баринъ? — спросила одна изъ женщинъ, довольно звонкимъ и не совсѣмъ еще осипшимъ голосомъ. Она была молода и даже не отвратительна — одна изъ всей группы.

— Вишь, хорошенькая! — отвѣчалъ онъ, приподнявшись и поглядѣвъ на нее.

Она улыбнулась; комплиментъ ей очень понравился.

— Вы и сами прехорошенькіе, — сказала она.

— Какіе худые! — замѣтила басомъ другая, — изъ больницы, что ль, выписались?

— Кажись и генеральскія дочки, а носы все курносые! — перебилъ вдругъ подошедшій мужикъ, навеселѣ, въ армякѣ нараспашку и съ хитро-смѣющеюся харей. — Вишь веселье.

— Проходи, коль пришелъ!

— Пройду! Сласть!

И онъ кувыркнулся внизъ.

Раскольниковъ тронулся дальше.

— Послушайте, баринъ! — крикнула вслѣдъ дѣвица.

— Что?

Она сконфузилась.

— Я, милый баринъ, всегда съ вами рада буду часы раздѣлить, а теперь вотъ какъ-то совѣсти при васъ не соберу. Подарите мнѣ, пріятный кавалеръ, шесть копеекъ на выпивку!

Раскольниковъ вынулъ, сколько вынулось: три пятака.

— Ахъ, какой добрѣющій баринъ!

— Какъ тебя зовутъ?

— А Дуклиду спросите.

— Нѣтъ ужъ, это что же, — вдругъ замѣтила одна изъ группы, качая головой на Дуклиду. — Это ужъ я и не знаю, какъ это такъ просить! Я бы, кажется, отъ одной только совѣсти провалилась . . .

Раскольниковъ любопытно поглядѣлъ на говорившую. Это была рябая дѣвка, лѣтъ тридцати, вся въ синякахъ, съ припухшею верхнею губой. Говорила и осуждала она спокойно и серьезно.

«Гдѣ это», подумалъ Раскольниковъ, идя далѣе, «гдѣ это я читалъ, какъ одинъ приговоренный къ смерти, за часъ до смерти, говоритъ или думаетъ, что если бы пришлось ему жить гдѣ-нибудь на высотѣ, на скалѣ, и на такой узенькой площадкѣ, чтобы только двѣ ноги можно было поставить, — а кругомъ будутъ пропасти, океанъ, вѣчный мракъ, вѣчное уединеніе и вѣчная буря, — и оставаться такъ, стоя на аршинѣ пространства, всю жизнь, тысячу лѣтъ, вѣчность, — то лучше такъ жить, чѣмъ сейчасъ умирать! Только бы жить, жить и жить! Какъ бы ни жить, — только жить! . . Экая правда! Господи, какая правда! Подлецъ человѣкъ! . . . И подлецъ тотъ, кто его за это подлецомъ называетъ», — прибавилъ онъ черезъ минуту.

Онъ вышелъ въ другую улицу: «Ба! Хрустальный дворецъ!» Давеча Разумихинъ говорилъ про «Хрустальный дворецъ»! Только, чего-бишь я хотѣлъ-то? Да, прочесть! . . Зосимовъ говорилъ, что въ газетахъ читалъ» . . .

— Газеты есть? — спросилъ онъ, входя въ весьма просторное и даже опрятное трактирное заведеніе о нѣсколькихъ комнатахъ, впрочемъ, довольно пустыхъ. Два-три посѣтителя пили чай, да въ

одной дальней комнатѣ сидѣла группа, человѣка въ четыре, и пили шампанское. Раскольникову показалось, что между ними Заметовъ. Впрочемъ, издали нельзя было хорошо разсмотрѣть.

«А пусть!» подмалъ онъ.

— Водки прикажете-съ? — спросилъ половой.

— Чаю подай. Да принеси ты мнѣ газетъ, старыхъ, этакъ дней за пять сряду, а я тебѣ на водку дамъ.

— Слушаю-съ. Вотъ сегодняшнія-съ. И водки прикажете-съ?

Старыя газеты и чай явились. Раскольниковъ усѣлся и сталъ отыскивать: «Излеръ — Излеръ — Ацтеки — Ацтеки — Излеръ — Бартола — Массимо — Ацтеки — Излеръ . . . фу, чертъ! а, вотъ отмѣтки: провалилась съ лѣстницы — мѣщанинъ сгорѣлъ съ вина — пожаръ на Пескахъ — пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — еще пожаръ на Петербургской — Излеръ — Излеръ — Излеръ — Излеръ — Массимо . . . А, вотъ» . . .

Онъ отыскалъ, наконецъ, то, чего добивался, и сталъ читать: строки прыгали въ его глазахъ, онъ, однакожъ, дочелъ все «извѣстіе», и жадно принялся отыскивать въ слѣдующихъ нумерахъ позднѣйшія прибавленія. Руки его дрожали, перебирая листы, отъ судорожнаго нетерпѣнія. Вдругъ кто-то сѣлъ подлѣ него, за его столомъ. Онъ заглянулъ — Заметовъ, тотъ же самый Заметовъ и въ томъ же видѣ, съ перстнями, съ цѣпочками, съ проборомъ въ черныхъ, вьющихся и напомаженныхъ волосахъ, въ щегольскомъ жилетѣ и въ нѣсколько потертомъ сюртукѣ и несвѣжемъ бѣльѣ. Онъ былъ веселъ, по крайней мѣрѣ, очень весело и добродушно улыбал-

ся. Смуглое лицо его немного разгорѣлось отъ выпитаго шампанскаго.

— Какъ! Вы здѣсь? — началъ онъ съ недоумѣніемъ и такимъ тономъ, какъ бы вѣкъ былъ знакомъ; — а мнѣ вчера еще говорилъ Разумихинъ, что вы все не въ памяти. Вотъ странно! А вѣдь я былъ у васъ...

Раскольниковъ зналъ, что онъ подойдетъ. Онъ отложилъ газеты и поворотился къ Заметову. На его губахъ была усмѣшка, и какое-то новое раздражительное нетерпѣніе проглядывало въ этой усмѣшкѣ.

— Это я знаю, что вы были, — отвѣчалъ онъ, — слышалъ-съ. Носокъ отыскивали... А знаете, Разумихинъ отъ васъ безъ ума, говоритъ, что вы съ нимъ къ Лавизѣ Ивановнѣ ходили, вотъ про которую вы старались-то тогда, поручику-то Пороху мигали, а онъ все не понималъ, помните? Ужъ какъ бы, кажется, не понять — дѣло ясное... а?

— А ужъ какой онъ буянъ!

— Порохъ-то?

— Нѣтъ, пріятель вашъ, Разумихинъ...

— А хорошо вамъ жить, господинъ Заметовъ; въ пріятнѣйшія мѣста входъ безпошлинный! Кто это васъ сейчасъ шампанскимъ-то наливалъ?

— А это мы... выпили... Ужъ и наливалъ?!

— Гонорарій! Всѣмъ пользуетесь! — Раскольниковъ засмѣялся. — Ничего, добрѣющій мальчикъ, ничего! — прибавилъ онъ, стукнувъ Заметова по плечу, — я вѣдь не на̀ зло, «а по всей то-есь любови, играючи», говорю, вотъ какъ работникъ-то вашъ говорилъ, когда онъ Митьку тузилъ, вотъ, по старухиному-то дѣлу.

— А вы почемъ знаете?

— Да я, можетъ, больше вашего знаю.

— Что-й-то какой вы странный . . . Вѣрно еще очень больны. Напрасно вышли . . .

— А я вамъ страннымъ кажусь?

— Да. Что это вы газеты читаете?

— Газеты.

— Много про пожары пишутъ.

— Нѣтъ, я не про пожары. — Тутъ онъ загадочно посмотрѣлъ на Заметова; насмѣшливая улыбка опять искривила его губы. — Нѣтъ, я не про пожары, — продолжалъ онъ, подмигивая Заметову. — А сознайтесь, милый юноша, что вамъ ужасно хочется знать, про что я читалъ?

— Вовсе не хочется; я такъ спросилъ. Развѣ нельзя спросить? Что вы все . . .

— Послушайте, вы человѣкъ образованный, литературный, а?

— Я изъ шестого класса гимназіи, — отвѣчалъ Заметовъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

— Изъ шестого! Ахъ ты, мой воробушекъ! Съ проборомъ, въ перстняхъ — богатый человѣкъ! Фу, какой миленькій мальчикъ! — Тутъ Раскольниковъ залился нервнымъ смѣхомъ, прямо въ лицо Заметову. Тотъ отшатнулся, и не то чтобъ обидѣлся, а ужъ очень удивился.

— Фу, какой странный! — повторилъ Заметовъ очень серьезно. — Мнѣ сдается, что вы все еще бредите.

— Брежу? Врешь, воробушекъ! . . Такъ я страненъ? Ну, а любопытенъ я вамъ, а? Любопытенъ?

— Любопытенъ.

— Такъ сказать, про что̀ я читалъ, что̀ разы-

скивалъ? Ишь вѣдь сколько нумеровъ велѣлъ натащить! Подозрительно, а?

— Ну, скажите.

— Ушки на макушкѣ?

— Какая еще тамъ макушка?

— Послѣ скажу, какая макушка, а теперь, мой милѣйшій, объявляю вамъ... нѣтъ, лучше: «сознаюсь»... Нѣтъ, и это не то: «показаніе даю, а вы снимаете» — вотъ какъ! Такъ даю показаніе, что читалъ, интересовался, отыскивалъ... разыскивалъ, — Раскольниковъ прищурилъ глаза и выждалъ, — разыскивалъ, и для того и зашелъ сюда, — объ убійствѣ старухи-чиновницы, — произнесъ онъ, наконецъ, почти шепотомъ, чрезвычайно приблизивъ свое лицо къ лицу Заметова. Заметовъ смотрѣлъ на него прямо въ упоръ, не шевелясь и не отодвигая своего лица отъ его лица. Страннѣе всего показалось потомъ Заметову, что ровно цѣлую минуту длилось у нихъ молчаніе и ровно цѣлую минуту они такъ другъ на друга глядѣли.

— Ну что жъ, что читали? — вскричалъ онъ вдругъ въ недоумѣніи и въ нетерпѣніи. — Мнѣ-то какое дѣло! Что жъ въ томъ?

— Это вотъ та самая старуха, — продолжалъ Раскольниковъ, тѣмъ же шепотомъ и не шевельнувшись отъ восклицанія Заметова, — та самая, про которую, помните, когда стали въ конторѣ разсказывать, а я въ обморокъ-то упалъ. Что, теперь понимаете?

— Да что такое? Что... «понимаете»? — произнесъ Заметовъ почти въ тревогѣ.

Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось въ одно мгновеніе, и вдругъ онъ залился опять тѣмъ же нервнымъ хохотомъ, какъ да-

веча, какъ будто самъ совершенно не въ силахъ былъ сдержать себя. И въ одинъ мигъ припомнилось ему до чрезвычаной ясности ощущенія одно недавнее мгновеніе, когда онъ стоялъ за дверью, съ топоромъ, запоръ прыгалъ, они за дверью ругались и ломились, а ему вдругъ захотѣлось закричать имъ, ругаться съ ними, высунуть имъ языкъ, дразнить ихъ, смѣяться, хохотать, хохотать, хохотать!

— Вы или сумасшедшій, или . . . — проговорилъ Заметовъ — и остановился, какъ будто вдругъ пораженный мыслью, внезапно промелькнувшею въ умѣ его.

— Или? Что «или»? Ну, что? Ну, скажите-ка!

— Ничего! — въ сердцахъ отвѣчалъ Заметовъ, — все вздоръ!

Оба замолчали. Послѣ внезапнаго, припадочнаго взрыва смѣха, Раскольниковъ сталъ вдругъ задумчивъ и грустенъ. Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Казалось, онъ совершенно забылъ про Заметова. Молчаніе длилось довольно долго.

— Что вы чай-то не пьете? Остынетъ, — сказалъ Заметовъ.

— А? Что? Чай? . . Пожалуй . . . — Раскольниковъ глотнулъ изъ стакана, положилъ въ ротъ кусочекъ хлѣба и вдругъ, посмотрѣвъ на Заметова, казалось, все припомнилъ и какъ будто встряхнулся; лицо его приняло въ ту же минуту первоначальное насмѣшливое выраженіе. Онъ продолжалъ пить чай.

— Нынче много этихъ мошенничествъ развелось, — сказалъ Заметовъ. — Вотъ недавно еще я читалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* что въ Мо-

сквѣ цѣлую шайку фальшивыхъ монетчиковъ изловили. Цѣлое общество было. Поддѣлывали билеты.

— О, это уже давно! Я еще мѣсяцъ назадъ читалъ, — отвѣчалъ спокойно Раскольниковъ. — Такъ это-то по-вашему мошенники? — прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

— Какъ же не мошенники?

— Это? Это дѣти, бланбеки, а не мошенники! Цѣлая полсотня людей для этой цѣли собирается! Развѣ это возможно? Тутъ и трехъ много будетъ, да и то чтобы другъ въ другѣ каждый пуще себя самого былъ увѣренъ! А стоитъ одному спьяну проболтаться и все прахомъ пошло! Бланбеки! Нанимаютъ ненадежныхъ людей размѣнивать билеты въ конторахъ: этакое-то дѣло да повѣрить первому встрѣчному? Ну, положимъ, удалось и съ бланбеками, положимъ, каждый себѣ по милліону намѣнялъ, ну, а потомъ? Всю-то жизнь? Каждый одинъ отъ другого зависитъ на всю свою жизнь! Да лучше удавиться! А они и размѣнять-то не умѣли: сталъ въ конторѣ мѣнять, получилъ пять тысячъ, и руки дрогнули. Четыре пересчиталъ, а пятую принялъ не считая, на вѣру, чтобы только въ карманъ, да убѣжать поскорѣе. Ну, и возбудилъ подозрѣніе. И лопнуло все изъ-за одного дурака! Да развѣ этакъ возможно?

— Что руки-то дрогнули? — подхватилъ Заметовъ, — нѣтъ, это возможно-съ. Нѣтъ, это я совершенно увѣренъ, что это возможно. Иной разъ не выдержишь.

— Этого-то?

— А вы, небось, выдержите? Нѣтъ, я бы не выдержалъ! За сто рублей награжденія идти на этакій ужасъ! Идти съ фальшивымъ билетомъ —

куда же! — въ банкирскую контору, гдѣ на этомъ собаку съѣли, — нѣтъ, я бы сконфузился. А вы не сконфузитесь?

Раскольникову ужасно вдругъ захотѣлось опять «языкъ высунуть». Ознобъ, минутами, проходилъ по спинѣ его.

— Я бы не такъ сдѣлалъ, — началъ онъ издалека. — Я бы вотъ какъ сталъ мѣнять: пересчиталъ бы первую тысячу, этакъ, раза четыре со всѣхъ концовъ, въ каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; началъ бы ее считать, досчиталъ бы до средины, да и вынулъ бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свѣтъ, да да переворотилъ бы ее и опять на свѣтъ, — не фальшивая ли? «Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей такимъ образомъ, намедни, потеряла»; и исторію бы тутъ разсказалъ. А какъ сталъ бы третью тысячу считать- - нѣтъ, позвольте: я, кажется, тамъ, во второй тысячѣ, седьмую сотню невѣрно сосчиталъ, сомнѣніе беретъ, да бросилъ бы третью, да опять за вторую, — да этакъ бы всѣ-то пять. А какъ кончилъ бы, изъ пятой да изъ второй вынулъ бы по кредиткѣ, да опять на свѣтъ, да опять сомнительно, «перемѣните, пожалуйста», — да до седьмого поту конторщика бы довелъ, такъ что онъ меня какъ и съ рукъ-то сбыть ужъ не зналъ бы! Кончилъ бы все, наконецъ, пошелъ, двери бы отворилъ — да, нѣтъ, извините, опять воротился, спросить о чемъ-нибудь, объясненіе какое-нибудь получить — вотъ я бы какъ сдѣлалъ!

— Фу, какія вы страшныя вещи говорите! — сказалъ, смѣясь, Заметовъ. — Только все это одинъ разговоръ, а на дѣлѣ, навѣрно, споткнулись

бы. Тутъ, я вамъ скажу, по-моему, не только намъ съ вами, даже натертому, отчаянному человѣку за себя поручиться нельзя. Да чего ходить — вотъ примѣръ: въ нашей-то части старуху-то убили. Вѣдь ужъ, кажется, отчаянная башка, среди бѣла дня на всѣ риски рискнулъ, однимъ чудомъ спасся, а руки-то все-таки дрогнули; обокрасть не сумѣлъ, не выдержалъ; по дѣлу видно . . .

Раскольниковъ какъ будто обидѣлся.

— Видно! А вотъ поймайте-ка его, подите, теперь! — вскрикнулъ онъ, злорадно подзадоривая Заметова.

— Что жъ, и поймаютъ.

— Кто? Вы? Вамъ поймать? Упрыгаетесь! вотъ вѣдь что у васъ главное: тратитъ ли человѣкъ деньги или нѣтъ? То денегъ не было, а тутъ вдругъ тратить начнетъ, — ну какъ же не онъ? Такъ васъ вотъ этакій ребенокъ надуетъ на этомъ, коли захочетъ!

— То-то и есть, что они всѣ такъ дѣлаютъ, — отвѣчалъ Заметовъ, — убьетъ-то хитро, жизнь отваживаетъ, а потомъ тотчасъ въ кабакѣ и попался. На тратѣ-то ихъ и ловятъ. Не все же такіе, какъ вы, хитрецы. Вы бы въ кабакъ не пошли, разумѣется?

Раскольниковъ нахмурилъ брови и пристально посмотрѣлъ на Заметова.

— Вы, кажется, разлакомились и хотите узнать, какъ бы я и тутъ поступилъ? — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Хотѣлось бы, — твердо и серьезно отвѣтилъ тотъ. Слишкомъ что-то серьезно сталъ онъ говорить и смотрѣть.

— Очень?

— Очень.

— Хорошо. Я вотъ бы какъ поступилъ, — началъ Раскольниковъ, опять вдругъ приближая свое лицо къ лицу Заметова, опять въ упоръ смотря на него и говоря опять шепотомъ, такъ что тотъ даже вздрогнулъ на этотъ разъ. — Я бы вотъ какъ сдѣлалъ: я бы взялъ деньги и вещи и какъ ушелъ бы оттуда, тотчасъ, не заходя никуда, пошелъ бы куда-нибудь, гдѣ мѣсто глухое и только заборы одни, и почти нѣтъ никого, — огородъ какой-нибудь, или въ этомъ родѣ. Наглядѣлъ бы я тамъ еще прежде, на этомъ дворѣ, какой-нибудь такой камень, этакъ въ пудъ или полтора вѣсу, гдѣ-нибудь въ углу, у забора, что съ построенія дома, можетъ, лежитъ; приподнялъ бы этотъ камень — подъ нимъ должна ямка быть, — да въ ямку-то эту всѣ бы вещи и деньги сложилъ. Сложилъ бы, да и навалилъ бы камнемъ, въ томъ видѣ, какъ онъ прежде лежалъ, придавилъ бы ногой, да и пошелъ бы прочь. Да годъ бы, два бы не бралъ, три бы не бралъ, — ну, и ищите! Былъ да весь вышелъ!

— Вы сумасшедшій, — выговорилъ почему-то Заметовъ тоже чуть не шепотомъ и почему-то отодвинулся вдругъ отъ Раскольникова. У того вдругъ засверкали глаза; онъ ужасно поблѣднѣлъ; верхняя губа его дрогнула и запрыгала. Онъ склонился къ Заметову какъ можно ближе и сталъ шевелить губами, ничего не произнося; такъ длилось съ полминуты; онъ зналъ, что дѣлалъ, но не могъ сдержать себя. Страшное слово, какъ тогдашній запоръ въ дверяхъ, такъ и прыгало на его губахъ, вотъ-вотъ сорвется; вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить!

— А что если это я старуху и Лизавету

убилъ? — проговорилъ онъ вдругъ и — опомнился.

Заметовъ дико поглядѣлъ на него и поблѣднѣлъ, какъ скатерть. Лицо его искривилось улыбкой.

— Да развѣ это возможно? — проговорилъ онъ, едва слышно.

Раскольниковъ злобно взглянулъ на него.

— Признайтесь, что вы повѣрили?—сказалъ онъ, наконецъ, холодно и насмѣшливо. — Да? Вѣдь да?

— Совсѣмъ нѣтъ! Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь не вѣрю! — торопливо сказалъ Заметовъ.

— Попался, наконецъ! Поймали воробушка. Стало быть, вѣрили же прежде, когда теперь «больше, чѣмъ когда-нибудь не вѣрите»?

— Да совсѣмъ же нѣтъ! — восклицалъ Заметовъ, видимо сконфуженный. — Это вы для того-то и пугали меня, чтобъ къ этому подвести?

— Такъ не вѣрите? А о чемъ вы безъ меня заговорили, когда я тогда изъ конторы вышелъ? А зачѣмъ меня поручикъ Порохъ допрашивалъ послѣ обморока? Эй, ты, — крикнулъ онъ половому, вставая и взявъ фуражку, — сколько съ меня?

— Тридцать копеекъ всего-съ, — отвѣчалъ тотъ, подбѣгая.

— Да вотъ тебѣ еще двадцать копеекъ на водку. Ишь сколько денегъ! — протянулъ онъ Заметову свою дрожащую руку съ кредитками: — красненькія, синенькія, двадцать пять рублей. Откудова? А откудова платье новое явилось? Вѣдь знаете же, что копейки не было! Хозяйку-то, небось, ужъ опрашивали... Ну, довольно! Assez causé! До свиданія... пріятнѣйшаго!..

Онъ вышелъ, весь дрожа отъ какого-то дикаго

истерическаго ощущенія, въ которомъ, между тѣмъ, была часть нестерпимаго наслажденія, — впрочемъ, мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, какъ бы послѣ какого-то припадка. Утомленіе его быстро увеличивалось. Силы его возбуждались и приходили теперь вдругъ, съ первымъ толчкомъ, съ первымъ раздражающимъ ощущеніемъ, и такъ же быстро ослабѣвали, по мѣрѣ того какъ ослабѣвало ощущеніе.

А Заметовъ, оставшись одинъ, сидѣлъ еще долго на томъ же мѣстѣ, въ раздумьи. Раскольниковъ невзначай перевернулъ всѣ его мысли насчетъ извѣстнаго пункта и окончательно установилъ его мнѣніе.

«Илья Петровичъ — болванъ!» рѣшилъ онъ окончательно.

Только что Раскольниковъ отворилъ дверь на улицу, какъ вдругъ, на самомъ крыльцѣ, столкнулся съ входившимъ Разумихинымъ. Оба, даже за шагъ еще, не видали другъ друга, такъ что почти головами столкнулись. Нѣсколько времени обмѣривали они одинъ другого взглядомъ. Разумихинъ былъ въ величайшемъ изумленіи, но вдругъ гнѣвъ, настоящій гнѣвъ, грозно засверкалъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ ты гдѣ! — крикнулъ онъ во все горло. — Съ постели сбѣжалъ! А я его тамъ подъ диваномъ даже искалъ! На чердакъ вѣдь ходили! Настасью чуть не прибилъ за тебя . . . А онъ вонъ гдѣ! Родька! Что это значитъ? Говори всю правду! Признавайся! Слышишь?

— А то значитъ, что вы всѣ надоѣли мнѣ смертельно, и я хочу быть одинъ, — спокойно отвѣчалъ Раскольниковъ.

— Одинъ? Когда еще ходить не можешь, когда

еще рожа какъ полотно блѣдна, и задыхаешься. Дуракъ.. Что ты въ «Хрустальномъ дворцѣ» дѣлалъ? Признавайся немедленно!

— Пусти! — сказалъ Раскольниковъ и хотѣлъ пройти мимо. — Это ужъ вывело Разумихина изъ себя; онъ крѣпко схватилъ его за плечо.

— Пусти? Ты смѣешь говорить: «пусти» послѣ того, что ты сдѣлалъ! Да знаешь ли, что я сейчасъ съ тобой сдѣлаю? Возьму въ охапку, завяжу узломъ, да и отнесу подмышкой домой, подъ замокъ!

— Слушай, Разумихинъ, — началъ тихо и повидимому совершенно спокойно Раскольниковъ, — неужель ты не видишь, что я не хочу твоихъ благодѣяній? И что за охота благодѣтельствовать тѣмъ, которые... плюютъ на это? Тѣмъ, наконецъ, которымъ это серьезно тяжело выносить? Ну, для чего ты отыскалъ меня въ началѣ болѣзни? Я, можетъ быть, очень былъ бы радъ умереть? Ну, неужели я недостаточно выказалъ тебѣ сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мнѣ... надоѣлъ! Охота же въ самомъ дѣлѣ мучить людей! Увѣряю же тебя, что все это мѣшаетъ моему выздоровленію серьезно, потому что безпрерывно раздражаетъ меня. Вѣдь ушелъ же давеча Зосимовъ, чтобы не раздражать меня! Отстань же ради Бога и ты! И какое право, наконецъ, имѣешь ты удерживать меня силой? Да неужель ты не видишь, что я совершенно въ полномъ умѣ теперь говорю? Чѣмъ, чѣмъ, научи, умолить мнѣ тебя, наконецъ, чтобы ты не приставалъ ко мнѣ и не благодѣтельствовалъ? Пусть я неблагодаренъ, пусть я низокъ, только отстаньте вы всѣ, ради Бога, отстаньте! Отстаньте! Отстаньте!

Онъ началъ спокойно, заранѣе радуясь всему яду, который готовился вылить, а кончилъ въ изступленіи и задыхаясь, какъ давеча съ Лужинымъ.

Разумихинъ постоялъ, подумалъ и выпустилъ его руку.

— Убирайся же къ черту! — сказалъ онъ тихо и почти задумчиво. — Стой! — заревѣлъ онъ внезапно, когда Раскольниковъ тронулся было съ мѣста, — слушай меня. Объявляю тебѣ, что всѣ вы, до единаго, — болтунишки и фанфаронишки! Заведется у васъ страданьице, — вы съ нимъ какъ курица съ яйцомъ носитесь! Даже и тутъ воруете чужихъ авторовъ. Ни признака жизни въ васъ самостоятельной! Изъ спермацетной мази вы сдѣланы, а вмѣсто крови сыворотка! Никому-то изъ васъ я не вѣрю! Первое дѣло у васъ, во всѣхъ обстоятельствахъ, — какъ бы на человѣка не походить! Сто-о-ой! — крикнулъ онъ съ удвоеннымъ бѣшенствомъ, замѣтивъ, что Раскольниковъ опять трогается уходить, — слушай до конца! Ты знаешь, у меня сегодня собираются на новоселье, можетъ быть, ужъ и пришли теперь, да я тамъ дядю оставилъ, — забѣгалъ сейчасъ, — принимать приходящихъ. Такъ вотъ, если бъ ты не былъ дуракъ, не пошлый дуракъ, не набитый дуракъ, не переводъ съ иностраннаго . . . видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты дуракъ! — такъ вотъ, если бъ ты не былъ дуракъ, ты бы лучше ко мнѣ зашелъ сегодня, вечерокъ посидѣть, чѣмъ даромъ-то сапоги топтать. Ужъ вышелъ, такъ ужъ нечего дѣлать! Я бъ тебѣ кресла такія мягкія подкатилъ, у хозяевъ есть . . Чаишко, компанія . . . А нѣтъ, — такъ и на кушеткѣ уложу, — все-таки между нами полежишь . . . И Зосимовъ будетъ. Зайдешь, что ли?

— Нѣтъ.

— Вр-р-решь! — нетерпѣливо вскрикнулъ Разумихинъ, — почему ты знаешь? Ты не можешь отвѣчать за себя! Да и ничего ты въ этомъ не понимаешь... Я тысячу разъ точно такъ же съ людьми расплевывался и опять назадъ прибѣгалъ... Станетъ стыдно — и воротишься къ человѣку! Такъ помни же, домъ Починкова, третій этажъ...

— Да вѣдь этакъ вы себя, пожалуй, кому-нибудь бить позволите, господинъ Разумихинъ, изъ удовольствія благодѣтельствовать.

— Кого? Меня! За одну фантазію носъ отвинчу! Домъ Починкова, № 47, въ квартирѣ чиновника Бабушкина...

— Не приду, Разумихинъ! — Раскольниковъ повернулся и пошелъ прочь.

— Объ закладъ, что придешь! — крикнулъ ему вдогонку Разумихинъ. — Иначе ты... иначе знать тебя не хочу! Постой, гей! Заметовъ тамъ?

— Тамъ.

— Видѣлъ?

— Видѣлъ.

— И говорилъ?

— Говорилъ.

— О чемъ? Ну, да чертъ съ тобой, пожалуй, не сказывай. Починкова, 47, Бабушкина, помни.

Раскольниковъ дошелъ до Садовой и повернулъ за уголъ. Разумихинъ смотрѣлъ ему вслѣдъ задумавшись. Наконецъ, махнувъ рукой, вошелъ въ домъ, но остановился на срединѣ лѣстницы:

«Чертъ возьми!» — продолжалъ онъ почти вслухъ: — «говоритъ со смысломъ, а какъ будто... Вѣдь и я дуракъ! Да развѣ помѣшанные не говорятъ со смысломъ? А Зосимовъ-то, показалось

мнѣ, этого-то и побаивается!» — Онъ стукнулъ пальцемъ по лбу. — «Ну, что если . . . ну, какъ его одного теперь пускать? Пожалуй, утопится . . . Эхъ, маху я далъ! Нельзя!» — и онъ побѣжалъ назадъ, вдогонку за Раскольниковымъ, но того ужъ слѣдъ простылъ. Онъ плюнулъ и скорыми шагами воротился въ «Хрустальный дворецъ» допросить поскорѣе Заметова.

Раскольниковъ прошелъ прямо на —скій мостъ, сталъ на срединѣ, у перилъ, облокотился на нихъ обоими локтями и принялся глядѣть вдаль. Простившись съ Разумихинымъ, онъ до того ослабѣлъ, что едва добрался сюда. Ему захотѣлось гдѣ-нибудь сѣсть или лечь на улицѣ. Склонившись надъ водой, машинально смотрѣлъ онъ на послѣдній розовый отблескъ заката, на рядъ домовъ, темнѣвшихъ въ сгущавшихся сумеркахъ, на одно отдаленное окошко, гдѣ-то въ мансардѣ, по лѣвой набережной, блиставшее точно въ пламени отъ послѣдняго солнечнаго луча, ударившаго въ него на мгновеніе, на темнѣвшую воду канавы и, казалось, съ вниманіемъ всматривался въ эту воду. Наконецъ, въ глазахъ его завертѣлись какіе-то красные круги, дома заходили, прохожіе, набережныя, экипажи, — все это завертѣлось и заплясало кругомъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ, можетъ быть, спасенный вновь отъ обморока однимъ дикимъ и безобразнымъ видѣніемъ. Онъ почувствовалъ, что кто-то сталъ подлѣ него, справа, рядомъ; онъ взглянулъ и увидѣлъ женщину, высокую, съ платкомъ на головѣ, съ желтымъ, продолговатымъ, испитымъ лицомъ и съ красноватыми, впавшими глазами. Она глядѣла на него прямо, но, очевидно, ничего не видала и никого не различала. Вдругъ она облокотилась правою рукой о перила,

подняла правую ногу и замахнула ее за рѣшетку, затѣмъ лѣвую и бросилась въ канаву. Грязная вода раздалась, поглотила на мгновеніе жертву, но черезъ минуту утопленница всплыла, и ее тихо понесло внизъ по теченію, головой и ногами въ водѣ, спиной поверхъ, со сбившеюся и вспухшею надъ водой, какъ подушка, юбкой.

— Утопилась! Утопилась! — кричали десятки голосовъ; люди сбѣгались, обѣ набережныя унизывались зрителями, на мосту, кругомъ Раскольникова, столпился народъ, напирая и придавливая его сзади.

— Батюшки, да вѣдь это наша Афросиньюшка! — послышался гдѣ-то недалеко плачевный женскій крикъ. — Батюшки, спасите! Отцы родные, вытащите!

— Лодку! Лодку! — кричали въ толпѣ.

Но лодки было ужъ не надо: городовой сбѣжалъ по ступенькамъ схода къ канавѣ, сбросилъ съ себя шинель, сапоги и кинулся въ воду. Работы было немного: утопленницу несло водой въ двухъ шагахъ отъ схода, онъ схватилъ ее за одежду правою рукою, лѣвою успѣлъ схватиться за шестъ, который протянулъ ему товарищъ, и тотчасъ же утопленница была вытащена. Ее положили на гранитныя плиты схода. Она очнулась скоро, приподнялась, сѣла, стала чихать и фыркать, безсмысленно обтирая мокрое платье руками. Она ничего не говорила.

— До чертиковъ допилась, батюшки, до чертиковъ, — вылъ тотъ же женскій голосъ, уже подлѣ Афросиньюшки, — анамнясь удавиться тоже хотѣла, съ веревки сняли. Пошла я теперь въ лавочку, дѣвченку при ней глядѣть оставила, — анъ вотъ и грѣхъ вышелъ! Мѣщаночка, батюшка, наша мѣ-

шапочка, подлѣ живетъ, второй домъ съ краю, вотъ тутъ...

Народъ расходился, полицейскіе возились еще съ утопленницей, кто-то крикнулъ про контору... Раскольниковъ смотрѣлъ на все съ страннымъ ощущеніемъ равнодушія и безучастія. Ему стало противно. — «Нѣтъ, гадко... вода... не стоитъ», — бормоталъ онъ про себя. — «Ничего не будетъ», — прибавилъ онъ, — «нечего ждать. Что это контора... А зачѣмъ Заметовъ не въ конторѣ? Контора въ десятомъ часу отперта»... — Онъ оборотился спиной къ периламъ и поглядѣлъ кругомъ себя.

«Ну такъ что жъ! И пожалуй!» — проговорилъ онъ рѣшительно, двинулся съ моста и направился въ ту сторону, гдѣ была контора. Сердце его было пусто и глухо. Мыслить онъ не хотѣлъ. Даже тоска прошла, ни слѣда давешней энергіи, когда онъ изъ дому вышелъ, съ тѣмъ, «чтобы все кончить!» Полная апатія заступила ея мѣсто.

«Что жъ, и это исходъ!» думалъ онъ, тихо и вяло идя по набережной канавы. — «Все-таки кончу, потому что хочу... Исходъ ли, однако? А все равно! Аршинъ пространства будетъ, — хе! Какой, однакожъ, конецъ! Неужели конецъ? Скажу я имъ иль не скажу? Э... чертъ! Да и усталъ я; гдѣ-нибудь лечь или сѣсть бы поскорѣй! Всего стыднѣе, что очень ужъ глупо. Да наплевать и на это. Фу, какія глупости въ голову приходятъ...»

Въ контору надо было идти все прямо и при второмъ поворотѣ взять влѣво: она была тутъ въ двухъ шагахъ. Но дойдя до перваго поворота, онъ остановился, подумалъ, поворотилъ въ переулокъ

и пошелъ обходомъ, черезъ двѣ улицы, — можетъ быть, безо всякой цѣли, а можетъ быть, чтобы хоть минуту еще протянуть и выиграть время. Онъ шелъ и смотрѣлъ въ землю. Вдругъ какъ будто кто шепнулъ ему что-то на ухо. Онъ поднялъ голову и увидалъ, что стоитъ у *того* дома, у самыхъ воротъ. Съ *того* вечера онъ здѣсь не былъ и мимо не проходилъ.

Неотразимое и необъяснимое желаніе повлекло его. Онъ вошелъ въ домъ, прошелъ всю подворотню, потомъ въ первый входъ справа и сталъ подниматься по знакомой лѣстницѣ, въ четвертый этажъ. На узенькой и крутой лѣстницѣ было очень темно. Онъ останавливался на каждой площадкѣ и осматривался съ любопытствомъ. На площадкѣ перваго этажа въ окнѣ была совсѣмъ выставлена рама: «Этого тогда не было», подумалъ онъ. Вотъ и квартира второго этажа, гдѣ работали Николашка и Митька: «Заперта; и дверь окрашена заново; отдается, значитъ, въ наемъ». Вотъ и третій этажъ . . . и четвертый . . . «Здѣсь!» Недоумѣніе взяло его: дверь въ эту квартиру была отворена настежь, тамъ были люди, слышны были голоса; онъ этого никакъ не ожидалъ. Поколебавшись немного, онъ поднялся по послѣднимъ ступенькамъ и вошелъ въ квартиру.

Ее тоже отдѣлывали заново; въ ней были работники; это его какъ будто поразило. Ему представлялось почему-то, что онъ все встрѣтитъ точно такъ же, какъ оставилъ тогда, даже, можетъ быть, трупы на тѣхъ же мѣстахъ на полу. А теперь: голыя стѣны, никакой мебели; странно какъ-то! Онъ прошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ.

Всего было двое работниковъ, оба молодые пар-

ня, одинъ постарше, а другой гораздо моложе. Они оклеивали стѣны новыми обоями, бѣлыми, съ лиловыми цвѣточками, вмѣсто прежнихъ желтыхъ, истрепанныхъ и истасканныхъ. Раскольникову это почему-то ужасно не понравилось; онъ смотрѣлъ на эти новые обои враждебно, точно жаль было, что все такъ измѣнили.

Работники, очевидно, замѣшкались, и теперь наскоро свертывали свою бумагу и собирались домой. Появленіе Раскольникова почти не обратило на себя ихъ вниманія. Они о чемъ-то разговаривали. Раскольниковъ скрестилъ руки и сталъ вслушиваться.

— Приходитъ она, этта, ко мнѣ поутру, — говоритъ старшій младшему, — ранымъ-ранешенько, вся разодѣтая. «И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь?» — «Я хочу, говоритъ, Титъ Васильичъ, отнынѣ, впредь въ полной вашей волѣ состоять». Такъ вотъ оно какъ! А ужъ какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ!

— А что это, дядьшка, журналъ? — спросилъ молодой. Онъ, очевидно, поучался у «дядьшки».

— А журналъ, это есть, братецъ ты мой, такія картинки, крашеныя, и идутъ онѣ сюда къ здѣшнимъ портнымъ каждую субботу, по почтѣ, изъ заграницы, съ тѣмъ то-есь, какъ кому одѣваться, какъ мужскому, равномѣрно и женскому полу. Рисунокъ, значитъ. Мужской полъ все больше въ бекешахъ пишется, а ужъ по женскому отдѣленію такіе, братъ, суфлёры, что отдай ты мнѣ все, да и мало!

— И чего-чего въ ефтомъ Питерѣ нѣтъ! — съ увлеченіемъ крикнулъ младшій, — окромя отца-матери все есть!

— Окромя эфтова, братецъ ты мой, все находится, — наставительно порѣшилъ старшій.

Раскольниковъ всталъ и пошелъ въ другую комнату, гдѣ прежде стояли укладка, постель и комодъ; комната показалась ему ужасно маленькою безъ мебели. Обои были все тѣ же; въ углу на обояхъ рѣзко обозначено было мѣсто, гдѣ стоялъ кіотъ съ образами. Онъ поглядѣлъ и воротился на свое окошко. Старшій работникъ искоса приглядывался.

— Вамъ чего-съ? — спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ нему.

Вмѣсто отвѣта, Раскольниковъ всталъ, вышелъ въ сѣни, взялся за колокольчикъ и дернулъ. Тотъ же колокольчикъ, тотъ же жестяной звукъ! Онъ дернулъ второй, третій разъ; онъ вслушивался и припоминалъ. Прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущеніе начинало все ярче и живѣе припоминаться ему, онъ вздрагивалъ съ каждымъ ударомъ, и ему все пріятнѣе и пріятнѣе становилось.

— Да что-те надо? Кто таковъ? — крикнулъ работникъ, выходя къ нему. Раскольниковъ вошелъ опять въ дверь.

— Квартиру хочу нанять, — сказалъ онъ, — осматриваю.

— Фатеру по ночамъ не нанимаютъ; а къ тому же вы должны съ дворникомъ придти.

— Полъ-то вымыли; красить будутъ? — продолжалъ Раскольниковъ. — Крови-то нѣтъ?

— Какой крови?

— А старуху-то вотъ убили съ сестрой. Тутъ цѣлая лужа была.

— Да что ты за человѣкъ? — крикнулъ въ безпокойствѣ работникъ.

— Я?

— Да.

— А тебѣ хочется знать? . . Пойдемъ въ контору, тамъ скажу. — Работники съ недоумѣніемъ посмотрѣли на него.

— Намъ выходить пора-съ, замѣшкали. Идемъ, Алешка. Запирать надо, — сказалъ старшій работникъ.

— Ну, пойдемъ! — отвѣчалъ Раскольниковъ равнодушно и вышелъ впередъ, медленно спускаясь съ лѣстницы. — Эй, дворникъ, — крикнулъ онъ, выходя подъ ворота.

Нѣсколько людей стояло при самомъ входѣ въ домъ съ улицы, глазѣя на прохожихъ, оба дворника, баба, мѣщанинъ въ халатѣ и еще кое-кто. Раскольниковъ пошелъ прямо къ нимъ.

— Чего вамъ? — отозвался одинъ изъ дворниковъ

— Въ контору ходилъ?

— Сейчасъ былъ. Вамъ чего?

— Тамъ сидятъ?

— Сидятъ.

— И помощникъ тамъ?

— Былъ время. Чего вамъ?

Раскольниковъ не отвѣчалъ и сталъ съ ними рядомъ, задумавшись.

— Фатеру смотрѣть приходилъ, — сказалъ, подходя, старшій работникъ.

— Какую фатеру?

— А гдѣ работаемъ. «Зачѣмъ, дескать, кровь отмыли? Тутъ, говоритъ, убивство случилось, а я пришелъ нанимать». И въ колокольчикъ сталъ звонить, мало не оборвалъ. А пойдемъ, говоритъ, въ контору, тамъ все докажу. Навязался.

Дворникъ съ недоумѣніемъ и нахмурясь разглядывалъ Раскольникова.

— Да вы кто таковъ?—крикнулъ онъ погроснѣе.

— Я Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, бывшій студентъ, а живу въ домѣ Шиля, здѣсь, въ переулкѣ, отсюда недалеко, въ квартирѣ № 14. У дворника спроси . . . меня знаетъ. — Раскольниковъ проговорилъ все это какъ-то задумчиво, не оборачиваясь и пристально смотря на потемнѣвшую улицу.

— Да вы зачѣмъ въ фатеру-то приходили?

— Смотрѣть.

— Чего тамъ смотрѣть?

— А вотъ взять да свести въ контору? — ввязался вдругъ мѣщанинъ и замолчалъ.

Раскольниковъ черезъ плечо скосилъ на него глаза, посмотрѣлъ внимательно и сказалъ такъ же тихо и лѣниво:

— Пойдемъ!

— Да и свести!—подхватилъ ободрившійся мѣщанинъ. — Зачѣмъ онъ объ *томъ* доходилъ, у него что̀ на умѣ, а?

— Пьянъ, не пьянъ, а Богъ ихъ знаетъ, — пробормоталъ работникъ.

— Да вамъ чего? — крикнулъ опять дворникъ, начинавшій серьезно сердиться, — ты чего присталъ?

— Струсилъ въ контору-то? — съ насмѣшкой проговорилъ ему Раскольниковъ.

— Чего струсилъ? Ты чего присталъ?

— Выжига! — крикнула баба.

— Да чего съ нимъ толковать, — крикнулъ другой дворникъ, огромный мужикъ, въ армякѣ нараспашку и съ ключами за поясомъ. — Пшолъ! . . И впрямь выжига . . . Пшолъ!

И схвативъ за плечо Раскольникова, онъ бросилъ его на улицу. Тотъ кувыркнулся было, но не упалъ, выправился, молча посмотрѣлъ на всѣхъ зрителей и пошелъ далѣе.

— Чудёнъ человѣкъ,—проговорилъ работникъ.

— Чудёнъ нынче сталъ народъ,—сказала баба.

— А все бы свести въ контору, — прибавилъ мѣщанинъ.

— Нечего связываться,—рѣшилъ большой дворникъ. — Какъ есть выжига! Самъ на то лѣзетъ, извѣстно, а свяжись, не развяжешься . . . Знаемъ!

«Такъ идти, что ль, или нѣтъ», думалъ Раскольниковъ, остановясь посреди мостовой на перекресткѣ и осматриваясь кругомъ, какъ будто ожидая отъ кого-то послѣдняго слова. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было глухо и мертво, какъ камни, по которымъ онъ ступалъ, для него мертво, для него одного . . . Вдругъ, далеко, шаговъ за двѣсти отъ него, въ концѣ улицы, въ сгущавшейся темнотѣ различилъ онъ толпу, говоръ, крики . . . Среди толпы стоялъ какой-то экипажъ . . . Замелькалъ среди улицы огонекъ. «Что такое?» Раскольниковъ поворотилъ вправо и пошелъ на толпу. Онъ точно цѣплялся за все и холодно усмѣхался, подумавъ это, потому что ужъ навѣрно рѣшилъ про контору и твердо зналъ, что сейчасъ все кончится.

VII.

Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячихъ сѣрыхъ лошадей; сѣдоковъ не было, и самъ кучеръ, слѣзши съ козелъ, стоялъ подлѣ; лошадей держали подъ-уздцы. Кругомъ тѣснилось множество народу, впереди

всѣхъ полицейскіе. У одного изъ нихъ былъ въ рукахъ зажженный фонарикъ, которымъ онъ, нагибаясь, освѣщалъ что-то на мостовой, у самыхъ колесъ. Всѣ говорили, кричали, ахали; кучеръ казался въ недоумѣніи и изрѣдка повторялъ:

— Экой грѣхъ! Господи, грѣхъ-то какой!

Раскольниковъ протѣснился, по возможности, и увидалъ, наконецъ, предметъ всей этой суеты и любопытства. На землѣ лежалъ только что раздавленный лошадьми человѣкъ, безъ чувствъ, повидимому очень худо одѣтый, но въ «благородномъ» платьѣ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь; лицо было все избито, ободрано, исковеркано. Видно было, что раздавили не на шутку.

— Батюшки! — причиталъ кучеръ, — какъ тутъ усмотрѣть! Коли бъ я гналъ али бъ не кричалъ, а то ѣхалъ не поспѣшно, равномѣрно. Всѣ видѣли: люди ложь и я то жъ. Пьяный свѣчки не поставитъ — извѣстно!.. Вижу его, улицу переходитъ, шатается, чуть не валится, — крикнулъ одноважды, да въ другой, да въ третій, да и придержалъ лошадей; а онъ прямехонько имъ подъ ноги такъ и палъ! Ужъ нарочно, что ль, онъ аль ужъ очень былъ нетверезъ... Лошади-то молодыя, пужливыя, — дернули, а онъ вскричалъ — они пуще... вотъ и бѣда.

— Это такъ, какъ есть! — раздался чей-то свидѣтельскій отзывъ въ толпѣ.

— Кричалъ-то онъ, это правда, три раза ему прокричалъ, — отозвался другой голосъ.

— Въ аккуратъ три раза, всѣ слышали! — крикнулъ третій.

Впрочемъ, кучеръ былъ не очень унылъ и испуганъ. Видно было, что экипажъ принадлежалъ бо-

гатому и значительному владѣльцу, ожидавшему гдѣ-нибудь его прибытія; полицейскіе ужъ, конечно, не мало заботились, какъ уладить это послѣднее обстоятельство. Раздавленнаго предстояло прибрать въ часть и въ больницу. Никто не зналъ его имени.

Между тѣмъ Раскольниковъ протѣснился и нагнулся еще ближе. Вдругъ фонарикъ ярко освѣтилъ лицо несчастнаго: онъ узналъ его.

— Я его знаю, знаю! — закричалъ онъ, протискиваясь совсѣмъ впередъ: — это чиновникъ, отставной, титулярный совѣтникъ, Мармеладовъ! Онъ здѣсь живетъ, подлѣ, въ домъ Козеля . . . Доктора поскорѣе! Я заплачу, вотъ! — Онъ вытащилъ изъ кармана деньги и показывалъ полицейскому. Онъ былъ въ удивительномъ волненіи.

Полицейскіе были довольны, что узнали кто раздавленный. Раскольниковъ назвалъ и себя, далъ свой адресъ и всѣми силами, какъ будто дѣло шло о родномъ отцѣ, уговаривалъ перенести поскорѣе безчувственнаго Мармеладова въ его квартиру.

— Вотъ тутъ, черезъ три дома, — хлопоталъ онъ, — домъ Козеля, нѣмца, богатаго . . . Онъ теперь, вѣрно, пьяный, домой пробирался. Я его знаю . . . Онъ пьяница . . . Тамъ у него семейство, жена, дѣти, дочь одна есть. Пока еще въ больницу тащить, а тутъ вѣрно въ домѣ же докторъ есть! Я заплачу, заплачу! . . Все-таки уходъ будетъ свой, помогутъ сейчасъ, а то онъ умретъ до больницы-то . . .

Онъ даже успѣлъ сунуть непримѣтно въ руку; дѣло, впрочемъ, было ясное и законное, и во всякомъ случаѣ тутъ помощь ближе была. Раздавленнаго подняли и понесли; нашлись помощники.

Домъ Козеля былъ въ шагахъ тридцати. Раскольниковъ шелъ сзади, осторожно поддерживая голову, и показывалъ дорогу.

— Сюда, сюда! На лѣстницу надо вверхъ головой вносить; оборачивайте . . . вотъ такъ! Я заплачу, я поблагодарю, — бормоталъ онъ.

Катерина Ивановна, какъ и всегда, чуть только выпадала свободная минута, тотчасъ же принималась ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, отъ окна до печки и обратно, плотно скрестивъ руки на груди, говоря сама съ собой и кашляя. Въ послѣднее время она стала все чаще и больше разговаривать съ своею старшею дѣвочкой, десятилѣтнею Поленькой, которая хотя и многаго еще не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда слѣдила за ней своими большими умными глазками и всѣми силами хитрила, чтобы представиться все понимающею. Въ этотъ разъ Поленька раздѣвала маленькаго брата, которому весь день нездоровилось, чтобъ уложить его спать. Въ ожиданіи, пока ему перемѣнятъ рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчикъ сидѣлъ на стулѣ молча, съ серьезною миной, прямо и недвижимо, съ протянутыми впередъ ножками, плотно вмѣстѣ сжатыми, пяточками къ публикѣ, а носками врозь. Онъ слушалъ, что̀ говорила мамаша съ сестрицей, надувъ губки, выпучивъ глазки и не шевелясь, точь-въ-точь какъ, обыкновенно, должны сидѣть всѣ умные мальчики, когда ихъ раздѣваютъ, чтобъ идти спать. Еще меньше его дѣвочка, въ совершенныхъ лохмотьяхъ, стояла у ширмъ и ждала своей очереди. Дверь на лѣстницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ волнъ табачнаго дыма, вырывавшихъ-

ся изъ другихъ комнатъ и поминутно заставлявшихъ долго и мучительно кашлять бѣдную чахоточную. Катерина Ивановна какъ будто еще больше похудѣла въ эту недѣлю, и красныя пятна на щекахъ ея горѣли еще ярче, чѣмъ прежде.

— Ты не повѣришь, ты и вообразить себѣ не можешь, Поленька, — говорила она, ходя по комнатѣ, — до какой степени мы весело и пышно жили въ домѣ у папеньки, и какъ этотъ пьяница погубилъ меня и васъ всѣхъ погубитъ! Папаша былъ статскій полковникъ и уже почти губернаторъ; ему только оставалось всего одинъ какой-нибудь шагъ, такъ что всѣ къ нему ѣздили и говорили: «Мы васъ ужъ такъ и считаемъ, Иванъ Михайловичъ, за нашего губернатора». Когда я... кхе! когда я... кхе-кхе-кхе... о, треклятая жизнь! — воскликнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь: — когда я... ахъ, когда на послѣднемъ балѣ... у предводителя... меня увидала княгиня Безземельная, — которая меня потомъ благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, — то тотчасъ спросила: «Не та ли это милая дѣвица, которая съ шалью танцовала при выпускѣ?»... (Прорѣху-то зашить надо; вотъ взяла бы иглу да сейчасъ бы и заштопала, какъ я тебя учила, а то завтра... кхе! завтра... кхе-кхе-кхе! пуще разо-рветъ! — крикнула она, надрываясь)... — Тогда еще изъ Петербурга только что пріѣхалъ камеръ-юнкеръ князь Щегольской... протанцовалъ со мной мазурку и на другой же день хотѣлъ пріѣхать съ предложеніемъ; но я сама отблагодарила въ лестныхъ выраженіяхъ и сказала, что сердце мое принадлежитъ давно другому. Этотъ другой былъ твой отецъ, Поля; папенька ужасно

сердился . . . А вода готова? Ну, давай рубашечку; а чулочки? . . Лида,—обратилась она къ маленькой дочери,—ты ужъ такъ безъ рубашки эту ночь поспи; какъ-нибудь . . . да чулочки выложи подлѣ . . . Заодно вымыть . . . Что̀ этотъ лохмотникъ нейдетъ, пьяница! Рубашку заносилъ, какъ обтирку какую-нибудь, изорвалъ всю . . . Все бы ужъ заодно, чтобы сряду двухъ ночей не мучиться! Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять! Что̀ это? — вскрикнула она, взглянувъ на толпу въ сѣняхъ и на людей, протѣснявшихся съ какою-то ношей въ ея комнату. — Что̀ это? Что это несутъ? Господи!

— Куда жъ тутъ положить? — спрашивалъ полицейскій, осматривая кругомъ, когда уже втащили въ комнату окровавленнаго и безчувственнаго Мармеладова.

— На диванъ! Кладите прямо на диванъ, вотъ сюда головой, — показывалъ Раскольниковъ.

— Раздавили на улицѣ! Пьянаго! — крикнулъ кто-то изъ сѣней.

— Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и трудно дышала. Дѣти перепугались. Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась къ Поленкѣ, обхватила ее и вся затряслась.

Уложивъ Мармеладова, Раскольниковъ бросился къ Катеринѣ Ивановнѣ:

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь! — говорилъ онъ скороговоркой; — онъ переходилъ улицу, его раздавила коляска, не безпокойтесь, онъ очнется, я велѣлъ сюда нести . . . я у васъ былъ, помните . . . Онъ очнется, я заплачу!

— Добился! — отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась къ мужу.

Раскольниковъ скоро замѣтилъ, что эта жен-

щина не изъ тѣхъ, которыя тотчасъ же падаютъ въ обмороки. Мигомъ подъ головою несчастнаго очутилась подушка, о которой никто еще не подумалъ; Катерина Ивановна стала раздѣвать его, осматривать, суетилась и не терялась, забывъ о себѣ самой, закусивъ свои дрожавшія губы и подавляя крики, готовые вырваться изъ груди . . .

Раскольниковъ уговорилъ межъ тѣмъ кого-то сбѣгать за докторомъ. Докторъ, какъ оказалось, жилъ черезъ домъ.

— Я послалъ за докторомъ, — твердилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ, — не безпокойтесь, я заплачу. Нѣтъ ли воды? . . и дайте салфетку, полотенце, что-нибудь поскорѣе; неизвѣстно еще, какъ онъ раненъ . . . Онъ раненъ, а не убитъ, будьте увѣрены . . . Что̀ скажетъ докторъ!

Катерина Ивановна бросилась къ окну; тамъ, на продавленномъ стулѣ, въ углу, установленъ былъ большой глиняный тазъ съ водой, приготовленной для ночного мытья дѣтскаго и мужнинаго бѣлья. Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что перемѣннаго бѣлья уже совсѣмъ почти не было, и было у каждаго члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночамъ и не по силамъ, когда всѣ спятъ, чтобы успѣть къ утру просушить мокрое бѣлье на протянутой веревкѣ и подать чистое, чѣмъ видѣть грязь въ домѣ. Она схватилась было за тазъ, чтобы нести его по требованію Раскольникова, но чуть не упала съ ношей. Но тотъ уже успѣлъ найти полотенце, намочилъ его водою и сталъ обмывать за-

литое кровью лицо Мармеладова. Катерина Ивановна стояла тутъ же, съ болью переводя духъ и держась руками за грудь. Ей самой нужна была помощь. Раскольниковъ началъ понимать, что онъ, можетъ быть, плохо сдѣлалъ, уговоривъ перенести сюда раздавленнаго. Городовой тоже стоялъ въ недоумѣніи.

— Поля! — крикнула Катерина Ивановна, — бѣги къ Сонѣ, скорѣе. Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтобъ она тотчасъ же шла сюда . . . какъ воротится. Скорѣй, Поля! На, закройся платкомъ!

— Сто есь духу бѣги! — крикнулъ вдругъ мальчикъ со стула и, сказавъ это, погрузился опять въ прежнее безмолвное прямое сидѣнье на стулѣ, выпуча глазки, пятками впередъ и носками врозь.

Межъ тѣмъ комната наполнилась такъ, что яблоку упасть было негдѣ. Полицейскіе ушли, кромѣ одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся съ лѣстницы, опять обратно на лѣстницу. Зато изъ внутреннихъ комнатъ высыпали чуть не всѣ жильцы г-жи Липпевехзель, и сначала было тѣснились только въ дверяхъ, но потомъ гурьбой хлынули въ самую комнату. Катерина Ивановна пришла въ изступленіе:

— Хоть бы умереть-то дали спокойно! — закричала она на всю толпу, — что за спектакль нашли! Съ папиросами! Кхе-кхе-кхе! Въ шляпахъ войдите еще! . . И то въ шляпѣ одинъ . . . Вонъ! Къ мертвому тѣлу хоть уваженіе имѣйте!

Кашель задушилъ ее, но острастка пригодилась. Катерины Ивановны, очевидно, даже побаивались; жильцы, одинъ за другимъ, протѣснились обратно къ двери съ тѣмъ страннымъ внутреннимъ ощущеніемъ довольства, которое всегда замѣчается, даже

въ самыхъ близкихъ людяхъ, при внезапномъ несчастіи съ ихъ ближнимъ, и отъ котораго не избавленъ ни одинъ человѣкъ, безъ исключенія, несмотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участья.

За дверью послышались, впрочемъ, голоса про больницу и что здѣсь не слѣдъ безпокоить напрасно.

— Умирать-то не слѣдъ! — крикнула Катерина Ивановна и уже бросилась было растворить дверь, чтобы разразиться на нихъ цѣлымъ громомъ, но столкнулась въ дверяхъ съ самою г-жой Липпевехзель, которая только что успѣла прослышать о несчастіи и прибѣжала производить распорядокъ. Это была чрезвычайно вздорная и безпорядочная нѣмка.

— Ахъ, Богъ мой! — всплеснула она руками,— вашъ мужъ пьянъ лошадь истопталь. Въ больницъ его! Я хозяйка!

— Амалія Людвиговна! Прошу васъ вспомнить о томъ, что̀ вы говорите, — высокомѣрно начала было Катерина Ивановна (съ хозяйкой она всегда говорила высокомѣрнымъ тономъ, чтобы ты «помнила свое мѣсто», и даже теперь не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи), Амалія Людвиговна . . .

— Я вамъ сказалъ разъ-на-прежде, что вы никогда не смѣль говориль мнѣ Амаль Людвиговна; я Амаль-Иванъ!

— Вы не Амаль-Иванъ, а Амалія Людвиговна, и такъ какъ я не принадлежу къ вашимъ подлымъ льстецамъ, какъ господинъ Лебезятниковъ, который смѣется теперь за дверью (за дверью, дѣйствительно, раздался смѣхъ и крикъ: «сцѣпились!»), то и буду всегда называть васъ Амаліей Людвиговной,

хотя рѣшительно не могу понять, почему вамъ это названіе не нравится. Вы видите сами, что случилось съ Семеномъ Захаровичемъ, онъ умираетъ. Прошу васъ сейчасъ же запереть эту дверь и не впускать сюда никого. Дайте хоть умереть спокойно! Иначе, увѣряю васъ, завтра же поступокъ вашъ будетъ извѣстенъ самому генералъ-губернатору. Князь зналъ меня еще въ дѣвицахъ и очень хорошо помнитъ Семена Захаровича, которому много разъ благодѣтельствовалъ. Всѣмъ извѣстно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которыхъ онъ самъ оставилъ изъ благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость, но теперь (она указала на Раскольникова) — намъ помогаетъ одинъ великодушный молодой человѣкъ, имѣющій средства и связи, и котораго Семенъ Захаровичъ зналъ еще въ дѣтствѣ, и будьте увѣрены, Амалія Людвиговна ... .

Все это произнесено было чрезвычайною скороговоркой, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй, но кашель разомъ перервалъ краснорѣчіе Катерины Ивановны. Въ эту минуту умирающій очнулся и простоналъ, и она побѣжала къ нему. Больной открылъ глаза, и еще не узнавая и не помня, сталъ вглядываться въ стоявшаго надъ нимъ Раскольникова. Онъ дышалъ тяжело, глубоко и рѣдко; на окраинахъ губъ выдавилась кровь; потъ выступилъ на лбу. Не узнавъ Раскольникова, онъ безпокойно началъ обводить глазами. Катерина Ивановна смотрѣла на него грустнымъ, но строгимъ взглядомъ, а изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой! У него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! — проговорила она въ отчаяніи. — Надо снять съ него все верхнее платье! Повернись

немного, Семенъ Захаровичъ, если можешь, — крикнула она ему.

Мармеладовъ узналъ ее.

— Священника! — проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О треклятая жизнь!

— Священника! — проговорилъ опять умирающій, послѣ минутнаго молчанія.

— Пошли-и-и! — крикнула на него Катерина Ивановна; онъ послушался окрика и замолчалъ. Робкимъ, тоскливымъ взглядомъ отыскивалъ онъ ее глазами; она опять воротилась къ нему и стала у изголовья. Онъ нѣсколько успокоился, но ненадолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), дрожавшей въ углу, какъ въ припадкѣ, и смотрѣвшей на него своими удивленными, дѣтски-пристальными глазами.

— А . . . а . . . — указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.

— Чего еще? — крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! Босенькая! — бормоталъ онъ, полоумнымъ взглядомъ указывая на босыя ножки дѣвочки.

— Молчи-и-и! — раздражительно крикнула Катерина Ивановна—самъ знаешь почему босенькая!

— Славу Богу, докторъ! — крикнулъ обрадованный Раскольниковъ.

Вошелъ докторъ, аккуратный старичокъ, нѣмецъ, озираясь съ недовѣрчивымъ видомъ; подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, внимательно ощупалъ голову и, съ помощью Катерины Ивановны,

отстегнулъ всю смоченную кровью рубашку и обнажилъ грудь болного. Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; нѣсколько реберъ съ правой стороны изломано. Съ лѣвой стороны, на самомъ сердцѣ, было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно, жестокій ударъ копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій разсказалъ ему, что раздавленнаго захватило въ колесо и тащило, вертя, шаговъ тридцать по мостовой.

— Удивительно, какъ онъ еще очнулся, — шепнулъ потихоньку докторъ Раскольникову.

— Что̀ вы скажете? — спросилъ тотъ.

— Сейчасъ умретъ.

— Неужели никакой надежды?

— Ни малѣйшей! При послѣднемъ издыханіи... Къ тому же голова очень опасно ранена... Гм. Пожалуй, можно кровь отворить... но... это будетъ безполезно. Черезъ пять или десять минутъ умретъ непремѣнно.

— Такъ ужъ отворите лучше кровь!

— Пожалуй... Впрочемъ, я васъ предупреждаю, это будетъ совершенно безполезно.

Въ это время послышались еще шаги, толпа въ сѣняхъ раздвинулась, и на порогѣ появился священникъ съ запасными дарами, сѣдой старичокъ. За нимъ ходилъ полицейскій, еще съ улицы. Докторъ тотчасъ же уступилъ ему мѣсто и обмѣнялся съ нимъ значительнымъ взглядомъ. Раскольниковъ упросилъ доктора подождать хоть немножко. Тотъ пожалъ плечами и остался.

Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго. Умирающій вдрядъ ли хорошо понималъ что-нибудь; произносить же могъ только отрывистые, неясные звуки. Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со

стула мальчика и, отойдя въ уголъ къ печкѣ, стала на колѣни, а дѣтей поставила на колѣни передъ собой. Дѣвочка только дрожала; мальчикъ же, стоя на голыхъ колѣночкахъ, размѣренно подымалъ рученку, крестился полнымъ крестомъ и кланялся въ землю, стукаясь лбомъ, что̀, повидимому, доставляло ему особенное удовольствіе. Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изрѣдка оправляя рубашечку на ребенкѣ и успѣвъ набросить на слишкомъ обнаженныя плечи дѣвочки косынку, которую достала съ комода, не вставая съ колѣнъ и молясь. Между тѣмъ двери изъ внутреннихъ комнатъ стали опять отворяться любопытными. Въ сѣняхъ же все плотнѣе и плотнѣе стѣснялись зрители, жильцы со всей лѣстницы, не переступая, впрочемъ, за порогъ комнаты. Одинъ только огарокъ освѣщалъ всю сцену.

Въ эту минуту изъ сѣней, сквозь толпу, быстро протѣснилась Поленька, бѣгавшая за сестрой. Она вошла, едва переводя духъ отъ скораго бѣга, сняла съ себя платокъ, отыскала глазами мать, подошла къ ней и сказала: «Идетъ! на улицѣ встрѣтила!» Мать пригнула ее на колѣни и поставила подлѣ себя. Изъ толпы, неслышно и робко, протѣснилась дѣвушка, и странно было ея внезапное появленіе въ этой комнатѣ, среди нищеты, лохмотьевъ, смерти и отчаянія. Она была тоже въ лохмотьяхъ; нарядъ ея былъ грошевый, но разукрашенный по-уличному, подъ вкусъ и правила, сложившіяся въ своемъ особомъ мірѣ, съ ярко и позорно выдающеюся цѣлью. Соня остановилась въ сѣняхъ у самаго порога, но не переходила за порогъ и глядѣла, какъ потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забывъ и о своемъ пере-

купленномъ изъ четвертыхъ рукъ, шелковомъ, неприличномъ здѣсь, цвѣтномъ платьѣ съ длиннѣйшимъ и смѣшнымъ хвостомъ, и о необъятномъ кринолинѣ, загородившемъ всю дверь, и о свѣтлыхъ ботинкахъ, и объ омбрелькѣ, ненужной ночью, но которую она взяла съ собой, и о смѣшной соломенной круглой шляпкѣ съ яркимъ огненнаго цвѣта перомъ. Изъ-подъ этой надѣтой мальчишески набекрень шляпки выглядывало холодное, блѣдное и испуганное личико, съ раскрытымъ ртомъ и съ неподвижными отъ ужаса глазами. Соня была малаго роста, лѣтъ восемнадцати, худенькая, но довольно-хорошенькая блондинка, съ замѣчательными голубыми глазами. Она пристально смотрѣла на постель, на священника; она тоже задыхалась отъ скорой ходьбы. Наконецъ, шушуканье, нѣкоторыя слова въ толпѣ, вѣроятно, до нея долетѣли. Она потупилась, переступила шагъ черзъ порогъ и стала въ комнатѣ, но опять-таки въ самыхъ дверяхъ.

Исповѣдь и причащеніе кончились. Катерина Ивановна снова подошла къ постели мужа. Священникъ отступилъ, и, уходя, обратился было сказать два слова въ напутствованіе и утѣшеніе Катеринѣ Ивановнѣ.

— А куда я этихъ-то дѣну? — рѣзко и раздражительно перебила она, указывая на малютокъ.

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, — началъ было священникъ.

— Э-эхъ! Милостивъ, да не до насъ!

— Это грѣхъ, грѣхъ, сударыня, — замѣтилъ священникъ, качая головой.

— А это не грѣхъ? — крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающаго.

— Быть можетъ тѣ, которые были невольною

причиной, согласятся вознаградить васъ, хотя бы въ потерѣ доходовъ...

— Не понимаете вы меня! — раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнувъ рукой. — Да и за что вознаграждать-то? Вѣдь онъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какихъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была. Вѣдь онъ, пьяница, все пропивалъ! Насъ обкрадывалъ, да въ кабакъ носилъ, ихнюю да мою жизнь въ кабакѣ извелъ! И слава Богу, что умираетъ! Убытку меньше!

— Простить бы надо въ предсмертный часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства большой грѣхъ!

Катерина Ивановна суетилась около больного, подавала ему пить, обтирала потъ и кровь съ головы, оправляла подушки и разговаривала съ священникомъ, изрѣдка успѣвая оборотиться къ нему, между дѣломъ. Теперь же она вдругъ набросилась на него почти въ изступленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова да слова одни! Простить! Вотъ онъ пришелъ бы сегодня пьяный, какъ бы не раздавили-то, рубашка-то на немъ одна, вся заношенная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ бы завалился дрыхнуть, а я бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обноски бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила бы за окномъ, да тутъ же, какъ разсвѣтетъ, и штопать бы сѣла, — вотъ моя и ночь!.. Такъ чего ужъ тутъ о прощеніи говорить! И то простила!

Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Она отхаркнулась въ платокъ и сунула его на показъ священнику, съ болью придерживая другою рукой грудь. Платокъ былъ весь въ крови...

Священникъ поникъ головой и не сказалъ ничего.

Мармеладовъ былъ въ послѣдней агоніи; онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ лица Катерины Ивановны, склонившейся снова надъ нимъ. Ему все хотѣлось что-то ей сказать; онъ было и началъ, съ усиліемъ шевеля языкомъ и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, понявшая, что онъ хочетъ просить у ней прощенія, тотчасъ же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо!.. Знаю, что̀ хочешь сказать!.. — И больной умолкъ; но въ ту же минуту блуждающій взглядъ его упалъ на дверь, и онъ увидалъ Соню...

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ея: она стояла въ углу и въ тѣни.

— Кто это? Кто это? — проговорилъ онъ вдругъ хриплымъ задыхающимся голосомъ, весь въ тревогѣ, съ ужасомъ указывая глазами на дверь, гдѣ стояла дочь, и усиливаясь приподняться.

— Лежи! Лежи-и-и! — крикнула было Катерина Ивановна.

Но онъ съ неестественнымъ усиліемъ успѣлъ опереться на рукѣ. Онъ дико и неподвижно смотрѣлъ нѣкоторое время на дочь, какъ бы не узнавая ее. Да и ни разу еще онъ не видалъ ее въ такомъ костюмѣ. Вдругъ онъ узналъ ее, приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься съ умирающимъ отцомъ. Безконечное страданіе изобразилось въ лицѣ его.

— Соня! Дочь! Прости! — крикнулъ онъ и хотѣлъ было протянуть къ ней руку, но, потерявъ опору, сорвался и грохнулся съ дивана, прямо ли-

цомъ наземь; бросились поднимать его, положили, но онъ уже отходилъ. Соня слабо вскрикнула, побѣжала, обняла его и такъ и замерла въ этомъ объятіи. Онъ умеръ у нея въ рукахъ.

— Добился своего! — крикнула Катерина Ивановна, увидавъ трупъ мужа, — ну, что теперь дѣлать! Чѣмъ я похороню его! А чѣмъ ихъ-то, ихъ-то завтра, чѣмъ накормлю?

Раскольниковъ подошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Катерина Ивановна, — началъ онъ ей, — на прошлой недѣлѣ вашъ покойный мужъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства . . . Будьте увѣрены, что онъ говорилъ о васъ съ восторженнымъ уваженіемъ. Съ этого вечера, когда я узналъ, какъ онъ всѣмъ вамъ былъ преданъ и какъ особенно васъ, Катерина Ивановна, уважалъ и любилъ, несмотря на свою несчастную слабость, съ этого вечера мы и стали друзьями . . . Позвольте же мнѣ теперь . . . способствовать . . . къ отданію долга моему покойному другу. Вотъ тутъ . . . двадцать рублей, кажется, — и если это можетъ послужить вамъ въ помощь, то . . . я . . . однимъ словомъ, я зайду, — я непремѣнно зайду . . . я, можетъ быть, еще завтра зайду . . . Прощайте!

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты, поскорѣй протѣсняясь черезъ толпу на лѣстницу; но въ толпѣ вдругъ столкнулся съ Никодимомъ Ѳомичемъ, узнавшимъ о несчастіи и пожелавшимъ распорядиться лично. Со времени сцены въ конторѣ они не видались, но Никодимъ Ѳомичъ мигомъ узналъ его.

— А, это вы? — спросилъ онъ его.

— Умеръ, — отвѣчалъ Раскольниковъ. — Былъ докторъ, былъ священникъ, все въ порядкѣ. Не

безпокойте очень бѣдную женщину, она и безъ того въ чахоткѣ. Ободрите ее, если чѣмъ можете . . . Вѣдь вы добрый человѣкъ, я знаю . . . — прибавилъ онъ съ усмѣшкой, смотря ему прямо въ глаза.

— А какъ вы, однакожъ, кровью замочились,— замѣтилъ Никодимъ Ѳомичъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря нѣсколько свѣжихъ пятенъ на жилетѣ Раскольникова.

— Да, замочился . . . я весь въ крови! — проговорилъ съ какимъ-то особеннымъ видомъ Раскольниковъ, затѣмъ улыбнулся, кивнулъ головой и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Онъ сходилъ тихо, не торопясь, весь въ лихорадкѣ, и не сознавая того, полный одного, новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе. На половинѣ лѣстницы нагналъ его возвращавшійся домой священникъ; Раскольниковъ молча пропустилъ его впередъ, размѣнявшись съ нимъ безмолвнымъ поклономъ. Но уже сходя послѣднія ступени, онъ услышалъ вдругъ поспѣшные шаги за собою. Кто-то догонялъ его. Это была Поленька; она бѣжала за нимъ и звала его: «Послушайте! Послушайте!»

Онъ обернулся къ ней. Та сбѣжала послѣднюю лѣстницу и остановилась вплоть передъ нимъ, ступенькой выше его. Тусклый свѣтъ проходилъ со двора. Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбнувшейся ему и весело, по-дѣтски, на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ?.. а еще: гдѣ вы живете? — спросила она задыхающимся голоскомъ.

Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастьемъ глядѣлъ на нее. Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть, — онъ самъ не зналъ почему.

— А кто васъ прислалъ?

— А меня прислала сестрица Соня, — отвѣчала дѣвочка, еще веселѣе улыбаясь.

— Я такъ и зналъ, что васъ прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала: «Поскорѣй бѣги, Поленька!»

— Любите вы сестрицу Соню?

— Я ее больше всѣхъ люблю! — съ какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ея стала вдругъ серьезнѣе.

— А меня любить будете?

Вмѣсто отвѣта, онъ увидѣлъ приближающееся къ нему личико дѣвочки и пухленькія губки, наивно протянувшіяся поцѣловать его. Вдругъ тоненькія, какъ спички, руки ея обхватили его крѣпко-крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала, прижимаясь лицомъ къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Папочку жалко! — проговорила она черезъ минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы — все такія теперь несчастія пошли, — прибавила она неожиданно, съ тѣмъ особенно солиднымъ видомъ, который усиленно принимаютъ дѣти, когда захотятъ вдругъ говорить какъ «большіе».

— А папаша васъ любилъ?

— Онъ Лидочку больше всѣхъ насъ любилъ, — продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно какъ говорятъ большіе, — потому любилъ, что она маленькая, и отъ того еще, что больная, и ей всегда гостинцу носилъ, а насъ онъ читать училъ, а меня грамматикѣ и закону Божію,— прибавила она съ достоинствомъ, — а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любитъ, и папочка зналъ, а мамочка меня хочетъ по-французски учить, потому что мнѣ уже пора получить образованіе.

— А молиться вы умѣете?

— О, какъ же, умѣемъ! Давно уже; я, какъ ужъ большая, то молюсь сама про себя, а Коля съ Лидочкой вмѣстѣ съ мамашей вслухъ; сперва «Богородицу» прочитаютъ, а потомъ еще одну молитву: «Боже, прости и благослови сестрицу Соню», а потомъ еще: «Боже, прости и благослови нашего другого папашу», потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ томъ тоже молимся.

— Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ, «и раба Родіона» — больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду о васъ молиться, — горячо проговорила дѣвочка, и вдругъ опять засмѣялась, бросилась къ нему и крѣпко опять обняла его.

Раскольниковъ сказалъ ей свое имя, далъ адресъ и обѣщался завтра же непремѣнно зайти. Дѣвочка ушла въ совершенномъ отъ него восторгѣ. Былъ часъ одиннадцатый, когда онъ вышелъ на улицу. Черезъ пять минутъ онъ стоялъ на мосту, ровно на

томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго давеча бросилась женщина.

«Довольно!» — произнесъ онъ рѣшительно и торжественно, — «прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидѣнія!.. Есть жизнь! Развѣ я сейчасъ не жилъ? Не умерла еще моя жизнь вмѣстѣ съ старою старухой! Царство ей небесное и, — довольно, матушка, пора на покой! Царство разсудка и свѣта теперь! и... и воли, и силы... и посмотримъ теперь! Помѣряемся теперь!» — прибавилъ онъ заносчиво, какъ бы обращаясь къ какой-то темной силѣ и вызывая ее. «А вѣдь я уже соглашался жить на аршинѣ пространства!»

«... Слабъ я очень въ эту минуту, но... кажется, вся болѣзнь прошла. Я и зналъ, что пройдетъ, когда вышелъ давеча. Кстати: домъ Починкова, это два шага. Ужъ непремѣнно къ Разумихину, хоть бы и не два шага... пусть выиграетъ закладъ!.. Пусть и онъ потѣшится, — ничего, пусть!.. Сила, сила нужна: безъ силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вотъ этого-то они и не знаютъ», — прибавилъ онъ гордо и самоувѣренно и пошелъ, едва переводя ноги, съ моста. Гордость и самоувѣренность наростали въ немъ каждую минуту, уже въ слѣдующую минуту это становился не тотъ человѣкъ, что̀ былъ въ предыдущую. Что же, однако, случилось такого особеннаго, что такъ перевернуло его? Да онъ и самъ не зналъ; ему, какъ хватавшемуся за соломинку, вдругъ показалось, что и ему «можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вмѣстѣ съ старою старухой». Можетъ быть, онъ слишкомъ поспѣшилъ заключеніемъ, но онъ объ этомъ не думалъ.

«А раба-то Родіона попросилъ, однако, помянуть», — мелькнуло вдругъ въ его головѣ, — «ну да это . . . на всякій случай!» — прибавилъ онъ, и самъ тутъ же засмѣялся надъ своею мальчишескою выходкой. Онъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

Онъ легко отыскалъ Разумихина; въ домѣ Починкова новаго жильца уже знали, и дворникъ тотчасъ указалъ ему дорогу. Уже съ половины лѣстницы можно было различить шумъ и оживленный говоръ большого собранія. Дверь на лѣстницу была отворена настежь; слышались крики и споры. Комната Разумихина была довольно большая, собраніе же было человѣкъ въ пятнадцать. Раскольниковъ остановился въ прихожей. Тутъ, за перегородкой, двѣ хозяйскія служанки хлопотали около двухъ большихъ самоваровъ, около бутылокъ, тарелокъ и блюдъ съ пирогомъ и закусками, принесенныхъ съ хозяйской кухни. Раскольниковъ послалъ за Разумихинымъ. Тотъ прибѣжалъ въ восторгѣ. Съ перваго взгляда замѣтно было, что онъ необыкновенно много выпилъ, и хотя Разумихинъ почти никогда не могъ напиться до-пьяна, но на этотъ разъ что-то было замѣтно.

— Слушай, — поспѣшилъ Раскольниковъ, — я пришелъ только сказать, что ты закладъ выигралъ и что, дѣйствительно, никто не знаетъ, что̀ съ нимъ можетъ случиться. Войти же я не могу: я такъ слабъ, что сейчасъ упаду. И потому здравствуй и прощай! А завтра ко мнѣ приходи . . .

— Знаешь что̀, провожу я тебя домой! Ужъ когда ты самъ говоришь, что слабъ, то . . . . . .

— А гости? Кто этотъ курчавый, вотъ что̀ сейчасъ сюда заглянулъ?

— Этотъ? А чертъ его знаетъ! Дядинъ знакомый, должно быть, а, можетъ, и самъ пришелъ... Съ ними я оставлю дядю; это драгоцѣннѣйшій человѣкъ; жаль, что ты не можешь теперь познакомиться. А впрочемъ, чертъ съ ними со всѣми! Имъ теперь не до меня, да и мнѣ надо освѣжиться, потому, братъ, ты кстати пришелъ; еще двѣ минуты, и я бы тамъ подрался, ей Богу! Врутъ такую дичь... Ты представить себѣ не можешь, до какой степени можетъ изовраться, наконецъ, человѣкъ! Впрочемъ, какъ не представить? Мы-то сами развѣ не времъ? Да и пусть врутъ: зато потомъ врать не будутъ... Посиди минутку, я приведу Зосимова.

Зосимовъ съ какою-то даже жадностью накинулся на Раскольникова; въ немъ замѣтно было какое-то особенное любопытство; скоро лицо его прояснилось.

— Немедленно спать, — рѣшилъ онъ, осмотрѣвъ, по возможности, паціента, — а на ночь принять бы одну штучку. Примете? Я еще давеча заготовилъ... порошечекъ одинъ.

— Хоть два, — отвѣчалъ Раскольниковъ.

Порошокъ былъ тутъ же принятъ.

— Это очень хорошо, что ты самъ его поведешь, — замѣтилъ Зосимовъ Разумихину; — что̀ завтра будетъ, увидимъ, а сегодня очень даже недурно: значительная перемѣна съ давешняго. Вѣкъ живи, вѣкъ учись...

— Знаешь, что̀ мнѣ сейчасъ Зосимовъ шепнулъ, какъ мы выходили; — брякнулъ Разумихинъ, только что они вышли на улицу. — Я, братъ, тебѣ все прямо скажу, потому что они дураки. Зосимовъ велѣлъ мнѣ болтать съ тобою дорогой и тебя заставить болтать, и потомъ ему разсказать, по-

тому что у него идея... что ты... сумасшедшій или близокъ къ тому. Вообрази ты это себѣ! Во-первыхъ, ты втрое умнѣе, во-вторыхъ, если ты не помѣшанный, такъ тебѣ наплевать на то, что у него такая дичь въ головѣ, а въ-третьихъ, этотъ кусокъ мяса, и по спеціальности своей — хирургъ, помѣшался теперь на душевныхъ болѣзняхъ, а насчетъ тебя повернулъ его окончательно сегодняшній разговоръ твой съ Заметовымъ.

— Заметовъ все тебѣ разсказалъ?

— Все и отлично сдѣлалъ. Я теперь всю подноготную понялъ, и Заметовъ понялъ... Ну, да, однимъ словомъ, Родя... дѣло въ томъ... Я теперь пьянъ капельку... Но это ничего... дѣло въ томъ, что эта мысль... понимаешь? дѣйствительно, у нихъ наклевывалась... понимаешь? То есть, они никто не смѣли ее вслухъ высказывать, потому дичь нелѣпѣйшая, и особенно когда этого красильщика взяли, все это лопнуло и погасло навѣки. Но зачѣмъ они дураки? Я тогда Заметова немного поколотилъ, — это между нами, братъ; пожалуйста, и намека не подавай, что знаешь; я замѣтилъ, что онъ щекотливъ; у Лавизы было, — но сегодня, сегодня все стало ясно. Главное, этотъ Илья Петровичъ! Онъ тогда воспользовался твоимъ обморокомъ въ конторѣ, да и самому потомъ стыдно стало; я вѣдь знаю...

Раскольниковъ жадно слушалъ. Разумихинъ спьяну пробалтывался.

— Я въ обморокъ отого тогда упалъ, что было душно и краской масляною пахло, — сказалъ Раскольниковъ.

— Еще объясняетъ! Да и не одна краска: воспаленіе весь мѣсяцъ приготовлялось; Зосимовъ-то

налицо! А только какъ этотъ мальчишка теперь убитъ, такъ ты себѣ представить не можешь! «Мизинца, говоритъ, этого человѣка не стою!» Твоего, то есть. У него иногда, братъ, добрыя чувства. Но урокъ, урокъ ему сегодняшній въ «Хрустальномъ Дворцѣ», это верхъ совершенства! Вѣдь ты его испугалъ сначала, до судорогъ довелъ! Ты вѣдь почти заставилъ его опять убѣдиться во всей этой безобразной безсмыслицѣ и потомъ, вдругъ—языкъ ему выставилъ: «На, дескать, что взялъ!» Совершенство! Раздавленъ, уничтоженъ теперь! Мастеръ ты, ей Богу, такъ ихъ и надо! Эхъ, не было меня тамъ! Ждалъ онъ тебя теперь ужасно. Порфирій тоже желаетъ съ тобой познакомиться...

— А... ужъ и этотъ... А въ сумасшедшіе-то меня почему записали?

— То есть не въ сумасшедшіе. Я, братъ, кажется, слишкомъ тебѣ разболтался... Поразило, видишь ли, его давеча то, что тебя одинъ только этотъ пунктъ интересуетъ... Теперь ясно, почему интересуетъ; зная всѣ обстоятельства... и какъ это тебя раздражило тогда и вмѣстѣ съ болѣзнью сплелось... Я, братъ, пьянъ немного, только, чертъ его знаетъ, у него какая-то есть своя идея... Я тебѣ говорю: на душевныхъ болѣзняхъ помѣшался. А только ты плюнь...

Съ полминуты оба помолчали.

— Слушай, Разумихинъ, — заговорилъ Раскольниковъ,—я тебѣ хочу сказать прямо; я сейчасъ у мертваго былъ, одинъ чиновникъ умеръ... я тамъ всѣ мои деньги отдалъ... и кромѣ того, меня цѣловало сейчасъ одно существо, которое, если бъ я и убилъ кого-нибудь, тоже бы... однимъ словомъ, я тамъ видѣлъ еще другое одно существо...

съ огненнымъ перомъ... а, впрочемъ, я завираюсь; я очень слабъ, поддержи меня... сейчасъ вѣдь и лѣстница...

— Что съ тобой? Что съ тобой? — спрашивалъ встревоженный Разумихинъ.

— Голова немного кружится, только не въ томъ дѣло, а въ томъ, что мнѣ такъ грустно, такъ грустно! точно женщинѣ... право! Смотри, это что̀? Смотри! Смотри!

— Что̀ такое?

— Развѣ не видишь? Свѣтъ въ моей комнатѣ, видишь? Въ щель...

Они уже стояли передъ послѣднею лѣстницей, рядомъ съ хозяйкиной дверью, и дѣйствительно, замѣтно было снизу, что въ каморкѣ Раскольникова свѣтъ.

— Странно! Настасья, можетъ быть, — замѣтилъ Разумихинъ.

— Никогда ея въ это время у меня не бываетъ, да и спитъ она давно, но... мнѣ все равно! Прощай!

— Что ты? Да я провожу тебя, вмѣстѣ войдемъ!

— Знаю, что вмѣстѣ войдемъ, но мнѣ хочется здѣсь пожать тебѣ руку и здѣсь съ тобой проститься. Ну, давай руку, прощай!

— Что̀ съ тобой, Родя?

— Ничего; пойдемъ; ты будешь свидѣтелемъ...

Они стали взбираться на лѣстницу, и у Разумихина мелькнула мысль, что Зосимовъ-то, можетъ быть, правъ. «Эхъ! Разстроилъ я его моей болтовней!» — пробормоталъ онъ про себя. Вдругъ, подходя къ двери, они услышали въ комнатѣ голоса.

— Да что̀ тутъ такое? — вскричалъ Разумихинъ.

Раскольниковъ первый взялся за дверь и отворилъ ее настежь, отворилъ и сталъ на порогѣ, какъ вкопаный.

Мать и сестра его сидѣли у него на диванѣ и ждали уже полтора часа. Почему же онъ всего менѣе ихъ ожидалъ и всего менѣе о нихъ думалъ, несмотря на повторившееся даже сегодня извѣстіе, что онѣ выѣзжаютъ, ѣдутъ, сейчасъ прибудутъ? Всѣ эти полтора часа онѣ наперебивъ разспрашивали Настасью, стоявшую и теперь передъ ними и уже успѣвшую разсказать имъ всю подноготную. Онѣ себя не помнили отъ испуга, когда услышали, что онъ «сегодня сбѣжалъ», больной и, какъ видно изъ разсказа, непремѣнно въ бреду! «Боже, что̀ съ нимъ!» Обѣ плакали, обѣ вынесли крестную муку въ эти полтора часа ожиданія.

Радостный, восторженный крикъ встрѣтилъ появленіе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Но онъ стоялъ, какъ мертвый; невыносимое внезапное сознаніе ударило въ него, какъ громомъ. Да и руки его не поднимались обнять ихъ: не могли! Мать и сестра сжимали его въ объятіяхъ, цѣловали его, смѣялись, плакали... Онъ ступилъ шагъ, покачнулся и рухнулся на полъ въ обморокѣ.

Тревога, крики ужаса, стоны... Разумихинъ, стоявшій на порогѣ, влетѣлъ въ комнату, схватилъ больного въ свои мощныя руки, и тотъ мигомъ очутился на диванѣ.

— Ничего, ничего! — кричалъ онъ матери и сестрѣ, — это обморокъ, это дрянь! Сейчасъ только докторъ сказалъ, что ему гораздо лучше, что онъ совершенно здоровъ! Воды! Ну, вотъ ужъ онъ и приходитъ въ себя, ну, вотъ и очнулся!..

И схвативъ за руку Дунечку такъ, что чуть не

вывернулъ ей руки, онъ пригнулъ ее посмотрѣть на то, что «вотъ ужъ онъ и очнулся». И мать и сестра смотрѣли на Разумихина, какъ на провидѣніе, съ умиленіемъ и благодарностью; онѣ уже слышали отъ Настасьи, чѣмъ былъ для ихъ Роди, во все время болѣзни, этотъ «расторопный молодой человѣкъ», какъ назвала его, въ тотъ же вечеръ, въ интимномъ разговорѣ съ Дуней, сама Пульхерія Александровна Раскольникова.

Часть третья.

I.

Раскольниковъ приподнялся и сѣлъ на диванѣ.

Онъ слабо махнулъ Разумихину, чтобы прекратить цѣлый потокъ его безсвязныхъ и горячихъ утѣшеній, обращенныхъ къ матери и сестрѣ, взялъ ихъ обѣихъ за руки и минуты двѣ молча всматривался то въ ту, то въ другую. Мать испугалась его взгляда. Въ этомъ взглядѣ просвѣчивалось сильное до страданія чувство, но въ то же время было что-то неподвижное, даже какъ будто безумное. Пульхерія Александровна заплакала.

Авдотья Романовна была блѣдна; рука ея дрожала въ рукѣ брата.

— Ступайте домой... съ нимъ, — проговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ, указывая на Разумихина, — до завтра; завтра все... Давно вы пріѣхали?

— Вечеромъ, Родя, — отвѣчала Пульхерія Александровна, — поѣздъ ужасно опоздалъ. Но, Родя, я ни за что не уйду теперь отъ тебя! Я ночую здѣсь, подлѣ...

— Не мучьте меня! — проговорилъ онъ, раздражительно махнувъ рукой.

— Я останусь при немъ! — вскричалъ Разумихинъ, — ни на минуту его не покину, и къ черту тамъ всѣхъ моихъ, пусть на стѣны лѣзутъ! Тамъ у меня дядя президентомъ.

— Чѣмъ, чѣмъ я возблагодарю васъ! — начала было Пульхерія Александровна, снова сжимая руки Разумихина, но Раскольниковъ опять прервалъ ее:

— Я не могу, не могу, — раздражительно повторялъ онъ, — не мучьте! Довольно, уйдите... Не могу!..

— Пойдемте, маменька, хоть изъ комнаты выйдемъ на минуту, — шепнула испуганная Дуня, — мы его убиваемъ, это видно.

— Да неужели жъ я и не погляжу на него, послѣ трехъ-то лѣтъ! — заплакала Пульхерія Александровна.

— Постойте! — остановилъ онъ ихъ снова, — вы все перебиваете, а у меня мысли мѣшаются... Видѣли Лужина?

— Нѣтъ, Родя, но онъ уже знаетъ о нашемъ пріѣздѣ. Мы слышали, Родя, что Петръ Петровичъ былъ такъ добръ, навѣстилъ тебя сегодня, — съ нѣкоторою робостью прибавила Пульхерія Александровна.

— Да... былъ такъ добръ... Дуня, я давеча Лужину сказалъ, что его съ лѣстницы спущу, и прогналъ къ черту...

— Родя, что ты! Ты вѣрно... ты не хочешь сказать, — начала было въ испугѣ Пульхерія Александровна, но остановилась, смотря на Дуню.

Авдотья Романовна пристально вглядывалась въ брата и ждала дальше. Обѣ уже были предузѣдомлены о ссорѣ Настасьей, насколько та могла по-

нять и передать, и истрадались въ недоумѣніи и ожиданіи.

— Дуня, — съ усиліемъ продолжалъ Раскольниковъ, — я этого брака не желаю, а потому ты и должна, завтра же, при первомъ словѣ, Лужину отказать, чтобъ и духу его не пахло.

— Боже мой! — вскричала Пульхерія Александровна.

— Братъ, подумай, что ты говоришь! — вспыльчиво начала было Авдотья Романовна, но тотчасъ же удержалась. — Ты, можетъ быть, теперь не въ состояніи, ты усталъ, — кротко сказала она.

— Въ бреду? Нѣтъ . . . Ты выходишь за Лужина *для меня*. А я жертвы не принимаю. И потому, къ завтрему, напиши письмо . . . съ отказомъ . . . Утромъ дай мнѣ прочесть и конецъ!

— Я этого не могу сдѣлать! — вскричала обиженная дѣвушка. — По какому праву . . .

— Дунечка, ты тоже вспыльчива, перестань, завтра . . . Развѣ ты не видишь . . . — перепугалась мать, бросаясь къ Дунѣ. Ахъ, уйдемте ужъ лучше!

— Бредитъ! — закричалъ хмѣльной Разумихинъ, — а то какъ бы онъ смѣлъ! Завтра вся эта дурь выскочитъ . . . А сегодня онъ, дѣйствительно, его выгналъ. Это такъ и было. Ну, а тотъ разсердился . . . Ораторствовалъ здѣсь, знанія свои выставлялъ, да и ушелъ, хвостъ поджавъ . . .

— Такъ это правда? — вскричала Пульхерія Александровна.

— До завтра, братъ, — съ состраданіемъ сказала Дуня, — пойдемте, маменька . . . Прощай, Родя!

— Слышишь, сестра, — повторилъ онъ вслѣдъ,

собравъ послѣднія усилія, — я не въ бреду; этотъ бракъ — подлость. Пусть я подлецъ, а ты не должна . . . одинъ кто-нибудь . . . а я хоть и подлецъ, но такую сестру сестрой считать не буду. Или я, или Лужинъ! Ступайте . . .

— Да ты съ ума сошелъ! Деспотъ! — заревѣлъ Разумихинъ, но Раскольниковъ уже не отвѣчалъ, а, можетъ быть, и не въ силахъ былъ отвѣчать. Онъ легъ на диванъ и отвернулся къ стѣнѣ въ полномъ изнеможеніи. Авдотья Романовна любопытно поглядѣла на Разумихина; черные глаза ея сверкнули; Разумихинъ даже вздрогнулъ подъ этимъ взглядомъ. Пульхерія Александровна стояла какъ пораженная.

— Я ни за что не могу уйти! — шептала она Разумихину, чуть не въ отчаяніи, — я останусь здѣсь, гдѣ-нибудь . . . проводите Дуню.

— И все дѣло испортите! — тоже прошепталъ, изъ себя выходя, Разумихинъ, — выйдемте хоть на лѣстницу. Настасья, свѣти! Клянусь вамъ, — продолжалъ онъ полушепотомъ, ужъ на лѣстницѣ, — что давеча насъ, меня и доктора, чуть не прибилъ! Понимаете вы это! Самого доктора! И тотъ уступилъ, чтобы не раздражать, и ушелъ, а я внизу остался стеречь, а онъ тутъ одѣлся и улизнулъ. И теперь улизнетъ, коли раздражать будете, ночью-то, да что-нибудь и сдѣлаетъ надъ собой . . .

— Ахъ, что̀ вы говорите!

— Да и Авдотьѣ Романовнѣ невозможно въ нумерахъ безъ васъ, одной! Подумайте, гдѣ вы стоите! Вѣдь этотъ подлецъ, Петръ Петровичъ, не могъ развѣ лучше вамъ квартиру . . . А впрочемъ, знаете, я немного пьянъ и потому . . . обругалъ; не обращайте...

— Но я пойду къ здѣшней хозяйкѣ, — настаивала Пульхерія Александровна, — я умолю ее, чтобъ она дала мнѣ и Дунѣ уголъ на эту ночь. Я не могу оставить его такъ, не могу!

Говоря это, они стояли на лѣстницѣ, на площадкѣ, передъ самою хозяйкиною дверью. Настасья свѣтила имъ съ нижней ступеньки. Разумихинъ былъ въ необыкновенномъ возбужденіи. Еще полчаса тому, провожая домой Раскольникова, онъ былъ хоть и излишне болтливъ, что̀ и сознавалъ, но совершенно бодръ и почти свѣжъ, несмотря на ужасное количество выпитаго въ этотъ вечеръ вина. Теперь же состояніе его походило на какой-то даже восторгъ, и въ то же время какъ будто все выпитое вино вновь, разомъ и съ удвоенною силой, бросилось ему въ голову. Онъ стоялъ съ обѣими дамами, схвативъ ихъ обѣихъ за руки, уговаривая ихъ и представляя имъ резоны съ изумительною откровеностью и, вѣроятно, для большаго убѣжденія, почти при каждомъ словѣ своемъ, крѣпко-на-крѣпко, какъ въ тискахъ сжималъ имъ обѣимъ руки до боли, и, казалось, пожиралъ глазами Авдотью Романовну, нисколько этимъ не стѣсняясь. Отъ боли онѣ иногда вырывали свои руки изъ его огромной и костлявой ручищи, но онъ не только не замѣчалъ въ чемъ дѣло, но еще крѣпче притягивалъ ихъ къ себѣ. Если бъ онѣ велѣли ему сейчасъ, для своей услуги, броситься съ лѣстницы внизъ головой, то онъ тотчасъ же бы это исполнилъ, не разсуждая и не сомнѣваясь. Пульхерія Александровна, вся встревоженная мыслью о своемъ Родѣ, хоть и чувствовала, что молодой человѣкъ очень ужъ эксцентриченъ и слишкомъ ужъ больно жметъ ей руку, но такъ какъ

въ то же время онъ былъ для нея провидѣніемъ, то и не хотѣла замѣчать всѣхъ этихъ эксцентрическихъ подробностей. Но несмотря на ту же тревогу, Авдотья Романовна, хоть и не пугливаго была характера, но съ изумленіемъ и почти даже съ испугомъ встрѣчала сверкающіе дикимъ огнемъ взгляды друга своего брата, и только безпредѣльная довѣренность, внушенная разсказами Настасьи объ этомъ страшномъ человѣкѣ, удержала ее отъ покушенія убѣжать отъ него и утащить за собою мать. Она понимала тоже, что, пожалуй, имъ и убѣжать-то отъ него теперь ужъ нельзя. Впрочемъ, минутъ черзъ десять она значительно успокоилась: Разумихинъ имѣлъ свойство мигомъ весь высказываться, въ какомъ бы онъ ни былъ настроеніи, такъ что всѣ очень скоро узнавали съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

— Невозможно къ хозяйкѣ, и вздоръ ужаснѣйшій! — вскричалъ онъ, убѣждая Пульхерію Александровну. — Хоть вы и мать, а если останетесь, то доведте его до бѣшенства, и тогда чертъ знаетъ, что будетъ! Слушайте, вотъ что̀ я сдѣлаю: теперь у него Настасья посидитъ, а я васъ обѣихъ отведу къ вамъ, потому что вамъ однѣмъ нельзя по улицамъ: у насъ въ Петербургѣ на этотъ счетъ... Ну, наплевать! . . Потомъ отъ васъ тотчасъ же бѣгу сюда и черезъ четверть часа, мое честнѣйшее слово, принесу вамъ донесеніе: каковъ онъ? спитъ или нѣтъ? и все прочее. Потомъ, слушайте! Потомъ отъ васъ мигомъ къ себѣ, — тамъ у меня гости, всѣ пьяные, — беру Зосимова — это докторъ, который его лѣчитъ, онъ теперь у меня сидитъ, не пьянъ; этотъ не пьянъ, этотъ никогда не пьянъ! Тащу его къ Родькѣ и потомъ тотчасъ къ вамъ,

значитъ, въ часъ вы получите о немъ два извѣстія, — и отъ доктора, понимаете, отъ самого доктора; это ужъ не то что отъ меня! Коль худо, клянусь, я васъ самъ сюда приведу, а хорошо, такъ и ложитесь спать. А я всю ночь здѣсь ночую, въ сѣняхъ, онъ и не услышитъ, а Зосимову велю ночевать у хозяйки, чтобы былъ подъ рукой. Ну что для него теперь лучше, вы или докторъ? Вѣдь докторъ полезнѣе, полезнѣе. Ну, такъ и идите домой! А къ хозяйкѣ невозможно; мнѣ возможно, а вамъ невозможно: не пуститъ, потому . . . потому что она дура. Она меня приревнуетъ къ Авдотьѣ Романовнѣ, хотите знать, да и къ вамъ тоже... А ужъ къ Авдотьѣ Романовнѣ непремѣнно. Это совершенно, совершенно неожиданный характеръ! Впрочемъ, я тоже дуракъ . . . Наплевать! Пойдемте! Вѣрите вы мнѣ? Ну, вѣрите вы мнѣ или нѣтъ?

— Пойдемте, маменька, — сказала Авдотья Романовна, — онъ вѣрно такъ сдѣлаетъ, какъ обѣщаетъ. Онъ воскресилъ уже брата, а если правда, что докторъ согласится здѣсь ночевать, такъ чего же лучше?

— Вотъ вы . . . вы . . . вы меня понимаете, потому что вы — ангелъ! — въ восторгѣ вскричалъ Разумихинъ. — Идемъ! Настасья! Мигомъ наверхъ и сиди тамъ при немъ, съ огнемъ; я черезъ четверть часа приду . . .

Пульхерія Александровна хоть и не убѣдилась совершенно, но и не сопротивлялась болѣе. Разумихинъ принялъ ихъ обѣихъ подъ руки и потащилъ съ лѣстницы. Впрочемъ, и онъ ее безпокоилъ: «хоть и расторопный, и добрый, да въ состояніи ли исполнить, что обѣщаетъ? Въ такомъ вѣдь онъ видѣ! . . »

— А, понимаю, вы думаете, что я въ такомъ видѣ! — перебилъ ея мысли Разумихинъ, угадавъ ихъ и шагая своими огромнѣйшими шажищами по тротуару, такъ что обѣ дамы едва могли за нимъ слѣдовать, чего, впрочемъ, онъ не замѣчалъ. — Вздоръ! то есть . . . я пьянъ, какъ олухъ, но не въ томъ дѣло; я пьянъ не отъ вина. А это, какъ я васъ увидалъ, мнѣ въ голову и ударило . . . Да наплевать на меня! Не обращайте вниманія; я вру; я васъ недостоинъ . . . Я васъ въ высшей степени недостоинъ! . . А какъ отведу васъ, мигомъ, здѣсь же въ канавѣ, вылью себѣ на голову два ушата воды, и готовъ . . . Если бы вы только знали, какъ я васъ обѣихъ люблю! . . Не смѣйтесь и не сердитесь! . . На всѣхъ сердитесь, а на меня не сердитесь! Я его другъ, а, стало быть, и вашъ другъ. Я такъ хочу . . . Я это предчувствовалъ . . . прошлаго года, одно мгновеніе такое было . . . Впрочемъ, вовсе не предчувствовалъ, потому что вы какъ съ неба упали. А я, пожалуй, и всю ночь не буду спать . . . Этотъ Зосимовъ давеча боялся, чтобъ онъ не сошелъ съ ума . . . Вотъ отчего его раздражать не надо . . .

— Что вы говорите! — вскричала мать.

— Неужели самъ докторъ такъ говорилъ? — спросила Авдотья Романовна, испугавшись.

— Говорилъ, но это не то, совсѣмъ не то. Онъ и лѣкарство такое далъ, порошокъ, я видѣлъ, а вы тутъ и пріѣхали . . . Эхъ! . . Вамъ бы завтра лучше пріѣхать! Это хорошо, что мы ушли. А черезъ часъ вамъ обо всемъ самъ Зосимовъ отрапортуетъ. Вотъ тотъ такъ не пьянъ! И я буду не пьянъ . . . А отчего я такъ нахлестался? А оттого, что въ споръ ввели проклятые! Заклятье вѣдь

калъ не спорить!.. Такую чушь городятъ! Чуть не подрался! Я тамъ дядю оставилъ, предсѣдателемъ... Ну, вѣрите ли: полной безличности требуютъ, и въ этомъ самый смакъ находятъ! Какъ бы только самимъ собой не быть, какъ бы всего менѣе на себя походить! Это-то у нихъ самымъ высочайшимъ прогрессомъ и считается. И хоть бы врали-то они по-своему, а то...

— Послушайте, — робко перебила Пульхерія Александровна, но это только поддало жару.

— Да вы что думаете? — кричалъ Разумихинъ, еще болѣе возвышая голосъ, — вы думаете, я за то, что они врутъ? Вздоръ! Я люблю, когда врутъ! Вранье есть единственная человѣческая привилегія передъ всѣми организмами. Соврешь — до правды дойдешь! Потому я и человѣкъ, что вру. Ни до одной правды не добирались, не соврав напередъ разъ четырнадцать, а, можетъ, и сто четырнадцать, а это почетно въ своемъ родѣ; ну, а мы и соврать-то своимъ умомъ не умѣемъ! Ты мнѣ ври, да ври по-своему, и я тебя тогда поцѣлую. Соврать по-своему вѣдь это почти лучше, чѣмъ правда по одному почужому; въ первомъ случаѣ ты человѣкъ, а во второмъ ты только что птица! Правда не уйдетъ, а жизнь-то заколотить можно; примѣры были. Ну, что мы теперь? Всѣ-то мы, всѣ безъ исключенія, по части науки, развитія, мышленія, изобрѣтеній, идеаловъ, желаній, либерализма, разсудка, опыта и всего, всего, всего, всего, всего, еще въ первомъ предуготовительномъ классѣ гимназіи сидимъ! Понравилось чужимъ умомъ пробавляться, — въѣлись! Такъ ли? Такъ ли я говорю! — кричалъ Разумихинъ, потрясая и сжимая руки обѣихъ дамъ, — такъ ли?

— О, Боже мой, я не знаю, — проговорила бѣдная Пульхерія Александровна.

— Такъ, такъ... хоть я и не во всемъ съ вами согласна, — серьезно прибавила Авдотья Романовна и тутъ же вскрикнула, до того больно на этотъ разъ стиснулъ онъ ей руку.

— Такъ? Вы говорите, такъ? Ну такъ послѣ этого вы... вы... — закричалъ онъ въ восторгѣ, — вы источникъ доброты, чистоты, разума, и... совершенства! Дайте вашу руку, дайте... вы тоже дайте вашу, я хочу поцѣловать ваши руки здѣсь, сейчасъ, на колѣняхъ!

И онъ сталъ на колѣни среди тротуара къ счастью, на этотъ разъ пустыннаго.

— Перестаньте, прошу васъ, что вы дѣлаете?— вскричала встревоженная до крайности Пульхерія Александровна.

— Встаньте, встаньте! — смѣялась и тревожилась тоже Дуня.

— Ни за что, прежде чѣмъ не дадите рукъ! Вотъ такъ, и довольно, и всталъ, и пойдемте! Я несчастный олухъ, я васъ недостоинъ и пьянъ, и стыжусь... Любить я васъ недостоинъ, но преклоняться предъ вами — это обязанность каждаго, если только онъ не совершенный скотъ! Я и преклонился... Вотъ и ваши нумера, и ужъ тѣмъ однимъ правъ Родіонъ, что давеча вашего Петра Петровича выгналъ! Какъ онъ смѣлъ васъ въ такіе нумера помѣстить? Это скандалъ! Знаете ли, кого сюда пускаютъ? А вѣдь вы невѣста! Вы невѣста, да? Ну такъ я вамъ скажу, что вашъ женихъ подлецъ послѣ этого!

— Послушайте, господинъ Разумихинъ, вы забылись... — начала было Пульхерія Александровна.

— Да, да, вы правы, я забылся, стыжусь! — спохватился Разумихинъ, — но . . . но . . . вы не можете на меня сердиться за то, что я такъ говорю! Потому что я искренно говорю, а не оттого, что . . . гм! это было бы подло; однимъ словомъ, не оттого, что я въ васъ . . . гм! . . ну, такъ и быть, не надо, не скажу отчего, не смѣю! . . А мы всѣ давеча поняли, какъ онъ вошелъ, что этотъ человѣкъ не нашего общества. Не потому, что онъ вошелъ завитой у парикмахера, не потому, что онъ свой умъ спѣшилъ выставлять, а потому, что онъ соглядатай и спекулянтъ; потому что онъ жидъ и фигляръ, и это видно. Вы думаете, онъ уменъ? Нѣтъ, онъ дуракъ, дуракъ! Ну, пара ли онъ вамъ? О, Боже мой! Видите, барыни, — остановился онъ вдругъ, уже поднимаясь на лѣстницу въ нумера, — хоть они у меня тамъ всѣ пьяные, но зато всѣ честные, и хоть мы и времъ, потому вѣдь и я тоже вру, да доврется же, наконецъ, и до правды, потому что на благородной дорогѣ стоимъ, а Петръ Петровичъ . . . не на благородной дорогѣ стоитъ. Я хотя ихъ сейчасъ и ругалъ ругательски, но я вѣдь ихъ всѣхъ уважаю; даже Заметова хоть не уважаю, такъ люблю, потому — щенокъ. Даже этого скота Зосимова, потому — честенъ и дѣло знаетъ . . . Но, довольно, все сказано и прощено. Прощено? Такъ ли? Ну, пойдемте. Знаю я этотъ корридоръ, бывалъ; вотъ тутъ, въ третьемъ нумерѣ, былъ скандалъ . . . Ну, гдѣ вы здѣсь? Который нумеръ? Восьмой? Ну, такъ на ночь запритесь, никого не пускайте. Черезъ четверть часа ворочусь съ извѣстіемъ, а потомъ еще черезъ полчаса съ Зосимовымъ, увидите! Прощайте, бѣгу!

— Боже мой, Дунечка, что это будетъ? — ска-

зала Пульхерія Александровна, тревожно и пугливо обращаясь къ дочери.

— Успокойтесь, маменька, — отвѣчала Дуня, снимая съ себя шляпку и мантильку, — намъ самъ Богъ послалъ этого господина, хоть онъ и прямо съ какой-то попойки. На него можно положиться, увѣряю васъ. И все, что онъ уже сдѣлалъ для брата . . .

— Ахъ, Дунечка, Богъ его знаетъ, придетъ ли! И какъ я могла рѣшиться оставить Родю! . . И совсѣмъ, совсѣмъ не такъ воображала его найти! Какъ онъ былъ суровъ, точно онъ намъ не радъ . . .

Слезы показались на глазахъ ея.

— Нѣтъ, это не такъ, маменька. Вы не вглядѣлись, вы все плакали. Онъ очень разстроенъ отъ большой болѣзни, — вотъ всему и причина.

— Ахъ, эта болѣзнь! Что-то будетъ, что-то будетъ! И какъ онъ говорилъ съ тобою, Дуня! — сказала мать, робко заглядывая въ глаза дочери, чтобы прочитать всю ея мысль, и уже вполовину утѣшенная тѣмъ, что Дуня же и защищаетъ Родю, а, стало быть, простила его. — Я увѣрена, что онъ завтра одумается, — прибавила она, выпытывая до конца.

— А я такъ увѣрена, что онъ и завтра будетъ тоже говорить . . . объ этомъ, — отрѣзала Авдотья Романовна, и ужъ, конечно, это была загвоздка, потому что тутъ былъ пунктъ, о которомъ Пульхерія Александровна слишкомъ боялась теперь заговаривать. Дуня подошла и поцѣловала мать. Та крѣпко молча обняла ее. Затѣмъ сѣла въ тревожномъ ожиданіи возвращенія Разумихина и робко стала слѣдить за дочерью, которая, скрестивъ руки и тоже въ ожиданіи, стала ходить взадъ и впередъ

по комнатѣ, раздумывая про себя. Такая ходьба изъ угла въ уголъ, въ раздумьи, была обыкновенною привычкою Авдотьи Романовны, и мать всегда какъ-то боялась нарушать въ такое время ея задумчивость.

Разумихинъ, разумѣется, былъ смѣшонъ съ своею внезапною, спьяну загорѣвшеюся страстью къ Авдотьѣ Романовнѣ; но, посмотрѣвъ на Авдотью Романовну, особенно теперь, когда она ходила, скрестивъ руки по комнатѣ, грустная и задумчивая, можетъ быть, многіе извинили бы его, не говоря уже объ эксцентрическомъ его состояніи. Авдотья Романовна была замѣчательно хороша собою, — высокая, удивительно стройная, сильная, самоувѣренная, — что высказывалось во всякомъ жестѣ ея, и что, впрочемъ, нисколько не отнимало у нея движеній мягкости и граціозности. Лицомъ она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей. Волосы у нея были темнорусые, немного свѣтлѣй, чѣмъ у брата; глаза почти черные, сверкающіе, гордые и въ то же время иногда, минутами, необыкновенно добрые. Она была блѣдна, но не болѣзненно блѣдна; лицо ея сіяло свѣжестью и здоровьемъ. Ротъ у нея былъ немного малъ, нижняя губка, свѣжая и алая, чуть-чуть выдавалась впередъ, вмѣстѣ съ подбородкомъ, — единственная неправильность въ этомъ прекрасномъ лицѣ, но придававшая ему особенную характерность и, между прочимъ, какъ будто надменность. Выраженіе лица ея всегда было болѣе серьезное чѣмъ веселое, вдумчивое; зато какъ же шла улыбка къ этому лицу, какъ же шелъ къ ней смѣхъ, веселый, молодой, беззавѣтный! Понятно, что горячій, откровенный, простоватый, честный, сильный, какъ

богатырь, и пьяный Разумихинъ, никогда не видавшій ничего подобнаго, съ перваго взгляда потерялъ голову. Къ тому же случай, какъ нарочно, въ первый разъ показалъ ему Дуню, въ прекрасный моментъ любви и радости свиданія съ братомъ. Онъ видѣлъ потомъ, какъ дрогнула у ней въ негодованіи нижняя губка въ отвѣтъ на дерзкія и неблагодарно-жестокія приказанія брата, — и не могъ устоять.

Онъ, впрочемъ, правду сказалъ, когда провралcя давеча спьяну на лѣстницѣ, что эксцентрическая хозяйка Раскольникова, Прасковья Павловна, приревнуетъ его не только къ Авдотьѣ Романовнѣ, но, пожалуй, и къ самой Пульхеріи Александровнѣ. Несмотря на то, что Пульхеріи Александровнѣ было уже сорокъ три года, лицо ея все еще сохраняло въ себѣ остатки прежней красоты, и къ тому же она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ, что бываетъ почти всегда съ женщинами, сохранившими ясность духа, свѣжесть впечатлѣній и честный, чистый жаръ сердца до старости. Скажемъ въ скобкахъ, что сохранить все это есть единственное средство не потерять красоты своей даже въ старости. Волосы ея уже начинали сѣдѣть и рѣдѣть, маленькія лучистыя морщинки уже давно появились около глазъ, щеки впали и высохли отъ заботы и горя, и все-таки это лицо было прекрасно. Это былъ портретъ Дунечкина лица, только двадцать лѣтъ спустя, да кромѣ еще выраженія нижней губки, которая у ней не выдавалась впередъ. Пульхерія Александровна была чувствительна, впрочемъ, не до приторности, робка и уступчива, но до извѣстной черты: она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже изъ того, что противорѣчило ея убѣжденію, но всегда была такая черта

честности, правилъ и крайнихъ убѣжденій, за которую никакія обстоятельства не могли заставить ее переступить.

Ровно черезъ двадцать минутъ по уходѣ Разумихина раздались два негромкіе, но спѣшные удара въ дверь; онъ воротился.

— Не войду, некогда! — заторопился онъ, когда отворили дверь, — спитъ во всю ивановскую, отлично, спокойно, и дай Богъ, чтобы часовъ десять проспалъ. У него Настасья; велѣлъ не выходить до меня. Теперь притащу Зосимова, онъ вамъ отрапортуетъ, а затѣмъ и вы на боковую; изморились, я вижу, до-нельзя . . .

И онъ пустился отъ нихъ по корридору.

— Какой расторопный и . . . преданный человѣкъ! — воскликнула чрезвычайно обрадованная Пульхерія Александровна.

— Кажется, славная личность! — съ нѣкоторымъ жаромъ отвѣтила Авдотья Романовна, начиная опять ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Почти черезъ часъ раздались шаги въ корридорѣ и другой стукъ въ дверь. Обѣ женщины ждали, на этотъ разъ вполнѣ вѣруя обѣщанію Разумихина; и, дѣйствительно, онъ успѣлъ притащить Зосимова. Зосимовъ тотчасъ же согласился бросить пиръ и идти посмотрѣть на Раскольникова, но къ дамамъ пошелъ нехотя и съ большою недовѣрчивостью, не довѣряя пьяному Разумихину. Но самолюбіе его было тотчасъ же успокоено и даже польщено: онъ понялъ, что его, дѣйствительно, ждали, какъ оракула. Онъ просидѣлъ ровно десять минутъ и совершенно успѣлъ убѣдить и успокоить Пульхерію Александровну. Говорилъ онъ съ необыкновеннымъ участіемъ, но сдержанно и какъ-то

усиленно серьезно, совершенно какъ двадцатисемилѣтній докторъ на важной консультаціи, и ни единымъ словомъ не уклонился отъ предмета и не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія войти въ болѣе личныя и частныя отношенія съ обѣими дамами. Замѣтивъ еще при входѣ, какъ ослѣпительно хороша собою Авдотья Романовна, онъ тотчасъ же постарался даже не примѣчать ее вовсе, во все время визита, и обращался единственно къ Пульхеріи Александровнѣ. Все это доставляло ему чрезвычайное внутреннее удовлетвореніе. Собственно о больномъ онъ выразился, что находитъ его въ настоящую минуту въ весьма удовлетворительномъ состояніи. По наблюденіямъ же его, болѣзнь паціента, кромѣ дурной матеріальной обстановки послѣднихъ мѣсяцевъ жизни, имѣетъ еще нѣкоторыя нравственныя причины, «есть, такъ сказать, продуктъ многихъ сложныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ вліяній, тревогъ, опасеній, заботъ, нѣкоторыхъ идей . . . и прочаго». Замѣтивъ вскользь, что Авдотья Романовна стала особенно внимательно вслушиваться, Зосимовъ нѣсколько болѣе распространился на эту тему. На тревожный же и робкій вопросъ Пульхеріи Александровны, насчетъ «будто бы нѣкоторыхъ подозрѣній въ помѣшательствѣ», онъ отвѣчалъ съ спокойною и откровенною усмѣшкой, что слова его слишкомъ преувеличены; что, конечно, въ больномъ замѣтна какая-то неподвижная мысль, что-то, обличающее мономанію, — такъ какъ онъ, Зосимовъ, особенно слѣдитъ теперь за этимъ чрезвычайно интереснымъ отдѣломъ медицины, — но вѣдь надо же вспомнить, что почти вплоть до сегодня больной былъ въ бреду, и . . . и, конечно, пріѣздъ родныхъ его укрѣпитъ,

разсѣетъ и подѣйствуетъ спасительно, — «если только можно будетъ избѣгнуть новыхъ особенныхъ потрясеній», прибавилъ онъ значительно. Затѣмъ всталъ, солидно и радушно откланялся, сопровождаемый благословеніями, горячею благодарностью, мольбами и даже протянувшеюся къ нему для пожатія, безъ его исканія, ручкой Авдотьи Романовны, и вышелъ чрезвычайно довольный своимъ посѣщеніемъ и еще болѣе самимъ собою.

— А говорить будемъ завтра; ложитесь, сейчасъ, непремѣнно! — скрѣпилъ Разумихинъ, уходя съ Зосимовымъ. — Завтра, какъ можно раньше, я у васъ съ рапортомъ.

— Однако, какая восхитительная дѣвочка эта Авдотья Романовна! — замѣтилъ Зосимовъ, чуть не облизываясь, когда оба вышли на улицу.

— Восхитительная? Ты сказалъ восхитительная! — заревѣлъ Разумихинъ и вдругъ бросился на Зосимова и схватилъ его за горло. — Если ты когда-нибудь осмѣлишься . . . Понимаешь? Понимаешь? — кричалъ онъ, потрясая его за воротникъ и прижавъ къ стѣнѣ, — слышалъ?

— Да пусти, пьяный чертъ! — отбивался Зосимовъ, и потомъ, когда уже тотъ его выпустилъ, посмотрѣлъ на него пристально и вдругъ покатился со смѣху. Разумихинъ стоялъ передъ нимъ, опустивъ руки, въ мрачномъ и серьезномъ раздумьи.

— Разумѣется, я оселъ, — проговорилъ онъ, мрачный, какъ туча, — но вѣдь . . . и ты тоже.

— Ну нѣтъ, братъ, совсѣмъ не тоже. Я о глупостяхъ не мечтаю.

Они пошли молча, и только подходя къ квартирѣ Раскольникова, Разумихинъ, сильно озабоченный, прервалъ молчаніе.

— Слушай, — сказалъ онъ Зосимову, — ты малый славный, но ты, кромѣ всѣхъ твоихъ скверныхъ качествъ, еще и потаскунъ, это я знаю, да еще изъ грязныхъ. Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирѣлъ и ни въ чемъ себѣ отказать не можешь, — а это ужъ я называю грязью, потому что прямо доводитъ до грязи. Ты до того себя разнѣжилъ, что, признаюсь, я всего менѣе понимаю, какъ ты можешь быть при всемъ этомъ хорошимъ и даже самоотверженнымъ лѣкаремъ. На перинѣ спитъ (докторъ-то!), а по ночамъ встаетъ для больного . . . Года черезъ три ты ужъ не будешь вставать для больного . . . Ну да, чертъ, не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ: ты сегодня въ хозяйкиной квартирѣ ночуешь (насилу уговорилъ ее!), а я въ кухнѣ: вотъ вамъ случай познакомиться покороче! Не то, что ты думаешь! Тутъ, братъ, и тѣни этого нѣтъ . . .

— Да я вовсе и не думаю.

— Тутъ, братъ, стыдливость, молчаливость, застѣнчивость, цѣломудріе ожесточенное, и при всемъ этомъ — вздохи, и таетъ, какъ воскъ, такъ и таетъ! Избавь ты меня отъ нея, ради всѣхъ чертей въ мірѣ! Преавенантненькая! . . Заслужу, головой заслужу!

Зосимовъ захохоталъ пуще прежняго.

— Ишь тебя разобрало! Да зачѣмъ мнѣ ее?

— Увѣряю, заботы немного, только говори бурду, какую хочешь, только подлѣ сядь и говори. Къ тому же ты докторъ, начни лѣчить отъ чего-нибудь. Клянусь, не раскаешься. У ней клавикорды стоятъ; я вѣдь, ты знаешь, брянчу маленько, у меня тамъ одна пѣсенка есть, русская, настоящая: «Зальюсь слезьми горючими» . . . Она на-

стоящія любитъ, — ну, съ пѣсенки и началось; а вѣдь ты на фортепіанахъ-то виртуозъ, метръ, Рубинштейнъ... Увѣряю, не раскаешься...

— Да что ты ей обѣщаній какихъ надавалъ, что ль? Подписку по формѣ? Жениться обѣщалъ, можетъ быть...

— Ничего, ничего, ровно ничего этого нѣтъ! Да она и не такая совсѣмъ; къ ней было Чебаровъ...

— Ну, такъ брось ее!

— Да нельзя такъ бросить!

— Да почему же нельзя?

— Ну, да какъ-то такъ нельзя, да и только! Тутъ, братъ, втягивающее начало есть.

— Такъ зачѣмъ же ты ее завлекалъ?

— Да я вовсе не завлекалъ, я, можетъ, даже самъ завлеченъ, по глупости моей, а ей рѣшительно все равно будетъ, ты или я, только бы подлѣ кто-нибудь сидѣлъ и вздыхалъ. Тутъ, братъ... Не могу я это тебѣ выразить, тутъ, — ну вотъ ты математику знаешь хорошо, и теперь еще занимаешься, я знаю... ну, начни проходить ей интегральное исчисленіе, ей Богу не шучу, серьезно говорю, ей рѣшительно все равно будетъ: она будетъ на тебя смотрѣть и вздыхать, и такъ цѣлый годъ сряду Я ей, между прочимъ, очень долго, два дня сряду, про прусскую палату господъ говорилъ (потому что о чемъ же съ ней говорить?), — только вздыхала да прѣла! О любви только не заговаривай, — застѣнчива до судорогъ, — но и видъ показывай, что отойти не можешь, — ну, и довольно. Комфортно ужасно; совершенно, какъ дома, — читай, сиди, лежи, пиши... Поцѣловать даже можно. съ осторожностью...

— Да на что мнѣ она?

— Эхъ, не могу я тебѣ разъяснить никакъ! Видишь: вы оба совершенно другъ къ другу подходите! Я и прежде о тебѣ думалъ... Вѣдь ты кончишь же этимъ! Такъ не все ли тебѣ равно — раньше иль позже? Тутъ, братъ, этакое перинное начало лежитъ, — эхъ, да и не одно перинное! Тутъ втягиваетъ; тутъ конецъ свѣту, якорь, тихое пристанище, пупъ земли, трехрыбное основаніе міра, эссенція блиновъ, жирныхъ кулебякъ, вечерняго самовара, тихихъ воздыханій и теплыхъ кацавеекъ, натопленныхъ лежанокъ, — ну, вотъ точно ты умеръ, а въ то же время и живъ, обѣ выгоды разомъ! Ну, братъ, чертъ, заврался, пора спать! Слушай; я ночью иногда просыпаюсь, ну, и схожу къ нему посмотрѣть. Только ничего, вздоръ, все хорошо. Не тревожься и ты особенно, а если хочешь, сходи тоже разикъ. Но чуть что примѣтишь, бредъ, напримѣръ, али жаръ, али что, тотчасъ же разбуди меня. Впрочемъ, быть не можетъ...

II.

Озабоченный и серьезный проснулся Разумихинъ на другой день въ восьмомъ часу. Много новыхъ и непредвидѣнныхъ недоумѣній очутилось вдругъ у него въ это утро. Онъ и не воображалъ прежде, что когда-нибудь такъ проснется. Онъ помнилъ до послѣднихъ подробностей все вчерашнее и понималъ, что съ нимъ совершилось что-то необыденное, что онъ принялъ въ себѣ одно, доселѣ совсѣмъ неизвѣстное ему впечатлѣніе и не похожее на всѣ прежнія. Въ то же время онъ ясно сознавалъ, что мечта, загорѣвшаяся въ головѣ его, въ

высшей степени неосуществима, — до того неосуществима, что ему даже стало стыдно ея и онъ поскорѣй перешелъ къ другимъ, болѣе насущнымъ заботамъ и недоумѣніямъ, оставшимся ему въ наслѣдство послѣ «растреклятаго вчерашняго дня».

Самымъ ужаснѣйшимъ воспоминаніемъ его было то, какъ онъ оказался вчера «низокъ и гадокъ», не по тому одному, что былъ пьянъ, а по тому, что ругалъ передъ дѣвушкой, пользуясь ея положеніемъ, изъ глупо-поспѣшной ревности, ея жениха, не зная не только ихъ взаимныхъ между собой отношеній и обязательствъ, но даже и человѣка-то не зная порядочно. Да и какое право имѣлъ онъ судить о немъ такъ поспѣшно и опрометчиво? И кто звалъ его въ судьи? И развѣ можетъ такое существо какъ Авдотья Романовна отдаваться недостойному человѣку за деньги? Стало быть, есть же и въ немъ достоинства. Нумера? Да почему же онъ въ самомъ дѣлѣ могъ узнать, что это такіе нумера? Вѣдь готовитъ же онъ квартиру . . . фу, какъ это все низко! И что за оправданіе, что онъ былъ пьянъ? Глупая отговорка, еще болѣе его унижающая! Въ винѣ — правда, и правда-то вотъ вся и высказалась, «то есть вся-то грязь его завистливаго грубаго сердца высказалась!» И развѣ позволительна хоть сколько-нибудь такая мечта ему, Разумихину? Кто онъ сравнительно съ такою дѣвушкой, — онъ, пьяный буянъ и вчерашній хвастунъ? «Развѣ возможно такое циническое и смѣшное сопоставленіе?» Разумихинъ отчаянно покраснѣлъ при этой мысли, и вдругъ, какъ нарочно, въ это же самое мгновеніе ясно припомнилось ему, какъ онъ говорилъ имъ вчера, стоя на лѣстницѣ, что хозяйка приревнуетъ его къ Авдотьѣ

Романовнѣ... это ужъ было невыносимо. Со всего размаху ударилъ онъ кулакомъ по кухонной печкѣ, повредилъ себѣ руку и вышибъ одинъ кирпичъ.

«Конечно, — пробормоталъ онъ про себя черезъ минуту, съ какимъ-то чувствомъ самоуниженія,—конечно, всѣхъ этихъ пакостей не закрасить и не загладить теперь никогда... а, стало быть, и думать объ этомъ нечего, а потому явиться молча и... исполнять свои обязанности... тоже молча, и... и не просить извиненія, и ничего не говорить, и... и ужъ, конечно, теперь все погибло!»

И однакожъ, одѣваясь, онъ осмотрѣлъ свой костюмъ тщательнѣе обыкновеннаго. Другого платья у него не было, а если бъ и было, онъ, быть можетъ, и не надѣлъ бы его, — «такъ, нарочно бы не надѣлъ». Но во всякомъ случаѣ циникомъ и грязною неряхой нельзя оставаться: онъ не имѣетъ права оскорблять чувства другихъ, тѣмъ болѣе, что тѣ, другіе, сами въ немъ нуждаются и сами зовутъ къ себѣ. Платье свое онъ тщательно очистилъ щеткой. Бѣлье же было на немъ всегда сносное; на этотъ счетъ онъ былъ особенно чистоплотенъ.

Вымылся онъ въ это утро рачительно, — у Настасьи нашлось мыло, — вымылъ волосы, шею и особенно руки. Когда же дошло до вопроса: брить ли свою щетину иль нѣтъ (у Прасковьи Павловны имѣлись отличныя бритвы, сохранившіяся еще послѣ покойнаго господина Зарницына), то вопросъ, съ ожесточеніемъ даже, былъ рѣшенъ отрицательно: «Пусть такъ и остается! Ну, какъ подумаютъ, что я выбрился для... да непремѣнно же подумаютъ! Да ни за что же на свѣтѣ!»

«И... и главное, онъ такой грубый, грязный

обращеніе у него трактирное; и . . . и, положимъ, онъ знаетъ, что и онъ, ну хоть немного, да порядочный же человѣкъ . . . ну, такъ чѣмъ же тутъ гордиться, что порядочный человѣкъ? Всякій долженъ быть порядочный человѣкъ, да еще почище, и . . . и все-таки (онъ помнитъ это) были и за нимъ такія дѣлишки . . . не то чтобъ ужъ безчестныя, ну да однакожъ! . . А какія помышленія-то бывали! гм . . . и это все поставить рядомъ съ Авдотьей Романовной! Ну да, чертъ! А пусть! Ну, и нарочно буду такой грязный, сальный, трактирный, и наплевать! Еще больше буду! . . »

На такихъ монологахъ засталъ его Зосимовъ, ночевавшій въ залѣ у Прасковьи Павловны.

Онъ шелъ домой и, уходя, спѣшилъ заглянуть на больного. Разумихинъ донесъ ему, что тотъ спитъ, какъ сурокъ. Зосимовъ распорядился не будить, пока проснется. Самъ же обѣщалъ зайти часу въ одиннадцатомъ.

— Если только онъ будетъ дома, — прибавилъ онъ. — Фу, чертъ! Въ своемъ больномъ не властенъ, лѣчи поди! Не знаешь, *онъ* къ тѣмъ пойдетъ, али *тѣ* сюда придутъ?

— Тѣ, я думаю, — отвѣчалъ Разумихинъ, понявъ цѣль вопроса, — и будутъ, конечно, про свои семейныя дѣла говорить. Я уйду. Ты, какъ докторъ, разумѣется, больше меня правъ имѣешь.

— Не духовникъ же и я; приду и уйду; и безъ нихъ много дѣла.

— Безпокоитъ меня одно, — перебилъ, нахмурясь, Разумихинъ; — вчера я, спьяну, проболтался ему, дорогой идучи, о разныхъ глупостяхъ . . . о разныхъ . . . между прочимъ, что ты боишься, будто онъ . . . наклоненъ къ помѣшательству . .

— Ты и дамамъ о томъ же вчера проболтался.

— Знаю, что глупо! Хошь бей! А что, вправду была у тебя какая-нибудь твердая мысль?

— Да вздоръ же, говорю; какая твердая мысль! Самъ ты описалъ его, какъ мономана, когда меня къ нему привелъ... Ну, а мы вчера еще жару поддали, ты то есть, этими разсказами-то... о малярѣ-то; хорошъ разговоръ, когда онъ, можетъ, самъ на этомъ съ ума сошелъ! Кабы зналъ я въ точности, что̀ тогда въ конторѣ произошло, и что тамъ его какая-то каналья этимъ подозрѣніемъ... обидѣла! Гм... не допустилъ бы я вчера такого разговора. Вѣдь эти мономаны изъ капли океанъ сдѣлаютъ, небылицу въ лицахъ наяву видятъ... Сколько я помню, вчера, изъ этого разсказа Заметова, мнѣ половина дѣла выяснилась. Да что! Я одинъ случай знаю, какъ одинъ ипохондрикъ, сорокалѣтній, не въ состояніи будучи переносить ежедневныхъ насмѣшекъ, за столомъ, восьмилѣтняго мальчишки, зарѣзалъ его! А тутъ, весь въ лохмотьяхъ, нахалъ квартальный, начинавшаяся болѣзнь, и этакое подозрѣніе! Изступленному-то ипохондрику! При тщеславіи бѣшеномъ, исключительномъ! Да тутъ, можетъ, вся-то точка отправленія болѣзни и сидитъ! Ну да, чертъ!.. А кстати, этотъ Заметовъ и въ самомъ дѣлѣ милый мальчишка, только гм... напрасно онъ это вчера разсказалъ. Болтушка ужасная!

— Да кому жъ разсказалъ? Мнѣ да тебѣ?

— И Порфирію.

— Такъ что жъ, что Порфирію?

— Кстати, имѣешь ты какое-нибудь вліяніе на тѣхъ-то, на мать да сестру? Осторожнѣе бы съ нимъ сегодня...

— Согворятся! — неохотно отвѣтилъ Разумихинъ.

— И чего онъ такъ на этого Лужина? Человѣкъ съ деньгами, ей, кажется, не противенъ . . . а вѣдь у нихъ ни шиша? а?

— Да чего ты-то выпытываешь? — раздражительно крикнулъ Разумихинъ, — почемъ я знаю, шишъ или ни шиша? Спроси самъ, можетъ, и узнаешь . . .

— Фу, какъ ты глупъ иногда! Вчерашній хмѣль сидитъ . . . До свиданія; поблагодари отъ меня Прасковью Павловну свою за ночлегъ. Заперлась, на мой бонжуръ сквозь двери не отвѣтила, а сама въ семь часовъ поднялась, самоваръ ей черезъ корридоръ изъ кухни проносили . . . Я и не удостоился лицезрѣть . . .

Ровно въ девять часовъ Разумихинъ явился въ нумера Бакалѣева. Обѣ дамы ждали его давнымъ давно съ истерическимъ нетерпѣніемъ. Поднялись онѣ часовъ съ семи или даже раньше. Онъ вошелъ пасмурный, какъ ночь, откланялся неловко, за что тотчасъ же разсердился — на себя, разумѣется. Онъ расчиталъ безъ хозяина: Пульхерія Александровна такъ и бросилась къ нему, схватила его за обѣ руки и чуть не поцѣловала ихъ. Онъ робко глянулъ на Авдотью Романовну; но и въ этомъ надменномъ лицѣ было въ эту минуту такое выраженіе признательности и дружества, такое полное и неожиданное имъ уваженіе (вмѣсто насмѣшливыхъ-то взглядовъ и невольно худо скрываемаго презрѣнія!), что ему ужъ, право, было бы легче, если бы встрѣтили бранью, а то ужъ слишкомъ стало конфузливо. Къ счастью, была готовая тема для разговора, и онъ поскорѣй за нее уцѣпился.

Услышавъ, что «еще не просыпался», но «все отлично», Пульхерія Александровна объявила, что это и къ лучшему, «потому что ей очень, очень, очень надо предварительно переговорить». Послѣдовалъ вопросъ о чаѣ и приглашеніе пить вмѣстѣ; сами онѣ еще не пили въ ожиданіи Разумихина. Авдотья Романовна позвонила, на зовъ явился грязный оборванецъ, и ему приказанъ былъ чай, который и былъ, наконецъ, сервированъ, но такъ грязно и такъ неприлично, что дамамъ стало совѣстно. Разумихинъ энергически ругнулъ было нумеръ, но, вспомнивъ про Лужина, замолчалъ, сконфузился и ужасно обрадовался, когда вопросы Пульхеріи Александровны посыпались, наконецъ, сряду безъ перерыву.

Отвѣчая на нихъ, онъ проговорилъ три четверти часа, безпрестанно прерываемый и переспрашиваемый, и успѣлъ передать всѣ главнѣйшіе и необходимѣйшіе факты, какіе только зналъ изъ послѣдняго года жизни Родіона Романовича, заключивъ обстоятельнымъ разсказомъ о болѣзни его. Онъ многое, впрочемъ, пропустилъ, между прочимъ, и о сценѣ въ конторѣ со всѣми послѣдствіями. Разсказъ его жадно слушали; но когда онъ думалъ, что уже кончилъ и удовлетворилъ своихъ слушательницъ, то оказалось, что для нихъ онъ какъ будто еще и не начиналъ.

— Скажите, скажите мнѣ, какъ вы думаете . . . ахъ, извините, я еще до сихъ поръ не знаю вашего имени? — торопилась Пульхерія Александровна.

— Дмитрій Прокофьичъ.

— Такъ вотъ, Дмитрій Прокофьичъ, я бы очень, очень хотѣла узнать . . . какъ вообще . . . онъ глядитъ теперь на предметы, то есть, поймите меня,

какъ бы это вамъ сказать, то есть лучше сказать: что онъ любитъ и что не любитъ? Всегда ли онъ такой раздражительный? Какія у него желанія и, такъ сказать, мечты, если можно? Что именно теперь имѣетъ на него особенное вліяніе? Однимъ словомъ, я бы желала...

— Ахъ, маменька, какъ же можно на это все такъ вдругъ отвѣчать! — замѣтила Дуня.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь я совсѣмъ, совсѣмъ не такимъ его ожидала встрѣтить, Дмитрій Прокофьичъ.

— Это ужъ очень естественно-съ, — отвѣчалъ Дмитрій Прокофьичъ. — Матери у меня нѣтъ, ну, а дядя каждый годъ сюда пріѣзжаетъ и почти каждый разъ меня не узнаетъ, даже снаружи, а человѣкъ умный; ну, а въ три года вашей разлуки много воды ушло. Да что вамъ сказать? Полтора года я Родіона знаю: угрюмъ, мраченъ, надмененъ и гордъ; въ послѣднее время (а, можетъ, гораздо прежде) мнителенъ и ипохондрикъ. Великодушенъ и добръ. Чувствъ своихъ не любитъ высказывать, и скорѣй жестокость сдѣлаетъ, чѣмъ словами выскажетъ сердце. Иногда, впрочемъ, вовсе не ипохондрикъ, а просто холоденъ и безчувственъ до безчеловѣчія, право, точно въ немъ два противоположные характера поочередно смѣняются. Ужасно иногда не разговорчивъ! Все ему некогда; все ему мѣшаютъ, а самъ лежитъ, ничего не дѣлаетъ. Не насмѣшливъ, и не потому чтобы остроты не хватало, а точно времени у него на такіе пустяки не хватаетъ. Не дослушиваетъ, что говорятъ. Никогда не интересуется тѣмъ, чѣмъ въ данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя цѣнитъ и, кажется, не безъ нѣкотораго права на то. Ну, что

еще? . . Мнѣ кажется, вашъ пріѣздъ будетъ имѣть на него спасительнѣйшее вліяніе.

— Ахъ, дай-то Богъ, — вскричала Пульхерія Александровна, измученная отзывомъ Разумихина объ ея Родѣ.

А Разумихинъ глянулъ, наконецъ, пободрѣе на Авдотью Романовну. Онъ часто взглядывалъ на нее во время разговора, но бѣгло, на одинъ только мигъ и тотчасъ же отводилъ глаза. Авдотья Романовна то садилась къ столу и внимательно вслушивалась, то вставала опять и начинала ходить, по обыкновенію своему, изъ угла въ уголъ, скрестивъ руки, сжавъ губы, изрѣдка дѣлая свой вопросъ, не прерывая ходьбы, задумываясь. Она тоже имѣла обыкновеніе не дослушивать, что говорятъ. Одѣта она была въ какое-то темненькое изъ легкой матеріи платье, а на шеѣ былъ повязанъ бѣлый прозрачный шарфикъ. По многимъ признакамъ Разумихинъ тотчасъ же замѣтилъ, что обстановка обѣихъ женщинъ до крайности бѣдная. Будь Авдотья Романовна одѣта, какъ королева, то, кажется, онъ бы ея совсѣмъ не боялся; теперь же, можетъ, именно потому, что она такъ бѣдно одѣта, и что онъ замѣтилъ всю эту скаредную обстановку, въ сердце его вселился страхъ, и онъ сталъ бояться за каждое слово свое, за каждый жестъ, что было, конечно, стѣснительно для человѣка и безъ того себѣ не довѣрявшаго.

— Вы много сказали любопытнаго о характерѣ брата и . . . сказали безпристрастно. Это хорошо; я думала, что вы передъ нимъ благоговѣете, — замѣтила Авдотья Романовна съ улыбкой. — Кажется, и то вѣрно, что возлѣ него должна находиться женщина, — прибавила она въ раздумьи.

— Я этого не говорилъ, а впрочемъ, можетъ быть, вы и въ этомъ правы, только . . .

— Что?

— Вѣдь онъ никого не любитъ; можетъ, и никогда не полюбитъ, — отрѣзалъ Разумихинъ.

— То есть неспособенъ полюбить?

— А знаете, Авдотья Романовна, вы сами ужасно какъ похожи на вашего брата, даже во всемъ! — брякнулъ онъ вдругъ, для себя самого неожиданно, но тотчасъ же, вспомнивъ о томъ, что сейчасъ говорилъ ей же про брата, покраснѣлъ какъ ракъ и ужасно сконфузился. Авдотья Романовна не могла не разсмѣяться на него глядя.

— Насчетъ Роди вы оба можете ошибаться, — подхватила нѣсколько пикированная Пульхерія Александровна. — Я не про теперешнее говорю, Дунечка. То, что пишетъ Петръ Петровичъ въ этомъ письмѣ . . . и что мы предполагали съ тобой, — можетъ быть, неправда, но вы вообразить не можете, Дмитрій Прокофьичъ, какъ онъ фантастиченъ и, какъ бы это сказать, капризенъ. Его характеру я никогда не могла довѣриться, даже когда ему было только пятнадцать лѣтъ. Я увѣрена, что онъ и теперь вдругъ что-нибудь можетъ сдѣлать съ собой такое, что ни одинъ человѣкъ никогда и не подумаетъ сдѣлать . . . Да не далеко ходить: извѣстно ли вамъ, какъ онъ, полтора года назадъ, меня изумилъ, потрясъ и чуть совсѣмъ не уморилъ, когда вздумалъ было жениться на этой, какъ ее — на дочери этой Зарницыной, хозяйки его?

— Знаете вы что-нибудь подробно объ этой исторіи? — спросила Авдотья Романовна.

— Вы думаете, — съ жаромъ продолжала Пуль-

херія Александровна, — его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болѣзнь, моя смерть, можетъ быть, съ тоски, наша нищета? Преспокойно бы перешагнулъ черезъ всѣ препятствія. А неужели онъ, неужели жъ онъ насъ не любитъ?

— Онъ ничего и никогда самъ объ этой исторіи со мною не говорилъ, — осторожно отвѣчалъ Разумихинъ, — но я кой-что слышалъ отъ самой госпожи Зарницыной, которая тоже, въ своемъ родѣ, не изъ разсказчицъ, и что слышалъ, то, пожалуй, нѣсколько даже и странно . . .

— А что, что вы слышали? — спросили разомъ обѣ женщины.

— Впрочемъ, ничего такого слишкомъ ужъ особеннаго. Узналъ я только, что бракъ этотъ, совсѣмъ ужъ слаженный и несостоявшійся лишь за смертью невѣсты, былъ самой госпожѣ Зарницыной очень не по душѣ . . . Кромѣ того, говорятъ, невѣста была собой даже не хороша, то есть, говорятъ, даже дурна . . . и такая хворая, и . . . и странная . . . а впрочемъ, кажется, съ нѣкоторыми достоинствами. Непремѣнно должны были быть какія-нибудь достоинства; иначе понять ничего нельзя . . . Приданаго тоже никакого, да онъ на приданое и не сталъ бы расчитывать . . . Вообще въ такомъ дѣлѣ трудно судить.

— Я увѣрена, что она достойная была дѣвушка, — коротко замѣтила Авдотья Романовна.

— Богъ меня проститъ, а я-таки порадовалась тогда ея смерти, хоть и не знаю, кто изъ нихъ одинъ другого погубилъ бы: онъ ли ее, или она его? — заключила Пульхерія Александровна; затѣмъ осторожно, съ задержками и съ безпрерывными взглядываніями на Дуню, что̀ было той очевид-

но непріятно, принялась опять разспрашивать о вчерашней сценѣ между Родей и Лужинымъ. Это происшествіе, какъ видно, безпокоило ее болѣе всего, до страха и трепета. Разумихинъ пересказалъ все снова, въ подробности, но на этотъ разъ прибавилъ и свое заключеніе: онъ прямо обвинилъ Раскольникова въ преднамѣренномъ оскорбленіи Петра Петровича, на этотъ разъ весьма мало извиняя его болѣзнью.

— Онъ еще до болѣзни это придумалъ, — прибавилъ онъ.

— Я тоже такъ думаю, — сказала Пульхерія Александровна съ убитымъ видомъ. Но ее очень поразило, что о Петрѣ Петровичѣ Разумихинъ выразился на этотъ разъ такъ осторожно и даже какъ будто и съ уваженіемъ. Поразило это и Авдотью Романовну.

— Такъ вы вотъ какого мнѣнія о Петрѣ Петровичѣ? — не утерпѣла не спросить Пульхерія Александровна.

— О будущемъ мужѣ вашей дочери я и не могу быть другого мнѣнія,—твердо и съ жаромъ отвѣчалъ Разумихинъ, — и не изъ одной пошлой вѣжливости это говорю, а потому . . . потому . . . ну хоть по тому одному, что Авдотья Романовна сама, добровольно, удостоила выбрать этого человѣка. Если же я такъ поносилъ его вчера, то это потому, что вчера я былъ грязно пьянъ и еще . . . безуменъ; да, безуменъ, безъ головы, сошелъ съ ума, совершенно . . . и сегодня стыжусь того! . .—Онъ покраснѣлъ и замолчалъ. Авдотья Романовна вспыхнула, но не прервала молчанія. Она не промолвила ни одного слова съ той самой минуты, какъ заговорили о Лужинѣ.

А между тѣмъ Пульхерія Александровна, безъ ея поддержки, видимо находилась въ нерѣшимости. Наконецъ, запинаясь и безпрерывно посматривая на дочь, объявила, что ее чрезвычайно заботитъ теперь одно обстоятельство.

— Видите, Дмитрій Прокофьичъ, — начала она . . . — Я буду совершенно откровенна съ Дмитріемъ Прокофьичемъ, Дунечка?

— Ужъ, конечно, маменька, — внушительно замѣтила Авдотья Романовна.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—заторопилась та, какъ будто съ нея гору сняли позволеніемъ сообщить свое горе. — Сегодня, очень рано, мы получили отъ Петра Петровича записку, въ отвѣтъ на наше вчерашнее извѣщеніе о пріѣздѣ. Видите, вчера онъ долженъ былъ встрѣтить насъ, какъ и обѣщалъ, въ самомъ вокзалѣ. Вмѣсто того, въ вокзалъ былъ присланъ навстрѣчу намъ какой-то лакей, съ адресомъ этихъ нумеровъ и чтобы намъ показать дорогу, а Петръ Петровичъ приказывалъ передать, что онъ прибудетъ къ намъ сюда самъ, сегодня поутру. Вмѣсто того пришла сегодня поутру отъ него вотъ эта записка . . . Лучше всего, прочтите ее сами; тутъ есть пунктъ, который очень меня безпокоитъ . . . вы сейчасъ увидите сами, какой это пунктъ, и . . . скажите мнѣ ваше откровенное мнѣніе, Дмитрій Прокофьичъ! Вы лучше всѣхъ знаете характеръ Роди и лучше всѣхъ можете посовѣтовать. Предупреждаю васъ, что Дунечка уже все разрѣшила, съ перваго шагу, но я еще не знаю, какъ поступить и . . . и все ждала васъ.

Разумихинъ развернулъ записку, помѣченную вчерашнимъ числомъ, и прочелъ слѣдующее:

«Милостивая государыня, Пульхерія Александ-

ровна, имѣю честь васъ увѣдомить, что по происшедшимъ внезапнымъ задержкамъ встрѣтить васъ у дебаркадера не могъ, пославъ съ тою цѣлью человѣка, весьма расторопнаго. Равномѣрно лишу себя чести свиданія съ вами и завтра поутру, по неотлагательнымъ сенатскимъ дѣламъ и чтобы не помѣшать родственному свиданію вашему съ вашимъ сыномъ и Авдотьи Романовны съ ея братомъ. Буду же имѣть честь посѣтить васъ и откланяться вамъ въ вашей квартирѣ не иначе какъ завтрашній день, ровно въ восемь часовъ пополудни, при чемъ осмѣливаюсь присовокупить убѣдительную и, прибавлю къ тому, настоятельную просьбу мою, чтобы при общемъ свиданіи нашемъ Родіонъ Романовичъ уже не присутствовалъ, такъ какъ онъ безпримѣрно и неучтиво обидѣлъ меня при вчерашнемъ посѣщеніи его въ болѣзни и, кромѣ того, имѣя лично къ вамъ необходимое и обстоятельное объясненіе по извѣстному пункту, насчетъ коего желаю узнать ваше собственное истолкованіе. Имѣю честь при семъ заранѣе предувѣдомить, что если, вопреки просьбѣ, встрѣчу Родіона Романовича, то принужденъ буду немедленно удалиться, и тогда пеняйте уже на себя. Пишу же въ томъ предположеніи, что Родіонъ Романовичъ, казавшійся при посѣщеніи моемъ столь больнымъ, черезъ два часа вдругъ выздоровѣлъ, а, стало быть, выходя со двора, можетъ и къ вамъ прибыть. Утвержденъ же въ томъ собственными моими глазами, въ квартирѣ одного, разбитаго лошадьми, пьяницы, отъ сего умершаго, дочери котораго, дѣвицѣ отъявленнаго поведенія, выдалъ вчера до двадцати пяти рублей, подъ предлогомъ похоронъ, что̀ весьма меня удивило, зная при какихъ хлопотахъ собирали вы сію сумму. При чемъ свидѣтель-

ствуя мое особое почтеніе уважаемой Авдотьѣ Романовнѣ, прошу принять чувства почтительной преданности

вашего покорнаго слуги

П. Лужина».

— Что̀ мнѣ теперь дѣлать, Дмитрій Прокофьичъ? — заговорила Пульхерія Александровна, чуть не плача. — Ну какъ я предложу Родѣ не приходить? Онъ такъ настойчиво требовалъ вчера отказа Петру Петровичу, а тутъ и его самого велятъ не принимать! Да онъ нарочно придетъ, какъ узнаетъ, и . . . что̀ тогда будетъ?

— Поступите такъ, какъ рѣшила Авдотья Романовна, — спокойно и тотчасъ же отвѣчалъ Разумихинъ.

— Ахъ, Боже мой! Она говоритъ . . . она Богъ знаетъ что̀ говоритъ и не объясняетъ мнѣ цѣли! Она говоритъ, что лучше будетъ, то есть не то лучше, а для чего-то непремѣнно будто бы надо, чтобъ и Родя тоже нарочно пришелъ сегодня въ восемь часовъ, и чтобъ они непремѣнно встрѣтились . . . А я такъ и письма-то не хотѣла ему показывать, и какъ-нибудь хитростью сдѣлать, посредствомъ васъ, чтобъ онъ не приходилъ . . . потому онъ такой раздражительный . . . Да и ничего я не понимаю, какой тамъ пьяница умеръ и какая тамъ дочь, и какимъ образомъ могъ онъ отдать этой дочери всѣ послѣднія деньги . . . которыя . . .

— Которыя такъ дорого вамъ достались, маменька, — прибавила Авдотья Романовна.

— Онъ былъ не въ себѣ вчера, — задумчиво проговорилъ Разумихинъ. — Если бы вы знали, что̀ онъ тамъ натворилъ вчера въ трактирѣ, хоть и ум-

но . . . гм! О какомъ-то покойникѣ и о какой-то дѣвицѣ онъ, дѣйствительно, мнѣ что-то говорилъ вчера, когда мы шли домой, но я не понялъ ни слова . . . А впрочемъ, я и самъ вчера . . .

— Лучше всего, маменька, пойдемте къ нему сами и тамъ, увѣряю васъ, сразу увидимъ, что̀ дѣлать. Да къ тому же пора, — Господи! Одиннадцатый часъ! — вскрикнула она, взглянувъ на свои великолѣпные золотые часы съ эмалью, висѣвшіе у ней на шеѣ на тоненькой венеціанской цѣпочкѣ, и ужасно не гармонировавшіе съ остальнымъ нарядомъ. «Жениховъ подарокъ», подумалъ Разумихинъ.

— Ахъ, пора! . . . Пора, Дунечка, пора! — тревожно засуетилась Пульхерія Александровна: — еще подумаетъ, что мы со вчерашняго сердимся, что такъ долго нейдемъ. Ахъ, Боже мой!

Говоря это, она суетливо набрасывала на себя мантилью и надѣвала пляпку; Дунечка тоже одѣлась. Перчатки на ней были не только заношенныя, но даже изодранныя, что̀ замѣтилъ Разумихинъ, а между тѣмъ эта явная бѣдность костюма даже придавала обѣимъ дамамъ видъ какого-то особеннаго достоинства, что̀ всегда бываетъ съ тѣми, кто умѣетъ носить бѣдное платье. Разумихинъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Дунечку и гордился, что поведетъ ее. «Та королева, думалъ онъ про себя, которая чинила свои чулки въ тюрьмѣ, ужъ, конечно, въ ту минуту смотрѣла настоящею королевой и даже болѣе, чѣмъ во время самыхъ пышныхъ торжествъ и выходовъ».

— Боже мой! — воскликнула Пульхерія Александровна, — думала ли я, что буду бояться свиданія съ сыномъ, съ моимъ милымъ, милымъ Родей, какъ теперь боюсь! . . Я боюсь, Дмитрій Про-

кофьичъ! — прибавила она, робко взглянувъ на него.

— Не бойтесь, маменька, — сказала Дуня, цѣлуя ее, — лучше вѣрьте въ него. Я вѣрю.

— Ахъ, Боже мой! Я вѣрю тоже, а всю ночь не спала! — вскричала бѣдная женщина.

Они вышли на улицу.

— Знаешь, Дунечка, какъ только я къ утру немного заснула, мнѣ вдругъ приснилась покойница Марѳа Петровна . . . и вся въ бѣломъ . . . подошла ко мнѣ, взяла за руку, а сама головой качаетъ на меня, и такъ строго, строго, какъ будто осуждаетъ . . . Къ добру ли это? Ахъ, Боже мой, Дмитрій Прокофьичъ, вы еще не знаете: Марѳа Петровна умерла!

— Нѣтъ не знаю; какая Марѳа Петровна?

— Скоропостижно! И представьте себѣ . . .

— Послѣ, маменька, — вмѣшалась Дуня, — вѣдь они еще не знаютъ, кто такая Марѳа Петровна.

— Ахъ, не знаете? А я думала вамъ все ужъ извѣстно. Вы мнѣ простите, Дмитрій Прокофьичъ, у меня въ эти дни просто умъ за разумъ заходитъ. Право, я васъ считаю какъ бы за провидѣніе наше, а потому такъ и убѣждена была, что вамъ уже все извѣстно. Я васъ какъ за родного считаю . . . Не сердитесь, что такъ говорю. Ахъ, Боже мой, что̀ это у васъ правая рука! Ушибли?

— Да, ушибъ, — пробормоталъ осчастливленный Разумихинъ.

— Я иногда слишкомъ ужъ отъ сердца говорю, такъ что Дуня меня поправляетъ . . . Но, Боже мой, въ какой онъ каморкѣ живетъ! Проснулся ли онъ однако? И эта женщина, хозяйка его, считаетъ это за комнату? Послушайте, вы говорите, онъ

не любитъ сердца выказывать, такъ что я, можетъ быть, ему и надоѣмъ моими . . . слабостями? . . Не научите ли вы меня, Дмитрій Прокофьичъ? Какъ мнѣ съ нимъ? Я, знаете, совсѣмъ какъ потерянная хожу.

— Не разспрашивайте его очень о чемъ-нибудь, если увидите, что онъ морщится; особенно про здоровье очень не спрашивайте: не любитъ.

— Ахъ, Дмитрій Прокофьичъ, какъ тяжело быть матерью!

— Но вотъ и эта лѣстница . . . Какая ужасная лѣстница!

— Мамаша, вы даже блѣдны, успокойтесь, голубчикъ мой, — сказала Дуня, ласкаясь къ ней; — онъ еще долженъ быть счастливъ, что васъ видитъ, а вы такъ себя мучаете, — прибавила она, сверкнувъ глазами.

— Постойте, я загляну впередъ, проснулся ли?

Дамы потихоньку пошли за отправившимся по лѣстницѣ впередъ Разумихинымъ, и когда уже поравнялись въ четвертомъ этажѣ съ хозяйкиною дверью, то замѣтили, что хозяйкина дверь отворена на маленькую щелочку и что два быстрые черные глаза разсматриваютъ ихъ обѣихъ изъ темноты. Когда же взгляды встрѣтились, то дверь вдругъ захлопнулась, и съ такимъ стукомъ, что Пульхерія Александровна чуть не вскрикнула отъ испуга.

III.

— Здоровъ, здоровъ!—весело крикнулъ навстрѣчу входящимъ Зосимовъ. Онъ уже минутъ съ десять какъ пришелъ и сидѣлъ во вчерашнемъ своемъ углу на диванѣ. Раскольниковъ сидѣлъ въ углу на-

противъ, совсѣмъ одѣтый и даже тщательно вымытый и причесанный, чего уже давно съ нимъ не случалось. Комната разомъ наполнилась, но Настасья все-таки успѣла пройти вслѣдъ за посѣтителями и стала слушать.

Дѣйствительно, Раскольниковъ былъ почти здоровъ, особенно въ сравненіи со вчерашнимъ, только былъ очень блѣденъ, разсѣянъ и угрюмъ. Снаружи онъ походилъ какъ бы на раненаго человѣка или вытерпливающаго какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взглядъ воспаленный. Говорилъ онъ мало и неохотно, какъ бы черезъ силу или исполняя обязанность, и какое-то безпокойство изрѣдка появлялось въ его движеніяхъ.

Не доставало какой-нибудь повязки на рукѣ или чехла изъ тафты на пальцѣ для полнаго сходства съ человѣкомъ, у котораго, напримѣръ, очень больно нарываетъ палецъ, или ушиблена рука, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Впрочемъ, и это блѣдное и угрюмое лицо озарилось на мгновеніе какъ бы свѣтомъ, когда вошли мать и сестра, но это прибавило только къ выраженію его, вмѣсто прежней тоскливой разсѣянности, какъ бы болѣе сосредоточенной муки. Свѣтъ померкъ скоро, но мука осталась, и Зосимовъ, наблюдавшій и изучавшій своего паціента со всѣмъ молодымъ жаромъ только что начинающаго полѣчивать доктора, съ удивленіемъ замѣтилъ въ немъ, съ приходомъ родныхъ, вмѣсто радости, какъ бы тяжелую скрытую рѣшимость перенесть часъ — другой пытки, которой нельзя ужъ избѣгнуть. Онъ видѣлъ потомъ, какъ почти каждое слово послѣдовавшаго разговора точно прикасалось къ какой-

нибудь ранѣ его паціента и бередило ее; но въ то же время онъ и подивился отчасти сегодняшнему умѣнію владѣть собой и скрывать свои чувства вчерашняго мономана, изъ-за малѣйшаго слова впадавшаго вчера чуть не въ бѣшенство.

— Да, я теперь самъ вижу, что почти здоровъ, — сказалъ Раскольниковъ, привѣтливо цѣлуя мать и сестру, отчего Пульхерія Александровна тотчасъ же просіяла, — и уже не *по-вчерашнему* это говорю, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Разумихину и дружески пожимая ему руку.

— А я такъ даже подивился на него сегодня, — началъ Зосимовъ, очень обрадовавшись пришедшимъ, потому что въ десять минутъ уже успѣлъ потерять нитку разговора съ своимъ больнымъ. — Дня черезъ три — четыре, если такъ пойдетъ, совсѣмъ будетъ какъ прежде, то есть, какъ было назадъ тому мѣсяцъ, али два . . . али, пожалуй, и три? Вѣдь это издалека началось да подготовлялось . . . а? Сознаетесь теперь, что, можетъ, и сами виноваты были? — прибавилъ онъ съ осторожною улыбкой, какъ бы все еще боясь его чѣмъ-нибудь раздражить.

— Очень можетъ быть, — холодно отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Я къ тому говорю, — продолжалъ Зосимовъ, разлакомившись, — что ваше современное выздоровленіе, въ главномъ, зависитъ теперь единственно отъ васъ самихъ. Теперь, когда уже съ вами можно разговаривать, мнѣ хотѣлось бы вамъ внушить, что необходимо устранить первоначальныя, такъ сказать, коренныя причины, вліявшія на зарожденіе вашего болѣзненнаго состоянія, тогда и вылѣчитесь, не то будетъ даже и хуже. Этихъ первоначаль-

ныхъ причинъ я не знаю, но вамъ онѣ должны быть извѣстны. Вы человѣкъ умный и ужъ, конечно, надъ собой наблюдали. Мнѣ кажется, начало вашего разстройства совпадаетъ отчасти съ выходомъ вашимъ изъ университета. Вамъ безъ занятій оставаться нельзя, а потому трудъ и твердо поставленная передъ собою цѣль, мнѣ кажется, очень бы могли вамъ помочь.

— Да, да, вы совершенно правы . . . вотъ я поскорѣй поступлю въ университетъ, и тогда все пойдетъ . . . какъ по маслу . . .

Зосимовъ, начавшій свои умные совѣты отчасти и для эффекта передъ дамами, былъ, конечно, нѣсколько озадаченъ, когда, кончивъ рѣчь и взглянувъ на своего слушателя, замѣтилъ въ лицѣ его рѣшительную насмѣшку. Впрочемъ, это продолжалось мгновеніе. Пульхерія Александровна тотчасъ же принялась благодарить Зосимова, въ особенности за вчерашнее ночное посѣщеніе ихъ въ гостиницѣ.

— Какъ, онъ у васъ былъ и ночью? — спросилъ Раскольниковъ, какъ будто встревожившись. — Стало быть, и вы тоже не спали послѣ дороги?

— Ахъ, Родя, вѣдь это все только до двухъ часовъ было. Мы съ Дуней и дома-то раньше двухъ никогда не ложились.

— Я тоже не знаю, чѣмъ его благодарить, — продолжалъ Раскольниковъ, вдругъ нахмурясь и потупясь. — Отклонивъ вопросъ денежный — вы извините, что я объ этомъ упомянулъ (обратился онъ къ Зосимову), — я ужъ и не знаю, чѣмъ это я заслужилъ отъ васъ такое особенное вниманіе? Просто не понимаю . . . и . . . и оно мнѣ даже тяжело,

потому что непонятно: я вамъ откровенно высказываю.

— Да вы не раздражайтесь, — засмѣялся черезъ силу Зосимовъ, — предположите, что вы мой первый паціентъ, ну, а нашъ братъ, только что начинающій практиковать, своихъ первыхъ паціентовъ какъ собственныхъ дѣтей любитъ, а иные почти въ нихъ влюбляются. А я вѣдь паціентами-то не богатъ.

— Я ужъ не говорю про него, — прибавилъ Раскольниковъ, указывая на Разумихина, — а тоже, кромѣ оскорбленій и хлопотъ, ничего отъ меня не видалъ.

— Экъ вѣдь вретъ! Да ты въ чувствительномъ настроеніи что ли сегодня?—Крикнулъ Разумихинъ.

Онъ увидалъ бы, если бъ былъ проницательнѣе, что чувствительнаго настроенія тутъ отнюдь не было, а было даже нѣчто совсѣмъ напротивъ. Но Авдотья Романовна это замѣтила. Она пристально и съ безпокойствомъ слѣдила за братомъ.

— Про васъ же, маменька, я и говорить не смѣю, — продолжалъ онъ, будто заученный съ утра урокъ; — сегодня только могъ я сообразить сколько-нибудь, какъ должны были вы здѣсь, вчера, измучиться въ ожиданіи моего возвращенія.—Сказавъ это, онъ вдругъ, молча и съ улыбкой, протянулъ руку сестрѣ. Но въ улыбкѣ этой мелькнуло на этотъ разъ настоящее неподдѣльное чувство. Дуня тотчасъ же схватила и горячо пожала протянутую ей руку, обрадованная и благодарная. Въ первый разъ обращался онъ къ ней послѣ вчерашней размолвки. Лицо матери освѣтилось восторгомъ и счастьемъ при видѣ этого окончательнаго и безсловнаго примиренія брата съ сестрой.

— Вотъ за это-то я его и люблю! — прошепталъ все преувеличивающій Разумихинъ, энергически повернувшись на стулѣ. — Есть у него эти движенія! . .

«И какъ это у него все хорошо выходитъ, — думала мать про себя; — какіе у него благородные порывы, и какъ онъ просто, деликатно кончилъ все это вчерашнее недоумѣніе съ сестрой — тѣмъ только, что руку протянулъ въ такую минуту, да поглядѣлъ хорошо . . . И какіе у него глаза прекрасные, и какое все лицо прекрасное! . . Онъ собой даже лучше Дунечки . . . Но, Боже мой, какой у него костюмъ, какъ онъ ужасно одѣтъ! У Аѳанасія Ивановича въ лавкѣ Вася, разсыльный, лучше одѣтъ! . . И такъ бы вотъ, такъ бы, кажется, и бросилась къ нему, и обняла его, и . . . заплакала, — а боюсь, боюсь . . . какой-то онъ, Господи! Вотъ вѣдь и ласково говоритъ, а боюсь! Ну чего я боюсь? . .»

— Ахъ, Родя, ты не повѣришь, — подхватила она вдругъ, спѣша отвѣтить на его замѣчаніе, — какъ мы съ Дунечкой вчера были . . . несчастны! Теперь, какъ ужъ все прошло и кончилось, и всѣ мы опять счастливы, — можно разсказать. Вообрази, бѣжимъ сюда, чтобъ обнять тебя, чуть не прямо изъ вагона, а эта женщина, — а, да вотъ она! Здравствуй Настасья! . . Говоритъ она намъ вдругъ, что ты лежишь въ бѣлой горячкѣ и только что убѣжалъ тихонько отъ доктора, въ бреду на улицу, и что тебя побѣжали отыскивать. Ты не повѣришь, что̀ съ нами было! Мнѣ какъ разъ представилось, какъ трагически погибъ поручикъ Потанчиковъ, нашъ знакомый, другъ твоего отца, — ты его не помнишь, Родя, — тоже въ бѣлой горячкѣ

и такимъ же образомъ выбѣжалъ и на дворѣ въ колодезь упалъ, на другой только день могли вытащить. А мы, конечно, еще болѣе преувеличили. Хотѣли было броситься отыскивать Петра Петровича, чтобы хоть съ его помощью . . . потому что вѣдь мы были однѣ, совершенно однѣ, — протянула она жалобнымъ голосомъ и вдругъ совсѣмъ осѣклась, вспомнивъ, что заговаривать о Петрѣ Петровичѣ еще довольно опасно, несмотря на то, «что всѣ уже опять совершенно счастливы».

— Да, да . . . все это, конечно . . . досадно . . . — пробормоталъ въ отвѣтъ Раскольниковъ, но съ такимъ разсѣяннымъ и почти невнимательнымъ видомъ, что Дунечка въ изумленіи на него посмотрѣла.

— Что̀ бишь я еще хотѣлъ, — продолжалъ онъ, съ усиліемъ припоминая, — да: пожалуйста, маменька и ты, Дунечка, не подумайте, что я не хотѣлъ къ вамъ сегодня первый придти и ждалъ васъ первыхъ.

— Да что́ это ты, Родя? — вскричала Пульхерія Александровна, тоже удивляясь.

«Что̀ онъ, по обязанности, что ли, намъ отвѣчаетъ?—подумала Дунечка,—и мирится, и прощенія проситъ, точно службу служитъ, али урокъ затвердилъ».

— Я только что проснулся и хотѣлъ было идти, да меня платье задержало; забылъ вчера сказать ей . . . Настасьѣ . . . замыть эту кровь . . . Только что теперь успѣлъ одѣться.

— Кровь! Какую кровь? — встревожилась Пульхерія Александровна.

— Это такъ . . . не безпокойтесь, маменька. Это кровь оттого, что вчера, когда я шатался нѣ-

сколько въ бреду, я наткнулся на одного раздавленнаго человѣка . . . чиновника одного . . .

— Въ бреду? Но вѣдь ты все помнишь, — прервалъ Разумихинъ.

— Это правда, — какъ-то особенно заботливо отвѣтилъ на это Раскольниковъ, — помню все, до малѣйшей даже подробности, а вотъ поди: зачѣмъ я то дѣлалъ, да туда ходилъ, да то говорилъ? ужъ и не могу хорошо объяснить.

— Слишкомъ извѣстный феноменъ, — ввязался Зосимовъ, — исполненіе дѣла иногда мастерское, прехитрѣйшее, а управленіе поступками, начало поступковъ, разстроено и зависитъ отъ разныхъ болѣзненныхъ впечатлѣній. Похоже на сонъ.

«А вѣдь это, пожалуй, и хорошо, что онъ меня почти за сумасшедшаго считаетъ», подумалъ Раскольниковъ.

— Да вѣдь этакъ, пожалуй, и здоровые такъ же, —замѣтила Дунечка, съ безпокойствомъ смотря на Зосимова.

— Довольно вѣрное замѣчаніе, — отвѣтилъ тотъ, — въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, всѣ мы, и весьма часто, почти какъ помѣшанные, съ маленькою только разницей, что «больные» нѣсколько больше нашего помѣшаны, потому тутъ необходимо различать черту. А гармоническаго человѣка, это правда, совсѣмъ почти нѣтъ; на десятки, а, можетъ, и на многія сотни тысячъ по одному встрѣчается, да и то въ довольно слабыхъ экземплярахъ . . .

При словѣ «помѣшанный», неосторожно вырвавшемуся у заболтавшагося на любимую тему Зосимова, всѣ поморщились. Раскольниковъ сидѣлъ, какъ бы не обращая вниманія, въ задумчивости и

съ странною улыбкой на блѣдныхъ губахъ. Онъ что-то продолжалъ соображать.

— Ну, такъ что жъ этотъ раздавленный? Я тебя перебилъ! — крикнулъ поскорѣй Разумихинъ.

— Что? — какъ бы проснулся тотъ, — да . . . ну и запачкался въ крови, когда помогалъ его переносить въ квартиру . . . Кстати, маменька, я одну непростительную вещь вчера сдѣлалъ; подлинно не въ своемъ былъ умѣ. Я вчера всѣ деньги, которыя вы мнѣ прислали, отдалъ . . . его женѣ . . . на похороны. Теперь вдова, чахоточная, жалкая женщина . . . трое маленькихъ сиротъ, голодные . . . въ домѣ пусто . . . и еще одна дочь есть . . . Можетъ быть, вы бы и сами отдали, кабы видѣли . . . Я, впрочемъ, права не имѣлъ никакого, сознаюсь, особенно зная, какъ вамъ самимъ эти деньги достались. Чтобы помогать, надо сначала право такое имѣть, не то: «Crevez chiens, si vous n'êtes pas contents»! — Онъ разсмѣялся. — Такъ ли, Дуня?

— Нѣтъ, не такъ, — твердо отвѣтила Дуня.

— Ба! Да и ты . . . съ намѣреніями! . . — пробормоталъ онъ, посмотрѣвъ на нее чуть не съ ненавистью и насмѣшливо улыбнувшись. — Я бы долженъ былъ это сообразить . . . Что жъ, и похвально; тебѣ же лучше . . . и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее — несчастна будешь, а перешагнешь, — можетъ, еще несчастнѣе будешь . . . А впрочемъ, все это вздоръ! — прибавилъ онъ раздражительно, досадуя на свое невольное увлеченіе. — Я хотѣлъ только сказать, что у васъ, маменька, я прощенія прошу, — заключилъ онъ рѣзко и отрывисто.

— Полно, Родя, я увѣрена, все, что̀ ты дѣлаешь, все прекрасно! — сказала обрадованная мать.

— Не будьте увѣрены, — отвѣтилъ онъ, скрививъ ротъ въ улыбку. Послѣдовало молчаніе. Что-то было напряженное во всемъ этомъ разговорѣ, и въ молчаніи, и въ примиреніи, и въ прощеніи, и всѣ это чувствовали.

«А вѣдь точно они боятся меня», думалъ самъ про себя Раскольниковъ, исподлобья глядя на мать и сестру. Пульхерія Александровна, дѣйствительно, чѣмъ больше молчала, тѣмъ больше и робѣла.

«Заочно, кажется, такъ вѣдь любилъ ихъ», промелькнуло въ его головѣ.

— Знаешь, Родя, Марѳа Петровна умерла! — вдругъ выскочила Пульхерія Александровна.

— Какая это Марѳа Петровна?

— Ахъ, Боже мой, да Марѳа Петровна, Свидригайлова! Я еще такъ много объ ней писала тебѣ.

— А-а-а, да помню . . . такъ умерла? Ахъ, въ самомъ дѣлѣ? — вдругъ встрепенулся онъ, точно проснувшись. — Неужели умерла? Отчего же?

— Представь себѣ, скоропостижно! — заторопилась Пульхерія Александровна, одобренная его любопытствомъ, — и какъ разъ въ то самое время, какъ я тебѣ письмо тогда отправила, въ тотъ самый даже день! Вообрази, этотъ ужасный человѣкъ, кажется, и былъ причиной ея смерти. Говорятъ, онъ ее ужасно избилъ!

— Развѣ они такъ жили? — спросилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Нѣтъ, напротивъ даже. Съ ней онъ всегда былъ очень терпѣливъ, даже вѣжливъ. Во многихъ случаяхъ даже слишкомъ былъ снисходителенъ къ ея характеру, цѣлыя семь лѣтъ . . . Какъ-то вдругъ потерялъ терпѣніе.

— Стало быть, онъ вовсе не такъ ужасенъ, ко-

ли семь лѣтъ крѣпился? Ты, Дунечка, кажется, его оправдываешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, это ужасный человѣкъ! Ужаснѣе я ничего и представить не могу, — чуть не съ содроганіемъ отвѣтила Дуня, нахмурила брови и задумалась.

— Случилось это у нихъ утромъ, — продолжала торопясь Пульхерія Александровна. — Послѣ того она тотчасъ же приказала заложить лошадей, чтобъ сейчасъ же послѣ обѣда и ѣхать въ городъ, потому что она всегда въ такихъ случаяхъ въ городъ ѣздила; кушала за обѣдомъ, говорятъ, съ большимъ аппетитомъ . . .

— Избитая-то?

— . . . . У ней, впрочемъ, и всегда была эта . . . привычка, и какъ только пообѣдала, чтобы не запоздать ѣхать, тотчасъ же отправилась въ купальню . . . Видишь, она какъ-то тамъ лѣчилась купаньемъ; у нихъ тамъ ключъ холодный есть, и она купалась въ немъ регулярно каждый день, и какъ только вошла въ воду, вдругъ съ ней ударъ!

— Еще бы! — сказалъ Зосимовъ.

— И больно онъ ее избилъ?

— Вѣдь это все равно, — отозвалась Дуня.

— Гм! А впрочемъ, охота вамъ, маменька, о такомъ вздорѣ разсказывать, — раздражительно и какъ бы нечаянно проговорилъ вдругъ Раскольниковъ.

— Ахъ, другъ мой, да я не знала о чемъ ужъ и заговорить, — вырвалось у Пульхеріи Александровны.

— Да что̀ вы, боитесь, что ль, меня всѣ? — сказалъ онъ съ искривившеюся улыбкою.

— Это, дѣйствительно, правда, — сказала Ду-

ня, прямо и строго смотря на брата. — Маменька, входя на лѣстницу, даже крестилась отъ страху.

Лицо его перекосилось какъ бы отъ судороги.

— Ахъ, что̀ ты, Дуня! Не сердись, пожалуйста, Родя... Зачѣмъ ты, Дуня! — заговорила въ смущеніи Пульхерія Александровна; — это я, вправду, ѣхала сюда, всю дорогу мечтала, въ вагонѣ: какъ мы увидимся, какъ мы обо всемъ сообщимъ другъ другу... и такъ была счастлива, что и дороги не видала! Да что̀ я! Я и теперь счастлива... Напрасно ты, Дуня! Я ужъ тѣмъ только счастлива, что тебя вижу, Родя...

— Полноте, маменька, — съ смущеніемъ пробормоталъ онъ, не глядя на нее и сжавъ ея руку, — успѣемъ наговориться!

Сказавъ это, онъ вдругъ смутился и поблѣднѣлъ: опять одно недавнее ужасное ощущеніе мертвымъ холодомъ прошло по душѣ его; опять ему вдругъ стало совершенно ясно и понятно, что онъ сказалъ сейчасъ ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успѣть наговориться, но уже ни о чемъ больше, никогда и ни съ кѣмъ, нельзя ему теперь *говорить*. Впечатлѣніе этой мучительной мысли было такъ сильно, что онъ, на мгновеніе, почти совсѣмъ забылся, всталъ съ мѣста и, не глядя ни на кого, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Что̀ ты? — крикнулъ Разумихинъ, хватая его за руку.

Онъ сѣлъ опять и сталъ молча осматриваться; всѣ глядѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Да что вы всѣ такіе скучные! — вкрикнулъ онъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, — скажите что-нибудь! Что̀ въ самомъ дѣлѣ такъ сидѣть-то! Ну,

говорите же! Станемъ разговаривать . . . Собрались и молчимъ . . . Ну, что-нибудь!

— Слава Богу! А я думала съ нимъ что-нибудь вчерашнее начинается, — сказала перекрестившись Пульхерія Александровна.

— Чего ты, Родя? — недовѣрчиво спросила Авдотья Романовна.

— Такъ, ничего, одну штуку вспомнилъ, — отвѣчалъ онъ и вдругъ засмѣялся.

— Ну, коль штуку, такъ и хорошо! А то и я самъ было подумалъ . . . — пробормоталъ Зосимовъ, подымаясь съ дивана. — Мнѣ, однакожъ, пора; я еще зайду, можетъ быть . . . если застану...

Онъ откланялся и вышелъ.

— Какой прекрасный человѣкъ! — замѣтила Пульхерія Александровна.

— Да, прекрасный, превосходный, образованный, умный . . . — заговорилъ вдругъ Раскольниковъ какою-то неожиданною скороговоркой и съ какимъ-то необыкновеннымъ до сихъ поръ оживленіемъ, — ужъ не помню, гдѣ я его прежде до болѣзни встрѣчалъ . . . Кажется, гдѣ-то встрѣчалъ . . . Вотъ и этотъ тоже хорошій человѣкъ! — кивнулъ онъ на Разумихина, — нравится онъ тебѣ, Дуня?— спросилъ онъ ее и вдругъ, неизвѣстно чему, разсмѣялся.

— Очень, — отвѣтила Дуня.

— Фу, какой ты . . . свинтусъ! — произнесъ страшно сконфузившійся и покраснѣвшій Разумихинъ и всталъ со стула. Пульхерія Александровна слегка улыбнулась, а Раскольниковъ громко расхохотался.

— Да куда ты?

— Я тоже . . . мнѣ надо.

— Совсѣмъ тебѣ не надо, оставайся! Зосимовъ ушелъ, такъ и тебѣ надо. Не ходи... А который часъ? Есть двѣнадцать? Какіе у тебя миленькіе часы, Дуня! Да что вы опять замолчали? Все только я, да я говорю!..

— Это подарокъ Марѳы Петровны, — отвѣтила Дуня.

— И предорогіе, — прибавила Пульхерія Александровна.

— А-а-а! Какіе большіе, почти не дамскіе.

— Я такіе люблю, — сказала Дуня.

«Стало быть не жениховъ подарокъ», — подумалъ Разумихинъ и неизвѣстно чему обрадовался.

— А я думалъ это Лужина подарокъ, — замѣтилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ, онъ еще ничего не дарилъ Дунечкѣ.

— А-а-а! А помните, маменька, я влюбленъ-то былъ и жениться хотѣлъ, — вдругъ сказалъ онъ, смотря на мать, пораженную неожиданнымъ оборотомъ и тономъ, съ которымъ онъ объ этомъ заговорилъ.

— Ахъ, другъ мой, да! — Пульхерія Александровна переглянулась съ Дунечкой и Разумихинымъ.

— Гм! Да! А что̀ мнѣ вамъ разсказать? Даже мало помню. Она больная такая дѣвочка была — продолжалъ онъ, какъ бы опять вдругъ задумываясь и потупившись, — совсѣмъ хворая; нищимъ любила подавать и о монастырѣ все мечтала, и разъ залилась слезами, когда мнѣ объ этомъ стала говорить; да, да... помню... очень помню. Дурнушка такая... собой. Право не знаю, за что̀ я къ ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, аль горба-

тая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ... (Онъ задумчиво улыбнулся.) Такъ... какой-то бредъ весенній былъ...

— Нѣтъ, тутъ не одинъ бредъ весенній, — съ одушевленіемъ сказала Дунечка.

Онъ внимательно и съ напряженіемъ посмотрѣлъ на сестру, но не разслышалъ или даже не понялъ ея словъ. Потомъ, въ глубокой задумчивости, всталъ, подошелъ къ матери, поцѣловалъ ее, воротился на мѣсто и сѣлъ.

— Ты и теперь ее любишь! — проговорила растроганная Пульхерія Александровна.

— Ее-то? Теперь? Ахъ, да... вы про нее! Нѣтъ. Это все теперь точно на томъ свѣтѣ... и такъ давно. Да и все-то кругомъ точно не здѣсь дѣлается...

Онъ со вниманіемъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Вотъ и васъ... точно я изъ-за тысячи верстъ на васъ смотрю... Да и чертъ знаетъ, зачѣмъ мы объ этомъ говоримъ! И къ чему разспрашивать? — прибавилъ онъ съ досадой и замолчалъ, кусая себѣ ногти и вновь задумываясь.

— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гробъ, — сказала вдругъ Пульхерія Александровна, прерывая тягостное молчаніе; — я увѣрена, что ты на половину отъ квартиры сталъ такой меланхоликъ.

— Квартира?.. — отвѣчалъ онъ разсѣянно. — Да, квартира много способствовала... я объ этомъ тоже думалъ... А если бъ вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчасъ сказали, маменька, — прибавилъ онъ вдругъ, странно усмѣхнувшись.

Еще немного, и это общество, эти родные, послѣ

трехлѣтней разлуки, этотъ родственный тонъ разговора при полной невозможности хоть о чемъ-нибудь говорить, — стали бы, наконецъ, ему рѣшительно невыносимы. Было однакожъ одно неотлагательное дѣло, которое такъ или этакъ, а надо было непремѣнно рѣшить сегодня, — такъ рѣшилъ онъ еще давеча, когда проснулся. Теперь онъ обрадовался *дѣлу,* какъ выходу.

— Вотъ что̀, Дуня, — началъ онъ серьезно и сухо,—я, конечно, прошу у тебя за вчерашнее прощенія, но я долгомъ считаю опять тебѣ напомнить, что отъ главнаго моего я не отступаюсь. Или я, или Лужинъ. Пусть я подлецъ, а ты не должна. Одинъ кто-нибудь. Если же ты выйдешь за Лужина, я тотчасъ же перестаю тебя сестрой считать.

— Родя, Родя! Да вѣдь это все то же самое, что и вчера, — горестно воскликнула Пульхерія Александровна, — почему ты все подлецомъ себя называешь, не могу я этого выносить! И вчера то же самое . . .

— Братъ, — твердо и тоже сухо отвѣчала Дуня, — во всемъ этомъ есть ошибка съ твоей стороны. Я за ночь обдумала и отыскала ошибку. Все въ томъ, что ты, кажется, предполагаешь, будто я кому-то и для кого-то приношу себя въ жертву. Совсѣмъ это не такъ. Я просто для себя выхожу, потому что мнѣ самой тяжело; а затѣмъ, конечно, буду рада, если удастся быть полезною роднымъ, но въ моей рѣшимости это не самое главное побужденіе . . .

«Лжетъ! — думалъ онъ про себя, кусая ногти со злости. — Гордячка! Сознаться не хочетъ, что хочется благодѣтельствовать! О, низкіе характе-

ры! Они и любятъ точно ненавидятъ... О, какъ я... ненавижу ихъ всѣхъ!»

— Однимъ словомъ, я выхожу за Петра Петровича, — продолжала Дунечка, — потому что изъ двухъ золъ выбираю меньшее. Я намѣрена честно исполнить все, что онъ отъ меня ожидаетъ, а, стало быть, его не обманываю... Зачѣмъ ты такъ сейчасъ улыбнулся?

Она тоже вспыхнула, и въ глазахъ ея мелькнулъ гнѣвъ.

— Все исполнишь? — спросилъ онъ, ядовито усмѣхаясь.

— До извѣстнаго предѣла. И манера, и форма сватовства Петра Петровича показали мнѣ тотчасъ же, чего ему надобно. Онъ, конечно, себя цѣнитъ, можетъ быть, слишкомъ высоко, но я надѣюсь, что онъ и меня цѣнитъ... Чего ты опять смѣешься?

— А чего ты опять краснѣешь? — Ты лжешь, сестра, ты нарочно лжешь, по одному только женскому упрямству, чтобы только на своемъ поставить передо мной... Ты не можешь уважать Лужина: я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ. Стало быть, продаешь себя за деньги и, стало быть, во всякомъ случаѣ поступаешь низко, и я радъ, что ты, по крайней мѣрѣ, краснѣть можешь!

— Неправда, не лгу!.. — вскричала Дунечка, теряя все хладнокровіе; — я не выйду за него, не бывъ убѣждена, что онъ цѣнитъ меня и дорожитъ мной; не выйду за него, не бывъ твердо убѣждена, что сама могу уважать его. Къ счастью, я могу въ этомъ убѣдиться навѣрно и даже сегодня же. А такой бракъ не есть подлость, какъ ты говоришь! А если бы ты былъ и правъ, если бъ я, дѣйствитель-

но, рѣшилась на подлость, — развѣ не безжалостно съ твоей стороны такъ со мной говорить? Зачѣмъ ты требуешь отъ меня геройства, котораго и въ тебѣ-то, можетъ быть, нѣтъ? Это деспотизмъ, это насиліе! Если я погублю кого, такъ только себя одну . . . Я еще никого не зарѣзала! . . Что ты смотришь на меня? Что ты такъ поблѣднѣлъ? Родя, что̀ съ тобой? Родя, милый! . .

— Господи! До обморока довела! — вскричала Пульхерія Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ . . . вздоръ . . . ничего! . . Немного голова кружилась. Совсѣмъ не обморокъ . . . Дались вамъ эти обмороки! . . Гм! да . . . что̀ бишь я хотѣлъ? Да: какимъ образомъ ты сегодня же убѣдишься, что можешь уважать его и что онъ . . . цѣнитъ, что ли, какъ ты сказала? Ты, кажется, сказала, что сегодня? Или я ослышался?

— Маменька, покажите брату письмо Петра Петровича, — сказала Дунечка.

Пульхерія Александровна дрожащими руками передала письмо. Онъ съ большимъ любопытствомъ взялъ его. Но прежде чѣмъ развернуть, онъ вдругъ какъ-то съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Дунечку.

— Странно, — проговорилъ онъ медленно, какъ бы вдругъ пораженный новою мыслью, — да изъ чего я такъ хлопочу? Изъ чего весь крикъ? Да выходи, за кого хочешь!

Онъ говорилъ какъ бы для себя, но выговорилъ вслухъ и нѣсколько времени смотрѣлъ на сестру, какъ бы озадаченный.

Онъ развернулъ, наконецъ, письмо, все еще сохраняя видъ какого-то страннаго удивленія; потомъ медленно и внимательно началъ читать и про-

челъ два раза. Пульхерія Александровна была въ особенномъ безпокойствѣ; да и всѣ ждали чего-то особеннаго.

— Это мнѣ удивительно, — началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья и передавая письмо матери, но не обращаясь ни къ кому въ частности, — вѣдь онъ по дѣламъ ходитъ, адвокатъ, и разговоръ даже у него такой . . . съ замашкой, — а вѣдь какъ безграмотно пишетъ.

Всѣ пошевелились; совсѣмъ не того ожидали.

— Да вѣдь они и всѣ такъ пишутъ, — отрывисто замѣтилъ Разумихинъ.

— Ты развѣ читалъ?

— Да.

— Мы показывали, Родя, мы . . . совѣтовались давеча, — начала сконфузившаяся Пульхерія Александровна.

— Это собственно судейскій слогъ, — перебилъ Разумихинъ; — судейскія бумаги до сихъ поръ такъ пишутся.

— Судейскій? Да, именно судейскій, дѣловой... Не то чтобъ ужъ очень безграмотно, да и не то чтобъ ужъ очень литературно; дѣловой!

— Петръ Петровичъ и не скрываетъ, что учился на мѣдныя деньги, и даже хвалится тѣмъ, что самъ себѣ дорогу проложилъ, — замѣтила Авдотья Романовна, нѣсколько обиженная новымъ тономъ брата.

— Что жъ, если хвалится, такъ и есть чѣмъ, — я не противорѣчу. Ты, сестра, кажется, обидѣлась, что я изъ всего письма такое фривольное замѣчаніе извлекъ, и думаешь, что я нарочно о такихъ пустякахъ заговорилъ, чтобы поломаться надъ тобой съ досады. Напротивъ, мнѣ, по поводу

слога, пришло въ голову одно совсѣмъ не лишнее, въ настоящемъ случаѣ, замѣчаніе. Тамъ есть одно выраженіе: «пеняйте на себя», поставленное очень знаменательно и ясно, и кромѣ того есть угроза, что онъ тотчасъ же уйдетъ, если я приду. Эта угроза уйти — все равно, что угроза васъ обѣихъ бросить, если будете непослушны, и бросить теперь, когда уже въ Петербургъ вызвалъ. Ну, какъ ты думаешь: можно ли такимъ выраженіемъ отъ Лужина такъ же точно обидѣться, какъ если бы вотъ онъ написалъ (онъ указалъ на Разумихина), али Зосимовъ, али изъ насъ кто-нибудь?

— Н-нѣтъ, — отвѣчала Дунечка, оживляясь, — я очень поняла, что это слишкомъ наивно выражено и что онъ, можетъ быть, только не мастеръ писать . . . Это ты хорошо разсудилъ, братъ. Я даже не ожидала . . .

— Это по-судейски выражено, а по-судейски иначе написать нельзя, и вышло грубѣе, чѣмъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ. Впрочемъ, я долженъ тебя нѣсколько разочаровать: въ этомъ письмѣ есть еще одно выраженіе, одна клевета на мой счетъ, и довольно подленькая. Я деньги отдалъ вчера вдовѣ, чахоточной и убитой, и не «подъ предлогомъ похоронъ», а прямо на похороны, и не въ руки дочери, — дѣвицы, какъ онъ пишетъ, «отъязленнаго поведенія» (и которую я вчера въ первый разъ въ жизни видѣлъ), а именно вдовѣ. Во всемъ этомъ я вижу слишкомъ поспѣшное желаніе меня размарать и съ вами поссорить. Выражено же опять по-судейски, то есть съ слишкомъ явнымъ обнаруженіемъ цѣли и съ поспѣшностью весьма наивною. Человѣкъ онъ умный, но чтобъ умно поступать — одного ума мало. Все это рисуетъ человѣка и . . .

не думаю, чтобъ онъ тебя много цѣнилъ. Сообщаю же тебѣ единственно для назиданія, потому что искренно желаю тебѣ добра . . .

Дунечка не отвѣчала; рѣшеніе ея было еще давеча сдѣлано, она ждала только вечера.

— Такъ какъ же ты рѣшаешься, Родя? — спросила Пульхерія Александровна, еще болѣе давешняго обезпокоенная его внезапнымъ, новымъ, *дѣловымъ* тономъ рѣчи.

— Что это: «рѣшаешься»?

— Да вотъ Петръ Петровичъ-то пишетъ, чтобы тебя не было у насъ вечеромъ и что онъ уйдетъ . . . коли ты придешь. Такъ какъ же ты . . . будешь?

— Это ужъ, конечно, не мнѣ рѣшать, а, во-первыхъ, вамъ, если такое требованіе Петра Петровича васъ не обижаетъ, а во-вторыхъ, Дунѣ, если она тоже не обижается. А я сдѣлаю, какъ вамъ лучше, — прибавилъ онъ сухо.

— Дунечка уже рѣшилась, и я вполнѣ съ ней согласна, — поспѣшила вставить Пульхерія Александровна.

— Я рѣшила просить тебя, Родя, настоятельно просить непремѣнно быть у насъ на этомъ свиданіи, — сказала Дуня — придешь?

— Приду.

— Я и васъ попрошу быть у насъ въ восемь часовъ, — обратилась она къ Разумихину. — Маменька, я ихъ тоже приглашаю.

— И прекрасно, Дунечка. Ну, ужъ какъ вы тамъ рѣшили, — прибавила Пульхерія Александровна, — такъ ужъ пусть и будетъ. А мнѣ и самой легче; не люблю притворяться и лгать; лучше будемъ всю правду говорить . . . Сердись, не сердись теперь, Петръ Петровичъ!

IV.

Въ эту минуту дверь тихо отворилась, и въ комнату, робко озираясь, вошла одна дѣвушка. Всѣ обратились къ ней съ удивленіемъ и любопытствомъ. Раскольниковъ не узналъ ея съ перваго взгляда. Это была Софья Семеновна Мармеладова. Вчера видѣлъ онъ ее въ первый разъ, но въ такую минуту, при такой обстановкѣ и въ такомъ костюмѣ, что въ памяти его отразился образъ совсѣмъ другого лица. Теперь это была скромно и даже бѣдно одѣтая дѣвушка, очень еще молоденькая, почти похожая на дѣвочку, съ скромною и приличною манерой, съ яснымъ, но какъ будто нѣсколько запуганнымъ лицомъ. На ней было очень простенькое домашнее платьице, на головѣ старая, прежняго фасона шляпка; только въ рукахъ былъ, по-вчерашнему, зонтикъ. Увидавъ неожиданно полную комнату людей, она не то что сконфузилась, но совсѣмъ потерялась, оробѣла, какъ маленькій ребенокъ, и даже сдѣлала было движеніе уйти назадъ.

— Ахъ... это вы?.. — сказалъ Раскольниковъ въ чрезвычайномъ удивленіи, и вдругъ самъ смутился.

Ему тотчасъ же представилось, что мать и сестра знаютъ уже вскользь, по письму Лужина, о нѣкоторой дѣвицѣ «отъявленнаго» поведенія. Сейчасъ только онъ протестовалъ противъ клеветы Лужина и упомянулъ, что видѣлъ эту дѣвицу въ первый разъ, и вдругъ она входитъ сама. Припомнилъ тоже, что нисколько не протестовалъ противъ выраженія: «отъявленнаго поведенія». Все это неясно и мигомъ скользнуло въ его головѣ. Но

взглянувъ пристальнѣе, онъ вдругъ увидалъ, что это приниженное существо до того уже принижено, что ему вдругъ стало жалко. Когда же она сдѣлала было движеніе убѣжать отъ страху, — въ немъ что-то какъ бы перевернулось.

— Я васъ совсѣмъ не ожидалъ, — заторопился онъ, останавливая ее взглядомъ. — Сдѣлайте одолженіе, садитесь. Вы, вѣрно, отъ Катерины Ивановны. Позвольте, не сюда, вотъ сюда, вотъ тутъ сядьте...

При входѣ Сони Разумихинъ, сидѣвшій на одномъ изъ трехъ стульевъ Раскольникова, сейчасъ подлѣ двери, привсталъ, чтобы дать ей войти. Сначала Раскольниковъ указалъ было ей мѣсто въ углу дивана, гдѣ сидѣлъ Зосимовъ, но вспомнивъ, что этотъ диванъ былъ слишкомъ *фамильярное* мѣсто и служитъ ему постелью, поспѣшилъ указать ей на стулъ Разумихина.

— А ты садись здѣсь, — сказалъ онъ Разумихину, сажая его въ уголъ, гдѣ сидѣлъ Зосимовъ.

Соня сѣла, чуть не дрожа отъ страху, и робко взглянула на обѣихъ дамъ. Видно было, что она и сама не понимала, какъ могла она сѣсть съ ними рядомъ. Сообразивъ это, она до того испугалась, что вдругъ опять встала и въ совершенномъ смущеніи обратилась къ Раскольникову.

— Я... я... зашла на одну минуту, простите, что васъ обезпокоила, — заговорила она, запинаясь. — Я отъ Катерины Ивановны, а ей послать было некого... А Катерина Ивановна приказала васъ очень просить быть завтра на отпѣваніи, утромъ... за обѣдней... на Митрофаніевскомъ, а потомъ у насъ... у ней... откушать... Честь ей сдѣлать... Она велѣла просить.

Соня запнулась и замолчала.

— Постараюсь непремѣнно... непремѣнно...— отвѣчалъ Раскольниковъ, привставъ тоже и тоже запинаясь и не договаривая. — Сдѣлайте одолженіе, садитесь, — сказалъ онъ вдругъ; мнѣ надо съ вами поговорить. Пожалуйста, — вы, можетъ быть, торопитесь, — сдѣлайте одолженіе, подарите мнѣ двѣ минуты...

И онъ подвинулъ ей стулъ. Соня опять сѣла и опять робко, потерянно, поскорѣй взглянула на обѣихъ дамъ и вдругъ потупилась.

Блѣдное лицо Раскольникова вспыхнуло; его какъ будто всего передернуло; глаза загорѣлись.

— Маменька, — сказалъ онъ твердо и настойчиво, — это Софья Семеновна Мармеладова, дочь того самаго несчастнаго господина Мармеладова, котораго вчера въ моихъ глазахъ раздавили лошади, и о которомъ я уже вамъ говорилъ...

Пульхерія Александровна взглянула на Соню и слегка прищурилась. Несмотря на все свое замѣшательство передъ настойчивымъ и вызывающимъ взглядомъ Роди, она никакъ не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Дунечка серьезно, пристально уставилась прямо въ лицо бѣдной дѣвушки и съ недоумѣніемъ ее разсматривала. Соня, услышавъ рекомендацію, подняла было глаза опять, но смутилась еще болѣе прежняго.

— Я хотѣлъ васъ спросить, — обратился къ ней поскорѣй Раскольниковъ, — какъ это у васъ сегодня устроилось? Не обезпокоили ли васъ?.. напримѣръ отъ полиціи.

— Нѣтъ-съ, все прошло... Вѣдь ужъ слишкомъ видно отчего смерть была; не безпокоили; только вотъ жильцы сердятся.

— Отчего?

— Что тѣло долго стоитъ . . . вѣдь теперь жарко, духъ . . . такъ что сегодня, къ вечернѣ, на кладбище понесутъ, до завтра, въ часовню. Катерина Ивановна сперва не хотѣла, а теперь и сама видитъ, что нельзя . . .

— Такъ сегодня?

— Она проситъ васъ сдѣлать намъ честь на отпѣваніи въ церкви быть завтра, а потомъ ужъ къ ней прибыть, на поминки.

— Она поминки устраиваетъ?

— Да-съ, закуску; она васъ очень велѣла благодарить, что вы вчера помогли намъ . . . безъ васъ совсѣмъ бы нечѣмъ похоронить. — И губы и подбородокъ ея вдругъ запрыгали, но она скрѣпилась и удержалась, поскорѣй опять опустивъ глаза въ землю.

Между разговоромъ Раскольниковъ пристально ее разглядывалъ. Это было худенькое, совсѣмъ худенькое и блѣдное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, съ востренькимъ маленькимъ носомъ и подбородкомъ. Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза ея были такіе ясные, и, когда оживлялись они, выраженіе лица ея становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало къ ней. Въ лицѣ ея, да и во всей ея фигурѣ, была сверхъ того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, она казалась почти еще дѣвочкой, гораздо моложе своихъ лѣтъ, совсѣмъ почти ребенкомъ, и это иногда даже смѣшно проявлялось въ нѣкоторыхъ ея движеніяхъ.

— Но неужели Катерина Ивановна могла обойтись такими малыми средствами, даже еще закуску

намѣрена? . . — спросилъ Раскольниковъ, настойчиво продолжая разговоръ.

— Гробъ вѣдь простой будетъ-съ . . . и все будетъ просто, такъ что не дорого . . . мы давеча съ Катериной Ивановной все разсчитали, такъ что и останется, чтобы помянуть . . . а Катеринѣ Ивановнѣ очень хочется, чтобы такъ было. Вѣдь нельзя же-съ . . . ей утѣшеніе . . . она такая, вѣдь вы знаете . . .

— Понимаю, понимаю. . . Конечно . . . Что̀ это вы мою комнату разглядываете? Вотъ маменька говоритъ тоже, что на гробъ похожа.

— Вы намъ все вчера отдали! — проговорила вдругъ въ отвѣтъ Сонечка, какимъ-то сильнымъ и скорымъ шепотомъ, вдругъ опять сильно потупившись. Губы и подбородокъ ея опять запрыгали. Она давно уже поражена была бѣдною обстановкой Раскольникова, и теперь слова эти вдругъ вырвались сами собой. Послѣдовало молчаніе. Глаза Дунечки какъ-то прояснѣли, а Пульхерія Александровна даже привѣтливо посмотрѣла на Соню.

— Родя, — сказала она, вставая, — мы, разумѣется, вмѣстѣ обѣдаемъ. Дунечка, пойдемъ . . . А ты бы, Родя, пошелъ, погулялъ немного, а потомъ отдохнулъ, полежалъ, а тамъ и приходи скорѣе . . . А то мы тебя утомили, боюсь я . . .

— Да, да, приду, — отвѣчалъ онъ, вставая и заторопившись . . . У меня, впрочемъ, дѣло . . .

— Да неужели жъ вы будете и обѣдать розно? — закричалъ Разумихинъ, съ удивленіемъ смотря на Раскольникова, — что̀ ты это?

— Да, да, приду, конечно, конечно . . . А ты останься на минуту. Вѣдь онъ вамъ сейчасъ не нуженъ, маменька? Или я, можетъ, отнимаю его?

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! А вы, Дмитрій Прокофьичъ, придете обѣдать, будете такъ добры?

— Пожалуйста придите, — попросила Дуня.

Разумихинъ откланялся и весь засіялъ. На одно мгновеніе всѣ какъ-то странно вдругъ законфузились.

— Прощай, Родя, то есть до свиданія; не люблю говорить «прощай». Прощай, Настасья... ахъ, опять «прощай» сказала!..

Пульхерія Александровна хотѣла было и Сонечкѣ поклониться, но какъ-то не удалось, и заторопившись вышла изъ комнаты.

Но Авдотья Романовна какъ будто ждала очереди и, проходя вслѣдъ за матерью мимо Сони, откланялась ей внимательнымъ, вѣжливымъ и полнымъ поклономъ. Сонечка смутилась, поклонилась какъ-то уторопленно и испуганно, и какое-то даже болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ ея, какъ будто вѣжливость и вниманіе Авдотьи Романовны были ей тягостны и мучительны.

— Дуня, прощай же! — крикнулъ Раскольниковъ уже въ сѣни, — дай же руку-то!

— Да вѣдь я же подавала, забылъ? — отвѣчала Дуня, ласково и неловко оборачиваясь къ нему.

— Ну что жъ, еще дай!

И онъ крѣпко стиснулъ ея пальчики. Дунечка улыбнулась ему, закраснѣлась, поскорѣе вырвала свою руку и ушла за матерью, тоже почему-то вся счастливая.

— Ну вотъ и славно! — сказалъ онъ Сонѣ, возвращаясь къ себѣ и ясно посмотрѣвъ на нее, — упокой Господь мертвыхъ, а живымъ еще жить! Такъ ли? Такъ ли? Вѣдь такъ?

Соня даже съ удивленіемъ смотрѣла на внезапно просвѣтлѣвшее лицо его; онъ нѣсколько мгновеній молча и пристально въ нее вглядывался; весь разсказъ о ней покойника отца ея пронесся въ эту минуту вдругъ въ его памяти . . .

— Господи, Дунечка! — заговорила тотчасъ же Пульхерія Александровна, какъ вышли на улицу, — вотъ теперь сама точно рада, что мы ушли; легче какъ-то. Ну, думала ли я вчера, въ вагонѣ, что даже этому буду радоваться!

— Опять говорю вамъ, маменька, онъ еще очень боленъ. Неужели вы не видите? Можетъ быть, страдая по насъ, и разстроилъ себя. Надо быть снисходительнымъ и многое, многое можно простить.

— А вотъ ты не была снисходительна! — горячо и ревниво перебила тотчасъ же Пульхерія Александровна. — Знаешь, Дуня, смотрѣла я на васъ обоихъ, совершенный ты его портретъ и не столько лицомъ, сколько душою: оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомѣрные и оба великодушные . . . Вѣдь не можетъ быть, чтобъ онъ эгоистъ былъ, Дунечка? а? . . А какъ подумаю, что̀ у насъ вечеромъ будетъ сегодня, такъ все сердце и отнимется!

— Не безпокойтесь, маменька, будетъ то, что должно быть.

— Дунечка! Да подумай только, въ какомъ мы теперь положеніи! Ну что если Петръ Петровичъ откажется? — неосторожно высказала вдругъ бѣдная Пульхерія Александровна.

— Такъ чего жъ онъ будетъ стоить послѣ того! — рѣзко и презрительно отвѣтила Дунечка.

— Это мы хорошо сдѣлали, что теперь ушли,—

заторопилась, перебивая, Пульхерія Александровна, — онъ куда-то по дѣлу спѣшилъ; пусть пройдется, воздухомъ хоть подышитъ . . . ужасъ у него душно . . . а гдѣ тутъ воздухомъ-то дышать? Здѣсь и на улицахъ, какъ въ комнатахъ безъ форточекъ. Господи, что за городъ! . . Постой, посторонись, задавятъ, несутъ что-то! Вѣдь это фортепіано пронесли, право . . . какъ толкаются . . . Этой дѣвицы я тоже очень боюсь . . .

— Какой дѣвицы, маменька?

— Да вотъ этой, Софьи-то Семеновны, что сейчасъ была . . .

— Чего же?

— Предчувствіе у меня такое, Дуня. Ну, вѣришь иль нѣтъ, какъ вошла она, я въ ту же минуту и подумала, что тутъ-то вотъ главное и сидитъ . . .

— Совсѣмъ ничего не сидитъ! — съ досадой вскрикнула Дуня. — И какія вы съ вашими предчувствіями, мамаша! Онъ только со вчерашняго дня съ ней знакомъ, а теперь, какъ вошла, не узналъ.

— Ну, вотъ и увидишь! . . Смущаетъ она меня, вотъ увидишь, увидишь! И такъ я испугалась: глядитъ она на меня, глядитъ, глаза такіе, я едва на стулѣ усидѣла, помнишь, какъ рекомендовать началъ? И странно мнѣ: Петръ Петровичъ такъ о ней пишетъ, а онъ ее намъ рекомендуетъ, да еще тебѣ! Стало быть, ему дорога!

— Мало ли что пишетъ! О насъ тоже говорили, да и писали, забыли что ль? А я увѣрена, что она... прекрасная, и что все это — вздоръ!

— Дай ей Богъ!

— А Петръ Петровичъ негодный сплетникъ, — вдругъ отрѣзала Дунечка.

Пульхерія Александровна такъ и приникла. Разговоръ прервался.

— Вотъ что, вотъ какое у меня до тебя дѣло... — сказалъ Раскольниковъ, отводя Разумихина къ окошку...

— Такъ я скажу Екатеринѣ Ивановнѣ, что вы придете... — заторопилась Соня, откланиваясь чтобъ уйти.

— Сейчасъ, Софья Семеновна, у насъ нѣтъ секретовъ, вы не мѣшаете... Я бы хотѣлъ вамъ еще два слова сказать... Вотъ что, — обратился онъ вдругъ, не докончивъ, точно сорвалъ, къ Разумихину. — Ты вѣдь знаешь этого... Какъ его!.. Порфирія Петровича?

— Еще бы? Родственникъ. А что такое? — прибавилъ тотъ съ какимъ-то взрывомъ любопытства.

— Вѣдь онъ теперь это дѣло... ну, вотъ, по этому убійству... вотъ вчера-то вы говорили... ведетъ?

— Да... ну? — Разумихинъ вдругъ выпучилъ глаза.

— Онъ закладчиковъ спрашивалъ, а тамъ у меня тоже заклады есть, такъ дрянцо, однакожъ, сестрино колечко, которое она мнѣ на память подарила, когда я отсюда уѣзжалъ, да отцовскіе серебряные часы. Все стоитъ рублей пять-шесть, но мнѣ дорого, память. Такъ что мнѣ теперь дѣлать? Не хочу я, чтобъ вещи пропали, особенно часы. Я трепеталъ давеча, что мать спроситъ взглянуть на нихъ, когда про Дунечкины часы заговорили. Единственная вещь, что послѣ отца уцѣлѣла. Она больна сдѣлается, если они пропадутъ! Женщины! Такъ вотъ какъ быть, научи! Знаю, что надо бы въ часть

заявить. А не лучше ли самому Порфирію, а? Какъ ты думаешь? Дѣло-то поскорѣе бы обдѣлать. Увидишь, что еще до обѣда маменька спроситъ!

— Отнюдь не въ часть и непремѣнно къ Порфирію! — крикнулъ въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи Разумихинъ. — Ну, какъ я радъ! Да чего тутъ, идемъ сейчасъ, два шага, навѣрно застанемъ!

— Пожалуй . . . идемъ . . .

— А онъ очень, очень, очень, очень будетъ радъ съ тобой познакомиться! Я много говорилъ ему о тебѣ, въ разное время . . . И вчера говорилъ. Идемъ! . . Такъ ты зналъ старуху? То-то! . . Вели-ко-лѣпно это все обернулось! . . Ахъ, да . . . Софья Ивановна . . .

— Софья Семеновна, — поправилъ Раскольниковъ. — Софья Семеновна, это пріятель мой, Разумихинъ, и человѣкъ онъ хорошій . . .

— Если вамъ теперь надо идти . . . — начала было Соня, совсѣмъ и не посмотрѣвъ на Разумихина, а отъ этого еще болѣе сконфузившись.

— И пойдемте! — рѣшилъ Раскольниковъ, — я къ вамъ зайду сегодня же, Софья Семеновна, скажите мнѣ только, гдѣ вы живете?

Онъ не то что сбивался, а такъ, какъ будто торопился и избѣгалъ ея взглядовъ. Соня дала свой адресъ и при этомъ покраснѣла. Всѣ вмѣстѣ вышли.

— Не запираешь развѣ? — спросилъ Разумихинъ, сходя по лѣстницѣ вслѣдъ за ними.

— Никогда! . . Впрочемъ, вотъ ужъ два года хочу все замокъ купить, — прибавилъ онъ небрежно. — Счастливые вѣдь люди, которымъ запирать нечего? — обратился онъ смѣясь къ Сонѣ.

На улицѣ стали въ воротахъ.

— Вамъ направо, Софья Семеновна? Кстати: какъ вы меня отыскали? — спросилъ онъ, какъ будто желая сказать ей что-то совсѣмъ другое. Ему все хотѣлось смотрѣть въ ея тихіе, ясные глаза, и какъ-то это все не такъ удавалось...

— Да вѣдь вы Полечкѣ вчера адресъ сказали.

— Поля? Ахъ да... Полечка! Это... маленькая... это ваша сестра? Такъ я ей адресъ далъ?

— Да развѣ вы забыли?

— Нѣтъ... помню...

— А я о васъ еще отъ покойника тогда же слышала... Только не знала тогда еще вашей фамиліи, да и онъ самъ не зналъ... А теперь пришла... и какъ узнала вчера вашу фамилію... то и спросила сегодня: тутъ господинъ Раскольниковъ гдѣ живетъ? И не знала, что вы тоже отъ жильцовъ живете... Прощайте-съ... Я Катеринѣ Ивановнѣ...

Она ужасно рада была, что, наконецъ, ушла; пошла потупясь, торопясь, чтобы поскорѣй какъ-нибудь уйти у нихъ изъ виду, чтобы пройти какъ-нибудь поскорѣй эти двадцать шаговъ до поворота направо въ улицу и остаться, наконецъ, одной, и тамъ, идя, спѣша, ни на кого не глядя, ничего не замѣчая, думать, вспоминать, соображать каждое сказанное слово, каждое обстоятельство. Никогда, никогда она не ощущала ничего подобнаго. Цѣлый новый міръ невѣдомо и смутно сошелъ въ ея душу. Она припомнила вдругъ, что Раскольниковъ самъ хотѣлъ къ ней сегодня зайти, можетъ, еще утромъ, можетъ, сейчасъ!

— Только ужъ не сегодня, пожалуйста не сегодня! — бормотала она съ замираніемъ сердца,

точно кого-то упрашивая, какъ ребенокъ въ испугѣ. — Господи! Ко мнѣ... въ эту комнату... онъ увидитъ... о, Господи!

И ужъ, конечно, она не могла замѣтить въ эту минуту одного незнакомаго ей господина, прилежно слѣдившаго за ней и провожавшаго ее по пятамъ. Онъ провожалъ ее съ самаго выхода изъ воротъ. Въ ту минуту, когда всѣ трое, Разумихинъ, Раскольниковъ и она, остановились на два слова на тротуарѣ, этотъ прохожій, обходя ихъ, вдругъ какъ бы вздрогнулъ, нечаянно налету поймавъ слова Сони: «и спросила: господинъ Раскольниковъ гдѣ живетъ?» Онъ быстро, но внимательно оглядѣлъ всѣхъ троихъ, въ особенности же Раскольникова, къ которому обращалась Соня; потомъ посмотрѣлъ на домъ и замѣтилъ его. Все это сдѣлано было въ мгновеніе, на ходу, и прохожій, стараясь не показать даже виду, пошелъ далѣе, убавивъ шагу и какъ бы въ ожиданіи. Онъ поджидалъ Соню; онъ видѣлъ, что они прощались, и что Соня пойдетъ сейчасъ куда-то къ себѣ.

«Такъ куда же къ себѣ? Видѣлъ гдѣ-то это лицо, — думалъ онъ, припоминая лицо Сони... — надо узнать».

Дойдя до поворота, онъ перешелъ на противоположную сторону улицы, обернулся и увидѣлъ, что Соня уже идетъ вслѣдъ за нимъ, по той же дорогѣ, и ничего не замѣчая. Дойдя до поворота, какъ разъ и она повернула въ эту же улицу. Онъ пошелъ вслѣдъ, не спуская съ нея глазъ съ противоположнаго тротуара; пройдя шаговъ пятьдесятъ, перешелъ опять на ту сторону, по которой шла Соня, догналъ ее и пошелъ за ней, оставаясь въ пяти шагахъ разстоянія.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, росту повыше средняго, съ широкими и крутыми плечами, что придавало ему нѣсколько сутуловатый видъ. Былъ онъ щегольски и комфортно одѣтъ и смотрѣлъ осанистымъ бариномъ. Въ рукахъ его была красивая трость, которою онъ постукивалъ, съ каждымъ шагомъ, по тротуару, а руки были въ свѣжихъ перчаткахъ. Широкое, скулистое лицо его было довольно пріятно, и цвѣтъ лица былъ свѣжій, не петербургскій. Волосы его, очень еще густые, были совсѣмъ бѣлокурые и чуть-чуть развѣ съ просѣдью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще свѣтлѣе головныхъ волосъ. Глаза его были голубые и смотрѣли холодно, пристально и вдумчиво; губы алыя. Вообще это былъ отлично сохранившійся человѣкъ и казавшійся гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Когда Соня вышла на канаву, они очутились вдвоемъ на тротуарѣ. Наблюдая ее, онъ успѣлъ замѣтить ея задумчивость и разсѣянность. Дойдя до своего дома, Соня повернула въ ворота, онъ за ней и какъ бы нѣсколько удивившись. Войдя во дворъ, она взяла вправо, въ уголъ, гдѣ была лѣстница въ ея квартиру. «Ба!» пробормоталъ незнакомый баринъ и началъ взбираться вслѣдъ за ней по ступенямъ. Тутъ только Соня замѣтила его. Она прошла въ третій этажъ, повернула въ галлерею и позвонила въ 9 нумеръ, на дверяхъ котораго было написано мѣломъ: *Капернаумовъ портной.* «Ба!» повторилъ опять незнакомецъ, удивленный страннымъ совпаденіемъ, и позвонилъ рядомъ въ 8 нумеръ. Обѣ двери были шагахъ въ шести одна отъ другой.

— Вы у Капернаумова стоите! — сказалъ онъ,

смотря на Соню и смѣясь. — Онъ мнѣ жилетъ вчера перешивалъ. А я здѣсь, рядомъ съ вами, у мадамъ Реслихъ, Гертруды Карловны. Какъ пришлось-то!

Соня посмотрѣла на него внимательно.

— Сосѣди, — продолжалъ онъ какъ-то особенно весело. — Я вѣдь всего третій день въ городѣ. Ну-съ, пока до свиданія.

Соня не отвѣтила; дверь отворили, и она проскользнула къ себѣ. Ей стало отъ чего-то стыдно, и какъ будто она оробѣла . . .

Разумихинъ дорогою къ Порфирію былъ въ особенно возбужденномъ состояніи.

— Это, братъ, славно, — повторялъ онъ нѣсколько разъ, — и я радъ! Я радъ!

«Да чему ты радъ?» думалъ про себя Раскольниковъ.

— Я вѣдь и не зналъ, что ты тоже у старухи закладывалъ. И . . . и . . . давно это было? То есть давно ты былъ у ней?

«Экой вѣдь наивный дуракъ!»

— Когда? . . — пріостановился Раскольниковъ, припоминая, — да дня за три до ея смерти я былъ у ней, кажется. Впрочемъ, я вѣдь не выкупить теперь вещи иду, — подхватилъ онъ съ какою-то торопливостью и особенною заботой о вещахъ; — вѣдь у меня опять всего только рубль серебромъ . . . изъ за этого вчерашняго проклятаго бреду! . .

О бредѣ онъ произнесъ особенно внушительно.

— Ну да, да, да, — торопливо и неизвѣстно чему поддакивалъ Разумихинъ, — такъ вотъ почему тебя тогда . . . поразило отчасти . . . а знаешь, ты и въ бреду о какихъ-то колечкахъ и цѣпочкахъ

все поминалъ!.. Ну да, да... Это ясно, все теперь ясно.

«Вона! Экъ вѣдь расползлась у нихъ эта мысль! Вѣдь вотъ этотъ человѣкъ за меня на распятіе пойдетъ, а вѣдь очень радъ, что *разъяснилось,* почему я о колечкахъ въ бреду поминалъ! Экъ вѣдь утвердилось у нихъ у всѣхъ!..»

— А застанемъ мы его? — спросилъ онъ вслухъ.

— Застанемъ, застанемъ, — торопился Разумихинъ. — Это, братъ, славный парень, увидишь! Неуклюжъ немного, то есть онъ человѣкъ и свѣтскій, но я въ другомъ отношеніи говорю неуклюжъ. Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то складъ мыслей особенный... Недовѣрчивъ, скептикъ, циникъ... надувать любитъ, то есть не надувать, а дурачить... Ну и матеріальный старый методъ... А дѣло знаетъ, знаетъ... Онъ одно дѣло, прошлаго года, такое объ убійствѣ разыскалъ, въ которомъ почти всѣ слѣды были потеряны! Очень, очень, очень желаетъ съ тобой познакомиться!

— Да съ какой же стати очень-то?

— То есть не то чтобы... видишь, въ послѣдне время, вотъ какъ ты заболѣлъ, мнѣ часто и много приходилось о тебѣ поминать... Ну, онъ слушалъ... и какъ узналъ, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствамъ, то сказалъ: какъ жаль! Я и заключилъ... то есть все это вмѣстѣ, не одно вѣдь это; вчера Заметовъ... Видишь, Родя, я тебѣ что-то вчера болталъ въ пьяномъ видѣ, какъ домой-то шли... такъ я, братъ, боюсь, чтобы ты не преувеличилъ, видишь...

— Что это? Что меня сумасшедшимъ-то считаютъ? Да, можетъ, и правда.

Онъ напряженно усмѣхнулся.

— Да, да... то есть тьфу, нѣтъ!.. Ну, да все, что я говорилъ... (и про другое тутъ же), это все было вздоръ и съ похмѣлья.

— Да чего ты извиняешься! Какъ это мнѣ все надоѣло! — крикнулъ Раскольниковъ съ преувеличенною раздражительностью. Онъ, впрочемъ, отчасти притворился.

— Знаю, знаю, понимаю. Будь увѣренъ, что понимаю. Стыдно и говорить даже...

— А коль стыдно, такъ и не говори!

Оба замолчали. Разумихинъ былъ болѣе чѣмъ въ восторгѣ, и Раскольниковъ съ отвращеніемъ это чувствовалъ. Тревожило его и то, что Разумихинъ сейчасъ говорилъ о Порфиріи.

«Этому тоже надо Лазаря пѣть, — думалъ онъ, блѣднѣя и съ постукивающимъ сердцемъ, — и натуральнѣе пѣть. Натуральнѣе всего ничего бы не пѣть. Усиленно ничего не пѣть! Нѣтъ, *усиленно* было бы опять не натурально... Ну да, тамъ какъ обернется... посмотримъ... сейчасъ... хорошо иль не хорошо, что я иду? Бабочка сама на свѣчку летитъ. Сердце стучитъ, вотъ что не хорошо!..»

— Въ этомъ сѣромъ домѣ, — сказалъ Разумихинъ.

«Важнѣе всего, знаетъ Порфирій иль не знаетъ, что я вчера у этой вѣдьмы на квартирѣ былъ... и про кровь спрашивалъ? Въ одинъ мигъ надо это узнать съ перваго шагу, какъ войду, по лицу узнать; и-на-че... хоть пропаду, да узнаю!»

— А знаешь что? — вдругъ обратился онъ къ

Разумихину съ плутоватою улыбкой, — я, братъ, сегодня замѣтилъ, что ты съ утра въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи состоишь? Правда?

— Въ какомъ волненіи? Вовсе ни въ какомъ не въ волненіи, — передернуло Разумихина.

— Нѣтъ, братъ, право, замѣтно. На стулѣ ты давеча сидѣлъ такъ, какъ никогда не сидишь, какъ-то на кончикѣ, и все тебя судорога дергала. Вскакивалъ ни съ того, ни съ сего. То сердитый, а то вдругъ рожа какъ сладчайшій леденецъ отчего-то сдѣлается. Краснѣлъ даже; особенно, когда тебя пригласили обѣдать, ты ужасно покраснѣлъ.

— Да ничего я; врешь!.. Ты про что это?

— Да что ты точно школьникъ юлишь! Фу, чертъ, да онъ опять покраснѣлъ!

— Какая ты свинья, однакожъ!

— Да ты чего конфузишься? Ромео! Постой, я это кое-гдѣ перескажу сегодня, ха-ха-ха! Вотъ маменьку-то посмѣшу... да и еще кой-кого...

— Послушай, послушай, послушай, вѣдь это серьезно, вѣдь это... Что жъ это послѣ этого, чертъ! — сбился окончательно Разумихинъ, холодѣя отъ ужаса. — Что ты имъ разскажешь? Я, братъ... Фу, какая же ты свинья!

— Просто роза весенняя! И какъ это къ тебѣ идетъ, если бъ ты зналъ; Ромео десяти вершковъ росту! Да какъ ты вымылся сегодня, ногти вѣдь отчистилъ, а? Когда это бывало? Да ей Богу же ты напомадился! Нагнись-ка!

— Свинья!!!

Раскольниковъ до того смѣялся, что, казалось, ужъ и сдержать себя не могъ, такъ со смѣхомъ и вступили въ квартиру Порфирія Петровича. Того и надо было Раскольникову: изъ комнатъ можно

было услышать, что они вошли смѣясь и все еще хохочутъ въ прихожей.

— Ни слова тутъ или я тебя . . . размозжу! — прошепталъ въ бѣшенствѣ Разумихинъ, хватая за плечо Раскольникова.

V.

Тотъ уже входилъ въ комнаты. Онъ вошелъ съ такимъ видомъ, какъ будто изо всей силы сдерживался, чтобы не прыснуть какъ-нибудь со смѣху. За нимъ, съ совершенно опрокинутою и свирѣпою физіономіей, красный, какъ піонъ, долговязо и неловко, вошелъ стыдящійся Разумихинъ. Лицо его и вся фигура, дѣйствительно, были въ эту минуту смѣшны и оправдывали смѣхъ Раскольникова. Раскольниковъ, еще не представленный, поклонился стоявшему посреди комнаты и вопросительно глядѣвшему на нихъ хозяину, протянулъ и пожалъ ему руку все еще съ видимымъ чрезвычайнымъ усиліемъ подавить свою веселость и, по крайней мѣрѣ, хоть два-три слова выговорить, чтобъ отрекомендовать себя. Но едва только онъ успѣлъ принять серьезный видъ и что-то пробормотать — вдругъ, какъ бы невольно, взглянулъ опять на Разумихина и тутъ уже не могъ выдержать: подавленный смѣхъ прорвался тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ сильнѣе до сихъ поръ сдерживался. Необыкновенная свирѣпость, съ которою принималъ этотъ «задушевный» смѣхъ Разумихинъ, придавала всей этой сценѣ видъ самой искренней веселости и, главное, натуральности. Разумихинъ, какъ нарочно, еще помогъ дѣлу.

— Фу, чертъ! — заревѣлъ онъ, махнувъ рукой, и какъ разъ ударилъ ею о маленькій круглый сто-

ликъ, на которомъ стоялъ допитый стаканъ чаю. Все полетѣло и зазвенѣло.

— Да зачѣмъ же стулья-то ломать, господа, казнѣ вѣдь убытокъ! — весело закричалъ Порфирій Петровичъ.

Сцена представлялась такимъ образомъ: Раскольниковъ досмѣивался, забывъ свою руку въ рукѣ хозяина, но, зная мѣрку, выжидалъ мгновенія поскорѣе и натуральнѣе кончить. Разумихинъ, сконфуженный окончательно паденіемъ столика и разбившимся стаканомъ, мрачно поглядѣлъ на осколки, плюнулъ и круто повернулъ къ окну, гдѣ и сталъ спиной къ публикѣ, съ страшно-нахмуреннымъ лицомъ, смотря въ окно и ничего не видя. Порфирій Петровичъ смѣялся и желалъ смѣяться, но очевидно было, что ему надо объясненій. Въ углу на стулѣ сидѣлъ Заметовъ, привставшій при входѣ гостей и стоявшій въ ожиданіи, раздвинувъ въ улыбку ротъ, но съ недоумѣніемъ и даже какъ будто съ недовѣрчивостью смотря на всю сцену, а на Раскольникова даже съ какимъ-то замѣшательствомъ. Неожиданное присутствіе Заметова непріятно поразило Раскольникова.

«Это еще надо сообразить!» — подумалъ онъ.

— Извините пожалуйста, — началъ онъ усиленно законфузившись, — Раскольниковъ . . .

— Помилуйте, очень пріятно-съ, да и пріятно вы такъ вошли . . . Что жъ, онъ и здороваться ужъ не хочетъ? — кивнулъ Порфирій Петровичъ на Разумихина.

— Ей Богу не знаю, чего онъ на меня взбѣсился. Я сказалъ ему только дорогой, что онъ на Ромео похожъ, и . . . и доказалъ, и больше ничего, кажется, не было.

— Свинья, — отозвался, не оборачиваясь, Разумихинъ.

— Значитъ очень серьезныя причины имѣлъ, чтобы за одно словечко такъ разсердиться, — разсмѣялся Порфирій.

— Ну, ты! Слѣдователь! . . Ну, да чертъ съ вами со всѣми! — отрѣзалъ Разумихинъ и вдругъ, разсмѣявшись самъ, съ повеселѣвшимъ лицомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ Порфирію Петровичу.

— Шабашъ! Всѣ дураки; къ дѣлу: вотъ пріятель, Родіонъ Романычъ Раскольниковъ, во-первыхъ, наслышанъ и познакомиться пожелалъ, а во-вторыхъ, дѣльце малое до тебя имѣетъ. Ба! Заметовъ! Ты здѣсь какимъ образомъ? Да развѣ вы знакомы? Давно ль сошлись?

«Это что еще!» тревожно подумалъ Раскольниковъ .

Заметовъ какъ будто законфузился, но не очень.

— Вчера у тебя же познакомились, — сказалъ онъ развязно.

— Значитъ, отъ убытка Богъ избавилъ: на прошлой недѣлѣ ужасно просилъ меня, чтобы какъ-нибудь тебѣ, Порфирій, отрекомендоваться, а вы и безъ меня снюхались . . . Гдѣ у тебя табакъ?

Порфирій Петровичъ былъ по-домашнему, въ халатѣ, въ весьма чистомъ бѣльѣ и въ стоптанныхъ туфляхъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, росту пониже средняго, полный и даже съ брюшкомъ, выбритый, безъ усовъ и безъ бакенбардъ, съ плотно выстриженными волосами на большой круглой головѣ, какъ-то особенно выпукло закругленной на затылкѣ. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвѣта больного, темно-желта-

го, но довольно бодрое и даже насмѣшливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мѣшало выраженіе глазъ, съ какимъ-то жидкимъ водянистымъ блескомъ, прикрытыхъ почти бѣлыми, моргающими, точно подмигивая кому, рѣсницами. Взглядъ этихъ глазъ какъ-то странно не гармонировалъ со всею фигурой, имѣвшею въ себѣ даже что-то бабье, и придавалъ ей нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ съ перваго взгляда можно было отъ нея ожидать.

Порфирій Петровичъ, какъ только услышалъ, что гость имѣетъ до него «дѣльце», тотчасъ же попросилъ его сѣсть на диванъ, самъ усѣлся на другомъ концѣ и уставился въ гостя, въ немедленномъ ожиданіи изложенія дѣла, съ тѣмъ усиленнымъ и ужъ слишкомъ серьезнымъ вниманіемъ, которое даже тяготитъ и смущаетъ съ перваго раза, особенно по незнакомству, и особенно если то, что вы излагаете, по собственному вашему мнѣнію, далеко не въ пропорціи съ такимъ необыкновенно важнымъ, оказываемымъ вамъ вниманіемъ. Но Раскольниковъ въ короткихъ и связныхъ словахъ, ясно и точно изъяснилъ свое дѣло, и собой остался доволенъ такъ, что даже успѣлъ довольно хорошо осмотрѣлъ Порфирія. Порфирій Петровичъ тоже ни разу не свелъ съ него глазъ во все время. Разумихинъ, помѣстившись напротивъ, за тѣмъ же столомъ, горячо и нетерпѣливо слѣдилъ за изложеніемъ дѣла, поминутно переводя глаза съ того на другого и обратно, что ужъ выходило немного изъ мѣрки.

«Дуракъ!» ругнулъ про себя Раскольниковъ.

— Вамъ слѣдуетъ подать объявленіе въ полицію, — съ самымъ дѣловымъ видомъ отвѣчалъ Порфирій, — о томъ-съ, что, извѣстившись о такомъ-то

происшествіи, то есть объ этомъ убійствѣ, — вы просите, въ свою очередь, увѣдомить слѣдователя, которому поручено дѣло, что такія-то вещи принадлежатъ вамъ, и что вы желаете ихъ выкупить . . . или тамъ . . . да вамъ, впрочемъ, напишутъ.

— То-то и дѣло, что я въ настоящую минуту, — какъ можно больше постарался законфузиться Раскольниковъ, — не совсѣмъ при деньгахъ . . . и даже такой мелочи не могу . . . я, вотъ видите ли, желалъ бы теперь только заявить, что эти вещи мои, но что когда будутъ деньги . . .

— Это все равно-съ, — отвѣтилъ Порфирій Петровичъ, холодно принимая разъясненіе о финансахъ; — а впрочемъ, можно вамъ и прямо, если захотите, написать ко мнѣ, въ томъ же смыслѣ, что вотъ, извѣстясь о томъ-то и объявляя о такихъ-то моихъ вещахъ, прошу . . .

— Это вѣдь на простой бумагѣ? — поспѣшилъ перебить Раскольниковъ, опять интересуясь финансовой частью дѣла.

— О, на самой простѣйшей-съ! — и вдругъ Порфирій Петровичъ какъ-то явно насмѣшливо посмотрѣлъ на него, прищурившись и какъ бы ему подмигнувъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, только такъ показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновеніе. По крайней мѣрѣ, что-то такое было. Раскольниковъ побожился бы, что онъ ему подмигнулъ, чертъ знаетъ для чего.

«Знаетъ!» промелькнуло въ немъ, какъ молнія.

— Извините, что такими пустяками безпокоилъ, — продолжалъ онъ, нѣсколько сбившись, — вещи мои стоятъ всего пять рублей, но онѣ мнѣ особенно дороги, какъ память тѣхъ, отъ кого до-

стались и, признаюсь, я, какъ узналъ, очень испугался . . .

— То-то ты такъ вспорхнулся вчера, когда я Зосимову сболтнулъ, что Порфирій закладчиковъ опрашиваетъ! — ввернулъ Разумихинъ, съ видимымъ намѣреніемъ.

Это уже было невыносимо. Раскольниковъ не вытерпѣлъ и злобно сверкнулъ на него загорѣвшимися гнѣвомъ своими глазами. Тотчасъ же и опомнился.

— Ты, братъ, кажется, надо мной подсмѣиваешься? — обратился онъ къ нему съ ловко выдѣланнымъ раздраженіемъ. — Я согласенъ, что, можетъ быть, уже слишкомъ забочусь объ этакой дряни на твои глаза; но нельзя же считать меня за это ни эгоистомъ, ни жаднымъ, и на мои глаза эти двѣ ничтожныя вещицы могутъ быть вовсе не дрянь. Я тебѣ уже говорилъ сейчасъ, что эти серебряные часы, которымъ грошъ цѣна, единственная вещь, что послѣ отца осталась. Надо мной смѣйся, но ко мнѣ мать пріѣхала, — повернулся онъ вдругъ къ Порфирію,—и если бъ она узнала,—отвернулся онъ опять поскорѣй къ Разумихину, стараясь особенно, чтобы задрожалъ голосъ, — что эти часы пропали, то, клянусь, она была бы въ отчаяніи! Женщины!

— Да вовсе же нѣтъ! Я вовсе не въ томъ смыслѣ! Я совершенно напротивъ! — кричалъ огорченный Разумихинъ.

«Хорошо ли? Натурально ли? Не преувеличилъ ли?» трепеталъ про себя Раскольниковъ. «Зачѣмъ сказалъ: «Женщины»?»

— А къ вамъ матушка пріѣхала? — освѣдомился для чего-то Порфирій Петровичъ.

— Да.

— Когда же это-съ?

— Вчера вечеромъ.

Порфирій помолчалъ, какъ бы соображая.

— Вещи ваши ни въ какомъ случаѣ и не могли пропасть, — спокойно и холодно продолжалъ онъ. — Вѣдь я уже давно васъ здѣсь поджидаю.

И какъ ни въ чемъ не бывало, онъ заботливо сталъ подставлять пепельницу Разумихину, безпощадно сорившему на коверъ папироской. Раскольниковъ вздрогнулъ, но Порфирій какъ будто и не глядѣлъ, все еще озабоченный папироской Разумихина.

— Что-о? Поджидалъ! Да ты развѣ зналъ, что и онъ *тамъ* закладывалъ?—крикнулъ Разумихинъ.

Порфирій Петровичъ прямо обратился къ Раскольникову.

— Ваши обѣ вещи, кольцо и часы, были у *ней* подъ одну бумажку завернуты, а на бумажкѣ ваше имя карандашемъ четко обозначено, равно какъ и число мѣсяца, когда она ихъ отъ васъ получила . . .

— Какъ это вы такъ замѣтливы? . . — неловко усмѣхнулся было Раскольниковъ, особенно стараясь смотрѣть ему прямо въ глаза; но не смогъ утерпѣть и вдругъ прибавилъ:

— Я потому такъ замѣтилъ сейчасъ, что вѣроятно очень много было закладчиковъ . . . такъ что вамъ трудно было бы ихъ всѣхъ помнить . . . А вы, напротивъ, такъ отчетливо всѣхъ ихъ помните, и . . . и . . .

«Глупо! Слабо! Зачѣмъ я это прибавилъ!»

— А почти всѣ закладчики теперь ужъ извѣстны, такъ что вы только одни и не изволили пожаловать, — отвѣтилъ Порфирій съ чуть примѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшливости.

— Я не совсѣмъ былъ здоровъ.

— И объ этомъ слышалъ-съ. Слышалъ даже, что ужъ очень были чѣмъ-то разстроены. Вы и теперь какъ будто блѣдны?

— Совсѣмъ не блѣденъ... напротивъ, совсѣмъ здоровъ! — грубо и злобно отрѣзалъ Раскольниковъ, вдругъ перемѣняя тонъ. Злоба въ немъ накипала, и онъ не могъ подавить ее. «А въ злобѣ-то и проговорюсь!» промелькнуло въ немъ опять. «А зачѣмъ они меня мучаютъ!..»

— Не совсѣмъ здоровъ! — подхватилъ Разумихинъ. — Эвона сморозилъ! До вчерашняго дня чуть не безъ памяти бредилъ... Ну, вѣришь, Порфирій, самъ едва на ногахъ, а чуть только мы, я да Зосимовъ, вчера отвернулись — одѣлся и удралъ потихоньку и куралесилъ гдѣ-то чуть не до полночи, и это въ совершеннѣйшемъ, я тебѣ скажу, бреду, можешь ты это представить! Замѣчательнѣйшій случай!

— И неужели въ *совершеннѣйшемъ бреду?* Скажите пожалуйста! — съ какимъ-то бабьимъ жестомъ покачалъ головою Порфирій.

— Э, вздоръ! Не вѣрьте! А впрочемъ, вѣдь вы и безъ того не вѣрите! — слишкомъ ужъ со зла сорвалось у Раскольникова. Но Порфирій Петровичъ какъ будто не разслышалъ этихъ странныхъ словъ.

— Да какъ же могъ ты выйти, коли не въ бреду? — разгорячился вдругъ Разумихинъ. — Зачѣмъ вышелъ? Для чего?.. И почему именно тайкомъ? Ну былъ ли въ тебѣ тогда здравый смыслъ? Теперь, когда вся опасность прошла, я ужъ прямо тебѣ говорю!

— Надоѣли они мнѣ очень вчера, — обратился

вдругъ Раскольниковъ къ Порфирію съ нахально-вызывающею усмѣшкой, — я и убѣжалъ отъ нихъ квартиру нанять, чтобъ они меня не сыскали, и денегъ кучу съ собой захватилъ. Вонъ господинъ Заметовъ видѣлъ деньги-то. А что, господинъ Заметовъ, уменъ я былъ вчера, али въ бреду, разрѣшите-ка споръ?

Онъ бы, кажется, такъ и задушилъ въ эту минуту Заметова. Слишкомъ ужъ взглядъ его и молчаніе ему не нравились.

— По-моему, вы говорили весьма разумно-съ и даже хитро-съ, только раздражительны были ужъ слишкомъ, — сухо заявилъ Заметовъ.

— А сегодня сказывалъ мнѣ Никодимъ Ѳомичъ, — ввернулъ Порфирій Петровичъ, — что встрѣтилъ васъ вчера ужъ очень поздно, въ квартирѣ одного, раздавленнаго лошадьми, чиновника . . .

— Но вотъ хоть бы этотъ чиновникъ! — подхватилъ Разумихинъ, — ну, не сумасшедшій ли ты былъ у чиновника? Послѣднія деньги на похороны вдовѣ отдалъ! Ну, захотѣлъ помочь — дай пятнадцать рублей, дай двадцать, ну, да хоть три цѣлковыхъ себѣ оставь, а то всѣ двадцать пять такъ и отвалилъ!

— А можетъ, я гдѣ-нибудь кладъ нашелъ, а ты не знаешь? Вотъ я вчера и расщедрился . . . Вонъ господинъ Заметовъ знаетъ, что я кладъ нашелъ! . . Вы извините, пожалуйста, — обратился онъ со вздрагивающими губами къ Порфирію, — что мы васъ пустяшнымъ такимъ переборомъ полчаса безпокоимъ. Надоѣли вѣдь, а?

— Помилуйте-съ, напротивъ, на-а-противъ! Если бы вы знали, какъ вы меня интересуете! Любопытно и смотрѣть, и слушать . . . и я, признаюсь,

такъ радъ, что вы изволили, наконецъ, пожаловать...

— Да дай хоть чаю-то! Горло пересохло! — вскричалъ Разумихинъ.

— Прекрасная идея! Можетъ, и всѣ компанію сдѣлаютъ. А не хочешь ли... посущественнѣе, передъ чаемъ-то?

— Убирайся!

Порфирій Петровичъ вышелъ приказать чаю.

Мысли крутились, какъ вихрь, въ головѣ Раскольникова. Онъ былъ ужасно раздраженъ.

«Главное, даже и не скрываются и церемониться не хотятъ! А по какому случаю, коль меня совсѣмъ не знаешь, говорилъ ты обо мнѣ съ Никодимомъ Ѳомичемъ? Стало быть, ужъ и скрывать не хотятъ, что слѣдятъ за мной, какъ стая собакъ! Такъ откровенно въ рожу и плюютъ! — дрожалъ онъ отъ бѣшенства. — Ну, бейте прямо, а не играйте, какъ кошка съ мышью. Это вѣдь невѣжливо. Порфирій Петровичъ, вѣдь я еще, можетъ быть, не позволю-съ!.. Встану, да и брякну всѣмъ въ рожу всю правду; и увидите, какъ я васъ презираю!... — Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе. — А что, если мнѣ такъ только кажется? Что, если это миражъ, и я во всемъ ошибаюсь, по неопытности злюсь, подлой моей роли не выдерживаю? Можетъ быть, это все безъ намѣренія? Всѣ слова ихъ обыкновенныя, но что-то въ нихъ есть... Все это всегда можно сказать, но что-то есть. Почему онъ сказалъ прямо «у ней»? Почему Заметовъ прибавилъ, что я *хитро* говорилъ? Почему они говорятъ такимъ тономъ? Да... тонъ... Разумихинъ тутъ же сидѣлъ, почему жъ ему ничего не кажется? Этому невинному болвану никогда ничего не кажет-

ся! Опять лихорадка!.. Подмигнулъ мнѣ давеча Порфирій, аль нѣтъ? Вѣрно вздоръ; для чего бы подмигивать? Нервы, что ль, хотятъ мои раздражить, или дразнятъ меня? Или все миражъ, или *знаютъ!* Даже Заметовъ дерзокъ... Дерзокъ ли Заметовъ? Заметовъ передумалъ за ночь. Я и предчувствовалъ, что передумаетъ! Онъ здѣсь какъ свой, а самъ въ первый разъ. Порфирій его за гостя не считаетъ, къ нему задомъ сидитъ. Снюхались! Непремѣнно *изъ за меня* снюхались! Непремѣнно до насъ обо мнѣ говорили!.. Знаютъ ли про квартиру-то. Поскорѣй бы ужъ!.. Когда я сказалъ, что квартиру нанять вчера убѣжалъ, онъ пропустилъ, не поднялъ... А это я ловко про квартиру ввернулъ: потомъ пригодится. Въ бреду, дескать!.. Ха, ха, ха! Онъ про весь вечеръ вчерашній знаетъ! Про пріѣздъ матери не зналъ!.. А вѣдьма и число прописала карандашомъ!.. Врете, не дамся! Вѣдь это еще не факты, это только миражъ! Нѣтъ, вы давайте-ка фактовъ! И квартира не фактъ, а бредъ; я знаю, что имъ говорить... Знаютъ ли про квартиру-то? Не уйду не узнавъ! Зачѣмъ я пришелъ? А вотъ что я злюсь теперь, такъ это, пожалуй, и фактъ! Фу, какъ я раздражителенъ! А можетъ и хорошо; болѣзненная роль... Онъ меня ощупываетъ. Сбивать будетъ. Зачѣмъ я пришелъ?»

Все это, какъ молнія, пронеслось въ его головѣ.

Порфирій Петровичъ мигомъ воротился. Онъ вдругъ какъ-то повеселѣлъ.

— У меня, братъ, со вчерашняго твоего голова... Да и весь я какъ-то развинтился, — началъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, смѣясь, къ Разумихину.

— А что, интересно было? Я вѣдь васъ вчера на самомъ интересномъ пунктѣ бросилъ? Кто побѣдилъ?

— Да никто, разумѣется. На вѣковѣчные вопросы съѣхали, на воздусѣхъ парили.

— Вообрази, Родя, на что вчера съѣхали: есть или нѣтъ преступленіе? Говорилъ, что до чертиковъ доврались!

— Что жъ удивительнаго? Обыкновенный соціальный вопросъ, — разсѣянно отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Вопросъ былъ не такъ формулированъ, — замѣтилъ Порфирій.

— Не совсѣмъ такъ, это правда, — тотчасъ же согласился Разумихинъ, торопясь и разгорячаясь по обыкновенію. — Видишь, Родіонъ: слушай, и скажи свое мнѣніе. Я хочу. Я изъ кожи лѣзъ вчера съ ними и тебя поджидалъ; я и имъ про тебя говорилъ, что придешь . . . Началось съ воззрѣнія соціалистовъ. Извѣстно воззрѣніе: преступленіе есть протестъ противъ ненормальности соціальнаго устройства, — и только, и ничего больше, и никакихъ причинъ больше не допускается, — и ничего! . .

— Вотъ и совралъ! — крикнулъ Порфирій Петровичъ. Онъ видимо оживлялся и поминутно смѣялся, смотря на Разумихина, чѣмъ еще болѣе поджигалъ его.

— Н-ничего не допускается! — съ жаромъ перебилъ Разумихинъ, — не вру! . . Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что «среда заѣла» — ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ преступленія исчезнутъ, такъ какъ

не для чего будетъ протестовать и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. Натура не берется въ расчетъ, натура изгоняется, натуры не полагается! У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ, *живымъ* путемъ до конца, само собою обратится, наконецъ, въ нормальное общество, а напротивъ, соціальная система, выйдя изъ какой-нибудь математической головы, тотчасъ же и устроитъ все человѣчество и въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого процесса, безъ всякаго историческаго и живого пути! Оттого-то они такъ инстинктивно и не любятъ исторію: «безобразія одни въ ней, да глупости» — все одною только глупостью объясняется! Оттого такъ и не любятъ *живого* процесса жизни: не надо *живой души!* Живая душа жизни потребуетъ, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тутъ хоть и мертвечинкой припахиваетъ, изъ каучука сдѣлать можно, — зато не живая, зато безъ воли, зато рабская, не взбунтуется! И выходитъ въ результатѣ, что все на одну только кладку кирпичиковъ, да на расположеніе корридоровъ и комнатъ въ фаланстерѣ свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у васъ для фаланстеры еще не готова, жизни хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила, рано на кладбище! Съ одной логикой нельзя черезъ натуру перескочить! Логика предугадаетъ три случая, а ихъ милліонъ! Отрѣзать весь милліонъ и все на одинъ вопросъ о комфортѣ свести! Самое легко разрѣшеніе задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное — думать не надо! Вся жизненная тайна на двухъ печатныхъ листкахъ умѣщается!

— Вѣдь вотъ прорвался, барабанитъ! За руки держать надо, — смѣялся Порфирій. — Вообразите, — обернулся онъ къ Раскольникову; — вотъ такъ же вчера вечеромъ, въ одной комнатѣ, въ шесть голосовъ, да еще пуншемъ напоилъ предварительно, — можете себѣ представить? — Нѣтъ, братъ, ты врешь: «среда» многое въ преступленіи значитъ; это я тебѣ подтвержу.

— И самъ знаю, что много, да ты вотъ что скажи: сорокалѣтній безчеститъ десятилѣтнюю дѣвочку, — среда, что ль, его на это понудила?

— А что жъ, оно въ строгомъ смыслѣ, пожалуй, что и среда, — съ удивительною важностью замѣтилъ Порфирій; — преступленіе надъ дѣвочкой очень и очень даже можно «средой» объяснить.

Разумихинъ чуть въ бѣшенство не пришелъ:

— Ну, да хочешь я тебѣ сейчасъ *выведу,* — заревѣлъ онъ, — что у тебя бѣлыя рѣсницы единственно только оттого, что въ Иванѣ Великомъ тридцать пять сажень высоты, и выведу ясно, точно, прогрессивно и даже съ либеральнымъ оттѣнкомъ? Берусь! Ну, хочешь пари!

— Принимаю! Послушаемъ, пожалуйста, какъ онъ выведетъ!

— Да вѣдь все притворяется, чертъ! — вскричалъ Разумихинъ, вскочилъ и махнулъ рукой. — Ну, стоитъ ли съ тобой говорить! Вѣдь онъ это все нарочно, ты еще не знаешь его, Родіонъ! И вчера ихъ сторону принялъ, только чтобы всѣхъ одурачить. И что жъ онъ говорилъ вчера, Господи! А они-то ему обрадовались!.. Вѣдь онъ по двѣ недѣли такимъ образомъ выдерживаетъ. Прошлаго года увѣрялъ насъ для чего-то, что въ монахи идетъ: два мѣсяца стоялъ на своемъ! Недавно взду-

малъ увѣрять, что женится, что все ужъ готово къ вѣнцу. Платье даже новое сшилъ. Мы ужъ стали его поздравлять. Ни невѣсты, ничего не бывало: все миражъ!

— А вотъ совралъ! Я платье сшилъ прежде. Мнѣ по поводу новаго платья и пришло въ голову васъ всѣхъ поднадуть.

— Въ самомъ дѣлѣ вы такой притворщикъ? — спросилъ небрежно Раскольниковъ.

— А вы думали нѣтъ? Подождите, я и васъ проведу — ха-ха-ха! Нѣтъ, видите ли-съ, я вамъ всю правду скажу. По поводу всѣхъ этихъ вопросовъ, преступленій, среды, дѣвочекъ, мнѣ вспомнилась теперь, — а впрочемъ и всегда интересовала меня, — одна ваша статейка: *О преступленіи* . . . или какъ тамъ у васъ, забылъ названіе, не помню. Два мѣсяца назадъ имѣлъ удовольствіе въ *Періодической Рѣчи* прочесть.

— Моя статья? Въ *Періодической Рѣчи?* — съ удивленіемъ спросилъ Раскольниковъ; — я, дѣйствительно, написалъ, полгода назадъ, когда изъ университета вышелъ, по поводу одной книги, одну статью, но я снесъ ее тогда въ газету *Еженедѣльная Рѣчь,* а не въ *Періодическую.*

— А попала въ *Періодическую.*

— Да вѣдь *Еженедѣльная Рѣчь* перестала существовать, потому тогда и не напечатали . . .

— Это правда-съ; но переставая существовать, *Еженедѣльная Рѣчь* соединилась съ *Періодическою Рѣчью,* а потому и статейка ваша два мѣсяца назадъ явилась въ *Періодической Рѣчи.* А вы не знали?

Раскольниковъ, дѣйствительно, ничего не зналъ.

— Помилуйте, да вы деньги можете съ нихъ

спросить за статью! Какой однакожъ у васъ характеръ! Живете такъ уединенно, что такихъ вещей, до васъ прямо касающихся, не вѣдаете. Это вѣдь фактъ-съ.

— Браво, Родька! И я тоже не зналъ! — вскричалъ Разумихинъ. — Сегодня же въ читальню забѣгу и нумеръ спрошу! Два мѣсяца назадъ? Котораго числа? Все равно, разыщу! Вотъ штука-то! И не скажетъ!

— А вы почему узнали, что статья моя? Она буквой подписана.

— А случайно, и то на-дняхъ. Черезъ редактора; я знакомъ . . . Весьма заинтересовался.

— Я разсматривалъ, помнится, психологическое состояніе преступника въ продолженіе всего хода преступленія.

— Да-съ, и настаиваете, что актъ исполненія преступленія сопровождается всегда болѣзнью. Очень, очень оригинально, но . . . меня собственно не эта часть вашей статейки заинтересовала, а нѣкоторая мысль, пропущенная въ концѣ статьи, но которую вы, къ сожалѣнію, проводите только намекомъ, не ясно . . . Однимъ словомъ, если припомните, проводится нѣкоторый намекъ на то, что существуютъ на свѣтѣ будто бы нѣкоторыя такія лица, которыя могутъ . . . то есть не то, что могутъ, а полное право имѣютъ совершать всякія безчинства и преступленія, и что для нихъ, будто бы, и законъ не писанъ.

Раскольниковъ усмѣхнулся усиленному и умышленному искаженію своей идеи.

— Какъ? Что такое? Право на преступленіе? Но вѣдь не потому, что «заѣла среда»? — съ какимъ-то испугомъ освѣдомился Разумихинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ потому, — отвѣтилъ Порфирій. — Все дѣло въ томъ, что въ ихней статьѣ всѣ люди какъ-то раздѣляются на «обыкновенныхъ» и «необыкновенныхъ». Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные — имѣютъ право дѣлать всякія преступленія и всячески преступать законъ, собственно потому, что они необыкновенные. Такъ у васъ, кажется, если только не ошибаюсь?

— Да какъ же это? Быть не можетъ, чтобы такъ! — въ недоумѣніи бормоталъ Разумихинъ.

Раскольниковъ усмѣхнулся опять. Онъ разомъ понялъ въ чемъ дѣло и на что его хотятъ натолкнуть; онъ помнилъ свою статью. Онъ рѣшился принять вызовъ.

— Это не совсѣмъ такъ у меня, — началъ онъ просто и скромно. — Впрочемъ, признаюсь, вы почти вѣрно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно вѣрно . . . (Ему точно пріятно было согласиться, что совершенно вѣрно.) Разница единственно въ томъ, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непремѣнно должны и обязаны были творить всегда всякія безчинства, какъ вы говорите. Мнѣ кажется даже, что такую статью и въ печать бы не пропустили. Я просто-за-просто намекнулъ, что «необыкновенный» человѣкъ имѣетъ право. . . то есть не офиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть . . . черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того требуетъ. Вы изволите говорить, что

статья моя не ясна; я готовъ ее вамъ разъяснить, по возможности. Я, можетъ быть, не ошибусь, предполагая, что вамъ, кажется, того и хочется; извольте-съ. По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, или ставшихъ бы на пути, какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право, и даже былъ бы обязанъ . . . *устранить* этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать кого вздумается, встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ . . . ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго были преступники, уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ, конечно, не останавливались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что бо̀льшая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то, что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природѣ своей, быть непре-

мѣнно преступниками, — болѣе или менѣе, разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ колеи, а оставаться въ колеѣ они, конечно, не могутъ согласиться, опять-таки по природѣ своей, а по-моему такъ даже и обязаны не соглашаться. Однимъ словомъ, вы видите, что до сихъ поръ тутъ нѣтъ ничего особенно новаго. Это тысячу разъ было напечатано и прочитано. Что же касается до моего дѣленія на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, то я согласенъ, что оно нѣсколько произвольно, но вѣдь я же на точныхъ цифрахъ и не настаиваю. Я только въ главную мысль мою вѣрю. Она именно состоитъ въ томъ, что люди, по закону природы, раздѣляются, *вообще,* на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), то есть, такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, то есть имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей *новое слово.* Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ довольно рѣзкія: первый разрядъ, то есть матеріалъ, говоря вообще, люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе, и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ унизительнаго. Второй разрядъ, всѣ преступаютъ законъ, разрушители, или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны; большею частью они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри

себя, по совѣсти, можетъ, по-моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь,—смотря, впрочемъ, по идеѣ и по размѣрамъ ея, — это замѣтьте. Въ этомъ только смыслѣ я и говорю въ моей статьѣ объ ихъ правѣ на преступленіе. (Вы припомните, у насъ вѣдь съ юридическаго вопроса началось.) Впрочемъ, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признаетъ за ними этого права, казнитъ ихъ и вѣшаетъ (болѣе или менѣе) и тѣмъ, совершенно справедливо, исполняетъ консервативное свое назначеніе, съ тѣмъ однакожъ, что въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эта же масса ставитъ казненныхъ на пьедесталъ и имъ поклоняется (болѣе или менѣе). Первый разрядъ всегда — господинъ настоящаго, второй разрядъ — господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ и пріумножаютъ его численно; вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. И тѣ, и другіе имѣютъ совершенно одинаковое право существовать. Однимъ словомъ, у меня всѣ равносильное право имѣютъ, и — vive la guerre éternelle, — до Новаго Іерусалима, разумѣется!

— Такъ вы все-таки вѣрите же въ Новый Іерусалимъ?

— Вѣрую, — твердо отвѣчалъ Раскольниковъ; говоря это и въ продолженіе всей длинной тирады своей онъ смотрѣлъ въ землю, выбравъ себѣ точку на коврѣ.

— И-и-и въ Бога вѣруете? Извините, что такъ любопытствую.

— Вѣрую, — повторилъ Раскольниковъ, поднимая глаза на Порфирія.

— И-и въ воскресеніе Лазаря вѣруете?

— Вѣ-вѣрую. Зачѣмъ вамъ все это?

— Буквально вѣруете?

— Буквально.

— Вотъ какъ-съ . . . такъ полюбопытствовалъ. Извините-съ. Но позвольте, — обращаюсь къ давешнему, — вѣдь ихъ не всегда же казнятъ; иные напротивъ . . .

— Торжествуютъ при жизни? О да, иные достигаютъ и при жизни, и тогда . . .

— Сами начинаютъ казнить?

— Если надо и, знаете, даже большею частью. Вообще замѣчаніе ваше остроумно.

— Благодарю-съ. Но вотъ что скажите: чѣмъ же бы отличить этихъ необыкновенныхъ-то отъ обыкновенныхъ? При рожденіи что ль знаки такіе есть? Я въ томъ смыслѣ, что тутъ надо бы поболѣе точности, такъ сказать болѣе наружной опредѣленности: извините во мнѣ естественное безпокойство практическаго и благонамѣреннаго человѣка, но нельзя ли тутъ одежду, напримѣръ, особую завести, носить что-нибудь, клеймы тамъ, что ли, какія?.. Потому, согласитесь, если произойдетъ путаница, и одинъ изъ одного разряда вообразитъ, что онъ принадлежитъ къ другому разряду, и начнетъ «устранять всѣ препятствія», какъ вы весьма счастливо выразились, такъ вѣдь тутъ . . .

—О, это весьма часто бываетъ! Это замѣчаніе ваше еще даже остроумнѣе давешняго . . .

— Благодарю-съ . . .

— Не стоитъ-съ; но примите въ соображеніе, что ошибка возможна вѣдь только со стороны перваго разряда, то есть «обыкновенныхъ» людей (какъ я, можетъ быть очень неудачно, ихъ назвалъ). Несмотря на врожденную склонность ихъ къ послушанію, по нѣкоторой игривости природы, въ которой не отказано даже и коровѣ, весьма многіе изъ нихъ

любятъ воображать себя передовыми людьми, «разрушителями» и лѣзть въ «новое слово», и это совершенно искренно-съ. Дѣйствительно же *новыхъ* они въ то же время весьма часто не замѣчаютъ и даже презираютъ, какъ отсталыхъ и унизительно думающихъ людей. Но, по-моему, тутъ не можетъ быть значительной опасности, и вамъ, право, нечего безпокоиться, потому что они никогда далеко не шагаютъ. За увлеченіе, конечно, ихъ можно иногда бы посѣчь, чтобы напомнить имъ свое мѣсто, но не болѣе; тутъ и исполнителя даже не надо: они сами себя посѣкутъ, потому что очень благонравны: иные другъ дружкѣ эту услугу оказываютъ, а другіе сами себя собственноручно . . . Покаянія разныя публичныя при семъ на себя налагаютъ,—выходитъ красиво и назидательно, однимъ словомъ, вамъ безпокоиться нечего . . . Такой законъ есть.

— Ну, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны вы меня хоть нѣсколько успокоили; но вотъ вѣдь опять бѣда-съ: скажите пожалуйста, много ли такихъ людей, которые другихъ-то рѣзать право имѣютъ, «необыкновенныхъ-то» этихъ? Я, конечно, готовъ преклониться, но вѣдь согласитесь, жутко-съ, если ужъ очень-то много ихъ будетъ, а?

— О, не безпокойтесь и въ этомъ,—тѣмъ же тономъ продолжалъ Раскольниковъ. — Вообще, людей съ новою мыслью, даже чуть-чуть только способныхъ сказать хоть что-нибудь *новое,* необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядокъ зарожденія людей, всѣхъ этихъ разрядовъ и подраздѣленій, должно быть, весьма вѣрно и точно опредѣленъ какимъ-нибудь закономъ природы. Законъ этотъ, разумѣется, теперь неизвѣстенъ, но я вѣрю, что онъ существу-

етъ и впослѣдствіи можетъ стать и извѣстнымъ. Огромная масса людей, матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну хоть изъ тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью рождается, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ (я говорю, примѣрно, наглядно). Еще съ болѣе широкою, изъ ста тысячъ одинъ. Геніальные люди изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячей милліоновъ людей на землѣ. Однимъ словомъ, въ реторту, въ которой все это происходитъ, я не заглядывалъ. Но опредѣленный законъ непремѣнно есть и долженъ быть; тутъ не можетъ быть случая.

— Да что вы оба, шутите, что ль? — вскричалъ наконецъ Разумихинъ. — Морочите вы другъ друга иль нѣтъ? Сидятъ и одинъ надъ другимъ подшучиваютъ! Ты серьезно, Родя?

Раскольниковъ молча поднялъ на него свое блѣдное и почти грустное лицо и ничего не отвѣтилъ. И странно показалось Разумихину, рядомъ съ этимъ тихимъ и грустнымъ лицомъ, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и *невѣжливая* язвительность Порфирія.

— Ну, братъ, если, дѣйствительно, это серьезно, то . . . Ты, конечно, правъ, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу разъ читали и слышали; но что дѣйствительно *оригинально* во всемъ этомъ, — и дѣйствительно принадлежитъ

одному тебѣ, къ моему ужасу, это то, что все-таки кровь *по совѣсти* разрѣшаешь, и, извини меня, съ такимъ фанатизмомъ даже... Въ этомъ, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Вѣдь это разрѣшеніе крови *по совѣсти,* это... это по-моему страшнѣе чѣмъ бы офиціальное разрѣшеніе кровь проливать, законное...

— Совершенно справедливо, — страшнѣе-съ, — отозвался Порфирій.

— Нѣтъ, ты какъ-нибудь да увлекся! Тутъ ошибка. Я прочту... Ты увлекся! Ты не можешь такъ думать... Прочту.

— Въ статьѣ всего этого нѣтъ, тамъ только намеки, — проговорилъ Раскольниковъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, — не сидѣлось Порфирію, — мнѣ почти стало ясно теперь, какъ вы на преступленіе изволите смотрѣть-съ, но... ужъ извините меня за мою назойливость (безпокою ужъ очень васъ, самому совѣстно!) — видите ли-съ: успокоили вы меня давеча очень-съ насчетъ ошибочныхъ-то случаевъ смѣшенія обоихъ разрядовъ, но... меня все тутъ практическіе разные случаи опять безпокоятъ! Ну какъ иной разъ какой-нибудь мужъ, али юноша, вообразитъ, что онъ Ликургъ али Магометъ... — будущій, разумѣется, — да и давай устранять къ тому всѣ препятствія... Предстоитъ, дескать, далекій походъ, а въ походъ деньги нужны... ну, и начнетъ добывать себѣ для похода... знаете?

Заметовъ вдругъ фыркнулъ изъ своего угла. Раскольниковъ даже глазъ на него не поднялъ.

— Я долженъ согласиться, — спокойно отвѣчалъ онъ, — что такіе случаи, дѣйствительно, должны быть. Глупенькіе и тщеславные особенно

на эту удочку попадаются; молодежь въ особенности.

— Вотъ видите-съ. Ну такъ какъ же-съ?

— Да и такъ же, — усмѣхнулся Раскольниковъ, — не я въ этомъ виноватъ. Такъ есть и будетъ всегда. Вотъ онъ (онъ кивнулъ на Разумихина) говорилъ сейчасъ, что я кровь разрѣшаю. Такъ что же? Общество вѣдь слишкомъ обезпечено ссылками, тюрьмами, судебными слѣдователями, каторгами,—чего же безпокоиться? И ищите вора!..

— Ну, а коль сыщемъ?

— Туда ему и дорога.

— Вы таки логичны. Ну-съ, а насчетъ его совѣсти-то?

— Да какое вамъ до нея дѣло?

— Да такъ ужъ, по гуманности-съ.

— У кого есть она, тотъ страдай, коль сознаетъ ошибку. Это и наказаніе ему,—опричь каторги.

— Ну, а дѣйствительно-то геніальные, — нахмурясь спросилъ Разумихинъ, — вотъ тѣ-то, которымъ рѣзать-то право дано, тѣ такъ ужъ и должны не страдать совсѣмъ, даже на кровь пролитую?

— Зачѣмъ тутъ слово *должны?* Тутъ нѣтъ ни позволенія, ни запрещенія. Пусть страдаетъ, если жаль жертву . . . Страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца. Истинно великіе люди, мнѣ кажется, должны ощущать на свѣтѣ великую грусть, — прибавилъ онъ вдругъ задумчиво, даже не въ тонъ разговора.

Онъ поднялъ глаза, вдумчиво посмотрѣлъ на всѣхъ, улыбнулся и взялъ фуражку.. Онъ былъ слишкомъ спокоенъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ вошелъ давеча, и чувствовалъ это. Всѣ встали.

— Ну-съ, браните меня или нѣтъ, сердитесь иль нѣтъ, а я не могу утерпѣть, — заключилъ опять Порфирій Петровичъ, — позвольте еще вопросикъ одинъ (очень ужъ я васъ безпокою-съ!), одну только маленькую идейку хотѣлъ пропустить, единственно только, чтобы не забыть-съ . . .

— Хорошо, скажите вашу идейку, —серьезный и блѣдный стоялъ передъ нимъ въ ожиданіи Раскольниковъ.

— Вѣдь вотъ-съ . . . право, не знаю, какъ бы удачнѣе выразиться . . . идейка-то ужъ слишкомъ игривенькая . . . психологическая - съ . . . Вѣдь вотъ-съ, когда вы вашу статейку-то сочиняли, — вѣдь ужъ быть того не можетъ, хе, хе! чтобы вы сами себя не считали, — ну хоть на капельку, — тоже человѣкомъ «необыкновеннымъ» и говорящимъ *новое слово,* — въ вашемъ то есть смыслѣ-съ . . . Вѣдь такъ-съ?

— Очень можетъ быть, — презрительно отвѣтилъ Раскольниковъ. Разумихинъ сдѣлалъ движеніе.

— А коль такъ-съ, то неужели вы бы сами рѣшились, — ну тамъ, въ виду житейскихъ какихъ-нибудь неудачъ и стѣсненій, или для споспѣшествованія какъ-нибудь всему человѣчеству, — перешагнуть черезъ препятствіе-то? . . Ну, напримѣръ, убить и ограбить? . .

И онъ какъ-то вдругъ опять подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ и разсмѣялся неслышно, — точь-въ-точь какъ давеча.

— Если бъ я и перешагнулъ, то ужъ конечно бы вамъ не сказалъ, — съ вызывающимъ, надменнымъ презрѣніемъ отвѣтилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ-съ, это вѣдь я такъ только ин-

тересуюсь, собственно для уразумѣнія вашей статьи, въ литературномъ только одномъ отношеніи-съ...

«Фу, какъ это явно и нагло!» съ отвращеніемъ подумалъ Раскольниковъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, — отвѣчалъ онъ сухо, — что Магометомъ иль Наполеономъ я себя не считаю... ни кѣмъ бы то ни было изъ подобныхъ лицъ, слѣдственно и не могу, не бывъ ими, дать вамъ удовлетворительнаго объясненія о томъ, какъ бы я поступилъ.

— Ну, полноте, кто жъ у насъ на Руси себя Наполеономъ теперь не считаетъ? — съ страшною фамильярностью произнесъ вдругъ Порфирій. Даже въ интонаціи его голоса было на этотъ разъ нѣчто ужъ особенно ясное.

— Ужъ не Наполеонъ ли какой будущій и нашу Алену Ивановну на прошлой недѣлѣ топоромъ укокошилъ? — брякнулъ вдругъ изъ угла Заметовъ.

Раскольниковъ молчалъ и пристально, твердо смотрѣлъ на Порфирія. Разумихинъ мрачно нахмурился. Ему ужъ и прежде стало какъ будто что-то казаться. Онъ гнѣвно посмотрѣлъ кругомъ. Прошла минута мрачнаго молчанія. Раскольниковъ повернулся уходить.

— Вы ужъ уходите! — ласково проговорилъ Порфирій, чрезвычайно любезно протягивая руку. — Очень, очень радъ знакомству. А насчетъ вашей просьбы не имѣйте и сомнѣнія. Такъ-таки и напишите, какъ я вамъ говорилъ. Да лучше всего зайдите ко мнѣ туда сами... какъ-нибудь надняхъ... да хоть завтра. Я буду тамъ часовъ этакъ въ одиннадцать, навѣрно. Все и устроимъ...

поговоримъ... Вы же, какъ одинъ изъ послѣднихъ, *тамъ* бывшихъ, можетъ что-нибудь и сказать бы намъ могли... — прибавилъ онъ съ добродушнѣйшимъ видомъ.

— Вы хотите меня офиціально допрашивать, со всею обстановкой? — рѣзко спросилъ Раскольниковъ.

— Зачѣмъ же-съ? Покамѣстъ это вовсе не требуется. Вы не такъ поняли. Я, видите ли, не упускаю случая и... и со всѣми закладчиками уже разговаривалъ... отъ иныхъ отбиралъ показанія... а вы, какъ послѣдній... Да вотъ, кстати же! — воскликнулъ онъ, чему-то внезапно обрадовавшись, — кстати вспомнилъ, что жъ это я!.. — повернулся онъ къ Разумихину, — вотъ вѣдь ты объ этомъ Николашкѣ мнѣ тогда уши промозолилъ... ну, вѣдь и самъ знаю, самъ знаю, — повернулся онъ къ Раскольникову, — что парень чистъ, да вѣдь что жъ дѣлать, и Митьку вотъ пришлось безпокоить... вотъ въ чемъ дѣло-съ, вся суть-съ: проходя тогда по лѣстницѣ... позвольте: вѣдь вы въ восьмомъ часу были-съ?

— Въ восьмомъ, — отвѣчалъ Раскольниковъ, непріятно почувствовавъ въ ту же секунду, что могъ бы этого и не говорить.

— Такъ проходя-то въ восьмомъ часу-съ, по лѣстницѣ-то, не видали ль хоть вы, во второмъ-то этажѣ, въ квартирѣ-то отворенной — помните? двухъ работниковъ, или хоть одного изъ нихъ? Они красили тамъ, не замѣтили ли? Это очень, очень важно для нихъ!..

— Красильщиковъ? Нѣтъ, не видалъ... — медленно и какъ бы роясь въ воспоминаніяхъ отвѣчалъ Раскольниковъ, въ тотъ же мигъ напрягаясь

всѣмъ существомъ своимъ и замирая отъ муки поскорѣй бы отгадать, въ чемъ именно ловушка и не просмотрѣть бы чего? — Нѣтъ, не видалъ, да и квартиры такой, отпертой, что-то не замѣтилъ... а вотъ въ четвертомъ этажѣ (онъ ужъ вполнѣ овладѣлъ ловушкой и торжествовалъ) — такъ помню, что чиновникъ одинъ переѣзжалъ изъ квартиры... напротивъ Алены Ивановны... помню... это я ясно помню... солдаты диванъ какой-то выносили и меня къ стѣнѣ прижали... а красильщиковъ нѣтъ, не помню, чтобы красильщики были... да и квартиры отпертой нигдѣ, кажется, не было. Да, не было...

— Да ты что же! — крикнулъ вдругъ Разумихинъ, какъ бы опомнившись и сообразивъ, — да вѣдь красильщики мазали въ самый день убійства, а вѣдь онъ за три дня тамъ былъ? Ты, что спрашиваешь-то?

— Фу! Перемѣшалъ! — хлопнулъ себя по лбу Порфирій. — Чертъ возьми, у меня съ этимъ дѣломъ умъ за разумъ заходитъ! — обратился онъ, какъ бы даже извиняясь, къ Раскольникову; — намъ вѣдь такъ бы важно узнать, не видалъ ли кто ихъ, въ восьмомъ-то часу, въ квартирѣ-то, что мнѣ и вообразись сейчасъ, что вы тоже могли бы сказать... совсѣмъ перемѣшалъ!

— Такъ надо быть внимательнѣе, — угрюмо замѣтилъ Разумихинъ.

Послѣднія слова были сказаны уже въ передней. Порфирій Петровичъ проводилъ ихъ до самой двери чрезвычайно любезно. Оба вышли мрачные и хмурые на улицу и нѣсколько шаговъ не говорили ни слова. Раскольниковъ глубоко перевелъ дыханіе...

VI.

— Не вѣрю! Не могу вѣрить! — повторялъ озадаченный Разумихинъ, стараясь всѣми силами опровергнуть доводы Раскольникова. Они подходили уже къ нумерамъ Бакалѣева, гдѣ Пульхерія Александровна и Дуня давно поджидали ихъ. Разумихинъ поминутно останавливался дорогою въ жару разговора, смущенный и взволнованный уже тѣмъ однимъ, что они въ первый разъ заговорили объ *этомъ* ясно.

— Не вѣрь! — отвѣчалъ Раскольниковъ съ холодною и небрежною усмѣшкой, — ты, по своему обычаю, не замѣчалъ ничего, а я взвѣшивалъ каждое слово.

— Ты мнителенъ, потому и взвѣшивалъ... Гм... дѣйствительно, я согласенъ, тонъ Порфирія былъ довольно странный, и особенно этотъ подлецъ Заметовъ!.. Ты правъ, въ немъ что-то было, — но почему? Почему?

— За ночь передумалъ.

— Но напротивъ же, напротивъ! Если бъ у нихъ была эта безмозглая мысль, такъ они бы всѣми силами постарались ее припрятать и скрыть свои карты, чтобы потомъ поймать... А теперь — это нагло и неосторожно!

— Если бъ у нихъ были факты, то есть настоящіе факты, или хоть сколько-нибудь основательныя подозрѣнія, тогда бы они, дѣйствительно, постарались скрыть игру, въ надеждѣ еще болѣе выиграть (а впрочемъ, давно бы ужъ обыскъ сдѣлали!). Но у нихъ нѣтъ факта, ни одного, — все миражъ, все о двухъ концахъ, одна идея летучая — вотъ они и стараются наглостью сбить. А можетъ, и самъ

озлился, что фактовъ нѣтъ, съ досады прорвался. А можетъ, и намѣреніе какое имѣетъ... Онъ человѣкъ, кажется, умный... Можетъ, напугать меня хотѣлъ тѣмъ, что знаетъ... Тутъ, братъ, своя психологія... А впрочемъ, гадко это все объяснять. Оставь!

— И оскорбительно, оскорбительно! Я понимаю тебя! Но... такъ какъ мы уже теперь заговорили ясно (а это отлично, что заговорили, наконецъ, ясно, я радъ!) — то ужъ я тебѣ прямо теперь признаюсь, что давно это въ нихъ замѣчалъ, эту мысль, во все это время, разумѣется, въ чуть-чутошномъ только видѣ, въ ползучемъ, но зачѣмъ же хоть и въ ползучемъ! Какъ они смѣютъ? Гдѣ, гдѣ у нихъ эти корни таятся? Если бъ ты зналъ, какъ я бѣсился! Какъ, изъ-за того, что бѣдный студентъ, изуродованный нищетой и ипохондріей, наканунѣ жестокой болѣзни съ бредомъ, уже, можетъ быть, начинавшейся въ немъ (замѣть себѣ!), мнительный, самолюбивый, знающій себѣ цѣну, и шесть мѣсяцевъ у себя въ углу никого не видавшій, въ рубищѣ и въ сапогахъ бехъ подметокъ, — стоитъ передъ какими-то кварташками и терпитъ ихъ надругательства; а тутъ неожиданный долгъ передъ носомъ, просроченный вексель съ надворнымъ совѣтникомъ Чебаровымъ, тухлая краска, тридцать градусовъ Реомюра, спертый воздухъ, куча людей, разсказъ объ убійствѣ лица, у котораго былъ наканунѣ, и все это — на голодное брюхо! Да какъ тутъ не случиться обмороку! И на этомъ-то все основать! Чертъ возьми! Я понимаю, что это досадно, но, на твоемъ мѣстѣ, Родька, я бы захохоталъ всѣмъ въ глаза, или лучше: напле-валъ бы всѣмъ въ рожу, да погуще, да раски-

далъ бы на всѣ четыре стороны десятка два плюхъ, умненько, какъ и всегда ихъ надо давать, да тѣмъ бы и покончилъ. Плюнь! Ободрись! Стыдно!

«Онъ, однакожъ, это хорошо изложилъ», подумалъ Раскольниковъ.

— Плюнь? А завтра опять допросъ! — проговорилъ онъ съ горечью; — неужели жъ мнѣ съ ними въ объясненіе войти? Мнѣ и то досадно, что вчера я унизился въ трактирѣ до Заметова . . .

— Чертъ возьми! Пойду самъ къ Порфирію! И ужъ приму жъ я его, *по-родственному;* пусть выложитъ мнѣ все до корней! А ужъ Заметова . . .

«Наконецъ-то догадался!» подумалъ Раскольниковъ.

— Стой! — закричалъ Разумихинъ, хватая вдругъ его за плечо, — стой! Ты навралъ! Я надумался: ты навралъ! Ну какой это подвохъ? Ты говоришь, что вопросъ о работникахъ былъ подвохъ? Раскуси: ну если бъ *это* ты сдѣлалъ, могъ ли бъ ты проговориться, что видѣлъ, какъ мазали квартиру . . . и работниковъ? Напротивъ: ничего не видалъ, если бы даже и видѣлъ! Кто жъ сознается противъ себя?

— Если бъ я *то дѣло* сдѣлалъ, то ужъ непремѣнно бы сказалъ, что видѣлъ и работниковъ и квартиру, — съ неохотою и съ видимымъ отвращеніемъ продолжалъ отвѣчать Раскольниковъ.

— Да зачѣмъ же противъ себя говорить?

— А потому что только одни мужики, иль ужъ самые неопытные новички, на допросахъ, прямо и сряду во всемъ запираются! Чуть-чуть же человѣкъ развитой и бывалый, непремѣнно и по возможности, старается сознаться во всѣхъ внѣшнихъ и неустранимыхъ фактахъ; только причины имъ

другія подыскиваетъ, черту такую свою, особенную и неожиданную ввернетъ, которая совершенно имъ другое значеніе придастъ и въ другомъ свѣтѣ ихъ выставитъ. Порфирій могъ именно расчитывать, что я непремѣнно буду такъ отвѣчать и непремѣнно скажу, что видѣлъ, для правдоподобія, и при этомъ сверну что-нибудь въ объясненіе . . .

— Да вѣдь онъ бы тебѣ тотчасъ и сказалъ, что за два дня работниковъ тамъ и быть не могло, и что, стало быть, ты именно былъ въ день убійства, въ восьмомъ часу. На пустомъ бы и сбилъ!

— Да на это-то онъ расчитывалъ, что я не успѣю сообразить, и именно поспѣшу отвѣчать правдоподобнѣе, да и забуду, что за два дня работниковъ быть не могло.

— Да какъ же это забыть?

— Всего легче! На такихъ-то пустѣйшихъ вещахъ всего легче и сбиваются хитрые-то люди. Чѣмъ хитрѣй человѣкъ, тѣмъ онъ меньше подозрѣваетъ, что его на простомъ собьютъ. Хитрѣйшаго человѣка именно на простѣйшемъ надо сбивать. Порфирій совсѣмъ не такъ глупъ, какъ ты думаешь . . .

— Подлецъ же онъ послѣ этого!

Раскольниковъ не могъ не засмѣяться. Но въ ту же минуту странными показались ему его собственное одушевленіе и охота, съ которыми онъ проговорилъ послѣднее объясненіе, тогда какъ весь предыдущій разговоръ онъ поддерживалъ съ угрюмымъ отвращеніемъ, видимо изъ цѣлей, по необходимости.

«Во вкусъ вхожу въ иныхъ пунктахъ!» подумалъ онъ про себя.

Но почти въ ту же минуту онъ какъ-то вдругъ

сталъ безпокоенъ, какъ будто неожиданная и тревожная мысль поразила его. Безпокойство его увеличивалось. Они дошли уже до входа въ нумера Бакалѣева.

— Ступай одинъ, — сказалъ вдругъ Раскольниковъ, — я сейчасъ ворочусь.

— Куда ты? Да мы ужъ пришли!

— Мнѣ надо, надо; дѣло . . . приду черезъ полчаса . . . Скажи тамъ.

— Воля твоя, я пойду за тобой!

— Что жъ, и ты меня хочешь замучить! — вскричалъ онъ съ такимъ горькимъ раздраженіемъ, съ такимъ отчаяніемъ во взглядѣ, что у Разумихина руки опустились. Нѣсколько времени онъ стоялъ на крыльцѣ и угрюмо смотрѣлъ, какъ тотъ быстро шагалъ по направленію къ своему переулку. Наконецъ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, тутъ же поклявшись, что сегодня же выжметъ всего Порфирія, какъ лимонъ, поднялся наверхъ успокаивать уже встревоженную долгимъ ихъ отсутствіемъ Пульхерію Александровну.

Когда Раскольниковъ пришелъ къ своему дому, — виски его были смочены пòтомъ, и дышалъ онъ тяжело. Поспѣшно поднялся онъ по лѣстницѣ, вошелъ въ незапертую квартиру свою и тотчасъ же заперся на крюкъ. Затѣмъ, испуганно и безумно, бросился къ углу, къ той самой дырѣ въ обояхъ, въ которой тогда лежали вещи, засунулъ въ нее руку и нѣсколько минутъ тщательно обшаривалъ дыру, перебирая всѣ закоулки и всѣ складки обой. Не найдя ничего, онъ всталъ и глубоко перевелъ дыханіе. Подходя давеча уже къ крыльцу Бакалѣева, ему вдругъ вообразилось, что какая-нибудь вещь, какая-нибудь цѣпочка, запонка или даже бумажка,

въ которую они были завернуты, съ отмѣткою старухиною рукой, могла какъ-нибудь тогда проскользнуть и затеряться въ какой-нибудь щелочкѣ, а потомъ вдругъ выступить передъ нимъ неожиданною и неотразимою уликой.

Онъ стоялъ какъ бы въ задумчивости, и странная, приниженная, полубезсмысленная улыбка бродила на губахъ его. Мысли его путались. Задумчиво сошелъ онъ подъ ворота.

— Да вотъ они сами! — крикнулъ громкій голосъ; онъ поднялъ голову.

Дворникъ стоялъ у дверей своей каморки и указывалъ прямо на него какому-то невысокому человѣку, съ виду похожему на мѣщанина, одѣтому въ чемъ-то въ родѣ халата, въ жилеткѣ и очень походившему издали на бабу. Голова его, въ засаленной фуражкѣ, свѣшивалась внизъ, да и весь онъ былъ точно сгорбленный. Дряблое, морщинистое лицо его показывало за пятьдесятъ; маленькіе, заплывшіе глазки глядѣли угрюмо, строго и съ неудовольствіемъ.

— Что такое? — спросилъ Раскольниковъ, подходя къ дворнику.

Мѣщанинъ скосилъ на него глаза исподлобья и оглядѣлъ его пристально и внимательно, не спѣша; потомъ медленно повернулся и, ни слова не сказавъ, вышелъ изъ воротъ дома на улицу.

— Да что такое! — вскричалъ Раскольниковъ.

— Да вотъ какой-то спрашивалъ, здѣсь ли студентъ живетъ, васъ называлъ, у кого проживаете. Вы тутъ сошли, я показалъ, а онъ и пошелъ. Вишь вѣдь.

Дворникъ тоже былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи, а впрочемъ, не очень долго, и капельку поду-

мавъ еще, повернулся и полѣзъ обратно въ свою каморку.

Раскольниковъ бросился вслѣдъ за мѣщаниномъ и тотчасъ же увидѣлъ его идущаго по другой сторонѣ улицы, прежнимъ ровнымъ и неспѣшнымъ шагомъ, уткнувъ глаза въ землю и какъ бы что-то обдумывая. Онъ скоро догналъ его, но нѣкоторое время шелъ сзади: наконецъ, поравнялся съ нимъ и заглянулъ ему сбоку въ лицо. Тотъ тотчасъ же замѣтилъ его, быстро оглядѣлъ, но опять опустилъ глаза, и такъ шли они съ минуту, одинъ подлѣ другого и не говоря ни слова.

— Вы меня спрашивали... у дворника? — проговорилъ, наконецъ, Раскольниковъ, но какъ-то очень не громко.

Мѣщанинъ не далъ никакого отвѣта и даже не поглядѣлъ. Опять помолчали.

— Да что вы... приходите спрашивать... и молчите... да что же это такое? — Голосъ Раскольникова прерывался, и слова какъ-то не хотѣли ясно выговариваться.

Мѣщанинъ на этотъ разъ поднялъ глаза и зловѣщимъ мрачнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Раскольникова.

— Убивецъ! — проговорилъ онъ вдругъ тихимъ, но яснымъ и отчетливымъ голосомъ...

Раскольниковъ шелъ подлѣ него. Ноги его ужасно вдругъ ослабѣли, на спинѣ похолодѣло, и сердце на мгновеніе какъ будто замерло, точно съ крючка сорвалось. Такъ прошли они шаговъ сотню, рядомъ и опять совсѣмъ молча.

Мѣщанинъ не глядѣлъ на него.

— Да что вы... что... кто убійца!.. — пробормоталъ Раскольниковъ едва слышно.

— *Ты* убивецъ, — произнесъ тотъ, еще раздѣльнѣе и внушительнѣе и какъ бы съ улыбкой какого-то ненавистнаго торжества, и опять прямо глянулъ въ блѣдное лицо Раскольникова и въ его помертвѣвшіе глаза. Оба подошли тогда къ перекрестку. Мѣщанинъ поворотилъ въ улицу налѣво и пошелъ не оглядываясь. Раскольниковъ остался на мѣстѣ и долго глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ видѣлъ, какъ тотъ, пройдя уже шаговъ съ пятьдесятъ, обернулся и посмотрѣлъ на него, все еще стоявшаго неподвижно на томъ же мѣстѣ. Разглядѣть нельзя было, но Раскольникову показалось, что тотъ и въ этотъ разъ улыбнулся своею холодно-ненавистною и торжествующею улыбкой.

Тихимъ, ослабѣвшимъ шагомъ, съ дрожащими колѣнами и какъ бы ужасно озябшій, воротился Раскольниковъ назадъ и поднялся въ свою каморку. Онъ снялъ и положилъ фуражку на столъ и минутъ десять стоялъ подлѣ, неподвижно. Затѣмъ въ безсиліи легъ на диванъ и болѣзненно, съ слабымъ стономъ, протянулся на немъ; глаза его были закрыты. Такъ пролежалъ онъ съ полчаса.

Онъ ни о чемъ не думалъ. Такъ, были какія-то мысли или обрывки мыслей, какія-то представленія, безъ порядка и связи, — лица людей, видѣнныхъ имъ еще въ дѣтствѣ или встрѣченныхъ гдѣ-нибудь одинъ только разъ, и объ которыхъ онъ никогда бы и не вспомнилъ; колокольня В—й церкви; билліардъ въ одномъ трактирѣ и какой-то офицеръ у билліарда, запахъ сигаръ въ какой-то подвальной табачной лавочкѣ, распивочная, черная лѣстница, совсѣмъ темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносится воскресный звонъ колоколовъ... Предметы смѣня-

лись и крутились какъ вихрь. Иные ему даже нравились, и онъ цѣплялся за нихъ, но они погасали, и вообще что-то давило его, внутри, но не очень. Иногда даже было хорошо... Легкій ознобъ не проходилъ и это тоже было почти хорошо ощущать.

Онъ услышалъ поспѣшные шаги Разумихина и голосъ его, закрылъ глаза и притворился спящимъ. Разумихинъ отворилъ дверь и нѣкоторое время стоялъ на порогѣ, какъ бы раздумывая. Потомъ тихо шагнулъ въ комнату и осторожно подошелъ къ дивану. Послышался шепотъ Настасьи:

— Не замай; пущай выспится; опосля поѣстъ.

— И впрямь, — отвѣчалъ Разумихинъ.

Оба осторожно вышли и притворили дверь. Прошло еще съ полчаса. Раскольниковъ открылъ глаза и вскинулся опять навзничь, заломивъ руки за голову...

«Кто онъ? Кто этотъ вышедшій изъ подъ земли человѣкъ? Гдѣ былъ онъ и что видѣлъ? Онъ видѣлъ все, это несомнѣнно. Гдѣ жъ онъ тогда стоялъ и откуда смотрѣлъ? Почему онъ только теперь выходитъ изъ подъ полу? И какъ могъ онъ видѣть, — развѣ это возможно?.. Гм... — продолжалъ Раскольниковъ, холодѣя и вздрагивая, — а футляръ, который нашелъ Николай за дверью: развѣ это тоже возможно? Улики? Стотысячную черточку просмотришь, — вотъ и улика въ пирамиду египетскую! Муха летала, она видѣла! Развѣ этакъ возможно?»

И онъ съ омерзѣніемъ почувствовалъ вдругъ, какъ онъ ослабѣлъ, физически ослабѣлъ.

«Я это долженъ былъ знать, — думалъ онъ съ горькою усмѣшкой; — и какъ смѣлъ я, зная себя,

предчувствуя себя, брать топоръ и кровавиться. Я обязанъ былъ заранѣе знать . . . Э! Да вѣдь я же заранѣе и зналъ! . . » прошепталъ онъ въ отчаяніи.

Порою онъ останавливался неподвижно передъ какою-нибудь мыслью:

«Нѣтъ, тѣ люди не такъ сдѣланы; настоящій *властелинъ,* кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, *забываетъ* армію въ Египтѣ, *тратитъ* полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильнѣ; и ему же, по смерти, ставятъ кумиры, — а, стало быть, и *все* разрѣшается. Нѣтъ, на этакихъ людяхъ, видно, не тѣло, а бронза!»

Одна внезапная посторонняя мысль вдругъ почти разсмѣшила его:

«Наполеонъ, пирамиды, Ватерлоо, — и тощая гаденькая регистраторша, старушенка, процентщица, съ красною укладкою подъ кроватью, — ну каково это переварить хоть бы Порфирію Петровичу! . . Гдѣ жъ имъ переварить! . . Эстетика помѣшаетъ: «полѣзетъ ли, дескать, Наполеонъ подъ кровать къ «старушенкѣ»! Эхъ, дрянь! . . »

Минутами онъ чувствовалъ, что какъ бы бредитъ; онъ впадалъ въ лихорадочно-восторженное настроеніе.

«Старушенка вздоръ! — думалъ онъ горячо и порывисто. — Старуха, пожалуй, что и ошибка, не въ ней и дѣло! Старуха была только болѣзнь . . . я переступить поскорѣе хотѣлъ . . . я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ! Принципъ-то я и убилъ, а переступить-то не переступилъ, на этой сторонѣ остался . . . Только и сумѣлъ, что убить. Да и того не сумѣлъ, оказывается . . . Принципъ? За что давеча дурачокъ Разумихинъ соціалистовъ бранилъ?

Трудолюбивый народъ и торговый; «общимъ счастіемъ» занимаются... Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ: я не хочу дожидаться «всеобщаго счастья». Я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить. Что жъ? Я только не захотѣлъ проходить мимо голодной матери, зажимая въ карманѣ свой рубль, въ ожиданіи «всеобщаго счастія». «Несу, дескать, кирпичикъ на всеобщее счастіе и оттого ощущаю спокойствіе сердца». Ха-ха! Зачѣмъ же вы меня-то пропустили? Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу... Эхъ, эстетическая я вошь и больше ничего, — прибавилъ онъ вдругъ разсмѣявшись, какъ помѣшанный. — Да, я дѣйствительно вошь, — продолжалъ онъ, съ злорадствомъ прицѣпившись къ мысли, роясь въ ней, играя и потѣшаясь ею, — и ужъ потому одному, что, во-первыхъ, теперь разсуждаю про то, что я вошь; потому, во-вторыхъ, что цѣлый мѣсяцъ всеблагое Провидѣніе безпокоилъ, призывая въ свидѣтели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имѣя въ виду великолѣпную и пріятную цѣль, — ха, ха! Потому, въ-третьихъ, что возможную справедливость положилъ наблюдать въ исполненіи, вѣсъ и мѣру, и ариѳметику: изъ всѣхъ вшей выбралъ самую наибезполезнѣйшую, и убивъ ее, положилъ взять у ней ровно столько, сколько мнѣ надо для перваго шага и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, такъ и пошло бы на монастырь, по духовному завѣщанію — ха-ха!)... Потому, потому я окончательно вошь, — прибавилъ онъ, скрежеща зубами, — потому, что самъ-то я, можетъ быть, еще сквернѣе и гаже, чѣмъ убитая вошь, и заранѣе *предчувствовалъ,* что скажу себѣ это уже

послѣ того, какъ убью! Да развѣ съ этакимъ ужасомъ что-нибудь можетъ сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, какъ я понимаю «пророка», съ саблей, на конѣ: велитъ Аллахъ, и повинуйся «дрожащая» тварь! Правъ, правъ «пророкъ», когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хор-р-рошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостаивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь и — *не желай,* потому, — не твое это дѣло!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушенкѣ!»

Волосы его были смочены пòтомъ, вздрагивавшія губы запеклись, неподвижный взглядъ былъ устремленъ въ потолокъ:

«Мать, сестра, какъ любилъ я ихъ! Отчего теперь я ихъ ненавижу? Да, я ихъ ненавижу, физически ненавижу, подлѣ себя не могу выносить... Давеча я подошелъ и поцѣловалъ мать, я помню... Обнимать и думать, что если бъ она узнала, то... развѣ сказать ей тогда? Отъ меня это станется... Гм! *она* должна быть такая же, какъ и я, — прибавилъ онъ, думая съ усиліемъ, какъ будто борясь съ охватывавшимъ его бредомъ. — О, какъ я ненавижу теперь старушенку! Кажется бы другой разъ убилъ, если бъ очнулась! Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась!.. Странно, однакожъ, почему я объ ней почти и не думаю, точно и не убивалъ!.. Лизавета! Соня! Бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими... Милыя!.. Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ онѣ не стонутъ?.. Онѣ все отдаютъ... глядятъ кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!..»

Онъ забылся; страннымъ показалось ему, что онъ не помнитъ, какъ могъ онъ очутиться на ули-

цѣ. Былъ уже поздній вечеръ. Сумерки сгущались, полная луна свѣтлѣла все ярче и ярче; но какъ-то особенно душно было въ воздухѣ. Люди толпой шли по улицамъ; ремесленники и занятые люди расходились по домамъ, другіе гуляли; пахло известью, пылью, стоячей водой. Раскольниковъ шелъ грустный и озабоченный: онъ очень хорошо помнилъ, что вышелъ изъ дому съ какимъ-то намѣреніемъ, что надо было что-то сдѣлать и поспѣшить, но что именно — онъ забылъ. Вдругъ онъ остановился и увидѣлъ, что на другой сторонѣ улицы, на тротуарѣ, стоитъ человѣкъ и машетъ ему рукой. Онъ пошелъ къ нему черезъ улицу, но вдругъ этотъ человѣкъ повернулся и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опустивъ голову, не оборачиваясь и не подавая вида, что звалъ его. «Да полно, звалъ ли онъ?» — подумалъ Раскольниковъ, однакожъ сталъ догонять. Не доходя шаговъ десяти, онъ вдругъ узналъ его и — испугался; это былъ давешній мѣщанинъ, въ такомъ же халатѣ и такъ же сгорбленный. Раскольниковъ шелъ издали; сердце его стукало; повернули въ переулокъ, — тотъ все не оборачивался. «Знаетъ ли онъ, что я за нимъ иду?»— думалъ Раскольниковъ. Мѣщанинъ вошелъ въ ворота одного большого дома. Раскольниковъ поскорѣй подошелъ къ воротамъ и сталъ глядѣть: не оглянется ли онъ и не позоветъ ли его? Въ самомъ дѣлѣ, пройдя всю подворотню и уже выходя во дворъ, тотъ вдругъ обернулся и опять точно какъ будто махнулъ ему. Раскольниковъ тотчасъ же прошелъ подворотню, но во дворѣ мѣщанина ужъ не было. Стало быть, онъ вошелъ тутъ сейчасъ на первую лѣстницу. Раскольниковъ бросился за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, двумя лѣстницами выше,

слышались еще чьи-то мѣрные неспѣшные шаги Странно, лѣстница была какъ будто знакомая! Вонъ окно въ первомъ этажѣ; грустно и таинственно проходилъ сквозь стекла лунный свѣтъ; вотъ и второй этажъ. Ба! Это та самая квартира, въ которой работники мазали . . . Какъ же онъ не узналъ тотчасъ? Шаги впереди идущаго человѣка затихли: «стало быть, онъ остановился или гдѣ-нибудь спрятался». Вотъ и третій этажъ; идти ли дальше? какая тамъ тишина, даже страшно . . . Но онъ пошелъ. Шумъ его собственныхъ шаговъ его пугалъ и тревожилъ. Боже, какъ темно! Мѣщанинъ вѣрно тутъ гдѣ-нибудь притаился въ углу. А! квартира отворена настежь на лѣстницу; онъ подумалъ и вошелъ. Въ передней было очень темно и пусто, ни души, какъ будто все вынесли; тихонько, на цыпочкахъ прошелъ онъ въ гостиную: вся комната была ярко облита луннымъ свѣтомъ; все тутъ попрежнему: стулья, зеркало, желтый диванъ и картинки въ рамкахъ. Огромный, круглый, мѣдно-красный мѣсяцъ глядѣлъ прямо въ окна. «Это отъ мѣсяца такая тишина, — подумалъ Раскольниковъ, — онъ вѣрно теперь загадываетъ». Онъ стоялъ и ждалъ, долго ждалъ, и чѣмъ тише былъ мѣсяцъ, тѣмъ сильнѣе стукало его сердце, даже больно становилось. И все тишина. Вдругъ послышался мгновенный сухой трескъ, какъ будто сломали лучинку, и все опять замерло. Проснувшаяся муха вдругъ съ налета ударилась объ стекло и жалобно зажужжала. Въ самую эту минуту, въ углу, между маленькимъ шкапомъ и окномъ, онъ разглядѣлъ какъ будто висящій на стѣнѣ салопъ. — «Зачѣмъ тутъ салопъ, — подумалъ онъ, — вѣдь его прежде не было . . .» Онъ подо-

шелъ потихоньку и догадался, что за салопомъ какъ будто кто-то прячется. Осторожно отвелъ онъ рукою салопъ и увидалъ, что тутъ стоитъ стулъ, а на стулѣ въ уголкѣ сидитъ старушенка, вся скрючившись и наклонивъ голову, такъ что онъ никакъ не могъ разглядѣть лица, но это была она. Онъ постоялъ надъ ней: «боится!» подумалъ онъ, тихонько высвободилъ изъ петли топоръ и ударилъ старуху по темени, разъ и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась отъ ударовъ, точно деревянная. Онъ испугался, нагнулся ближе и сталъ ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову. Онъ пригнулся тогда совсѣмъ къ полу и заглянулъ ей снизу въ лицо, заглянулъ и помертвѣлъ: старушенка сидѣла и смѣялась, — такъ и заливалась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, изъ всѣхъ силъ крѣпясь, чтобъ онъ ея не услышалъ. Вдругъ ему показалось, что дверь изъ спальни чуть-чуть пріотворилась, и что тамъ тоже какъ будто засмѣялись и шепчутся. Бѣшенство одолѣло его: изо всей силы началъ онъ бить старуху по головѣ, но съ каждымъ ударомъ топора смѣхъ и шепотъ изъ спальни раздавались все сильнѣе и слышнѣе, а старушенка такъ вся и колыхалась отъ хохота. Онъ бросился бѣжать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лѣстницѣ отворены настежь, и на площадкѣ, на лѣстницѣ и туда внизъ — все люди, голова съ головой, всѣ смотрятъ, — но всѣ притаились и ждутъ, молчатъ!.. Сердце его стѣснилось, ноги не движутся, приросли... Онъ хотѣлъ вскрикнуть и— проснулся.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе, — но странно, сонъ какъ будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на порогѣ стоялъ совсѣмъ

незнакомый ему человѣкъ и пристально его разглядывалъ.

Раскольниковъ не успѣлъ еще совсѣмъ раскрыть глаза и мигомъ закрылъ ихъ опять. Онъ лежалъ навзничь и не шевельнулся. «Сонъ это продолжается, или нѣтъ», думалъ онъ и чуть-чуть непримѣтно опять приподнялъ рѣсницы поглядѣть: незнакомый стоялъ на томъ же мѣстѣ и продолжалъ въ него вглядываться. Вдругъ онъ переступилъ осторожно черезъ порогъ, бережно притворилъ за собой дверь, подошелъ къ столу, подождалъ съ минуту, — все это время не спуская съ него глазъ, и тихо, безъ шуму, сѣлъ на стулъ подлѣ дивана; шляпу поставилъ сбоку, на полу, а обѣими руками оперся на трость, опустивъ на руки подбородокъ. Видно было, что онъ приготовился долго ждать. Сколько можно было разглядѣть сквозь мигавшія рѣсницы, человѣкъ этотъ былъ уже немолодой, плотный, и съ густою, свѣтлою, почти бѣлою бородой . . .

Прошло минутъ съ десять. Было еще свѣтло, но уже вечерѣло. Въ комнатѣ была совершенная тишина. Даже съ лѣстницы не приносилось ни одного звука. Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь съ налета объ стекло. Наконецъ, это стало невыносимо: Раскольниковъ вдругъ приподнялся и сѣлъ на диванѣ.

— Ну, говорите, что вамъ надо?

— А вѣдь я такъ и зналъ, что вы не спите, а только видъ показываете, — странно отвѣтилъ незнакомый, спокойно разсмѣявшись. — Аркадій Ивановичъ Свидригайловъ, позвольте отрекомендоваться . . .

шелъ потихоньку и догадался, что за салопомъ какъ будто кто-то прячется. Осторожно отвелъ онъ рукою салопъ и увидалъ, что тутъ стоитъ стулъ, а на стулѣ въ уголкѣ сидитъ старушенка, вся скрючившись и наклонивъ голову, такъ что онъ никакъ не могъ разглядѣть лица, но это была она. Онъ постоялъ надъ ней: «боится!» подумалъ онъ, тихонько высвободилъ изъ петли топоръ и ударилъ старуху по темени, разъ и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась отъ ударовъ, точно деревянная. Онъ испугался, нагнулся ближе и сталъ ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову. Онъ пригнулся тогда совсѣмъ къ полу и заглянулъ ей снизу въ лицо, заглянулъ и помертвѣлъ: старушенка сидѣла и смѣялась, — такъ и заливалась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, изъ всѣхъ силъ крѣпясь, чтобъ онъ ея не услышалъ. Вдругъ ему показалось, что дверь изъ спальни чуть-чуть пріотворилась, и что тамъ тоже какъ будто засмѣялись и шепчутся. Бѣшенство одолѣло его: изо всей силы началъ онъ бить старуху по головѣ, но съ каждымъ ударомъ топора смѣхъ и шепотъ изъ спальни раздавались все сильнѣе и слышнѣе, а старушенка такъ вся и колыхалась отъ хохота. Онъ бросился бѣжать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лѣстницѣ отворены настежь, и на площадкѣ, на лѣстницѣ и туда внизъ — все люди, голова съ головой, всѣ смотрятъ, — но всѣ притаились и ждутъ, молчатъ! . . Сердце его стѣснилось, ноги не движутся, приросли . . . Онъ хотѣлъ вскрикнуть и— проснулся.

Онъ тяжело перевелъ дыханіе, — но странно, сонъ какъ будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на порогѣ стоялъ совсѣмъ

незнакомый ему человѣкъ и пристально его разглядывалъ.

Раскольниковъ не успѣлъ еще совсѣмъ раскрыть глаза и мигомъ закрылъ ихъ опять. Онъ лежалъ навзничь и не шевельнулся. «Сонъ это продолжается, или нѣтъ», думалъ онъ и чуть-чуть непримѣтно опять приподнялъ рѣсницы поглядѣть: незнакомый стоялъ на томъ же мѣстѣ и продолжалъ въ него вглядываться. Вдругъ онъ переступилъ осторожно черезъ порогъ, бережно притворилъ за собой дверь, подошелъ къ столу, подождалъ съ минуту, — все это время не спуская съ него глазъ, и тихо, безъ шуму, сѣлъ на стулъ подлѣ дивана; шляпу поставилъ сбоку, на полу, а обѣими руками опер-ся на трость, опустивъ на руки подбородокъ. Видно было, что онъ приготовился долго ждать. Сколько можно было разглядѣть сквозь мигавшія рѣсницы, человѣкъ этотъ былъ уже немолодой, плотный, и съ густою, свѣтлою, почти бѣлою бородой . . .

Прошло минутъ съ десять. Было еще свѣтло, но уже вечерѣло. Въ комнатѣ была совершенная тишина. Даже съ лѣстницы не приносилось ни одного звука. Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь съ налета объ стекло. Наконецъ, это стало невыносимо: Раскольниковъ вдругъ приподнялся и сѣлъ на диванѣ.

— Ну, говорите, что вамъ надо?

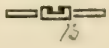
— А вѣдь я такъ и зналъ, что вы не спите, а только видъ показываете, — странно отвѣтилъ незнакомый, спокойно разсмѣявшись. — Аркадій Ивановичъ Свидригайловъ, позвольте отрекомендоваться . . .

Оглавленіе.

Бѣдные люди (романъ) 3
Двойникъ (Петербургская поэма) 179
Господинъ Прохарчинъ (разсказъ) . . . 417
Романъ въ девяти письмахъ. 465

Приложеніе.

Ѳ. М. Достоевскій въ 1872 году I



PG
3325
A1
1911
t.8

Dostoevskiĭ, Fedor Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY